ДРЕВНЕРУССКИЕ КНЯЖЕСТВА X–XIII ВВ.

Академия наук СССР
Институт истории СССР

ДРЕВНЕРУССКИЕ КНЯЖЕСТВА X–XIII ВВ.

Издательство «Наука»
Москва 1975

Сборник содержит исследования по истории формирования государственной территории древнерусских княжеств, образовавшихся в X—XII вв. Тщательно анализируя письменные источники и привлекая новый археологический материал, авторы детально прослеживают складывание и изменение границ княжеств, образование административных центров, развитие городов, уточняют отдельные моменты политической истории «земель». Историко-географические очерки посвящены Киевскому, Черниговскому, Переяславскому, Смоленскому, Полоцкому княжествам, Новгородской земле, а также Половецкой степи.

Редколлегия:

д. и. н. Л. Г. БЕСКРОВНЫЙ (ответственный редактор),

к. и. н. В. А. КУЧКИН, д. и. н. В. Т. ПАШУТО.

Д $\frac{10604-200}{042-(02)-75}$—17—75

© Издательство «Наука», 1975 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот сборник посвящен первым векам русской истории. Интерес к древней Руси, ее социальному, политическому и культурному развитию неуклонно растет. В нашей стране и за рубежом публикуется немало научных книг и статей, в которых исследуются различные аспекты древнерусской жизни. Целый ряд вопросов уже нашел свое решение, но многие проблемы только поставлены и начинают разрабатываться. К числу последних принадлежит одна из самых сложных в теоретическом отношении и труднейших по конкретному исполнению проблем — история формирования и развития государственной территории древней Руси. Эта тема и является главным предметом исследования авторов статей данного сборника.

В. И. Ленин подчеркивал, что «вопрос о государстве есть один из самых сложных, трудных»[1] в общественных науках. Для его решения необходимо знать, «как государство возникло и как оно развивалось»[2]. Появление, зарождение государства неотделимы от вопроса о его территории. Ведь, как указывал Ф. Энгельс, «государство отличается, во-первых, разделением подданных государства по *территориальным делениям*»[3]. Проблема образования и дальнейшей эволюции государственной территории применительно к древней Руси во всей своей теоретической глубине, на основе марксистско-ленинской методологии была впервые поставлена в советской исторической науке. В вышедшей в 1951 г. монографии ««Русская земля» и образование территории Древнерусского государства» А. Н. Насонов показал, как с расколом восточнославянского общества на классы и с появлением публичной государственной власти происходил процесс формирования государственной территории в различных местах Восточно-Европейской равнины, как шло здесь распространение феодальных даней и феодального суда.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 64.
[2] Там же, стр. 67.
[3] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 170.

С тех пор прошло почти четверть века. Наука сделала новые шаги в изучении прошлого нашей страны. Благодаря источниковедческому изучению русских летописных сводов XI—XIII вв. определилась степень достоверности многих историко-географических сведений этих ценнейших памятников. Заново был проанализирован древнейший актовый материал. Огромные успехи сделали археологи, раскрывшие многочисленные города и селения киевской эпохи.

Это накопление нового фактического материала, необходимость его интерпретации и обобщения объясняют появление сборника. В сборнике прослежена история образования и дальнейшего нарастания территории древнейших центров Древнерусского государства: «Русской земли» во главе с городами Киевом, Черниговом и Переяславлем, в XI в. ставшими столицами отдельных княжеств, Новгорода Великого, а также Полоцка и Смоленска. Особый очерк, посвященный Половецкой степи, позволяет наметить трудноуловимые границы русских княжеств с кочевнической степью [4].

Конечно, не все поднятые авторами сборника историко-географические вопросы могут быть решены с одинаковой степенью полноты. Такое положение естественно. Ученые еще не располагают по некоторым аспектам затронутых проблем достаточными и бесспорными данными, поэтому некоторые заключения имеют гипотетический характер. Но то, что сегодня кажется не вполне ясным, завтра будет видеться гораздо четче благодаря дальнейшему развитию научных знаний. И сборник делает шаг в этом направлении. Приложенные к большей части исследований карты являются ценными источниками для решения ряда историко-географических проблем русского средневековья; они служат дальнейшему развитию советской картографии и станут, в частности, как и сами исследования, нужным материалом при подготовке академического Атласа по истории СССР.

Научно-организационная работа по сборнику выполнена Р. Е. Альтшуллер и А. К. Зайцевым.

---

[4] Рассмотрению территорий Ростово-Суздальского, Муромо-Рязанского и Галицко-Волынского княжеств, а также соседних с ними земель редакция предполагает посвятить особый сборник.

КИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ

П. П. Толочко

В истории Древнерусского государства IX—XIII вв. особое место принадлежит Киевской земле. Будучи древним политическим и территориальным ядром Руси, она в XII—XIII вв. не превратилась в наследственную вотчину какой-либо княжеской династии, не сложилась в отдельное княжество, как другие земли, а считалась общединастическим наследием древнерусской княжеской семьи.

Первоначально территориальную основу Киевской земли составляла «Русская земля», раскинувшаяся между Киевом, Черниговом и Переяславлем, которую вплоть до начала XI в. киевские князья рассматривали как свою вотчину и не желали дробить [1]. Чернигов и Переяславль управлялись непосредственно из Киева и не имели своих князей. Позднее, в XII—XIII вв., Киевщина нередко отождествлялась с «Русской землей», но территориально уже не совпадала с ней. Основные владения Киева располагались на правом берегу Днепра, включая земли древлян и юго-западные районы расселения дреговичей. Западные границы Киевской земли уже в X — начале XI в. проходили по линии реки Западный Буг, южные — по линии реки Рось и верхнего течения Южного Буга.

В неспокойные времена феодальной раздробленности владения великокняжеского стола располагались как вокруг Киева, так, в отдельные периоды, и в ряде удаленных от него княжеств. Например, киевские князья из династии черниговских Святославичей удерживали за собой и Вятичскую волость, а во времена княжения в Киеве представителей рода Мономаха статус великокняжеских владений получали Волынь, Туровская и Переяславская земли. Иногда в результате раздачи киевских волостей младшим князьям, а нередко и сильным удельным властителям, постоянно претендовавшим на долю в Киевской земле, собственно великокняжеские владения Киева сокращались в размерах.

---

[1] *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 31—32.

В рамках статьи невозможно проследить изменчивость границ Киевской земли в хронологической последовательности, как невозможно и исчерпать тему в полном объеме. В предлагаемом историко-географическом очерке лишь в самых общих чертах определены границы и размеры земли, как они сложились к середине XII в., отмечены те земли, которые в отдельные периоды своей истории соединялись с владениями великокняжеского стола, описаны основные центры собственно Киевщины. На основании письменных и главным образом археологических источников предпринята попытка социально-экономических характеристик различных центров, подъем которых приходится на эпоху феодальной раздробленности Руси. Значительное внимание уделено вопросам обороны Киева и Киевской земли от кочевников, которая, как и охрана внешних торговых путей, возглавлялась великими киевскими князьями и велась в интересах всей Руси.

Историко-политический аспект темы в очерке опущен, поскольку он специально рассмотрен нами в ряде предыдущих работ [2]. Однако на вопросе о месте и роли Киева и Киевской земли в период феодальной раздробленности Руси необходимо остановиться и здесь. Большинством исследователей признается, что на протяжении XII — начала XIII в. Киев и Киевская земля находились в фокусе интересов многих древнерусских земель, являясь тем стержнем, вокруг которого кипела общественно-политическая жизнь страны. Разногласия вызывает лишь характер взаимоотношений Киева и удельных столиц. Борьба князей из различных династий за Киев рассматривается то как необходимое условие к достижению старшинства на Руси, то как стремление подчинить Киев Чернигову, Владимиру, Смоленску или другому центру. При этом великий князь нередко именуется не киевским, а черниговским, суздальским, волынским, смотря откуда он пришел в Киев.

Анализ летописных известий показывает, что борьба князей за Киев со времен Владимира Святославича была борьбой за старшинство на Руси. Традиционная роль Киева — политического и церковного центра Руси, экономическое могущество и его высокий общенародный авторитет делали киевский стол и в XII—XIII вв. заветной мечтой многих князей. Вне зависимости от династической принадлежности и личных качеств удельные князья, едва овладев Киевом, становились из автономистов самыми решительными и последовательными поборниками объединения Руси. На киевском столе они проводили политику,

---

[2] *П. П. Толочко.* Політичне становище Києва у період феодальної роздрібленості.— «Український історичний журнал», 1966, № 10; *он же.* Этническое и государственное развитие Руси XII—XIII вв.— «Вопросы истории», 1974, № 2; *он же.* Киев и Южная Русь в период феодальной раздробленности.— В сб. «Польша и Русь». М., 1974.

согласованную с общерусскими интересами. Далеко не всем им удавалось превратить свое старейшинство в реальную власть над остальными князьями, однако обладание Киевом давало такую возможность.

Границы Киевской земли

А. Н. Насонов считал, что окончательное оформление Киевской волости — княжения приходится на конец правления Ярослава Мудрого[3]. Завещанием последнего древняя «Русская земля» была разделена на отдельные уделы. Чернигов и Переяславль отошли к младшим сыновьям Ярослава. Киев потерял право непосредственного распоряжения их судьбами. Левобережные владения великих князей значительно сократились. Лишь узкая полоса земли (10—15 км), протянувшаяся от Десны до Корани, продолжала оставаться во владении Киева. Центром этого заднепровского округа, вероятно, был город Саков. Впервые он упомянут в Ипатьевской летописи под 1101 г.[4] Здесь русские князья заключили мир с половцами. Участие в переговорах о заключении мира киевского князя Святополка, а также Владимира Мономаха, занимавшего тогда переяславский стол, дает основание считать г. Саков пограничным между Киевской и Переяславской землями. Об административной зависимости Сакова от Киева свидетельствует и тот факт, что воевода или посадник этого заднепровского центра — Лазорь Саковский неоднократно упоминается в истории Киевского княжества[5].

Население Сакова было если не исключительно, то преимущественно тюркским. В 1142 г.* братья великого киевского князя Всеволода попытались изгнать из Переяславля Вячеслава Владимировича. На помощь переяславскому князю Всеволод послал «Лазоря Саковского с Печенѣги и с вои». В рассказе летописи под 1150 г. об изгнании из Переяславской земли Юрия Долгорукого говорится: «Мстислав же послася на ону сторону к Турпѣем (сам был на правом берегу Днепра.— *П. Т.*) и къ дружинѣ, веля имъ ѣхати к собѣ». Узнав об этом, сын Юрия — Ростислав из Переяславля «гна к Сакову и сгони Турпѣе у Днѣпра»[6]. Точное местоположение Сакова определить трудно. Ряд исследователей считали, что он стоял на месте современного села Салькова; не исключено также, что древний Саков находился на месте села Старого, где хорошо сохранилось древнерусское городище.

---

[3] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 55.
[4] ПСРЛ, т. II, изд. 2. СПб., 1908, стб. 250.
[5] Там же, стб. 311, 325.
* Здесь и далее в сборнике даты событий даны по исследованию Н. Г. Бережкова «Хронология русского летописания» (М., 1963).— *Ред.*
[6] ПСРЛ, т. II, стб. 398.

Северная и северо-восточная границы Киевщины в XII в. проходили по линии Лутавы и Моровийска. Эти пункты неоднократно упоминаются как места встреч и переговоров князей киевских и черниговских [7]. В 1175 г. они были сожжены Ростиславичами, правда, уже как черниговские владения. Лутава и Моровийск существуют до наших дней в Остерском районе Черниговской области.

Недалеко от Киева на Десне находилось село Ольжичи [8], основанное еще княгиней Ольгой около 947 г. В XII в. оно оставалось в составе домена киевских князей. Летопись под 1142 г. сообщает, что великий князь Всеволод, желая прекратить вражду со своими братьями, пригласил их на переговоры в Ольжичи [9]. Через 10 лет здесь останавливались киевские князья Изяслав и Вячеслав, выступившие на помощь осажденному войсками Юрия Долгорукого Чернигову: «...стояшета на сей сторонѣ у Днѣпра, у Лжичь» [10]. Домениальным был и Городец: в нем в 1026 г. состоялись переговоры между Ярославом Мудрым и тмутараканским Мстиславом. В 1097 г. по инициативе Мономаха Городец был избран местом встречи князей, выступавших против Игоря Давыдовича. Последующие упоминания Городца неизменно свидетельствуют о его близости к Киеву [11]. Считается, что Городец находился на одном из днепровских островов, омывавшемся протокой Радосинь, или Радункою, и был основан киевскими князьями для охраны Киева с востока. Если местоположение Городца может быть принято, то признать в нем важный оборонительный рубеж никак нельзя. Скорее всего, это была загородная великокняжеская резиденция.

На левом берегу Днепра против Выдубичей находились Рудичи, или Рудица, упоминаемые под 1097 г. Возвращаясь из Любеча, князь Василько «перевезеся на Выдобичь, иде поклонится къ святому Михаилу в монастырь, и ужина ту, а товары своя постави на Рудици» [12]. Не исключено, что местоположение этого пункта фиксирует современное село Рудяки.

Левобережные владения киевских князей не ограничивались только этой узкой приднепровской полосой земли. К великокняжеским землям на протяжении почти всего периода феодальной раздробленности относилась и Переяславская земля. Здесь правили ставленники Киева или же князья, позднее обычно занимавшие великокняжеский стол. Юрий Долгорукий, чтобы приблизиться к Киеву, предлагал киевскому князю Ярополку Владимировичу такую мену: он «испроси у брата

---

[7] Лутава упоминается в Ипатьевской летописи.— ПСРЛ, т. II, стб. 482, 498, 599; Моровийск — стб. 302, 457, 478, 500, 504, 599.
[8] Там же, стб. 49.
[9] Там же, стб. 310.
[10] Там же, стб. 457; ср. стб. 512 (1161 г.) и стб. 628 (1183 г.).
[11] Там же, стб. 137, 268, 296 и др.
[12] Там же, стб. 232.

своего Ярополка Переяславль, а Ярополку дасть Суждаль и Ростовъ и прочюю волость свою но не всю»[13]. Князья, получавшие Киев и волости «Русской земли» в «причастье», зорко следили, чтоб переяславский стол не задерживался в чьих-либо руках дительное время. Порой переяславские князья менялись чаще, чем посадники какого-нибудь пограничного городка. Судьба переяславского стола обычно зависела от княжеских договоров о Киеве. Подручниками Киева были переяславские князья Глеб Юрьевич и его сын Владимир. После них (с 1187 г.) Переяславль не имел князя и находился или под непосредственным управлением великих киевских князей, или же под властью Всеволода Юрьевича, который сажал на переяславский стол своих сыновей и племянников.

Значительно более независимым представляется положение третьего центра «Русской земли» — Чернигова, однако и его владения нередко присоединялись к великокняжеским землям. На протяжении XII—XIII вв. между Киевом и Черниговом возникали конфликты из-за Посемья. В правление Ярополка Владимировича черниговские князья предпринимают попытку вернуть эти земли себе, но уже при великом князе Изяславе Мстиславиче они снова возвращаются Киеву. В 1146 г. в Путивль на место посадника черниговского князя был посажен киевский[14].

В XII в. в связи с постоянным давлением на юго-восточные рубежи Черниговщины кочевников происходит процесс освоения и заселения земли вятичей (возникают новые и растут старые города и феодальные замки — Вщиж, Брянск, Ормина, Карачев, Козельск, Мценск, Дедославль), причем прослеживается ее прочная связь с Черниговом, хотя в отдельные периоды преимущественное право на них переходит к Киеву.

На правом берегу Днепра северные рубежи Киевщины проходили по водоразделу Припяти, Березины и Немана. Эти земли, населенные дреговичами, почти всегда находились под непосредственным политическим влиянием Киева. Их главный город Туров занимал важное место в истории Киевщины; его не раз отдавали старшему, после великого киевского, князю[15–16]. Так, при Ярославе Мудром здесь княжил Изяслав Характерно, что, заняв великокняжеский стол, Изяслав оставил Туров за собой. В XII в. эта земля прочно зависела от Киева. Под 1142 г. о ней говорится как о части Киевщины. Обращаясь к Вячеславу Владимировичу, великий киевский князь, Всеволод Ольгович заявил: «Сѣдѣши во Киевьской волости, а мнѣ достоить; а ты поиди в Переяславль, отчину свою»[17].

---

[13] Там же, стб. 295.
[14] Там же, стб. 33.
[15–16] *М. Довнар-Запольский.* Очерк истории кривичской и дреговичской земель до начала XIII ст. Киев, 1891, стр. 86.
[17] ПСРЛ, т. II, стб. 310.

После ухода Вячеслава в Турове садится сын Всеволода Святослав.

Туровской волостью распоряжались и другие великие князья: в 1150 г., овладев в очередной раз Киевом, Юрий Долгорукий отдал ее сыну Андрею: «Туров, Пинескъ и Пересопницю». Интересно, что центром своего нового надела Андрей избрал не Туров, что представлялось естественным, а Пересопницу: «Андрѣй покловнився отцю своему, и шедъ, сѣде въ Пересопници» [18]. В 1154 г. Ростислав Мстиславич, временно утвердившийся на киевском столе, наделил Туровом и Пинском союзного с ним Святослава Всеволодовича: «Се ти даю Туровъ и Пинескъ про то, оже еси приѣхалъ къ отцю моему Вячеславу и волости ми еси сблюлъ» [19]. Через город Святослав Ольгович получил из рук Юрия Долгорукого Мозырь, а Туров киевский князь отдал своему сыну Борису.

В числе киевских городов летопись называет также и Брягин, который в 1188 г. был выделен великим киевским князем Рюриком сыну Ростиславу. В конце XII—XIII в. связь городов бассейна Припяти с Киевом слабеет. Но это не значит, что Туровская земля в это время сложилась в независимую территориально-политическую единицу [20]. Возражая исследователям, полагавшим существование особого Турово-Пинского княжества, М. Н. Тихомиров отмечал, что уже само название этой земли свидетельствует об искусственно сложившемся в исторической литературе выделении ее в особую область. Единственным объяснением этого является несколько обособленное положение Турова и Пинска от Киева и Полоцка. В действительности Турово-Пинская земля как отдельная единица никогда не существовала и является, по выражению М. Н. Тихомирова, ученой фикцией, что подчеркивается отсутствием в названной земле даже единого центра [21]. Анализ летописных известий полностью подтверждает вывод историка; на их основании нельзя ни определить основные центры Туровской земли, ни очертить ее границы.

Расширяя свои владения на западе, киевские князья уже в конце X — начале XI в. вышли на линию Западного Буга и включили в состав своих владений Берестейскую волость, прочная зависимость которой от Киева сохранялась, по-видимому, вплоть до конца XII в. В 1097 г., пытаясь привлечь к союзу великого князя Святополка, Давыд Игоревич сообщает, что теребовльский князь Василько замышляет «заняти волость твою Туровъ и Пинескъ и Берестие и Погорину» [22]. Под 1142 г., рассказывая о раздаче Всеволодом Ольговичем владений своим

[18] ПСРЛ, т. II, стб. 404.
[19] Там же, стб. 471.
[20] «Очерки по археологии Белоруссии», ч. II. Минск, 1972, стр. 98.
[21] *М. Н. Тихомиров.* Древнерусские города. М., 1956, стр. 309.
[22] ПСРЛ, т. I, изд. 2, вып. 1. Л., 1926, стб. 263.

братьям, летопись называет Берестье, Дорогочин, Клеческ и др.[23] Согласно А. Н. Насонову район Берестья был крайней западной частью киевской территории, которая примыкала с запада к Турово-Пинским землям[24]. М. Довнар-Запольский полагал, что Берестейская и Дорогочинская области не составляли единого политического организма с Туровской землей, а переходили под власть то киевских, то волынских князей[25]. Но, как свидетельствуют письменные источники, и сами туровские и волынские земли нередко оказывались в прочной зависимости от Киева.

Волынь в период феодальной раздробленности почти всегда тяготела к Киевщине, но особо прочными их связи были тогда, когда на великокняжеском столе сидели представители волынской династии Изяслава Мстиславича. Сам он, укрепившись в Киеве, во Владимир вообще не направил князя, рассматривая Волынь как одну из частей великокняжеских владений, где черпал силы в борьбе за Киев. Позднее, в 1150 г., Изяслав отправил во Владимир брата Святополка, однако его роль сводилась к роли посадника: «Пусти Изяславъ брата своего Святополка во Володимеръ, Володимира блюсти»[26]. Сын Изяслава Мстислав, став великим киевским князем, оставил себе Волынь, куда он возвратился после того, как Киев перешел под контроль Андрея Боголюбского.

Собственно владения Киевщины на западе доходили до Горыни. В этой области летопись называет киевскими Пересопницу и Зареческ на Стубле, Шумск на Вилии, Тихомоль на Горыни, Чемерин, Корческ, Гнойницу, Полонный и др. Поскольку эти земли лежали ближе к Волыни и Галичине, чем к Киеву, они часто служили яблоком раздора между князьями названных центров. Преимущество оставалось, однако, за Киевом; в погорыньских городах, как правило, сидели посадники великого князя. В 1152 г. согласно условиям мирного договора между Изяславом Мстиславичем и Владимиром Галицким последний обязывался не претендовать на «города русские», т. е. киевские, после чего великий князь «посла посадники своя въ городы, на нихъ же бяше хрестъ цѣловалъ Володимиръ, въ Бужескъ, въ Шюмескъ, въ Тихомль, у Выгошевъ, у Гноиницю»[27].

Центрами Погорынья, вероятно, были города Пересопница и Дорогобуж, князья которых неоднократно упоминаются в событиях, связанных с борьбой за Киев. В 1161 г. волынский князь Мстислав Изяславич предпринял неудачную попытку выбить из Пересопницы Владимира Андреевича — вассала ве-

---

[23] ПСРЛ, т. II, стб. 310—312.
[24] *А. Насонов.* Указ. соч., стр. 129.
[25] *М. Довнар-Запольский.* Указ. соч., стр. 58—59.
[26] ПСРЛ, т. II, стб. 410.
[27] Там же, стб. 454.

ликого киевского князя. «Тогда же Мьстиславъ поиде из Володимиря на Володимира Андрѣевича къ Пересопници ... веля ему отступити от Ростислава; Володимиръ же не ступи»[28]. В 1169 г., когда в Киеве на короткое время утвердился Глеб Юрьевич, Мстислав Изяславич с братом Ярославом и с галичскими полками снова попытался овладеть Погорыньем. Он осадил Дорогобуж, но взять его не смог[29]. В 1171 г. из Дорогобужа перешел на киевский стол Владимир Мстиславич, а на свое место посадил сына Мстислава[30]. О тесных связях Погорынья с Киевом свидетельствует и тот факт, что обычно в походах русских князей против половцев, возглавлявшихся великими князьями, принимали участие и князья Дорогобужа, Пересопницы, Дубровицы.

М. Грушевский утверждал, что Погорынье скорее было волынской волостью, нежели киевской. Свой вывод он подтверждал словами Мстислава Изяславича, который, изгоняя в 1150 г. из Дорогобужа и Корческа Глеба Юрьевича, заявил: «...поѣди же, брате, къ отцю своему, а то волость отца моего и моя по Горину»[30а]. Однако Изяслав, вынужденный в то время уступить Киев Юрию Долгорукому, продолжал считать себя не столько волынским, сколько великим киевским князем.

Трудности возникают и при выяснении юго-западных рубежей Киевщины. По-видимому, пограничными крепостями были упоминаемые летописью в числе владений Киева Межибожье, Божеск (Божеский) и Котельница на Буге. Этими городами как своей древней родовой вотчиной распоряжались главным образом великие киевские князья. Так, в 1146—1147 гг. Изяслав Мстиславич, лишив Святослава Всеволодовича Владимира, отдает ему взамен «Божьски, Межибуже, Котелницю, а всихъ пять городов». В 1148 г. Изяслав передал эти города сыну Юрия Долгорукого Ростиславу.

В этом же году на снеме (совете) князей в Остерском городке, созванном Изяславом Мстиславичем в связи с подготовкой к войне с Юрием Долгоруким, великий князь приказал Ростиславу вернуться в Божский для охраны Киевщины с запада. «Иди въ Божьскый, и прѣбуди же тамо, доколѣ я схожю на отца твоего, а любо с нимъ миръ възму, пакы ли яко ся с ним улажю; а ты постереги землѣ Рускои оттолѣ»[31]. Оказывается, Побужье, на которое постоянно претендовали галицкие князья, рассматривалось Киевом как своеобразный щит, прикрывавший земли великокняжеского стола с юго-запада.

Во второй половине XII и в XIII в. постоянная борьба киевских и галицких князей приводит к запустению области вер-

[28] ПСРЛ, т. II, стб. 519—520.
[29] Там же, стб. 546—547.
[30] Там же, стб. 566.
[30а] Там же, стб. 396.
[31] Там же, стб. 330, 343, 367, 368.

ховья Южного Буга, и упоминания о его центрах встречаются в летописи все реже. По мнению Н. Молчановского, частая смена князей в Киеве, постоянная угроза с юга и претензии Галича с запада — все это было причиной того, что область верхнего Побужья, которая и без того была слабо связана с Киевом, заняла то положение, которое занимало когда-то Поросье [32].

Между верховьями Южного Буга, Случи и Тетерева, на том же киевско-галичском пограничье, находились так называемые болоховские города — Деревич, Губин, Кудин, Кобуд, Дядьков и др. Как считал Н. Дашкевич, они принадлежали Киеву и только после Калкской битвы, когда киевские князья потеряли прежний авторитет и силу, Болоховская земля отделяется от Киевщины [33].

Южные рубежи Киевской земли, которые одновременно были и южной границей Руси, испытывали постоянное давление кочевников. Если в конце X в. граница отодвинулась на линию Стугны, то после блестящих побед Ярослава Мудрого над печенегами в 1017 и 1036 гг. Русь снова укрепила свои позиции в Поросье. В 1031 г. Ярослав поселил здесь военнопленных поляков, а в 1032 г. построил систему поросских сторожевых крепостей. В конце XI в. Поросская оборонительная линия была разорвана новым сильным врагом Руси — половцами, но уже в начале XII в. общими усилиями всех русских князей она была восстановлена. Более того, к концу XII в. Русь значительно продвинулась в степь. Под 1190 г. летопись сообщает: «...того же лѣта Святослав съ сватомъ своимъ Рюрикомъ утишивъша землю Рускую и Половци примиривша в волю свою, и сдумавша, и идоста на ловы по Днепрю в лодьяхъ, на устья Тесмени» [34]. Видимо, рубежи Киевской земли в это время доходили до реки Тясменя.

Борьба Руси с кочевниками, продолжавшаяся столетиями, вызвала к жизни сложную систему оборонительных рубежей на юге Киевщины. Кроме Поросской и Стугнинской во второй половине XI и в начале XII в. возникает Днепровская оборонительная линия, которая должна была охранять водный путь «из Грек» и юго-восточные подступы к Киеву. Летопись называет здесь такие населенные пункты, как Треполь, Халеп, Витичев, Святополч-град, Иван, Чучин, Заруб, Канев на Днепре, Родень, Корсунь, Торческ, Юрьев на Роси [35].

Кроме системы военно-феодальных замков южнорусское по-

---

[32] *Н. Молчановский.* Очерк известий о Подольской земле до 1454 г. Киев, 1885, стр. 88.

[33] *Н. П. Дашкевич.* Болоховская земля и ее значение в русской истории.— Труды III АС, т. II, стр. 102.

[34] ПСРЛ, т. II, стб. 668.

[35] *В. И. Довженок.* Сторожевые города на юге Киевской Руси.— В сб. «Славяне и Русь». М., 1968.

граничье защищали мощные земляные валы и рвы, проходившие вдоль левого берега Роси, между последней и Ростави́цей, а также вдоль левого берега Стугны. Продолжаясь в западном направлении до р. Здвиж, стугнинские валы защищали столицу Руси с юго-запада. Поросские земляные валы, вероятно, составляли единую систему с валами Переяславщины, которые доходили до р. Супоя и защищали с юга главный город земли.

К сожалению, земляные валы Киевщины еще не стали объектом археологических исследований, и поэтому нет данных по истории их сооружения. Известно только, что впервые они как оборонительные сооружения упоминаются в летописи под 1093 г., когда князья шли походом на половцев: «И минувше Треполь, проидоша валъ. И се Половцѣ идяху противу, и стрѣлци противу пред ними; нашимъ же ставшимъ межи валома, и поставиша стяги своя, и изидоша стрѣлци из валу» [36].

Дважды летопись упоминает о переяславских валах. В 1095 г., когда половецкие ханы пришли к Мономаху просить о мире, один из них — Итларь вошел в Переяславль, а другой — Китан «ста межи валома с вои» [37]. В 1149 г. между этими же валами стал лагерем Юрий Долгорукий.

В литературе по вопросу о времени сооружения валов высказывались самые различные мнения. Одни исследователи склонны датировать их скифским временем (VII—III вв. до н. э), другие — черняховским (II—V вв. н. э.), третьи связывают их появление с деятельностью славянских племенных союзов (VI—VII вв. н. э.) и оборонительными мероприятиями Древнерусского государства. По-видимому, земляные валы не были возведены одновременно в какой-либо из этих периодов; они являются памятником многих поколений земледельческого лесостепного населения, пытавшегося оградить себя от вторжения степных кочевников.

Летописные известия о валах не содержат данных о существовании каких-то дополнительных укреплений — деревянных городен, башен или обыкновенного частокола. Видимо, ничего подобного и не могло быть. Во-первых, на сооружение и поддержание таких укреплений, которые испытывали постоянное давление со стороны кочевников, неоднократно прорывавшихся к самому Киеву и постоянно сжигавших эту деревянную стену, на Руси не было ни людских, ни материальных ресурсов [38]. Во-вторых, для преграждения пути кочевникам, осуществлявшим конные наезды, достаточно было глубокого рва и высокой насыпи. На проделывание проходов в подобном укреп-

---

[36] ПСРЛ, т. II, стб. 210—211.

[37] Там же, стб. 217.

[38] На это обстоятельство обращал внимание П. А. Раппопорт. Подробнее об этом см. *П. А. Раппопорт.* К вопросу о системе обороны Киевской земли.— КСИА АН УССР, вып. 3. Киев, 1954.

лении или же на его объезд требовалось время, за которое князья успевали подготовиться к отражению неприятеля.

На протяжении всей древнерусской истории киевские князья удерживали в своих руках днепровский водный путь. На его южном конце располагался г. Олешье — важный морской порт Руси, который постоянно находился под властью Киева и неприкосновенность которого ревностно оберегалась великими князьями. Вот несколько примеров. В 1084 г. на Олешье напал и захватил его Давыд Игоревич, находившийся тогда на положении князя-изгоя. Киевский князь Всеволод Ярославич предложил ему в обмен на этот портовый город целую Погорынскую волость. В 1159 г. на Олешье напали берладники. Великий киевский князь Ростислав Мстиславич немедленно послал вниз по Днепру военную флотилию под руководством опытных воевод Георгия Нестеровича и Якуна, которым удалось возвратить Олешье Киеву. «Том же лѣтѣ посла Ростиславъ ис Киева Гюргя Нестеровича и Якуна в насадехъ на берладникы, оже бяхуть Олешье взяли и постигоше ѣ у Дциня избиша ѣ и полонъ взяша» [39].

В Олешье встречали послов из Византии и с Кавказа, византийских кандидатов на киевскую митрополичью кафедру. В 1154 г. здесь ожидал свою мачеху, прибывавшую из Обез, Мстислав Изяславич, а в 1163 г. посол Ростислава Гюрята Семкович, следовавший в Константинополь за разрешением вернуть на русскую митрополию Клима Смолятича, неожиданно встретился в Олешье с митрополитом Иваном и императорским послом, спешившими на Русь. Киевские князья держались за Олешье не только потому, что это был важный перевалочный пункт русско-византийской торговли, но также, вероятно, из-за его промыслового значения. Олешские рыбаки регулярно поставляли Киеву большие партии рыбы.

Вдоль всего степного побережья Днепра, от устья Сулы на севере и до Олешья на юге, находились древнерусские поселения. Особенно много их было в районе днепровских порогов, где проходившие вверх и вниз по Днепру купеческие караваны судов нуждались в усиленной охране от внезапных нападений кочевников. Здесь, вероятно, купцы останавливались на отдых и пополняли запасы продовольствия.

Впервые древнерусские поселения в Надпорожье были обнаружены в 1927 г. во время сооружения Днепрогэса. Располагались они перед о. Хортица на правом и левом берегах Днепра, одно против другого. А. Добровольский, исследовавший эти поселения, высказал предположение, что их жители были перевозчиками через Днепр и что в этом месте находилась древняя Крарийская переправа. Во время раскопок, а также разработки грунтов под плотину здесь было найдено пять обою-

[39] ПСРЛ, т. II, стб. 505.

доострых мечей [40], свидетельствующих о том, что жителям днепровских поселений не чуждым было и военное дело.

Подобные поселения XII—XIII вв. находились также на о. Камянуватом, в с. Лоцманская Камянка, в устье р. Суры, на обоих ее берегах, а также в устье балки Яцевой (с. Волоское), возле с. Игрень и в с. Днепровском [41]. Отдельные из этих поселений достигали огромных размеров. По свидетельству А. В. Бодянского, осуществлявшего постоянный надзор за размывами берегов Каховского и других днепровских водохранилищ, древнерусское поселение в устье р. Суры насчитывало сотни жилищ. Рядом с поселением находился большой могильник. Исследователи обнаружили здесь типичные древнерусские вещи: керамику с клеймами на днищах, железные замки и ключи, боевые топоры и стрелы, наконечники копий, стеклянные браслеты, кресты-энколпионы [42].

А. Т. Смиленко, взявшая на себя труд подытожить результаты исследований древнерусских поселений и могильников в днепровском Надпорожье, пришла к выводу, что после некоторого запустения (в конце X—XI в.) Надпорожье бурно заселяется в XII—XIII вв. [43] Причину этого, однако, следует видеть не только в том, что с усилением феодальной эксплуатации резко увеличилось количество бежавших из центральных районов Руси холопов и смердов, которые селились в прибрежной полосе степного течения Днепра, но и в изменении ситуации на южнорусском пограничье. Весь XII век прошел под знаком наступления Руси на степняков. Половецкие кочевья в конце концов были отброшены к Донцу и Дону на Левобережье и к Дунаю на Правобережье. Наступательная политика Руси обезопасила днепровский речной путь от постоянных наездов половцев и в значительной степени сделала жизнь приднепровских древнерусских поселений менее тревожной.

Сказанное отнюдь не свидетельствует об исчезновении всякой опасности для населения Южного Поднепровья. Она продолжала существовать и в XII—XIII вв., и, видимо, поэтому поселения располагались у самого берега в устьях балок и притоков или же на днепровских островах, издревле игравших роль русских опорных пунктов.

Летопись рассказывает об одном из походов русских князей

---

[40] *В. И. Равдоникас.* Надписи и знаки на мечах из Днепростроя.— «Известия ГАИМК», вып. 100. М.— Л., 1973, стр. 598—616.

[41] *А. Добровольский.* Сліди перебування слов'ян XII—XIII ст. у Надпоріжжі.— АП, т. 1, стр. 91—95; *О. Равич.* Розкопки слов'янського поселення коло с. Дніпровського, Дніпропетровської області.— Там же, стр. 96—98; *Д. Бліфельд.* Розкопки слов'янського поселення коло с. Дніпровського, Дніпропетровської області.— Там же, стр. 99—104.

[42] *О. В. Бодянский.* Знахідки епохи Київської Русі в Надпоріжжі.— В сб. «Середні віки на Україні», вип. 1. Київ, 1971, стр. 196—199.

[43] *А. Т. Сміленко.* Древньоруські памъятки дніпровського Надпоріжжя.— АП, т. XII, 1962, стр. 155—181.

на половцев в 1103 г.: «И поидоша на коних̀ъ и в лодьяхъ, и приидоша ниже порогъ, и сташа въ протолчехъ и в Хортичимъ островъ» [44]. Выступив в поход от порогов в степь, русские дружины только на четвертый день подошли к половецким кочевьям. Характерно, что о. Хортица был сборным пунктом древнерусских дружин и в 1223 г., в канун печального сражения на Калке: «Бѣ бо лодеи тысяща, и воидоша во Днѣпръ, и возведоша порогы, и сташа у рѣкы Хорьтицѣ на броду у Протолчи» [45]. В район порогов киевские князья нередко посылали дружины для охраны купеческих караванов, плывших из Византии. Когда в 1166 г. половцы, воспользовавшись очередным несогласием древнерусских князей, решили напасть в районе порогов на «гречников», Ростислав немедленно послал туда «Володислава ляха с вои и възведоша Гречникы» [46].

Постоянный и прочный контроль киевских князей над днепровским водным путем подтверждается, таким образом, летописными известиями, а также существованием в Южном Приднепровье постоянных древнерусских поселений. Их углубленное изучение и выявление новых в прибрежной полосе Днепра и на его островах являются одной из неотложных задач археологии.

Основные центры Киевской земли

Киевская земля была одним из наиболее густо заселенных районов Руси. Летописи упоминают здесь несколько десятков населенных пунктов — городов, крепостей, феодальных замков, располагавшихся по берегам Днепра, Припяти, Тетерева, Здвижа, Случи, Ирши, Ужа, Южного Буга, Стугны, Роси и других более мелких рек. Археологи их обнаружили в несколько раз больше. Многие, порой даже крупные, городищенские центры и почти все сельские поселения на страницы летописи не попали.

Различные типы древнерусских населенных пунктов распределялись на территории Киевской земли неравномерно. Как правило, крупные городские центры располагались в лесостепном поясе вокруг Киева. Вдоль южных рубежей Киевщины на границе лесостепи со степью находились города-крепости, сторожевые заставы, охранявшие государственную границу Руси. Припятское полесье отличалось отставанием от других районов, менее развитым уровнем городской жизни, хотя и здесь находились крупные, известные по летописи, центры.

Проблема древнерусского города давно заняла важное место в отечественной историографии, однако лишь в советское время она получила верное, марксистское решение. Трудами Б. Д. Гре-

[44] ПСРЛ, т. II, стб. 253.
[45] Там же, стб. 742.
[46] Там же, стб. 526.

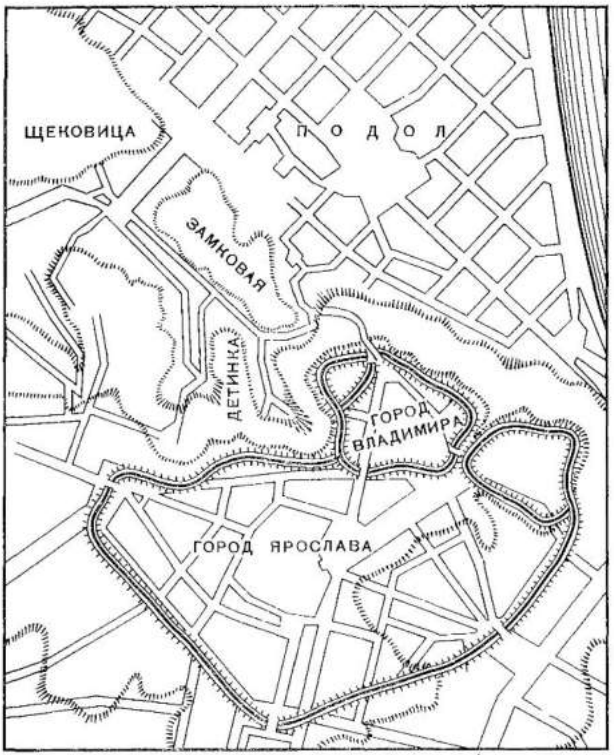


Рис. 1. Реконструкция линий укреплений древнего Киева

кова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова и других исследователей было показано, что город домонгольского периода истории Руси — это сложный социально-экономический организм, вызванный к жизни развитием земледелия и ремесла в области экономики и развитием феодализма в области общественных отношений [47]. В последнее время в изучении древнерусских городов определились новые задачи. Перед наукой встали, что очень хорошо показано в работах В. Т. Пашуто и В. И. Довженка, вопросы классификации или социальной типологии городов [48]. Изучение и сопоставление многообразных форм городского строя на Руси, по мнению В. Т. Пашуто, являются ближайшей задачей нашей науки [49].

---

[47] *В. Д. Греков.* Киевская Русь. М., 1953; *М. Н. Тихомиров.* Указ. соч., *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.

[48] *В. Т. Пашуто.* О некоторых путях изучения древнерусского города.— В сб. «Города феодальной России». М., 1966; *В. И. Довженок.* Соціальна типологія давньоруських городищ.— «Археологія», 1974, № 2.

[49] *В. Т. Пашуто.* Указ. соч., стр. 98.

Этой задаче в значительной степени подчинен и обзор городов Киевской земли, которым на основании летописных и археологических источников даны конкретные социально-экономические определения. В основу изложения материала, однако, положен не классификационный, а историко-топографический принцип, что представляется более целесообразным в подобного рода работе.

Обзор начнем с главного города Киевской земли — Киева, одного из древнейших городов Восточной Европы, столицы Древнерусского государства. Возник он на правом берегу Днепра, в том месте, где, приняв воды Десны — последнего крупного притока, Днепр выходит из зоны лесов в лесостепь. Днепр и реки его бассейна издревле играли огромную роль в экономической жизни населения Среднего Поднепровья. Верховьями своими (вместе с Березиной) Днепр близко подходит к бассейну Западной Двины на севере; левый его приток Десна (вместе с Сеймом) связывает Среднее Поднепровье с системами Оки и Дона на востоке, Припять через Западный Буг — с бассейнами рек Днестра и Немана на западе. Господствующее положение киевской территории, которая как бы на ключ замыкает широко разветвленные пути верхней части днепровского бассейна, являлось одной из решающих причин выдвижения ее на первое место в Среднеднепровском районе.

Киевская территория во всем Среднем Поднепровье не имеет себе равных в микрогеографическом и топографическом отношении. На протяжении сотен километров с севера на юг оба днепровских берега низменны, и только в районе Киева правый берег резко поднимается. Эта возвышенная полоса представляет собой северо-восточную окраину всего правобережного плато, к которому от устья Ирпеня на севере и до устья Стугны на юге только в трех местах подходит Днепр. Из трех выступов (вышгородского, киевского и трипольского) киевский занимает наиболее выгодное положение.

Со всех сторон киевская возвышенность имеет естественные рубежи. Многочисленные речки, ручьи (Лыбедь, Глубочица, Клов, Хрещатик и др.) и овраги образовали такое количество естественно защищенных гор (Старокиевская, Замковая, Щековица, Лысая и др.), какого нет ни в одном другом районе Среднего Поднепровья. Местность в очерченных границах вытянулась с севера на юг (вдоль Днепра) на 15 км, с запада на восток — на 3—4 км. У подножия Владимирской горки Днепр несколько отклоняется на север и образует широкую долину, которая тянется от Киева до Вышгорода. Часть этой долины в районе Киева получила название Подола и была одним из наиболее крупных городских районов. Река Почайна, протекавшая вдоль Подола, была прекрасной речной гаванью.

Особые географические условия Среднеднепровского лесостепного района, обеспечивавшие высокий уровень его хозяй-

ственной жизни на протяжении многовековой истории, явились в конечном счете главной причиной того, что именно здесь в третьей четверти первого тысячелетия образовался первый политический союз восточнославянских племен, а его центром стал Киев.

Археологические исследования, выявившие на Старокиевской горе остатки древнейшего городища, а также материалы VI—VIII вв. показывают, что летописный рассказ о князе Кие и его братьях, основавших Киев, отражает конкретное историческое событие. Как считает Б. А. Рыбаков, постройка первого киевского городка могла произойти в VI в. Дальнейшая жизнь городища вплоть до X в. дает основание считать, что поселение VI—VII вв. представляет собой первый этап в жизни Киева [50].

В конце VIII в., а особенно в IX—X вв. исторический путь развития Киева становится значительно более ясным. Раскопками на территории города были выявлены в большом количестве материалы IX—X вв. К этому времени относится значительное число кладов, находок арабских и византийских монет. Огромные языческие некрополи IX—X вв. свидетельствуют об обширных размерах Киева этого времени. К концу X в., при Владимире Святославиче, центральная часть Киева настолько разрослась, что возникла необходимость возведения новых укреплений. В литературе этот новый детинец Киева, занимавший площадь более 10 га, получил название «город Владимира». Картографирование археологических материалов IX—X вв., сопоставленное с летописными данными, позволяет утверждать, что к концу указанного периода оформились в основном черты исторической топографии Киева. Городское ядро составляли Старокиевская и соседняя с ней Замковая горы. Находки на Подоле, на Лысой горе, в районе позднейшего Копырева конца свидетельствуют о том, что эти районы также входили в городскую черту. Известия летописи и археологические материалы дают основание полагать, что к концу X в. Киев обрастает и некоторыми пригородными селами и дворами. К ним относятся Дорогожичи, Предславино, Берестово и Угорское.

Быстрый рост Киева как крупного политического и экономического центра Руси в первой половине XI в. поставил вопрос о новом значительном расширении центральной, укрепленной части города. Строительные работы по возведению мощных укреплений вокруг разросшейся центральной части Киева были осуществлены при Ярославе Мудром, отчего эта часть города получила название «город Ярослава». Ее площадь равнялась около 80 га. Во второй половине XI в. застраивается и так

---

[50] *Б. А. Рыбаков.* Древняя Русь. М., 1963, стр. 22—36; *П. П. Толочко.* Історична топографія стародавнього Києва. Київ, 1972, стр. 42—55.

называемая Михайловская гора, представлявшая собой мыс, изолированный с трех сторон глубокими оврагами. Михайловское отделение (или, как его еще называют, «город Изяслава — Святополка») было обнесено мощными земляными валами, представлявшими особую систему укреплений.

Вместе с ростом центральной части Киева росли и его посадские, а также окольные районы. Наиболее крупным был Подол. Археологические материалы показывают, что древний Подол занимал площадь около 180 га, а его северная граница проходила приблизительно от северных скатов Щековицы до Днепра. Видимо, здесь было возведено и знаменитое подольское «столпие», упоминаемое в летописи под 1161 г. К северо-западу от «города Ярослава», в районе современного Кудрявца, располагался Копырев конец, площадь которого достигала 40 га. На протяжении XI—XIII вв. на карте Киева появляются такие окольные районы, как Кирилловский монастырь, Клов, Печерский и Выдубецкий монастыри, левобережье Днепра. Трудно точно подсчитать площадь киевской «околицы», но несомненно, что исчислялась она десятками гектаров.

Таким образом, имеющиеся данные позволяют утверждать, что древний Киев занимал площадь около 400 га, а его территориальное развитие на протяжении X—XIII вв. шло по восходящей линии. Согласно нашим расчетам на этой площади в XII—XIII вв. могло проживать до 50 тыс. человек.

Древний Киев поражал своих современников не только размерами, живописным расположением, мощными крепостными стенами со сторожевыми башнями, но и городской застройкой, десятками каменных храмов и дворцов, чудесной архитектурой деревянных кварталов. Многолетние археологические исследования древнего Киева, и в первую очередь раскопки последних лет, позволили более конкретно представить характер его массовой застройки и планировки. Они неоспоримо показали, что в древнем Киеве сосуществовали фахверковая (постройки столбовой конструкции) и срубная застройки, причем последняя преобладала. Целиком срубной была застройка Подола, не были редкостью срубы и в верхнем районе Киева. Исследования ряда построек на Старокиевской горе и в особенности на Подоле убеждают в том, что массовая застройка Киева в значительной степени была двухэтажной. Что касается градостроительной — планировочной системы, то в Киеве, как и в большинстве средневековых городов, она имела радиально-кольцевой характер, обусловливавшийся наличием нескольких концентров земляных укреплений с выездными воротами, а также городских площадей, соборов и монастырских усадеб. Несколько иную систему планировки имел Подол. Основные его улицы проходили в двух направлениях — от подножия гор к Днепру и вдоль береговой линии.

Больших масштабов достигло в Киеве X—XIII вв. строи-

тельство каменных зданий. Летописи свидетельствуют о 25 монументальных сооружениях; в действительности их было значительно больше. Сегодня на археологической карте Киева их значится 43, и надо полагать, что будущие археологические исследования увеличат эту цифру. Характерная особенность каменного зодчества древнего Киева — расположение монументальных сооружений ансамблями, которые образовывали композиционные центры отдельных районов. Основными среди них были архитектурные ансамбли «города Владимира» во главе с Десятинной церковью (дата сооружения 989—996 гг.), «города Ярослава», в центре которого возвышался Софийский собор — «митрополья русская» (построен около 1037 г.), «города Изяслава—Святополка» с Михайловским храмом Златоверхнего монастыря (заложен в 1108 г.). На Подоле вокруг торговой и вечевой площади стояли соборы Пирогощи (1131—1136 гг.), св. Михаила и св. Бориса и Глеба (первая половина XII в.). Композиционным центром Копырева конца был монастырь св. Семиона (вторая половина XI в.). Украшением окольных районов Киева были: Кирилловская церковь (около 1140 г.), храм Богородицы в Кловском монастыре (заложен в 1075 г.), церковь Спаса на Берестове (конец XI в.), Успенский собор Печерского монастыря (1073—1089 гг.), Михайловский храм Выдубецкого монастыря (1070 г.).

До середины XIII в. Киев был крупнейшим экономическим центром страны. Произведенные в разных его районах раскопки, выявившие десятки различных мастерских, многочисленные находки ремесленных изделий, а также кладов, содержащих по нескольку сот предметов, свидетельствуют о весьма высоком уровне развития в древнем Киеве ремесленного производства. Пожалуй, не было в древнерусском ремесле такой отрасли, которой бы не знали киевские мастера; в производстве ряда изделий они шли впереди своих западноевропейских коллег[51]. Продукция киевских ремесленников не только удовлетворяла нужды многотысячного города, но и широким потоком шла на рынок, в том числе и на международный.

Археологические исследования многих древнерусских центров позволили обнаружить в каждом из них изделия, вышедшие из мастерских Киева. Это прежде всего дорогие ювелирные изделия — медальоны, кресты-энколпионы, колты, височные кольца, вещи, изготовленные из стекла,— посуда, браслеты, бусы, а также поливная керамика, трубчатые замки и другие предметы быта.

Широкий сбыт продукции киевского ремесла свидетельствует о том, что древний Киев был также крупнейшим торговым центром страны. Согласно сообщениям Титмара Мерзебургско-

---

[51] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси; *М. К. Каргер.* Древний Киев, т. 1. М.— Л., 1958.

го уже в начале XI в. в Киеве было восемь рынков. О двух — «Бабином торжке» в верхнем городе и «Торговище» на Подоле — повествуют и наши летописи. В XII—XIII вв. купцы ряда земель Руси, а также зарубежных стран имели в Киеве свои торговые дворы-колонии. Никоновская летопись одну из важнейших причин упорной борьбы за Киев видит в особом его экономическом положении как международного торгового центра. «И кто убо не возлюбить Киевьскаго княжения, понеже вся честь и слава, и величество, и глава всѣм землямъ русским Киевъ, и отъ всѣх дальнихъ многихъ царствъ стицахуся всякие человеци и купци и всякихъ благихъ отъ всѣх странъ бываше в немъ» [52].

Ремесло и торговля не были единственными источниками доходов Киева. Рожденный на заре феодальной эпохи, Киев XI—XIII вв. представлял собой крупнейший центр феодального землевладения, что также увеличивало приток в город огромных богатств. Вплоть до татаро-монгольского нашествия Киев оставался одним из крупнейших и растущих городов Руси.

Важное место в Киевской земле занимали города Вышгород, Белгород, Василев (Васильев) и крепости, основанные в X в. и входившие в систему оборонительного кольца вокруг столицы Руси. Они неоднократно упоминаются в летописи, однако наиболее часто — в связи с событиями XII—XIII вв. Все они находились на пути удельных князей к киевскому великокняжескому столу и в той или иной степени разделяли судьбу Киева. Вот характерный пример. В 1136 г. черниговские князья в союзе с половцами перешли Днепр и устремились к Киеву. Первый удар приняли на себя города-крепости, охранявшие дальние подступы к столице Руси. «И почаша воевати отъ Трьполя, около Красна и Василева и до Бѣлогорода, оли же и до [Киева и по Желани и до Вышегорода — X.]» [53].

Из ближайших к Киеву городов наибольшее значение имел Вышгород, впервые упомянутый летописью под 946 г. О нем как о значительном древнерусском городе писал также Константин Багрянородный. Согласно подсчетам В. И. Довженка на страницах летописи Вышгород упоминается 38 раз, что несомненно свидетельствует о его исключительной роли в жизни Киевской Руси [54].

Возник древний Вышгород в 15—16 км выше Киева на правом высоком (до 80 м) выступе днепровского берега, у переправы через Днепр (ныне поселок Вышгород). С самого начала он строился как город-крепость; мощные земляные валы и глубокие рвы опоясывали его центральную часть, защищали посад. Детинец занимал наиболее возвышенное место днепров-

[52] ПСРЛ, т. IX. СПб., 1862, стб. 202.
[53] ПСРЛ, т. II, стб. 299.
[54] *В. И. Довженок.* Древний Вышгород.— «Вісник АН УРСР», 1949, № 8, стр. 40—48.

ского берега и имел размеры 350×250 м [55]. Вокруг Вышгорода имелась система наблюдательных пунктов, дававших возможность контролировать северные подступы к Киеву. Военно-стратегическое значение Вышгорода, входившего в систему обороны центральной территории Руси, по достоинству оценивалось киевскими князьями. Во время военной угрозы они нередко уходили из Киева и укрывались в вышгородской крепости, считая ее, вероятно, более мощной, чем киевская. Князья — претенденты на обладание великокняжеским столом также придавали особое значение Вышгороду, считая его одной из основных преград на пути к Киеву.

Со времен великого княжения Ярослава Мудрого Вышгород приобретает и значение крупного церковного центра Руси. В нем находились останки князей Бориса и Глеба — первых русских святых, канонизированных Ярославом. В честь этих патронов Руси, ставших символом борьбы за национальную независимость русской церкви, в Вышгороде на детинце последовательно возводился целый ряд храмов. Около 1020 г. Ярослав Мудрый соорудил деревянный храм-усыпальницу, который простоял более полувека. В 1072 г. сын Ярослава Изяслав отдал распоряжение срубить новый храм, в который были перенесены гробницы с телами Бориса и Глеба. Строительство каменного храма, начавшееся при Святославе и Всеволоде Ярославичах, было окончено лишь при Святополке Изяславиче. Торжественное освящение состоялось в 1115 г. Судя по исследованиям М. К. Каргера, этот храм представлял трехнефную постройку, по своим масштабам превосходившую все известные трехнефные храмы домонгольской Руси [56]. В украшении вышгородского храма принял участие и Владимир Мономах, соорудивший над гробницей Бориса и Глеба «терем серебрян».

Культу Бориса и Глеба посвящена большая церковная литература, которая наряду с летописью является важным источником по истории Вышгорода. Нестор в своем «Чтении о святых Борисе и Глебе» называет Вышгород блаженным, честным и святым городом. В «Житии Бориса и Глеба», где эти князья прославляются как защитники Руси, Вышгород характеризуется как важная крепость Русской земли. «Стенам твоим, Вышгород, я устроил стражу на все дни и ночи. Не уснет она и не задремлет, охраняя и утверждая отчину свою Русскую землю от супостатов и от усобной войны» [57].

Археологические исследования Вышгорода показывают, что это был также крупнейший центр ремесла и торговли. В нем обнаружены следы всех основных видов ремесленного производства: железоделательного и железообрабатывающего, гон-

[55] *П. А. Раппопорт.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. М.— Л., 1956, стр. 54.
[56] *М. К. Каргер.* Древний Киев, т. II. М.— Л., 1961, стр. 310—336.
[57] *Д. И. Абрамович.* Жития Бориса и Глеба. Пг., 1916, стр. 118.

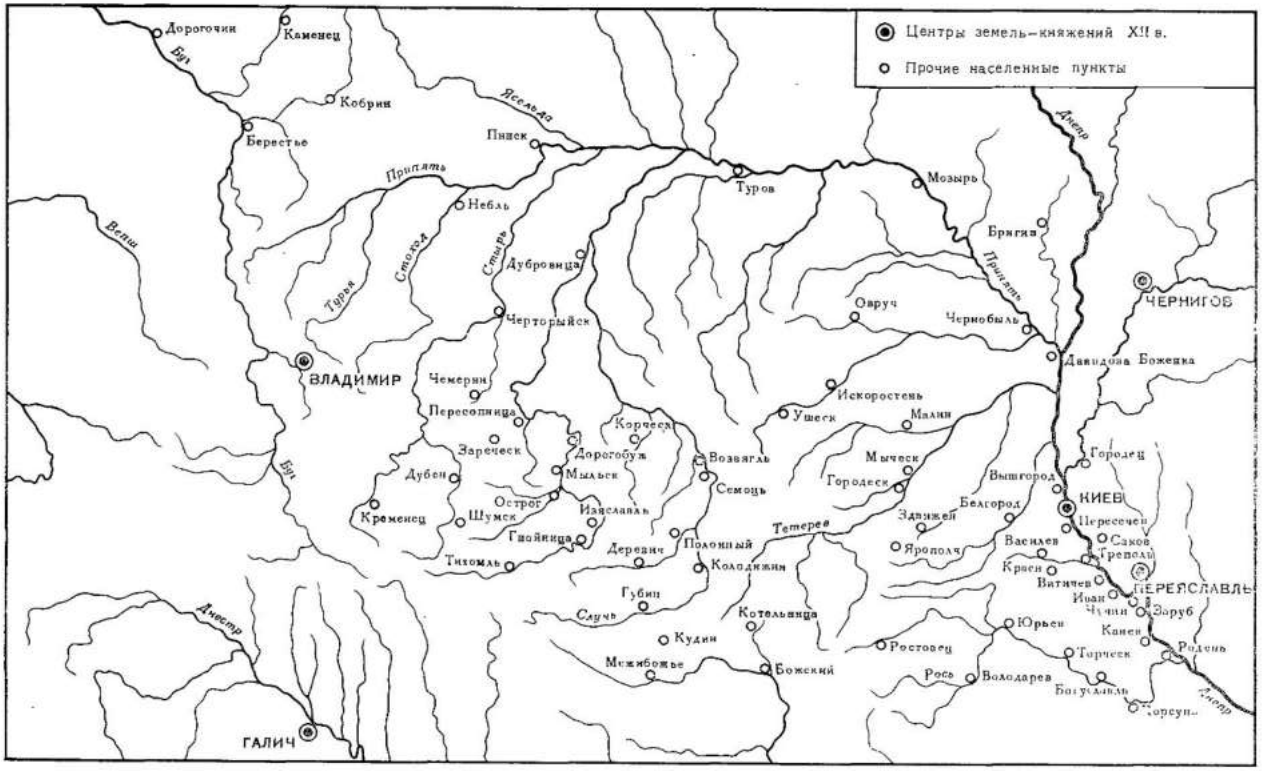


Рис. 2. Города Киевской земли

чарного, ювелирного, косторезного, деревообрабатывающего и др. Обнаружение в посадской части Вышгорода целого гончарного центра, состоящего из нескольких десятков горнов, свидетельствует о том, что его продукция удовлетворяла потребности жителей не только города, но и близлежащей округи[58]. В Вышгороде было развито также строительное дело. Письменные источники, рассказывающие о постройке церкви Бориса и Глеба, упоминают «старейшину древоделям»[59].

Развитию в Вышгороде торговли способствовало его географическое положение. Участие его во внешней торговле отмечал уже Константин Багрянородный. Не меньшим было значение Вышгорода и в торговле внутренней. Вблизи него в Днепр впадали Десна и Ирпень, по которым шли товары на юг из левобережной и правобережной частей Руси. Видимо, по этим, а также по другим водным магистралям расходилась и продукция вышгородских ремесленников.

Вышгород был также крупным феодальным центром, державшим под своей властью окрестные земли. Письменные источники упоминают десять вышгородских бояр, игравших очень активную политическую роль. В действительности их было значительно больше. Только при описании событий 1164 г. летопись повествует о сожжении дворов боярина Радила и семи других феодалов[60].

Будучи важным военно-стратегическим, экономическим и церковно-религиозным центром Руси, Вышгород, однако, выступал как послушный «пригород» Киева даже тогда, когда в нем появлялись свои князья. Последние чаще всего выбирались великими киевскими князьями из числа младших родственников, не претендовавших на обладание Киевом. В Вышгороде сидели, по существу на положении одного из киевских воевод, подручные князей Изяслава Ярославича, Ярополка Владимировича, Юрия Долгорукого, Ростислава Мстиславича и др. О роли вышгородских князей может свидетельствовать тот факт, что в 1155 г. сын Юрия Долгорукого Андрей, не поставив отца в известность, оставил вышгородский стол и ушел в Суздаль[61]. Видимо, и во второй половине XII в. Вышгород продолжал играть роль загородной великокняжеской резиденции[62] и находился под непосредственным покровительством Киева. По образцу Вышгорода подобные княжеские резиденции были основаны

---

[58] *В. И. Довженок.* Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 рр.— «Археологія», т. III, 1950; *он же.* Розкопки древнього Вишгорода.— АП, т. III, 1952.

[59] *С. Богуславский.* Памятники XI—XIII вв. про князів Бориса і Гліба. Київ, 1928, стр. 102.

[60] ПСРЛ, т. II, стб. 534.

[61] Там же, стб. 482.

[62] В Вышгороде находились княжеские дворы Ольги, Владимира, Святополка Владимировича, Ярослава Мудрого, Всеволода Ольговича.

владимирскими и смоленскими князьями (Боголюбово и Смядинь). «Создалъ же бяшетъ собѣ (Андрей Боголюбский.— *П. Т.*) городъ камень, именемь Боголюбьи, толь далече якоже Вышегородъ от Кыева, такоже и Боголюбьи от Володимѣря» [63].

К юго-западу от Киева, в 23 км, на правом берегу р. Ирпеня находился Белгород (ныне с. Белгородка). О его сооружении летопись сообщает под 992 г.: «В лѣто 6500 Володимѣръ заложи градъ Бѣлъ и наруби въ нъ от инѣх градъ, и много людии сведе в онъ; и бѣ бо любя городъ ось» [64]. Основанный как важная крепость на юго-западной границе «Русской земли», Белгород уже в 997 г. оправдывает свое назначение, выдержав длительную осаду печенегов [65].

Расположен Белгород в исключительно удобном для обороны месте, на высокой части плато, возвышающегося над поймой Ирпеня на 40—45 м. С запада и юга Белгород имел естественные рубежи, с востока и севера был окружен мощными земляными валами и глубокими рвами. Наивысшее место плато занимал детинец (площадью около 470×235 м), имевший особую систему укреплений, равно как и окольный город, раскинувшийся к востоку и северо-востоку от него. Общая площадь белгородской крепости составляла более 100 га. В пору особой опасности за ее мощными стенами могло скрываться население всей округи.

Киевские князья понимали значение Белгорода как важного военно-стратегического пункта и всячески содействовали его процветанию. Как и в Вышгороде, здесь находился, вероятно, и двор киевских князей. В XII в. во время обострившейся борьбы за Киев Белгород выступает как центр княжения, находившийся, однако, под постоянной опекой киевских князей. В 1117 г. Владимир Мономах посадил здесь своего старшего сына Мстислава, в 1149 г. Юрий Долгорукий отдал Белгород сыну Борису. Потеря киевским князем Белгорода по существу означала и потерю Киева. Так, в 1150 г., узнав об овладении Белгородом войсками Изяслава Мстиславича, Юрий Долгорукий без боя уступил ему Киев [66]. О полной зависимости Белгорода от Киева говорит также летописная статья 1151 г. В ответ на требование Юрия Долгорукого открыть ему город, белгородцы ответили: «...а Киев ти ся кое отворилъ» [67].

Лишь в последней четверти XII в. в Белгороде утвердился соперник великого киевского князя Рюрик Ростиславич, однако это не привело к отделению его от Киева. Очень скоро Рюрик добился у Святослава Всеволодовича соправительства, и Белгород стал как бы второй великокняжеской резиденцией. В 1197 г.

---

[63] ПСРЛ, т. II, стб. 580.
[64] Там же, стб. 106.
[65] Там же, стб. 112.
[66] Там же, стб. 416.
[67] Там же, стб. 433.

здесь, на месте деревянной церкви 1144 г. Рюрик соорудил величественный каменный храм св. Апостолов, заслуживший высокую похвалу летописца: «...высотою же и величествомъ и прочимъ украшениемь вѣмъ в дивъ»[68]. Археологические исследования развалин храма, осуществленные В. В. Хвойко в 1909—1911 г.[69] и Ю. С. Асеевым и Г. Г. Мезенцевой в 1966—1967 гг.[70], позволили обнаружить разноцветные поливные полы, фресковую и золотистую роспись стен и подтвердили, таким образом, восторженную оценку летописца.

К тому же времени относится, вероятно, и еще один каменный храм, так называемый «малый». Раскопки Б. А. Рыбакова 1968—1969 гг. показали, что выстроен он в конце XII в. в епископской части детинца. Как и храм св. Апостолов, «епископский» представлял собой довольно значительную (20,2×14,5 м) и величественную постройку, украшенную пучковыми пилястрами и расписанную фресками. Пол храма был сложен из разноцветных поливных плиток, которые сотнями встречались во время раскопок[71].

На протяжении нескольких веков Белгород находился на положении крупного епископского центра; белгородский епископ был викарием киевского митрополита. Исследователей давно уже занимает вопрос, почему именно в Белгороде, а не в каком-либо другом центре Киевщины была основана епископия. М. Н. Тихомиров и другие историки склонны были объяснять это особой симпатией князей еще со времен Владимира Святославича к киевскому пригороду Белгороду[72]. Возможно, это и так. Но, вероятно, у киевских князей были и более серьезные основания. Находясь на границе древлянской земли, Белгород должен был распространять на нее влияние не только княжеской, но и церковной власти Киева. Белгородские епископы в XII в. играли весьма заметную роль в политической жизни Киевской земли.

Если резиденция белгородских епископов обнаружена и изучена, то поиски княжеского двора еще продолжаются. В 1968—1969 гг. отыскать княжеский двор попыталась экспедиция Б. А. Рыбакова. При раскопках северо-западной части детинца было обнаружено восемь огромных печей для выпечки хлеба, а также несколько котлованов-подклетей больших сооружений хозяйственного назначения. Вокруг в большом количестве

---

[68] ПСРЛ, т. II, стб. 706.

[69] *В. В. Хвойко.* Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура. Киев, 1913.

[70] *Г. Г. Мезенцева.* Звіти за археологічні розкопки в с. Білгородка в 1966 р.— 1967 р.— Научный архив ИА АН УССР.

[71] *Б. А. Рыбаков.* Раскопки в Белгороде Киевском. Археологические открытия 1968 г. М., 1968, стр. 330—332; «Отчеты об археологических раскопках на Белгородском городище Института археологии АН СССР под руководством Б. А. Рыбакова».— Научный архив ИА АН УССР, ф. э. 5259, 5495.

[72] *М. Н. Тихомиров.* Указ. соч., стр. 299.

находились фрагменты керамики, в том числе и поливной, обломки стеклянных сосудов, поливные плитки. Как считает Б. А. Рыбаков, это была территория княжеского подворья с различными хозяйственными сооружениями [73].

К сожалению, целенаправленные археологические исследования Белгородского детинца не были продолжены и характер княжеского дворцового комплекса остался не до конца выясненным. Можно предположить, что белгородский княжеский дворец был богатой двухъярусной постройкой, мало в чем уступавшей великолепию близлежащих соборов. На верхнем этаже находились большие залы для княжеских пиров. Об одном из них, устроенном в 1150 г. Борисом Юрьевичем, упоминает летопись: «...Борисъ пъяшеть в Бѣлѣгородѣ, на сѣньници, съ дружиною своею и съ попы Бѣлогородьскыми» [74].

Значительный процент белгородского населения составляла дружинная и земельная знать, в руках которой находились многочисленные феодальные замки и села. Ее дворы располагались в центральной части города и наряду с княжескими и епископскими представляли собой отдельные укрепленные гнезда. Археологические исследования детинца, произведенные В. В. Хвойко, обнаружили целый квартал богатых жилых сооружений. Значительные размеры, наличие нескольких камер, находки облицовочных поливных плиток не оставляют сомнения в социальной принадлежности их обитателей.

Основную массу жителей Белгорода составляли «люди», или «горожане», проживавшие на огромной площади городского посада. Раскопки Г. Г. Мезенцевой, осуществленные в различных его частях, обнаружили несколько десятков рядовых построек, принадлежавших представителям городских низов.

М. Н. Тихомиров высказал предположение, что новые раскопки в Белгороде, вероятно, докажут ремесленный характер этого города и связь его ремесла с киевским хозяйством [75]. Ни раскопки Б. А. Рыбакова, ни многолетние исследования Г. Г. Мезенцевой не обнаружили каких-либо ремесленных мастерских или следов их производства, которые подтвердили бы предположение историка. Возможно, в будущем следы белгородского ремесла и будут найдены (поливные полихромные плитки и гончарная посуда должны были производиться на месте), однако вряд ли они подтвердят ремесленный характер Белгорода. Скорее всего, в этом пригороде Киева была сосредоточена обработка продуктов сельского хозяйства, которые за-

---

[73] *Б. А. Рыбаков, Т. В. Николаева.* Раскопки в Белгороде Киевском. Археологические открытия 1969 года. М., 1970, стр. 285—287; «Отчет об археологических раскопках на Белгородском городище Института археологии АН СССР под руководством Б. А. Рыбакова».— Научный архив ИА АН УССР, ф. э. 5495.

[74] ПСРЛ, т. II, стб. 415.

[75] *М. Н. Тихомиров.* Указ. соч., стр. 300.

тем поставлялись столице Руси. Огромные запасы должны были сосредоточиваться и в самом Белгороде на случай длительной осады, причем в расчете на питание не только гарнизона и жителей, но и многотысячного войска, которое нередко оказывалось в пределах белгородских укреплений. В 1159 г. князья Мстислав Изяславич и Ярослав Осмомысл во время похода на Киев против Изяслава Давыдовича овладели Белгородом и ввели в него свои войска. Великий киевский князь немедленно направился к Белгороду и осадил его, блокировав все выходы из города. Осада продолжалась 12 дней. В 1161 г. Белгород выдержал четырехнедельную осаду войск Изяслава Давыдовича [76]. В подобном положении Белгород оказывался довольно часто, поскольку являлся ключом к овладению Киевом.

Сказанное выше о Вышгороде и Белгороде со всей очевидностью свидетельствует, что они занимали значительное место в системе обороны столицы Руси. Они блокировали северные и западные подступы к Киеву. Половцы неоднократно обходили Стугнинскую оборонительную линию с запада и устремлялись к Киеву, но в этом случае на их пути вставал Белгород.

Здесь уместно будет возразить П. А. Раппопорту, который, исследуя организацию обороны Киевщины, пришел к выводу, что ни Вышгород, ни Белгород не занимали в ее системе сколько-нибудь значительного места. Мощные укрепления, в частности Белгорода, по мнению исследователя, служили в первую очередь не нуждам обороны Киева, а потребностям обороны самого Белгорода. Северные и западные подступы к Киеву, по его мнению, были совершенно не защищены [77]. Из в общем верной посылки сделан неправильный вывод. Конечно, валы Белгорода и Вышгорода, равно как и валы всех пограничных крепостей, сооружались прежде всего для собственной обороны, но в целом, составляя систему обороны, они призваны были решать не только тактические, но и стратегические задачи. Затяжная оборона Белгорода не только исключала внезапность нападения на Киев, но и давала возможность подготовиться к отражению неприятеля.

С юга и юго-запада оборонительное полукольцо вокруг Киева замыкалось целой системой крепостей, расположенных как в непосредственном соседстве с ним, так и вдоль р. Стугны. По сравнению с северо-западным сектором обороны Киева южные и юго-западные подступы к нему имели значительно больше укрепленных поселений, что объясняется близостью этого района к степи.

Наиболее крупным городищенским центром, расположенным в непосредственной близости от южной околицы Киева (в 6 км

---

[76] ПСРЛ, т. II, стб. 501, 516.

[77] *П. А. Раппопорт.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв., стр. 172.

от Выдубычей), было Китаево. Городище принадлежит к системе сложномысовых, расположено на высоком выступе коренного днепровского берега и занимает площадь около 8 га. Все три его площадки окружены высокими валами, которые вместе с естественной крутизной склонов и глубокими рвами делали крепость неприступной.

Археологическое обследование и разведочные раскопки, эпизодически проводившиеся как на самом городище, так и вокруг него, показали, что у подножия холма с северо-запада было расположено значительных размеров открытое поселение, вытянувшееся вдоль ручья (сейчас система прудов) на 1,5 км. В глубине плато, к западу от городища, находятся три курганные группы. К сожалению, в связи с плохой изученностью этого археологического комплекса решение вопроса о времени сооружения городища затруднено. П. А. Раппопорт считает, что оно целиком относится к XI—XIII вв.[78] Однако археологические материалы, найденные, правда, не на городище, а на поселении (возможно, посаде) и могильнике, позволяют датировать появление этого центра временем не позднее IX—X вв.[79] Предания связывают сооружение Китаевского городища с деятельностью Андрея Боголюбского (прозванного будто бы Китаем) [80], однако письменные источники не подтверждают их. Видимо, и название городища, и легенда о его основании родились в позднем средневековье, когда здесь был открыт скит Киево-Печерского монастыря.

Как же называлось Китаевское городище в древности? Ряд исследователей склонны видеть в нем остатки древнерусского города-крепости Пересечена, или Пересечна. Анализ летописных известий как будто бы подтверждает такое предположение. Согласно им Пересечен (Пересечень) находился вблизи Киева, южнее его. Когда в 1154 г. киевскому князю Ростиславу Мстиславичу стало известно, что к Переяславлю подошли половцы, он и Святослав Всеволодович «выступиста исъ Киева къ Пересѣчну, и ту начаста скупливати дружину» [81]. В 1161 г. тот же Ростислав в ответ на заточение новгородцами его сына Мстислава приказал «изоимати Новгородци и уметати ѣ у Пересѣченьскый погребъ» [82].

Важными военно-стратегическими пунктами киевской оборонительной системы были крепости, вытянувшиеся вдоль Стугны: Тумащь, Вернев, Красн, Дерновой, Звенигород, Василев и др.[83] Выше отмечалось, что Стугнинская оборонительная линия на

---

[78] Там же, стр. 49.
[79] *А. І. Кубишев.* Стародавній Китаїв.— «Археологія», т. XVII. Київ, 1964, стр. 43—55.
[80] *М. Закревский.* Описание Киева, т. I. М., 1878, стр. 372.
[81] ПСРЛ, т. II, стб. 471.
[82] Там же, стб. 511.
[83] Там же, стб. 299, 323, 400, 418, 434, 539.

разных исторических этапах существования Древнерусского государства имела различное значение, но всегда осуществляла свою сторожевую функцию. Угроза прорыва кочевниками первой (Пороссой) линии обороны и появление их в непосредственной близости от Киева заставляли киевских князей не только поддерживать в порядке старые крепости, но также возводить новые. Свидетельством этому является городище у с. Старые Безрадичи, отождествляемое исследователями с летописным городом Тумащь [84]. Раскопки экспедиции Б. А. Рыбакова показали, что возникло оно не ранее начала XII в.; все археологические материалы и объекты укладываются в рамки XII—XIII вв. Это огромное городище использовалось как убежище в минуты опасности, что подтверждается отсутствием сплошного культурного слоя XII—XIII вв. на всей его площади [85].

Центральным и наиболее крупным городом в системе оборонительного рубежа вдоль Стугны был Василев (современный город Васильков), возникший еще в X в. Своим названием город, как утверждает летописное предание, обязан Владимиру Святославичу, который будто бы именно здесь принял крещение [86]. Летопись 14 раз упоминает этот древнейший город Киевской земли, и 11 из них приходится на XII в. Это обстоятельство, вероятно, свидетельствует о возросшей роли и значении Василева в жизни Южной Руси.

В 1136 г. Всеволод Ольгович в союзе с половцами не смог пробиться сквозь стугнинский оборонительный рубеж и обошел его между верховьями Ирпеня и Стугны. Под стенами Василева произошло небольшое сражение, которое, судя по летописному известию, не привело к потере великим князем Ярополком Владимировичем этой крепости. Следующее упоминание Василева относится к 1151 г., когда у его стен остановился лагерем Юрий Долгорукий, пытавшийся вернуть себе киевский стол. «Гюрги же в то время стояше у Васильева» [87]. Потерпев поражение под Киевом, Юрий отступал тем же путем. Вслед за ним шли и его преследователи, князья Изяслав Мстиславич, брат его Ростислав и дядя Вячеслав. Собрав все основные силы у Василева, союзники перешли Стугну и настигли Долгорукого на Перепетовом поле. «И тако исполцивше полки своя поидоша мимо Василевъ через Стугну» [88]. В 1159 г. у Василева находился киевский князь Изяслав Давыдович, выступивший против Галича и получивший известие о встречном походе Ярослава Осмомысла.

---

[84] *П. А. Раппопорт.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв., стр. 173.
[85] *Б. А. Рыбаков.* Владимировы крепости на Стугне.— КСИА, вып. 100. М., 1965, стр. 123.
[86] ПСРЛ, т. II, стб. 97.
[87] Там же, стб. 430.
[88] Там же, стб. 434.

Видимо, уже с середины XII в. Василев получает ранг княжеского города. В 1164 г. он вместе с Красном составляет удел Романа Ростиславича. «А Романови, Вячеславлю внуку, да Ростиславъ Васильевъ и Краснъ»[89]. В 1170 г. Василев неоднократно упоминается летописью в рассказе о борьбе Мстислава Изяславича за утраченный киевский престол[90]. Последний раз летопись говорит о Василеве под 1193 г., и также в связи с военными событиями.

Анализ летописных известий убеждает в том, что Василев находился на наиболее опасном направлении печенежских и половецких вторжений, которые осуществлялись чаще всего не с юга, вдоль днепровской береговой линии, а с юго-запада, в обход Стугны. Причиной этому были не столько мощные крепостные заслоны вблизи Киева, сколько естественные рубежи первой надпойменной террасы Днепра, а также широкая заболоченная пойма Стугны, и почти 25-километровая полоса леса — «бора великого», и топи небольшой речушки Виты. С юго-запада Киев не имел столь надежного естественного прикрытия. Огромное Перепетово поле, начинавшееся от берегов Роси, переходило здесь в лесостепь, небольшие рощи которой не могли преградить путь вражеской коннице. Рекá, которая бы ограждала дальние подступы к Киеву с юго-запада и прикрывала коридор, образуемый верховьями Ирпеня и Стугны, здесь также не было. Взятие Василева или Белгорода открывало дорогу к Киеву, в то время как взятие Треполя не могло принести такого же эффекта.

Как и Белгород, Василев был крупным городом, обладавшим первоклассной крепостью, способной укрыть в своих стенах тысячное войско. В центре города возвышался небольшой детинец (220×250 м), окруженный могучим валом, сложенным наполовину из кирпича-сырца. Вокруг него раскинулся огромный, почти 130-гектарный посад, который также был обнесен высоким валом. К сожалению, из всех киевских пригородов в археологическом отношении хуже всего изучен Василев. Работы, осуществленные на его городище Б. А. Рыбаковым и М. П. Кучерой, носили разведочный характер[91]. Собранный здесь археологический материал относится преимущественно к XII—XIII вв.[92], что, вероятно, свидетельствует об экономическом росте Василева. Именно в этот период приобретает важное значение торговый путь, ведший из Киева через Рось и Понизье в Подунавье и Галичину.

В устье р. Красной на высоком обрывистом останце, вытя-

---

[89] Там же, стб. 525.
[90] Там же, стб. 544—546.
[91] *Б. А. Рыбаков.* Владимировы крепости на Стугне, стр. 126—129; *М. П. Кучера.* Звіт про роботу розвідочного загону по обстеженню городищ Київщини.— Научный архив ИА АН УССР, 1972/24, стр. 14—16.
[92] *М. П. Кучера.* Звіт про роботу..., стр. 14—16.

нувшемся вдоль Днепра на 800 м, находился город Треполь (современное село Триполье). Летописи более 20 раз упоминают его как крепость и сборный пункт древнерусских дружин, отправлявшихся на борьбу с половцами. Впервые Треполь упоминается под 1093 г., когда, потерпев поражение от половцев, в нем укрылся великий киевский князь Святополк. «Святополкъ же убѣжѐ во Треполь и затворися ту, и бѣ до вечора»[93].

В 1151 г. в Треполе останавливались лагерем войска Изяслава Мстиславича, спешившие к Киеву, чтобы упредить подход к нему Юрия Долгорукого[94]. Через десять лет великий князь киевский Ростислав Мстиславич собирает здесь свои силы на борьбу с Изяславом Давыдовичем и союзными ему половцами[95]. В 1169 г. Мстислав Изяславич, соединившись с берендеями и торками, выступает через Треполь к Киеву, чтобы вернуть потерянный стол[96]. В 1179 г. великий киевский князь Святослав Всеволодович вместе с Ростиславичами стоял ниже Треполя в ожидании половцев, с которыми должен был заключить мир[97]. У Треполя в 1185 г. со смоленским полком стоял Давыд Ростиславич, пришедший на помощь киевским князьям Святославу и Рюрику, готовившимся выступить на половцев[98].

Ряд летописных известий свидетельствует о том, что Треполь находился у днепровской переправы. В 1136 г. в этом районе переправлялись через Днепр Ольговичи и половцы: «...переидоша Днѣпръ декабря въ 29, и почаша воевати отъ Трьполя». В 1151 г. трепольской переправой воспользовался Юрий Долгорукий, бежавший из Киева под нажимом Изяслава Мстиславича. «Гюрги же перебѣже Днѣпръ у Треполя, и с дѣтми, и ѣха по оной своронѣ в Переяславль». Летописная статья 1777 г., рассказывающая о переправе войск союзников Святослава Всеволодовича через Днепр, отмечает наличие в системе оборонительных укреплений Треполя «Водных ворот». Именно их и открыл Мстислав Владимирович перед войсками черниговских князей Ярослава и Олега, шедших совместно с Святославом Всеволодовичем походом на Киев[99].

В XII в. Треполь был также крупным центром феодального землевладения. Он был даже резиденцией князей, власть которых распространялась на определенную округу. В 1162 г. младший сын Мстислава Великого Владимир получил от киевского князя Ростислава в удел пять городов во главе с Треполем. «Ростиславъ же дасть ему Трьполь, ины 4 городы придасть ему къ Трьполю»[100]. Позднее этот город перешел в руки его сына

[93] ПСРЛ, т. II, стб. 211.
[94] Там же, стб. 427.
[95] Там же, стб. 514.
[96] Там же, стб. 548.
[97] Там же, стб. 613.
[98] Там же, стб. 646.
[99] Там же, стб. 299, 440, 604.
[100] Там же, стб. 521.

Мстислава, который с трепольским полком находился на службе у киевских князей. В 1177 г. он уступил Треполь Ольговичам. В 1180 г., когда Святослав Всеволодович отвоевывал Киев у Рюрика Ростиславича, Мстислав Владимирович первым бежал с поля боя и тем самым чуть было не решил исход сражения в пользу черниговского князя.

Поведение трепольского князя вызвало недовольство Рюрика, однако неизвестно, лишил он Мстислава отцовского удела или же, пользуясь покровительством Святослава, тот удержался в Треполе. Спустя три года Мстислав Владимирович находился в составе войск киевских князей Святослава и Рюрика, выступивших на половцев. Летопись отмечает, что он шел во главе более чем двухтысячного отряда берендеев [101].

В 1193 г. в Треполе княжил Мстислав Мстиславич, позднее князь галицкий. В дальнейшем удел, в который входил и Треполь, переходил в руки то волынского князя Романа Мстиславича, то владимиро-суздальского князя Всеволода [102].

В 20 км южнее Треполя находился летописный город Витичев (на месте современного одноименного села). Возник он в X в. и был наиболее южной днепровской крепостью уже в эпоху Константина Багрянородного. История Витичева, а затем и Святополч-града, срубленного великим киевским князем Святополком Изяславичем в 1095 г. на Витичевском холме [103], хорошо освещена в летописи и подтверждается археологическими данными. Как и Треполь, Витичев стоял у днепровского брода, охраняя его.

В 1149 г., узнав, что Юрий Долгорукий осадил Переяславль, навстречу ему вышел из Киева Изяслав Мстиславич. У Витичева к нему присоединились полки Изяслава Давыдовича и Ростислава Смоленского, после чего войска великого князя переправились через Днепр [104]. Спустя два года, пытаясь воспрепятствовать переходу через Днепр того же Юрия Долгорукого, Изяслав Мстиславич выслал к Витичеву свою днепровскую флотилию и привел сюда значительные сухопутные силы. «Пришедше же и сташа на Витечевѣ, у Мирославьскаго села, противу собѣ. И ту стоящимъ, бьяхуться съѣздячеся в насадехъ о бродъ» [105]. В 1177 г. в Витичев во время похода на Киев к Святославу Всеволодовичу прибыла делегация киевлян с приглашением на стол: «Приѣхавь же Святославъ с полкы своими, ста у Витечева» [106].

Археологические исследования, произведенные экспедицией Б. А. Рыбакова, показали, что на высоком Витичевском холме

[101] Там же, стб. 631.
[102] Там же, стб. 683—684.
[103] Там же, стб. 219.
[104] Там же, стб. 378.
[105] Там же, стб. 424.
[106] Там же, стб. 604.

(около 70 м над уровнем Днепра) находятся два городища. Северное связывается исследователем со старой витичевской крепостью, южное — со Святополч-градом. В XI в. жизнь на северном городище прекращается, что связано, вероятно, с возведением нового города. Раскопки южного городища обнаружили в большом количестве лишь материалы XII—XIII вв.[107]

Крепость Иван (городище находится на южной околице г. Ржищева) упоминается в летописи под 1151 г. как сборный пункт князей, участвовавших под руководством Изяслава Мстиславича в борьбе с Юрием Долгоруким. «В то же время Вячъславъ, и Изяслав, и братъ его Ростиславъ, и Изяславъ Давыдовичь, и Володимеръ брат Ростиславль, и Городеньскый князь, стояхуть вси у Ивана»[108].

Как показывает сохранившееся городище, Иван был небольшой, но сильной крепостью. Занимала она выступ правого берега Днепра, возвышавшийся над его поймой на 65—70 м. По склону холма с напольной стороны проходили два оборонительных рва, придававших ему дополнительную крутизну; по краю плато шел высокий вал. Многолетние раскопки городища, осуществленные В. К. Гончаровым, показали, что наибольший расцвет его приходился на XII—XIII вв.; большинство жилищ, а также археологических находок датируется именно этим временем[109]. В случае опасности крепость Иван могла выставить около сотни вооруженных дружинников, хотя гарнизон ее был, вероятно, менее многочисленным.

Одним из сторожевых пунктов Днепровской оборонительной линии был древний Чучин (современное село Щучинка), возникший во второй половине XI в. Летопись упоминает Чучин под 1110 г. в связи с половецким нападением. Город занимал возвышенность на правом берегу Днепра (около 70 м над его поймой). Со всех сторон городище защищено крутыми склонами и только на юго-востоке узкой полосой соединено с общим плато. Площадь города, состоявшего из детинца и окольного града, равнялась 6 га. Каждая из этих частей была укреплена особым валом и рвом. Внизу, в полукилометре южнее городища, на правом берегу небольшой речушки, впадающей в Днепр, находилось открытое поселение, которое, вероятно, было посадским районом Чучина.

Многолетнее археологическое исследование городища экспедицией В. И. Довженка позволило значительно полнее представить социально-экономический облик этого древнерусского центра. В нем обнаружены остатки деревянных конструкций

---

[107] *Б. А. Рыбаков.* Любеч и Витичев — ворота «внутренней Руси».— «Тезисы докладов советской делегации на 1-м Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве». М., 1965, стр. 7—15.

[108] ПСРЛ, т. II, стб. 426.

[109] *В. К. Гончаров.* Древньоруське городище Іван.— «Археологія», т. XVI. Київ, 1964, стр. 126—130.

вала и крепостной (сигнальной) башни, следы тайного выхода в сторону Днепра, остатки жилых и хозяйственных построек. Найдены орудия сельскохозяйственного производства — лемех, наральник, серпы, косы, ножницы, жернова, топоры, струги, ножи и оружие — боевой топор, кистени, наконечники стрел. Все эти находки не оставляют сомнения в военно-феодальном характере Чучина [110]. По наблюдению В. И. Довженка, городище Чучино было наиболее крупным по сравнению с соседними — Ходоровским, расположенным вниз по Днепру [111], Ульяновским, стоящим в стороне от Днепра, и, по-видимому, Иваном. Чучин принадлежал богатому и влиятельному феодалу, тогда как его соседи — феодалам менее значительным. Можно предположить, что в них сидели вассалы феодала, владевшего Чучином, последний же был вассалом киевского князя [112].

Значительным древнерусским городом на Днепре был Заруб (вблизи современного с. Зарубинцы), неоднократно упоминаемый в летописи как опорный пункт у днепровской переправы против Переяславля. Первое известие о Зарубе относится к 1096 г. Весной того года половецкая орда под водительством хана Тугоркана, тестя великого киевского князя Святополка Изяславича, предприняла опустошительный набег на Переяславщину и осадила ее столицу. На помощь осажденным немедленно выступили Святополк и Владимир Мономах. Их войска прошли правым берегом Днепра к Зарубу и тут переправились на левый. Половцы, не ожидавшие столь быстрого подхода киевских сил, были разгромлены. В бою погиб и Тугоркан, которого похоронили неподалеку от Берестова. Вот как об этом пишет летопись: «Святополкъ же и Володимеръ поидоста на нь (половцев.— *П. Т.*), по сѣи сторонѣ Днѣпра, и приидоста к Зарубу, и туто перебродистася, и не почютиша ихъ Половцѣ» [113]. В 1146 г. зарубской переправой воспользовался переяславский князь Изяслав Мстиславич во время своего триумфального похода на Киев. «И съвъкупи воя своя, поиде на нъ ис Переяславля, вземъ молитву у святомъ Михаиле у епископа Ефимья, и переиде Днѣпр у Заруба» [114].

Показательно также описание событий 1151 г. Потерпев неудачу под Киевом и Витичевом, Юрий Долгорукий перебросил свои войска вдоль левого берега к Зарубу и, несмотря на то что зарубский брод охранялся воеводой Изяслава Шварном, ов-

---

[110] *В. И. Довженок.* Літописний Чучин.— «Археологія», т. XVI. Київ, 1964; *он же.* Древнерусские городища на Среднем Днепре.— СА, № 4. М., 1967; «Раскопки Чучина».— «Археологические исследования на Украине 1965—1966», вып. 1. Киев, 1967.

[111] *М. П. Кучера.* Ходорівське древньоруське городище.— «Археологія», т. XX. Київ, 1966.

[112] *В. И. Довженок.* Сторожевые города на юге Киевской Руси, стр. 44.

[113] ПСРЛ, т. II, стб. 221.

[114] Там же, стб. 323.

ладел переправой. Сначала на правый берег перешли передовые отряды суздальского князя и его союзники — половцы, а затем и главные силы. «Сыномъ же Дюргевымъ и обѣима Святославома прѣбредъшима Днѣпр, с Половци, послаша къ Дюргеви, рекуче: «поѣди в борзѣ, уже есмы перешли Днѣпр, да нѣ ударить на насъ Изяславъ». Дюргий же с Володимеромъ приде вборзе к Зарубу, и перебродаша чересь Днѣпр»[115]. Разбитые у стен Киева, к Зарубу бежали черниговские союзники Долгорукого, где и переправились на левый берег: «...а Святославъ Олговичь и Всеволодичь Святославъ перебѣгоста Днѣпръ выше Заруба»[116].

Летописные известия повествуют о Зарубе и как о месте переговоров с половецкими ханами. В 1156 г. Юрий Долгорукий, тогда великий киевский князь, призвал к себе Изяслава Давыдовича и Святослава Ольговича и вместе с ними отправился к Зарубу на встречу с половцами. «Потомъ поиде Гюрги, поима со собою Изяслава Давыдовича и Святослава Олговича къ Зарубу, на снемь с Половци, и с ними миръ створи»[117].

Последнее известие о Зарубе как опорном пункте на Днепре относится к 1223 г., когда русские князья «совокупивше землю русскую всю противу татаром и приидоша к реце Днепру на Заруб к острову Варяжьскому»[118].

Заруб занимал важное место и в религиозной жизни Киевщины — здесь находился монастырь. В 1147 г. монах Зарубского Пречистенского монастыря Клим Смолятич, человек исключительной образованности — «книжникъ и философъ, такъ якоже в Рускои земли не бяшеть»[119], становится киевским митрополитом. О Зарубе как значительном церковном центре свидетельствуют археологические раскопки. Еще в 80-х годах прошлого столетия внимание Н. Ф. Беляшевского привлекло урочище Церковщина, расположенное в 2 км к северу от с. Зарубинцы, у подножия городища. Произведенные им тогда же, а затем и в 1907, 1916—1918 гг. раскопки выявили здесь небольшой четырехстолпный трехапсидный храм XII в., сложенный из плинфы и декорированный фресковой росписью и майоликовыми плитками. К востоку от него находились развалины еще одной постройки, между стенами которой стояли шиферные саркофаги[120]. Как показали исследования М. К. Каргера 1948—1949 гг., это были фундаменты каменной церкви, которая, вероятно, была соборным храмом Зарубского монастыря.

---

[115] ПСРЛ, т. II, стб. 426.
[116] Там же, стб. 440.
[117] Там же, стб. 485.
[118] ПСРЛ, т. I, стб. 505.
[119] ПСРЛ, т. II, стб. 340.
[120] *Н. Ф. Беляшевский.* Церковище возле дер. Монастырек Каневск. у. Киевск. губ.— «Киевская старина», т. XXIV, 1889, январь, стр. 210—213; ИАК, Прибавл. к вып. 22. СПб., 1907, стр. 18; *он же.* Розкопки в Зарубському монастирі.— «Наше минуле», ч. 2. Київ, 1918, стр. 200—201.

Это также небольшая трехнефная, но шестистолпная церковь, возведенная во второй половине XI в.[121] Следует отметить, что не все, даже столичные, монастыри XI—XIII вв. имели в своем комплексе два каменных храма.

Имел ли Заруб другие каменные постройки, неизвестно, как неизвестно и точное его местоположение. П. Г. Лебединцев, комментируя раскопки Н. Ф. Беляшевского, высказал предположение, что урочище Церковщина с обнаруженными фундаментами соборов и есть летописный Заруб[122]. Последующие исследователи, и в частности М. К. Каргер, считали, что вряд ли место, удобное для монастыря, возвышавшееся всего на 10—15 м над уровнем Днепра, могло быть избрано для возведения всего города. Его пытались искать на верхней днепровской террасе, в тех топографических условиях, в которых находятся все правобережные древнерусские города. Одно из таких городищ, состоящее из трех частей, каждая из которых укреплена земляным валом, находится непосредственно над урочищем Церковщина, другое — на высокой Батуровой горе, в нескольких километрах южнее. Произведя шурфовку первого городища и не обнаружив здесь древнерусских материалов, М. К. Каргер решительно возразил против отождествления его с летописным Зарубом.

Остатками последнего он склонен был считать городище на Батуровой горе, расположенное против устья Трубежа, хотя археологических материалов древнерусского времени на нем также не выявил[123]. Это городище, как и стоящее напротив — летописное Устье, с двух сторон прикрывало днепровский брод. Однако это обстоятельство вряд ли может быть убедительным аргументом в пользу отождествления его с Зарубом. Брод через Днепр находился не в устье Трубежа, а выше него, вероятно, в районе современной переяславской пристани, куда подходит из Переяславля древний путь. Устье же охраняло не столько брод (вряд ли на левом берегу был смысл строить специальную крепость на днепровском броде, учитывая, что Переяславлю половцы никогда не угрожали с правого берега), сколько нижнее течение Трубежа, игравшее роль днепровской гавани Переяславля[124]. Трудно себе также представить, чтобы Зарубский монастырь, безусловно нуждавшийся в постоянной охране города, находился на столь значительном расстоянии от него.

В 1973 г., проводя разведочные работы на городищах Днепровской, Стугнинской и Поросской оборонительных линий, Ки-

---

[121] *М. К. Каргер.* Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб.— СА, XXIII. М.— Л., 1950, стр. 45—60.

[122] *П. Г. Лебединцев.* К статье Беляшевского.— «Киевская старина», т. XXIV. 1889, январь, стр. 213—217.

[123] *М. К. Каргер.* Развалины Зарубского монастыря..., стр. 46.

[124] *М. П. Кучера.* До питання про Древньоруське місто Устья на р. Трубіж — «Археологія», т. XXI. Київ, 1968, стр. 247—248.

евская археологическая экспедиция особое внимание уделила поискам летописного Заруба. С этой целью тщательному обследованию подверглось не только урочище Церковщина, но и все окрестные холмы. Один из них — Батурина гора находится на расстоянии более 2 км от урочища Церковщина и представляет собой наиболее высокий выступ коренного берега Днепра. На поверхности и в овражных срезах нам удалось собрать керамику исключительно эпохи бронзы. Культурный слой горы очень незначителен (10—15 см). Все это убедительно свидетельствует, что в древнерусское время Батурина гора не была заселена и искать здесь летописный Заруб не следует.

Аналогичные находки обнаружены и на холмах, окаймляющих непосредственно урочище Церковщина. Даже слабых признаков заселения их в древнерусское время нет. Наибольший интерес представляет городище, расположенное в 0,5 км от Церковщины вниз по Днепру. Именно его некоторые исследователи склонны отождествлять с городищем Заруба. Обследование показало, что здесь также нет материалов Киевской Руси. Встречается лишь керамика эпохи бронзы, зарубинецкая и раннеславянская. Последняя датируется в пределах VII—IX вв. Видимо, к этому времени относится и возведенное здесь городище.

Таким образом, ни на одной из гор в радиусе более 2 км материалов древнерусского времени нет. Как и прежде, они находятся только в урочище Церковщина. Это главным образом красноглиняная керамика конца XI—XIII вв. Она, а также исследованные здесь древнерусские храмы и фиксируют местоположение летописного Заруба. Он находился на переправе с переяславской стороны, и его расположение непосредственно у воды вполне целесообразно. Город не возвышался могучей крепостью на второй террасе днепровского берега, но и не был беззащитен. Терраса, на которой он располагался, круто обрывалась к реке, окаймлялась глубокими оврагами и только с напольной стороны плавно поднималась вверх. Вал и ров, возведенные в этом месте, делали город неприступным со стороны поля.

Крайними южными городами Киевщины на Днепре были Канев и Родень. Их исключительная роль в истории древней Руси определялась самим местоположением, на границе со степью.

Канев был важным военно-стратегическим пунктом, охранявшим последнюю (в пределах границ Руси) переправу через Днепр. Как считал М. Н. Тихомиров, само название города является производным от Кан или Хан. В таком случае мы имели бы Канов, т. е. ханский перевоз, откуда получил свое название и город [125]. Именовался ли этот днепровский перевоз ханским и он ли дал название городу, мы не знаем, но несомненно он был причиной возникновения здесь древнерус-

[125] *М. Н. Тихомиров.* Указ. соч., стр. 302.

ского опорного пункта. Об этом свидетельствует уже первое летописное упоминание Канева. В 1149 г. побежденный под Переяславлем киевский князь Изяслав Мстиславич с остатками своего войска бежит к каневской переправе. «Изяславъ же... побѣже и перебреде на Каневъ» [126].

Характер передового днепровского города, откуда древнерусские князья совершали походы на половцев и где вели с ними мирные переговоры, ярко выступает в последующих летописных известиях о Каневе. В 1155 г. Юрий Долгорукий прибывает к Каневу, чтобы уладить спор между переяславскими берендеями, служившими киевскому князю, и половцами: «Тогда же иде Гюрги на снемь противу Половцемъ Каневу» [127]. Неудовлетворенные решением Юрия Долгорукого, половцы в том же году снова подступают к южным рубежам Руси и пытаются вынудить Долгорукого наказать берендеев. Собрав значительные силы, куда вошли полки киевские, переяславские, волынские и галицкие, он снова отправляется «на снемъ къ Каневу» [128]. Объединенные полки киевского князя произвели на половцев столь сильное впечатление, что они уклонились от переговоров и ночью ушли в степь. Спустя два года, узнав о смене власти в Киеве, половцы пытаются воспользоваться этим обстоятельством и получить для себя какие-то привилегии, однако их переговоры, состоявшиеся у Канева, с Изяславом Давыдовичем лишь подтвердили незыблемость южных рубежей Руси [129].

В годы великого княжения Ростислава и Мстислава Изяславича древнерусские князья дважды предпринимают объединенные походы к Каневу, чтобы предотвратить вторжение на Русь половцев и обезопасить торговые пути [130]. В 1192 г. подобный поход был осуществлен к Каневу и Святославом Всеволодовичем с союзниками. «Князь Святославъ со сватомъ своимъ с Рюрикомъ совокупившеся и с братьею и стояша у Канева все лѣто, стерегучи земли Рускиѣ». На следующий год князья Святослав и Рюрик снова прибыли в Канев, чтобы вести переговоры со всеми половецкими ханами. «На осень Святославъ и Рюрикъ снястася в Каневѣ» [131].

Видимо, уже в первой половине XII в. Канев вырос в крупный феодальный город, получавший в отдельные периоды ранг удельного центра. В 1149 г. Юрий Долгорукий посылал на княжение в Канев своего сына Глеба [132]. В 1162 г. Канев вместе с Торческом и Белгородом находился в руках Мстислава Изя-

---

[126] ПСРЛ, т. II, стб. 383.
[127] Там же, стб. 479—480.
[128] Там же, стб. 481.
[129] Там же, стб. 490.
[130] Там же, стб. 528, 539.
[131] Там же, стб. 673, 675.
[132] Там же, стб. 384.

славича, однако уже в 1168—1169 гг., когда последний стал киевским князем, в Каневе снова вокняжился Глеб Юрьевич. В годы княжения Святослава Всеволодовича в Каневе сидел его сын Глеб. Последнее упоминание о Каневе, относящееся к 1195 г., свидетельствует о том, что он вместе с другими поросскими городами передавался великим киевским князем Рюриком Ростиславичем в руки то своего зятя Романа Мстиславича, то Всеволода Юрьевича [133]. Был ли Канев в это время административным центром удела, из летописи неясно.

К сожалению, археологически Канев почти не изучен. За исключением небольших работ В. А. Богусевича на горе Московке, где им были обнаружены жилища и материалы XI—XIII вв., раскопки в Каневе вообще не велись. Неизвестно даже точное местоположение древнего городского центра. Долгое время считалось, что детинец Канева находился в районе дожившей до наших дней Юрьевской церкви (построенной Всеволодом Ольговичем около 1144 г.) [134]. В. А. Богусевич высказал предположение, что его следует располагать на горе Московке [135].

Тщательные археологические обследования каневских холмов, а также изучение условий их топографического местоположения убеждают нас в том, что древнее городское ядро Канева, крупного летописного центра, не могло находиться на горе Московке. Для этой роли она не подходила. Представляя собой небольшой, изолированный почти со всех сторон останец правобережного плато, гора могла быть использована для расположения здесь какой-либо загородной усадьбы или же сторожевого пункта.

Значительно больше оснований имеется для утверждения, что каневский детинец находился в районе Юрьевской церкви. Место это не самое высокое в современном Каневе, но очень удобное в топографическом отношении. Со стороны Днепра, который именно здесь подходил наиболее близко к коренному берегу, плато имеет крутые обрывы, с юго-востока и северо-запада подрезается неглубокими оврагами (сейчас по ним сбегают вниз к Днепру две городские улицы) и только с напольной части не имеет естественных рубежей. Но как раз в этом направлении и мог развиваться городской посад. Во время археологической разведки здесь удалось собрать несколько фрагментов керамики XI—XII вв. Сказать что-либо о характере укреплений древнего Канева не представляется возможным, поскольку они до наших дней не дожили. Однако вряд ли уместно сомнение в том, что Канев представлял собой не только значительный городской центр, на что, в частности, указывает и сооружение здесь каменного храма, но и мощную крепость.

[133] ПСРЛ, т. II, стб. 683—684.
[134] *Ю. С. Асеев.* Архітектура Київської Русі. Київ, 1969, стр. 127.
[135] *В. А. Богусевич.* Канівська археологічна експедиція.— АП, т. III. Київ, 1952, стр. 152.

В 7 км ниже Канева находится городище Княжа гора. Оно занимает господствующую возвышенность правого коренного берега Днепра (около 63 м над уровнем реки), вытянувшуюся с юго-запада на северо-восток. С двух сторон Княжу гору окружают глубокие овраги, с третьей она круто обрывается к Днепру, и только с четвертой гора постепенно переходит в поле. Городище состоит из двух частей — меньшей (около 1,5 га) мысовой и большей (2,5 га) напольной, разделенных валом и рвом. Согласно сведениям Н. Ф. Беляшевского вал городища еще в XIX в. сохранялся на высоту 4—6 м [136]. Со стороны поля Княжа гора была также ограждена земляным валом и рвом.

Археологические исследования городища, проводившиеся на протяжении многих лет Н. Ф. Беляшевским, а затем и Г. Г. Мезенцевой, посвятившей этому памятнику отдельную монографию [137], показали, что наиболее полнокровной жизнью Княжа гора жила в XII—XIII вв., хотя обнаружены и более ранние материалы.

Мощные земляные укрепления, десятки жилых и хозяйственных построек, многочисленные находки орудий сельскохозяйственного производства, а также всех видов древнерусского оружия не оставляют сомнения в военно-феодальном характере городища. Военное дело для его обитателей, учитывая практически пограничное местоположение Княжей горы, должно было быть главным занятием. Однако значительное место занимало и сельскохозяйственное производство. Кроме названных предметов здесь было найдено большое количество изделий из цветных и драгоценных металлов. Среди них бронзовые змеевики, энколпионы, небольшие нательные крестики и огромные кресты с распятием, иконки, подсвечники, паникадила, золотые и серебряные серьги, браслеты, ожерелья, колты, шейные гривны, кольца. Присутствуют в коллекции из Княжей горы и довольно редкие даже для крупных городов золотые украшения, исполненные в технике перегородчатых эмалей [138]. Все эти вещи датируются преимущественно XII—XIII вв. и на первый взгляд свидетельствуют о высоком уровне развития на городище ювелирного ремесла. Видимо, поэтому Г. Г. Мезенцева пришла к утверждению, что основой экономического развития этого центра было высокоразвитое ремесло [139].

Вывод этот, однако, не соответствует действительности. Многочисленные находки ювелирных изделий указывают на широкое применение их в быту верхушкой населения городища Княжа гора, но не на местное производство. В большинстве

---

[136] *Н. Ф. Беляшевский.* Раскопки на Княжей горе в 1891 г. Киев, 1892.
[137] *Г. Г. Мезенцева.* Древньоруське місто Родень. Київ, 1968.
[138] Там же, стр. 63—96.
[139] Там же, стр. 96, 114.

своем они имеют киевское происхождение и отражают уровень развития столичного ремесла. К сожалению, мы не знаем условий нахождения этих вещей, но думается, что все они (или большинство) представляли собой клады, зарытые в канун грозных военных событий. Ни раскопки Н. Ф. Беляшевского, ни широкие планомерные исследования Г. Г. Мезенцевой не обнаружили даже следов ювелирных мастерских. Сказанное не означает, что на городище вообще не было ремесленного производства, оно, безусловно, было (без оружейников и кузнецов, изготовлявших и чинивших оружие и сельскохозяйственный инвентарь, крепость обойтись не могла), но играло явно вспомогательную роль и, конечно же, не занимало главного места в экономике этого порубежного центра.

В вопросе об исторической атрибуции городища Княжа гора практически нет разногласий. Высказанное Н. Ф. Беляшевским мнение, что оно является остатками летописного города Родня, от частого повторения превратилось в истину, не требующую доказательств. Все последующие исследователи, в том числе и Г. Г. Мезенцева, приняли вывод Н. Ф. Беляшевского как бесспорный. Из советских археологов только В. А. Богусевич пытался подвергнуть его сомнению, однако предложенное им отождествление Родня с горой под названием Малое скифское городище оказалось несостоятельным [140]. На ней нет культурного слоя древнерусского времени.

Главным и, пожалуй, единственным аргументом в пользу отождествления городища Княжа гора с Роднем является летописное известие 980 г., рассказывающее о том, что изгнанный из Киева князь Ярополк «пришедъ затворися въ градѣ Родѣнѣ на устьи Ръси» [141]. Из текста летописи видно, что древнерусский город Родень находился в устье Роси, но вовсе не следует, что его можно отождествить с городищем Княжа гора. Последнее располагается не в устье Роси, а в нескольких километрах выше его, на Днепре. Странно, что это обстоятельство никого не смутило. Думается, что больше оснований видеть остатки летописного Родня в городище, находящемся в с. Пекари. Оно состоит из двух укрепленных частей, занимающих верхнее плато левого коренного берега Роси и поселения-посада, раскинувшегося на южных склонах возвышенности. В народе это место носит название «городков». Во время осмотра городища удалось собрать значительное число фрагментов древнерусской керамики, которая может датироваться X — началом XI в. Видимо, городище в с. Пекари было сооружено в устье Роси еще в X в. и являлось первым укрепленным пунктом в системе поросских сторожевых крепостей.

Говоря о военно-феодальном характере городища Княжа го-

---

[140] *В. А. Богусевич.* Указ. соч.
[141] ПСРЛ, т. II, стб. 65.

ра, то же самое можно сказать и о большинстве других днепровских городищ, значение которых определялось в первую очередь вхождением их в единую оборонительную систему на юге Руси. Главной их задачей было нести сторожевую службу, предупреждать и отражать нападение степняков. Анализ археологических материалов показывает, что временем наивысшего подъема жизни днепровских городищ были XII—XIII вв., когда борьба с половцами стала общенародной, общерусской задачей и носила наступательный характер.

По мнению ряда исследователей, днепровские городища, расположенные на расстоянии 7—10 км друг от друга, несли также и сигнализационную службу. Весть о приближении к южнорусской границе половцев с помощью сигнальных костров очень быстро могла быть передана в Киев. Во время раскопок Витичевского городища были обнаружены остатки башни, стоявшей на самом высоком месте над Днепром. Большое скопление золы, перекрывавшее башню, по мнению Б. А. Рыбакова, свидетельствует о том, что образовалось оно от сигнальных костров [142].

Занимаясь проблемой сторожевых городов на юге Руси, В. И. Довженок пришел к правильному, на наш взгляд, выводу, что, несмотря на радиальное направление (по отношению к Половецкой земле) Днепровской оборонительной линии, значение ее в обороне страны было очень велико. Она преграждала путь левобережным половецким ордам, которые не только предпринимали опустошительные набеги на Переяславщину и Черниговщину, но и пытались проникнуть на правобережные земли Руси [143]. Характерно, что наиболее крупные днепровские крепости, выросшие со временем в города, располагались в местах переправ или бродов через Днепр. Такими были Треполь, Витичев, позднее Святополч-град, Заруб и Канев. Упоминание в летописи трепольского полка, участвовавшего в походе на половцев, позволяет предполагать наличие аналогичных гарнизонов и в остальных городских центрах.

Естественным продолжением Днепровской явилась Поросская оборонительная линия. На Роси от ее истоков до устья известно 13 древнерусских городищ, расположенных в основном на ее левом берегу [144]. В большинстве своем это были сторожевые крепости, однако некоторые из них — Корсунь, Торческ и Юрьев — являлись значительными городскими центрами.

К сожалению, археологическая исследованность древнерусских пунктов Поросья все еще очень фрагментарна. До сих пор не проведено сплошного обследования бассейна Роси, а о том, что представлял собой район между последней и Тясмином в

---

[142] *Б. А. Рыбаков.* Любеч и Витичев — ворота «внутренней Руси», стр. 33.
[143] *В. И. Довженок.* Сторожевые города на юге Киевской Руси, стр. 40.
[144] Там же, стр. 39.

древнерусское время, мы по существу ничего не знаем. Не лучше обстоит дело и с раскопками. Это тем более досадно, что район представляет исключительный интерес и ставит перед исследователями целый комплекс проблем: место Поросья в общей системе обороны Руси от кочевников, роль тюркского населения Поросья в отражении половецкой угрозы, взаимоотношения тюркских поселенцев с местным славянским населением, степень влияния древнерусской культуры на тюрков и характер их ассимиляции. Успешное решение названных проблем будет в значительной степени зависеть от активизации и систематичности археологических исследований в южнорусском пограничье. Не имея возможности дать сколько-нибудь полную характеристику всех центров Поросья, остановимся лишь на наиболее значительных, которые упоминаются в летописи или подверглись археологическим раскопкам.

Одним из таких центров является городище в с. Сахновка Корсунь-Шевченковского района, получившее известность и привлекшее к себе внимание археологов еще в XIX в. благодаря находке на нем золотой княжеской диадемы. В настоящее время систематические исследования городища ведет экспедиция В. И. Довженка. Расположено оно на Девич-горе, возвышающейся над поймой Роси на 104 м. Крутые скаты возвышенности, а также искусственное укрепление делали городище на Девич-горе неприступным. Раскопки обнаружили здесь многочисленные ямы, в которых хранились запасы продуктов. Керамический материал датирует городище, представляющее собой военно-феодальный замок, XII—XIII вв.

Корсунь (современный Корсунь-Шевченковский) впервые упоминается в летописи под 1172 г., когда во время похода на Киев у его стен остановились правобережные — лукоморские половцы [145]. Возник город, вероятно, еще в конце X — начале XI в., быть может, во время строительной деятельности Владимира Святославича. Присутствие среди находок Корсунского городища керамики X в. как будто бы дает основания для такого предположения. В XII — начале XIII в., как свидетельствуют последующие летописные известия, Корсунь вырос в один из крупнейших в Поросье центров, на обладание которым постоянно претендовали удельные князья. В 1195 г. Корсунь был отдан сначала Роману Мстиславичу, а затем Всеволоду Юрьевичу [146].

Корсунское городище занимает господствующую возвышенность левого берега Роси, расположенную в треугольнике, образуемом Росью и ее притоком Корсункой. С напольной стороны оно укреплено двумя линиями валов и рвов. К городищу-детинцу с востока примыкал обширный посад, на котором на-

---

[145] ПСРЛ, т. II, стб. 555.
[146] Там же, стб. 683—684.

ходили керамику X—XIII вв. К сожалению, этот важный центр Поросья не подвергался археологическим раскопкам, что, естественно, затрудняет его характеристику.

Выше Корсуня находился еще один крупный городской центр на Роси — Богуслав (современный город Богуслав). Летопись упоминает его под 1195 г. в числе спорных владений, переходивших из рук в руки [147]. Как и большинство древнерусских городов, Богуслав занимал возвышенный треугольник, образуемый слиянием рек Роси и Богуславки. Детинец города располагался на самой высокой точке плато, где сейчас находится усадьба Троицкой церкви. Именно здесь удалось обнаружить керамику XII—XIII вв.

Торческ (Торцк, Торцький) выступает в летописных известиях как центр торков, берендеев, печенегов и других тюркских племен, осевших в Поросье еще в конце XI в. и служивших киевским князьям. Конкретным подтверждением этому является первое упоминание Торческа под 1093 г. В том году половцы предприняли особенно сильное давление на южные границы Руси. Они появились под стенами Торческа и осадили его. Девять недель город стойко держался, и лишь когда вышли все запасы продовольствия, он был сдан врагу. Половцы сожгли город, а его жителей увели в плен [148].

Вскоре, видимо, Торческ был восстановлен, и уже в середине XII в. он выступает как княжеский город, административный центр всего Поросья. В 1161 г. его князь Рюрик Ростиславич привел в помощь Мстиславу Изяславичу берендеев, коуев, торков и печенегов, которые, очевидно, находились под непосредственным началом торческого князя. В том же году в качестве торческого князя упоминается и другой сын Ростислава — Давыд, а в 1162 г. Торческ отходит к числу владений Мстислава Изяславича [149]. После смерти Ростислава Мстиславича на Торческ заявил свои претензии его брат Владимир, желавший присовокупить «къ своей волости Торцьскый съ всимъ Поросьем» [150]. Однако Мстислав Изяславич, став киевским князем, вынудил его отказаться от этих притязаний. В 1174 г. Торческ находится в руках Михалка Юрьевича [151]. В годы княжения Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича в Торческе пересиживает неудачи в борьбе за Владимир Роман Мстиславич. «Романъ же бящеть пришелъ с Ляхы на брата... и не успѣвъ ему ничтоже, иде к Рюрикови ко отцю своему. Рюрикъ же да ему Торцькый».

Приведенные летописные известия показывают, что в Торческе — столице черных клобуков и всего Поросья — регулярно

[147] Там же, стб. 684.
[148] Там же, стб. 209, 212, 215.
[149] Там же, стб. 517, 519, 521.
[150] Там же, стб. 533.
[151] Там же, стб. 570—571.

правили князья из Киева. Такое постоянство политики великих князей, вероятно, вызывало определенное противодействие со стороны черноклобуцкой знати. Она, конечно, не помышляла об автономии Поросья, тем более что заселено оно было все же преимущественно древнерусским населением, но была бы не прочь видеть на торческом столе своего князя. Только около 1188 г., с уходом из Торческа Романа Мстиславича, черные клобуки добиваются желанной цели: в столице Поросья утверждается их соплеменник князь Кундувдый — «мужь дерзъ и надобенъ в Руси».

Недолго, однако, пришлось княжить Кундувдыю. В 1190 г. по подозрению в сговоре с половцами великий князь Святослав Всеволодович лишает его торческого стола и увозит в Киев. Правда, благодаря заступничеству Рюрика Кундувдый, приведенный к присяге, был вскоре отпущен, но, оскорбленный, не возвратился в Торческ, а ушел к половцам. Вместе с ними он предпринял опустошительный наезд на город Чюрнаев, пошел на Торческ, но, узнав, что туда же пришел из Киева князь Ростислав Рюрикович, возвратился в степь [152].

Через некоторое время Кундувдый снова привел половцев на Русь, но в бою с русскими и черноклобуцкими полками, возглавляемыми Ростиславом, потерпел поражение. «Ростиславъ же прѣеха в Торцькый свой съ славою и честью великою». В 1193 г. торческий князь Ростислав совместно с черными клобуками вторично одерживает блестящую победу над половцами и со славою возвращается в Торческ [153].

Успешные походы торческого князя Ростислава Рюриковича на половцев свидетельствуют, что к концу XII в. великие киевские князья почти полностью переложили заботы по охране южнорусского пограничья на местные силы. Время крупных походов древнерусских князей в степь прошло, половцы больше не представляли чрезвычайной опасности для Руси. С ними вполне справлялись черные клобуки и русские гарнизоны, размещенные в городах и крепостях вдоль Роси. Возглавлял оборону южнорусских границ торческий князь.

Дальнейшая история Торческа прослеживается менее отчетливо. В 1195 г. он был передан Рюриком Ростиславичем Роману Мстиславичу, который уже занимал этот стол ранее и поэтому претендовал на него как на свою отчину, затем под давлением Всеволода Юрьевича киевский князь вынужден был изменить свое решение в пользу последнего. Будучи тонким политиком и пытаясь поссорить между собой Рюрика и Романа, Всеволод уступил Торческ сыну великого князя [154].

Более 30 лет летопись не упоминает о Торческе, и только в

---

[152] ПСРЛ, т. II, стб. 668—669.
[153] Там же, стб. 672, 676—678.
[154] Там же, стб. 683—685.

1226 г. он снова появляется на ее страницах. В это время город находился в руках галицкого князя Мстислава Мстиславича [155]. В 1231 г. Даниил Романович уступает Торческ сыновьям Мстислава: «Торцькый и паки да и дѣтемь Мстиславлимъ, шюрятомъ своимъ, рекъ им: «за отца вашего добродѣанье приимите и держите Торцькый город» [156]. Последнее упоминание Торческа относится к 1234 г., когда у его стен произошла битва между половцами и Данилом Романовичем [157].

Летописные известия рисуют Торческ важнейшим древнерусским центром Поросья, находившимся на протяжении полутора столетий на переднем крае борьбы с половцами. Уже давно исследователи связывали с ним огромное городище (около 90 га), находящееся в 38 км к востоку от Белой Церкви, между селами Ольшаница и Шарки. Состоит оно из большого укрепленного загона протяжением 1400 м и двух сегментообразных внутренних укреплений. Раскопки Б. А. Рыбакова показали, что это был крупный берендейский город, детинец которого представлял собой русский квартал. Вероятно, здесь находилась и резиденция русских князей. На городище обнаружены остатки ремесленных мастерских, богатый и разнообразный инвентарь: древнерусская керамика, майоликовые плитки, часть бронзового хороса, пряслица [158].

Подавляющее большинство археологических материалов датируется XII—XIII вв., что свидетельствует о полнокровной городской жизни Торческа в это время.

Юрьев (отождествляемый с городищем у Белой Церкви) принадлежит к числу тех крепостей, которые сооружал в Поросье еще Ярослав Мудрый. Ему город обязан названием и необычайно быстрым развитием. Видимо, уже при Ярославе Юрьев выдвинулся в ряд крупных церковных центров страны. Известия об юрьевских епископах встречаются на страницах летописей значительно раньше и чаще, чем рассказы о самом городе. Первое из них относится к 1072 г., когда епископ юрьевский Михаил принимал участие в торжествах по случаю перенесения мощей святых Бориса и Глеба [159], последующие датируются 1089, 1091, 1095, 1113, 1115, 1122, 1147, 1183, 1197, 1231 гг. Основание епископской кафедры в Юрьеве и забота об ее процветании были связаны, вероятно, с широкими миссионерскими задачами, с необходимостью обращения в христианство «своих поганых» — тюркских племен Поросья. Просуществовала она, что видно из летописи, вплоть до татаро-монгольского нашествия.

---

[155] Там же, стб. 750.
[156] Там же, стб. 766.
[157] Там же, стб. 773.
[158] *Б. А. Рыбаков.* Торческ — город черных клобуков.— «Археологические открытия 1966 г.» М., 1967, стр. 243—245.
[159] ПСРЛ, т. I, стб. 181.

Первое летописное сообщение о Юрьеве относится к 1095 г. и рассказывает о страшной катастрофе, постигшей город. «В се же лѣто приидоша Половцѣ ко Гурьгову, и стояша около его лѣто все, мало не възяша его, Святополкъ же въмири я; Половцѣ же приидоша за Рось, Гюргевци же выбѣгоша и приидоша Кыеву. Святополкъ же повелѣ рубити городъ на Вытечевьскомь холъмѣ, имя свое нарекъ Святополчъ градъ, и повелѣ епископу Мюриму с Гурговцѣ сѣстѣ ту..., а Гюргевь зажгоша Половцѣ тощь» [160]. Одержав ряд убедительных побед над половцами и отбросив их далеко за Высь, Святополк занялся восстановлением Поросской оборонительной линии. В 1103 г. он наново отстраивает и Юрьев. «Томъ же лѣтѣ, того же мѣсяца в 18 день, иде Святополкъ и сруби Гюрговъ, его же бѣша пожьглѣ Половци» [161].

В середине и второй половине XII в. Юрьев принимает самое непосредственное участие в отражении половецких вторжений. Так, в декабре 1158 г. разбитые под Белгородом половцы терпят окончательное поражение у стен Юрьева, куда они бежали в надежде быстрее переправиться через Рось. «Половцѣ же бѣжаша отъ Бѣлгорода на Гюргевъ, и много ихъ изоимаша Берендичи и Гюргевци, а оно ихъ во Рси истопе» [162]. Летописное уточнение, что в битве принимали участие берендеи и юрьевцы, по-видимому, свидетельствует о древнерусском населении Юрьева. В 1162 г. половцы снова появляются под Юрьевом и вновь терпят сокрушительное поражение от черных клобуков [163]. Более поздних упоминаний Юрьева в летописях нет. Это объясняется, вероятно, тем, что, располагаясь в самой глубине Поросской оборонительной линии, он к концу XII — началу XIII в. перестал играть роль передового форпоста в борьбе с половцами.

В археологическом отношении Юрьев малоизучен. До сих пор не уточнено даже его местоположение. Одни исследователи склонны были видеть остатки древнего Юрьева в городище на западной околице Белой Церкви [164], другие размещают его на так называемой Замковой горе, что в центре города [165]. Во время последней разведки, произведенной на обоих городищах, удалось получить интересные данные, которые на первый взгляд снимают существующие разногласия. Городище на Замковой горе, занимающее двухгектарный останец левого берега Роси, содержит археологический материал преимущественно XI в., в то время как находки, происходящие из городища и поселений на Палиевой горе, датируются XII—XIII вв. Характерно, что оно имело мощные укрепления, состоявшие из нескольких (до на-

[160] ПСРЛ, т. II, стб. 219.
[161] Там же, стб. 256.
[162] Там же, стб. 502.
[163] Там же, стб. 521.
[164] *М. Н. Тихомиров.* Указ. соч., стр. 303.
[165] *М. П. Кучера.* Звіт про роботу..., стр. 27—28.

ших дней сохранились два) концентров земляных валов. Соблазнительно было бы отождествить городище на Замковой горе с остатками того Юрьева, который был заложен еще Ярославом Мудрым и сожжен половцами в 1095 г., а городище на Палиевой горе — с Юрьевом, построенным в 1103 г. Святополком Изяславичем, однако до проведения серьезных археологических исследований такое отождествление является лишь одним из предположений.

В отличие от южных западные и северо-западные районы Киевской земли, не подвергавшиеся столь частым вражеским вторжениям, имели более значительные городские центры. Крупнейшим среди них был Искоростень (современный Коростень) — древний политико-административный центр древлян. Впервые он упоминается в летописной статье 945 г., рассказывающей об убийстве древлянами киевского князя Игоря [166]. В следующем году Ольга сожгла древнюю столицу Древлянской земли, и летописи больше о ней не говорят. Лишь археологические исследования свидетельствуют, что Искоростень и в период феодальной раздробленности продолжал оставаться значительным городом Киевской земли [167].

Располагался Искоростень на высоких скалистых берегах р. Уж. Как считают исследователи, название свое город получил от слова «кар» — камень или гора. Состоял он из четырех укрепленных частей общей площадью около 20 га. Наибольшее городище (площадью около 9 га) находилось на левом берегу, три меньших занимали правобережные высоты. Вокруг искоростенских городищ по обеим сторонам р. Уж находились большие курганные могильники, насчитывавшие несколько сот курганов. Во время археологических исследований древнего Искоростеня удалось обнаружить в большом количестве боевые топоры, наконечники копий и стрел, жернова, обломки серпов, ножи, ножницы, шиферные пряслица, обгорелое просо, железные шлаки. Особым богатством и разнообразием отличались находки, происходящие из четвертого городища, среди которых были трехбусенные височные кольца, медальоны, кресты-энколпионы. В большом количестве встречены здесь и шиферные пряслица [168].

Со второй половины X в. политическим центром Древлянской земли становится Вручий (современный Овруч), возникший на правом берегу р. Норин, на крутой, ограниченной глубокими оврагами горе. Уже первое летописное упоминание Овруча, датируемое 977 г., свидетельствует, что город имел креп-

---

[166] ПСРЛ, т. II, стб. 43.

[167] Мнение М. Н. Тихомирова о запустении Искоростеня после 946 г. основано, пожалуй, на том, что в последующее время он не упоминается на страницах летописи.

[168] *І. М. Самойловський.* Стародавній Коростень.— «Археологія», т. XXIII. Київ, 1970, стр. 191—197.

кий замок с городскими воротами и мостом, перекинутым через греблю. «И побѣгъшю же Олгови с вои своими в городъ, рѣкомый Вручий, и бяше мостъ черезъ гроблю к воротомъ городнымъ» [169]. С потерей автономии Древлянской земли и прочным введением ее в состав великокняжеских владений Овруч надолго исчезает со страниц летописи и вновь появляется на них только в последней четверти XII в., когда он становится уделом князя Рюрика Ростиславича [170]. Став соправителем Святослава Всеволодовича, Рюрик по-прежнему уделял значительное внимание Овручу как своей второй резиденции. Вероятно, именно в Овручском уделе находились его феодальные поместья: «Рюрик ѣхал Вручий, своихъ дѣля орудьй» [171].

В том году, как считает Ю. С. Асеев, Рюрик Ростиславич построил в Овруче Васильевскую церковь, фасады которой были богато декорированы многочисленными аркатурными поясами и инкрустированы камнем, а интерьер украшен яркой фресковой росписью. Наличие на уровне хор Васильевской церкви внутристенных галерей свидетельствует, очевидно, что храм имел и оборонительное назначение [172].

Экономическое развитие Овруча было теснейшим образом связано с добычей и обработкой красного шифера, места залегания которого, согласно исследованиям геолога Г. О. Оссовского, ограничены небольшим районом междуречья Ужа и Уборти [173]. Обследование окрестностей Овруча показало, что здесь (в селах Нагоряны, Коптевщизна, Хаич, Камень, а также Збранка) находились мастерские по изготовлению знаменитых шиферных пряслиц. Овручские мастерские тянулись примерно на 20 км, располагаясь у оврагов, богатых выходами розового шифера.

Кроме пряслиц из шиферных каменоломен Овруча в различные концы Руси шли большие партии плит, употреблявшихся в культовом и гражданском зодчестве, заготовки для саркофагов, а также плитки для изготовления ювелирных формочек [174]. Вряд ли может быть сомнение в том, что центром этого уникального камнедобывающего и камнеобрабатывающего промысла был княжеский Овруч. Будущие раскопки, вероятно, обнаружат мастерские по обработке шифера и в самом городе.

Крупным городским центром Киевщины XII—XIII вв. был Городеск, единственное упоминание о котором содержится в летописной статье 1207 г. Находился он в среднем течении р. Тетерев (близ современного с. Городск) и занимал несколько

---

[169] ПСРЛ, т. II, стб. 62.
[170] Там же, стб. 541, 543, 547, 657, 669.
[171] Там же, стб. 669.
[172] *Ю. С. Асеев.* Архітектура Київської Русі, стр. 160—164.
[173] *Г. О. Оссовский.* Откуда привозился красный шифер, встречаемый как в древних храмах, так и в других памятниках Киева.— Труды АС, т. I. М., 1878.
[174] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси, стр. 190.

укрепленных береговых возвышений. Дожившие до наших дней городища — Большое, Малое и Красная гора — неоднократно подвергались археологическим раскопкам. Особенно большие работы велись на Малом городище. Здесь исследовано около 30 жилых и хозяйственных комплексов, выявлены мастерские гончара и литейщика, большое количество сыродутных горнов, обнаружены несколько лемехов, серпы, косы, железные оковки лопат, ножницы, топоры, долота, пилы, токарные резцы, наконечники копий и стрел, обломок меча, трехбусинные серьги, стеклянные браслеты, железные трубчатые замки. Целый ряд находок свидетельствует, что Городеск был крупным церковным центром. Это прежде всего бронзовые колокола XII—XIII вв., небольшая бронзовая ложечка для причастия, изготовленная в виде фигуры человека в длинной одежде и с крестом, иконка с изображением Дмитрия Солунского или Федора Стратилата, многочисленные крестики и кресты-энколпионы. Нет сомнения, что в XI—XIII вв. на одном из городских городищ находилась церковь. По мнению Р. И. Выезжева, много лет исследовавшего древний Городеск, он был крупнейшим древнерусским центром по выплавке железа [175].

Из населенных пунктов западных районов Киевской земли наиболее полно изучены Райковецкое городище на Гнилопяти, Колодяжин на Случе и Изяславль на Горыни. Все эти центры находились на пути продвижения орд Батыя от Киева к Владимиру и были уничтожены в 1241 г. Раскопанные почти полностью, они позволяют отчетливо представить все стороны социально-экономической и культурной жизни, проследить трагическую их судьбу.

Райковецкое городище занимало клиновидный выступ, образуемый слиянием рек Гнилопяти и Рублянки и возвышающийся над их поймой на 24—26 м. Форма городища круглая, сохранились земляные валы и рвы, достигавшие глубины 4—6 м. Площадь детинца невелика, всего 1,25 га. По мнению В. К. Гончарова, Райковецкое городище следует отнести к типу небольших сторожевых городков-крепостей, входивших в полосу укреплений, защищавших верхнестетеревские и побужские города. О его военном характере свидетельствуют многочисленные находки мечей, наконечников копий и стрел, боевых топоров, железных булав, кольчуг, стремян, шлемов и др.

Производственной базой населения Райковецкого городища являлось земледелие. Во время раскопок детинца почти в каждой жилой и хозяйственной клети находили лемеха с чересламн, рала, косы, серпы, заступы, а также запасы ржи, пшеницы,

---

[175] *Р. И. Выезжев.* Раскопки в Городске в 1955 г.— КСИА АН УССР, вып. 7. Киев, 1957; *он же.* Раскопки «Малого городища» летописного Городеска.— КСИА АН УССР, вып. 10. Киев, 1960; «Будівлі «Малого городища» X—XIII ст. в Городську».— АП, т. XII. Київ, 1962.

ячменя, овса, проса, гороха, льна, конопли, мака [176]. Значительное место в жизни Райковецкого городка занимало и ремесленное производство. В разных его частях обнаружены кузнечные и ювелирные мастерские, запасы кричного железа, кузнечные инструменты, литейные формочки, тысячи ремесленных изделий. Видимо, райковецкие ремесленные мастерские не только удовлетворяли потребности городка, но и поставляли свою продукцию в ближайшую сельскохозяйственную округу [177].

Город Колодяжин расположен в исключительно выгодном месте, на одном из выступов коренного берега р. Случ, возвышающемся над поймой почти на 40 м. С двух сторон его окружали глубокие и широкие овраги, с напольной стороны город был укреплен двумя подковообразными линиями валов и рвов. До наших дней валы Колодяжина сохранились на высоту более 3,5 м. Когда в 1241 г. татаро-монголы подошли к городу и поставили у его стен 12 пороков, их оказалось недостаточно, чтобы разрушить укрепления. «И приде (Батый.— *П. Т.*) к городу Колодяжьну, и постави порока 12 и не може разбити стѣны, и начатъ перемолъвливати люди; они же, послушавше злого совѣта его, передашася и сами избити быша» [178]. Это единственное летописное известие о Колодяжине свидетельствует, что он был значительной крепостью.

Раскопки городища, обнаружившие разнообразный материал, и в первую очередь многочисленные орудия сельскохозяйственного производства, показывают, что основной хозяйственной деятельностью колодяжинцев было земледелие. Подтверждением этого вывода могут служить и большие запасы зерновых культур, хранившиеся в больших ямах. Достаточно развитой, хотя и вспомогательной отраслью хозяйства Колодяжина было ремесло, о чем свидетельствуют находки кричного железа, кузнечного инструментария, инструментов для обработки дерева, ювелирных изделий и формочек, крестов-энколпионов. Удивляет незначительное количество предметов вооружения; во время раскопок найдены наконечники стрел, железные булавы, боевые секиры, наконечники рогатин. По мнению Р. А. Юры, давшего монографическое описание раскопок Колодяжина, отсутствие большого количества находок вооружения может быть свидетельством того, что татары, вероломно захватившие город, отобрали оружие у его защитников [179].

По своему социальному содержанию Колодяжин типичный для Киевской Руси феодальный замок-крепость, жители которого принадлежали к военно-феодальному сословию.

В 1967—1969 гг. были осуществлены значительные археологические исследования на большом, огражденном тремя линия-

[176] *В. К. Гончаров.* Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 19—24.
[177] Там же, стр. 78.
[178] ПСРЛ, т. II, стб. 786.
[179] *Р. А. Юра.* Древній Колодяжин.— АП, т. XII, стр. 57—123.

ми валов и глубоких рвов городище, расположенном у с. Городища Шепетовского района Хмельницкой области. Как считает исследовавший это городище М. К. Каргер, его следует отождествлять с г. Изяславлем, упомянутым летописью в 1241 г.[180] На огромной исследованной площади (свыше 36 000 м²) городища были раскрыты остатки сгоревших наземных жилищ и хозяйственных построек, деревянных клетей, устроенных внутри земляных валов, обнаружено множество орудий сельскохозяйственного производства (лемеха, чересла, серпы, косы, лопаты, жернова), запасы ржи, пшеницы, овса, ячменя, проса, гороха и других сельскохозяйственных культур. В большом количестве найдены и изделия, свидетельствующие о развитии здесь различных видов ремесленного производства. Это в первую очередь женские украшения — височные кольца, пластинчатые и проволочные браслеты, перстни, разнообразные бытовые предметы — глиняные сосуды, ножи, замки, ключи, кресала. Среди находок на городище — несколько привозных вещей: романское бронзовое блюдо с аллегорическими изображениями, серебряный реликвий с латинскими надписями, византийская и херсонесская монеты.

В различных частях городища, и прежде всего возле оборонительных сооружений, найдено множество железных наконечников стрел, копий, боевые топоры, бронзовые и железные булавы, кистени, обломки мечей, сабель, кольчуг и шлемов. О трагической гибели города свидетельствуют многочисленные скелеты людей, погибших от огня и меча, погребенных под развалинами жилищ и внутривальных клетей [181].

Аналогичный военно-феодальный характер имели также и другие центры западных районов Киевской земли; некоторые из них, как Пересопница, Дорогобуж или Дубровица, к концу XII — первой половине XIII в. выросли в настоящие города, и в них время от времени правили посадники и князья — вассалы великих киевских князей. К сожалению, они почти не исследованы археологически и дополнить их летописную характеристику не представляется возможным.

Среди городов бассейна Припяти наиболее крупным и значительным был Туров, впервые упомянутый летописью под 980 г. Располагался город в среднем течении Припяти, на ее правом берегу, и занимал невысокий мыс, образуемый поймой Припяти и долиной р. Язды. С напольной стороны мыс отделен от береговой террасы глубоким полукруглым рвом. Такой же ров

---

[180] Не оспаривая вывода М. К. Каргера, отметим, однако, что древнерусское городище и курганный могильник находятся также и в г. Изяславле — современном райцентре Хмельницкой области, расположенном неподалеку от исследуемого городища.

[181] *М. К. Каргер.* Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1964 гг.— «Тезисы докладов советской делегации на Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве», стр. 39—41.

делит городище на две части — детинец и окольный город. По всему периметру городища возвышались в древности мощные оборонительные валы.

Удачное сочетание естественных рубежей и искусственных укреплений делало Туров сильной крепостью. Подтверждение этому мы находим в летописной статье 1158 г. В том году, воспользовавшись борьбой великого киевского князя Изяслава Давыдовича со своими врагами — претендентами на киевский престол, Юрий Ярославич, внук Святополка Изяславича, захватил Туров. Несмотря на предложение последнего быть в полной вассальной зависимости от киевского князя: «брате! прими мя в любовь к собѣ»,— Изяслав Давыдович не мог смириться с тем, что в Турове будет сидеть не его ставленник. Собрав значительные силы, куда вошли киевский, волынский, галицкий и смоленский полки, великий князь решил овладеть Туровом, однако десятинедельная осада города закончилась неудачей. «И стояша около города недѣль 10 и бысть моръ в конихъ, и тако не успѣвше ему ничтоже, възвратишася въсвояси» [182].

Археологические раскопки Турова, обнаружившие кварталы срубных жилищ и хозяйственных сооружений X—XIII вв., а также большое число предметов материальной культуры — кузнечные инструменты, ножи, трубчатые замки, ключи, ножницы, предметы вооружения, ювелирные и костяные изделия, стеклянные браслеты и посуда и др.— свидетельствуют об оживленной и разносторонней экономической жизни города [183]. Значительного развития в Турове достигла и торговля, причем не только внутренняя, но и международная. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что он лежал на древней торговой дороге, ведшей из Киева к берегам Балтийского моря. Возможно, в этом значении Турова кроется одна из главных причин нежелания Киева предоставить ему статус отдельного княжения.

Уже в XI—XII вв. Туров выдвигается в число крупных религиозных центров страны, в нем была основана особая туровская епископия. Один из туровских епископов XII в.— Кирилл Туровский был не только церковным деятелем, но и крупнейшим древнерусским писателем.

К сожалению, о многих центрах Киевской земли, и особенно о тех, которые располагались на ее западной и северо-западной окраинах, в настоящее время сказать более того, что о них известно из летописей, невозможно. Археологически они остаются неизученными.

---

[182] ПСРЛ, т. II, стб. 492.

[183] «Очерки по археологии Белоруссии», ч. II. М., 1972, стр. 101.

ЧЕРНИГОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

А. К. Зайцев

Исторической географии Черниговского княжества уделялось внимание как в общеисторических, так и в историко-географических работах. Начиная с «Истории Российской» В. Н. Татищева каждое крупное исследование истории древней Руси содержит наблюдения, касающиеся географии Черниговской земли. Уже в 1811 г. К. М. Бороздиным была составлена небольшая серия исторических карт Черниговской земли, состоящая из плана древнего Чернигова, карты его окрестностей, схемы сражения под Любечем 1016 г., плана городища Беловежи и карты Черниговского княжества [1]. Пределы Черниговской земли, очерченные К. М. Бороздиным, на картах последующих исследователей лишь незначительно варьировались.

Дореволюционные исследователи, специально изучавшие географию Черниговского княжества, ограничивали свои наблюдения современными им границами губерний или, широко понимаемой ими, Северской землей [2]. Более или менее полные очерки исторической географии Черниговского княжества содержатся либо в историко-географических исследованиях, посвященных всей территории Руси [3], либо в монографиях по истории Черниговского княжества [4].

---

[1] Изданы лишь в 1871 г. (*М. П. Погодин.* Древняя русская история до монгольского ига, т. III. Атлас исторический, географический, археологический. М., 1871, лист. 84—87).

[2] *М. Е. Марков.* О городах и селениях в Черниговской губернии, упоминаемых в Несторовой летописи.— «Периодические сочинения Министерства народного просвещения», 1815, № 40; *П. В. Голубовский.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г.— Труды XIII АС, т. 2. М., 1908; *Д. Я. Самоквасов.* Северская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908; *А. М. Андриашев.* Нарис історії колонізації Сіверської землі до початку XVI віку.— «Записки історично-філологічного відділу ВУАН», т. XX. Київ, 1928. Интересные материалы и ценные наблюдения историко-географического характера содержатся в работе Филарета (Гумилевского) «Историко-статистическое описание Черниговской епархии», кн. 1—7 (Чернигов, 1873—1874).

[3] *М. П. Погодин.* Разыскания о городах и пределах древних русских княжеств с 1054 по 1240 г., ч. II, Черниговское княжество. СПб., 1848; *Н. П. Барсов.* Очерки русской исторической географии. География Начальной (Нестеровой) летописи. Изд. 2. Варшава, 1885.

[4] *П. В. Голубовский.* История Северской земли до половины XIV столетия.

Дореволюционная историческая география была по своей сути подсобной, вспомогательной дисциплиной. Исследователи занимались главным образом локализацией географических названий и определением границ княжеств, причем не учитывалось отличие племенных территорий от государственных. Накопленный обширный историко-географический материал рассматривался «преимущественно в статическом плане» [5], что лишало историческую географию ее историзма и порождало ошибочные, в некоторых случаях ставшие традиционными, представления об отдельных участках границ земель-княжений. Дореволюционные историко-географы не уделяли достаточного внимания истории образования территории Черниговского княжества. Формирование Черниговской земли объяснялось декларируемой, но не аргументированной анализом конкретного материала «северянской колонизацией» земель «отсталых» вятичей и радимичей [6], что соответствовало господствовавшим воззрениям того времени на образование Древнерусского государства и в конечном счете на государство вообще [7].

Проблема формирования государственной территории Руси во всей своей глубине была поставлена лишь в советской историографии. Эта проблема, возникшая в связи с общей задачей изучения образования и развития Древнерусского государства на основе строго научной методологии, была в общих чертах успешно решена в работе А. Н. Насонова ««Русская земля» и образование территории Древнерусского государства».

Известно, что «по сравнению со старой родовой организацией государство отличается, во-первых, разделением подданных... по *территориальным делениям*... Вторая отличительная черта — учреждение *публичной власти*, которая уже не совпадает непосредственно с населением... Для содержания этой публичной власти необходимы взносы граждан — *налоги*» [8]. Исходя из этих основных положений и тщательного анализа материала источников, А. Н. Насонов показал, что с учетом «процесса классообразования на местах как фактора роста государственной территории» сложение государственной территории Руси следует рассматривать как «результат борьбы господствующего класса... за расширение власти и доходов», что проявляется в рас-

---

Киев, 1881; *Д. И. Багалей.* История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1882. См. также: *Н. Линниченко.* Рецензия на книги Д. Багалея и П. Голубовского.— ЖМНП, 1883, V; *Д. И. Багалей.* Ответ Н. Линниченко на критическую оценку книги «История Северской земли». Харьков, 1884 (отдельный оттиск из Записок Харьковского университета).

[5] *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 15.

[6] *А. М. Андриашев.* Указ. соч., стр. 96, 108.

[7] Анализ дореволюционной историографии по вопросу формирования Древнерусской государственной территории см.: *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 9—17.

[8] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 170—171.

пространении из «Русской земли» (политического и территориального ядра Древнерусского государства) княжеской дани и суда (аппарата насилия). Формирование государственной территории, как показал А. Н. Насонов, закономерно связано с развитием феодального способа производства и выступает как одно из проявлений этого процесса. Такой подход к изучаемой проблеме позволил историко-географическому исследованию занять существенное место в изучении социально-экономического развития Древнерусского государства [9].

Нет сомнения в том, что раздел книги А. Н. Насонова, посвященный Черниговской земле, является важным этапом в ее историко-географическом изучении. С одной стороны, в приложении «Поселения, урочища и реки Черниговской земли» А. Н. Насонов фактически подвел итог предшествующему историко-географическому изучению Черниговского княжества, критически проанализировав и уточнив местоположения черниговских летописных топонимов, результатом чего явилась карта Черниговской земли до середины XII в.[10] С другой стороны, А. Н. Насонов поставил и в основном разрешил новые задачи: выявление политического и территориального ядра, первоначальной основы Черниговского княжества, направлений процесса образования территории княжества, определения его основных границ. Однако А. Н. Насонов не ставил перед собой задачи выявления черт внутреннего деления территории этого государственного образования, дробления его целостности.

В последние десятилетия ведущая роль в изучении истории Черниговского княжества и его географии принадлежит археологии. Эта наука в силу специфики своего предмета исследования рассматривает исторические явления в пространственном отношении, и практически любая археологическая работа по изучаемому периоду содержит элементы историко-географических наблюдений и выводов или предоставляет важный материал для исторической географии. Количество таких работ, посвященных изучаемой территории (преимущественно ее отдельным памятникам), весьма велико. Достаточно сказать, что библиография археологического изучения только междуречья Десны и Днепра насчитывает свыше двухсот наименований [11].

---

[9] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 5—9, 216—220; *И. И. Смирнов.* Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв. М.—Л., 1963, стр. 7—13.

[10] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 57, 64, 221—233. В приложении «Поселения, урочища и реки Черниговской земли» не учтены города Рыльск, Серенск и некоторые другие летописные названия. Ср.: *Б. А. Рыбаков.* Схематическая карта населенных пунктов домонгольской Руси, упоминаемых в русских письменных источниках.— «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1951, стр. 30.

[11] «Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. I. Археологическая карта. II. Погребальные обряды».— «Археология СССР». САИ-Д1-12 М., 1962, стр. 44—47.

Успехи современного изучения истории сложения летописных сводов также позволяют по-новому взглянуть на историю формирования Черниговской земли. Здесь особенно важно доказанное А. Н. Насоновым совпадение основных этапов древнерусского летописания с этапами процесса сложения Древнерусского государства [12]. Большое значение для историко-географического изучения Черниговского княжества имеет конкретное выделение из состава Киевского свода фрагментов его черниговского источника в статьях 6654, 6655, 6658—6663 гг. Ипатьевской летописи [13].

В работах классиков марксизма-ленинизма отмечалось, что пришедшее на смену старой родовой организации территориальное разделение подданных государства лишь «кажется естественным». Новая территориальная организация возникла не сразу: «...потребовалась упорная и длительная борьба, пока она могла утвердиться... на место старой организации по родам» [14].

На протяжении X—XII вв. шел процесс распространения государственного аппарата принуждения, и это было одной из важнейших сторон формирования Древнерусского государства. Государство постепенно внедрялось в жизнь формирующегося классового общества, и удельный вес органов княжеской власти в общественной жизни Руси не был неизменным на протяжении X—XII вв. и не был равномерным для всей территории государства [15].

Задача данной статьи — изучить процесс формирования Черниговской земли как феодальной государственной территории в ее зарождении, становлении и росте. Специфика историко-географического исследования предполагает сочетание исторического (хронологическая последовательность) и географического (территориальная последовательность) способов изложения. Черниговское княжество исследуется по трем основным периодам существующей периодизации истории древней Руси IX—XIII вв. (X — первая половина XI в., вторая половина XI — середина XII в., вторая половина XII — середина XIII в.) [16] Внутри каждого соответствующего раздела исследование ведется по истории основных районов, от территориального и политического ядра княжества к его периферии.

---

[12] *А. Н. Насонов.* История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969, стр. 12—13, 19, 45—46, 68.

[13] Там же, стр. 47, 72.

[14] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 170; см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 8.

[15] *А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 78.

[16] *Л. В. Черепнин.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.— В кн.: *А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972, стр. 165, 187, 193—194.

Формирование ядра Черниговской земли в процессе образования территории Древнерусского государства

Черниговская земля — существенное звено в системе древнерусских земель-княжений, и чтобы понять процесс формирования государственной территории Черниговского княжества, необходимо выявить его связь с процессом территориального развития Древнерусского государства. Основным в проблеме возникновения Черниговской земли является в свою очередь вопрос о сложении политического и территориального ядра Черниговского княжества.

Государственная территория приходит на смену родоплеменным территориям, поэтому важно выяснить их соотношение. Проблема формирования ядра Черниговской земли тесно связана с вопросом о роли северян в сложении Черниговского княжества и месте этнической северянской территории в этом княжестве.

В дореволюционной литературе под Северской землей (землей северян) традиционно подразумевалась вся территория Переяславского княжества и почти вся территория Черниговского княжества [17]. Подобное широкое понятие Северской земли встречается и в советской историографии [18]. Однако наблюдения Б. А. Рыбакова, подтвержденные работой И. П. Русановой «Курганы полян» [19], показали, что значительная часть левобережья Днепра в X—XII вв. была занята полянами. Поэтому следует рассматривать вопрос о роли как северян, так и полян в сложении изучаемой территории.

При определении «племенных» территорий (территорий союзов племен) Левобережья и в свою очередь их соотношения с государственной территорией можно выделить несколько взаимосвязанных вопросов. Они рассматриваются в следующем порядке: термин «северяне — севера» и его значение; территория левобережных, или черниговских, полян и соотношение ее с территорией северян; восточные и западные северяне и время включения их территории в состав «Русской земли» и Древнерусского государства; северо-восточная часть «Русской земли» — ядро Черниговской земли-княжения.

В Повести временных лет термин «сѣверяне, сѣверены» встречается лишь дважды — под 884 и 885 гг., причем в Ипатьев-

---

[17] *Б. А. Рыбаков.* Поляне и северяне (К вопросу о размещении летописных племен на Среднем Днепре).— СЭ, VI—VII, 1947, стр. 81—82. Там же на стр. 83 см. карту 1 («Размещение полян и северян по данным Самоквасова, Середонина, Нидерле, Грушевского и Готье»).

[18] *В. В. Мавродин.* Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940, стр. 10.

[19] *Б. А. Рыбаков.* Поляне и северяне; *И. П. Русанова.* Курганы полян X—XII вв. САИ, вып. Е1-24. М., 1966.

ском списке он вовсе отсутствует [20]. В обеих редакциях Повести под 1024 г. есть термин «сѣверянинъ» [21]. В остальных случаях употребляется «сѣверъ», «сѣверо» [22]. За исключением известия 1024 г., которое, по мнению А. А. Шахматова, относится к Начальному своду, все упоминания о севере-северянах появились в летописи при создании Повести временных лет [23]. А. А. Шахматов в реконструкции Повести счел необходимым под 884 и 885 гг. исправить «сѣверяне», «сѣверены» на основное — «сѣверъ» [24].

Термин «Сѣвера» для обозначения территории, прилегающей к Десне и Сейму, часто применялся наравне с термином «Северская земля» еще в летописании XVI—XVII вв. и посольских книгах [25]. Распространен он и в украинских источниках XVII в., причем в «Летописи Самовидца» употребляется только «Сѣверъ» [26]. Интересно, что Лазарь Баранович, архиепископ черниговский (1657—1693 гг.), в подражание патриарху «всея Руси» титулуется «милостью божию православный архиепископ Черниговский, Новгородский и всего Севера» [27]. Следует также иметь в виду и указанную Б. А. Рыбаковым [28] надпись «Severia» на иностранных картах России XVI—XVII вв. В начале XVII в. встречается даже термин «сѣверяне», утративший, конечно, свое племенное содержание. Этим термином названы в посольском донесении войска Болотникова [29].

Объяснение племенного названия «сѣвера», стоящего несколько особняком в ряду полян, кривичей, бужан и др., по созвучию со стороной света неудовлетворительно [30]. Другие

---

[20] ПСРЛ, т. I, изд. 2. Л., 1926, стб. 24; ПСРЛ, т. II, изд. 2. СПб., 1908, стб. 17, варианты 10 и 11.

[21] ПСРЛ, т. I, стб. 149; т. II, стб. 136.

[22] ПСРЛ, т. I, стб. 6, 10, 11, 13, 19, 30, 148—149; т. II, стб. 5, 8—10, 21, 135—136 (вводная часть Повести и 859, 884, 885, 907 и 1024 гг.).

[23] *А. А. Шахматов.* Повесть временных лет, т. I. Вводная часть. Текст. Примечания.— ЛЗАК, вып. XXIX. Пг., 1916, стр. 6, 19, 24, 29, 188—189.

[24] Там же, стр. 24, прим. 9.

[25] См., например, в Никоновском своде и «Новом летописце»: ПСРЛ, т. XI, стр. 172 (1399 г.); ПСРЛ, т. XIII, стр. 142 (1542 г.); ПСРЛ, т. XIV, стр. 59, 62, 71, 77, 136, 140; Сб. РИО, т. 71. СПб., 1892, стр. 38, 40, 42, 43, 61, 234, 240, 241, 266, 267, 292, 513, 532, 561, 683 (1561—1563, 1570 гг.)

[26] Літопис Самовидця (вид. підгот. Я. І. Дзира). Київ, 1971, стор. 57, 65, 89, 95, 123, 124, 151, 162 (1649, 1652, 1663, 1664, 1666, 1667, 1690, 1698 гг.).

[27] Цит. по публ.: *Филарет* [*Гумилевский*]. Указ. соч., т. III, стр. 132, 137, 139. В 1667 г. предполагалось образование особой епископии «в Севере» (ДАИ, т. V, стр. 491).

[28] Эта территория по сравнению с XII в. сдвинулась к северу, «но западная ее граница точно совпадает с границей XII в. и так же далеко на восток отстоит... от Чернигова» (*Б. А. Рыбаков.* Поляне и северяне, стр. 87).

[29] Сб. РИО, т. 137, стр. 360.

[30] *В. В. Седов.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— МИА, № 163, 1970, стр. 130; *H. Łowmiański.* Początki Polski, t. II. Warszawa, 1963, s. 102—103.

объяснения, как показал Х. Ловмяньский, также неубедительны [31].

Наиболее приемлемым представляется объяснение этого термина, данное В. В. Седовым, который, отмечая, что славяне в процессе расселения застали в области днепровского Левобережья балтское (к северу от Десны и Сейма) и ираноязычное (к югу от них) население, считает этот термин иранским по происхождению. Исследования лингвистов показали, что слово «север», как и гидронимы этого района Сев и Сава, может восходить к иранскому «seu» — «черный» [32]. В. В. Седов поддерживает это мнение лингвистов, анализируя археологический и антропологический материал, подтверждающий наличие ираноязычного субстрата на территории северян XI—XII вв.[33] Он считает, что в V—VII вв. днепровское лесостепное Левобережье было занято ираноязычными (сармато-аланскими) племенами, значительная часть которых была вытеснена славянами в бассейн Дона в самом начале VIII в.[34]

Это заключение позволяет считать, что племенной союз левобережных славян, сложившийся на основной территории распространения роменской культуры VIII—X вв.[35], получил наименование «северо» по дославянскому названию местности, заселенной носителями этой культуры. Некоторые племенные союзы славян (древляне, поляне, дреговичи и др.), как известно, получили наименование по названию местности («прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ» [36]). Отличие в данном

---

[31] Х. Ловмяньский считает это название более архаичным и обобщающим, нежели названия других восточнославянских союзов, и полагает даже, что поляне некогда входили в состав большого племени северян (там же, стр. 102—105).

[32] *В. В. Седов.* Указ. соч., стр. 130.

[33] Там же, стр. 130—131, рис. 38.

[34] Там же, стр. 131. Весьма заманчиво для полной аргументации привести цепь совпадения названий, локализуемых большинством исследователей в лесостепном Левобережье, от известных со времени Геродота меланхленов-черноризцев (савлоратов), саваров Птолемея (II в. н. э.), Саврики Пейтингеровых таблиц (III в.) до летописных Северы, Чернигова и Черной могилы. Однако взаимная связь этих и некоторых других названий нуждается в специальном исследовании и доказательстве. Наиболее полно эти совпадения приведены В. В. Мавродиным (*В. В. Мавродин.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945, стр. 185—187; ср.: *П. Н. Третьяков.* Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 63).

[35] До недавних пор большинство исследователей считало носителей роменской культуры северянами (*В. В. Седов.* Указ. соч., стр. 126—131), но И. И. Ляпушкин был против такой точки зрения, считая роменскую культуру однородной для всего Левобережья и сходной с боршевской культурой верхней Оки и Дона (территория летописных вятичей). Не имея возможности специально исследовать этот вопрос, можно лишь заметить, что наиболее компактная группа роменских памятников находится именно в пределах, отведенных летописью «севере» (*И. И. Ляпушкин.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства.— МИА, № 152. Л., 1968, стр. 88—89).

[36] ПСРЛ, т. I, стб. 6; т. II, стб. 5.

случае лишь в том, что это иноязычное, древнее название местности, сохранившее свой отличительный характер от других племенных названий (север, севера, а не северяне). Длительное, до конца XVII в., бытование этого географического термина на изучаемой территории, устойчивость его, несмотря на то что северяне утратили свои этнографические особенности ранее большинства других племен, свидетельствуют в пользу приведенного мнения.

А. Н. Насонов считал, что первоначальным ядром Черниговского княжества было междуречье нижней Десны и Днепра, являвшегося, по его мнению, северянским. Не принимая мнения Б. А. Рыбакова о существовании полян на Левобережье, А. Н. Насонов, однако, учитывал отмеченное там Б. А. Рыбаковым наличие двух обрядов погребения и по отношению к населению территории, лежащей к востоку от Десны, применял термин «восточные северяне»[37]. Основываясь на известии Повести временных лет под 1024 г., указывающем «сѣвер» в «челе» полка Мстислава Владимировича Черниговского в сражении при Листвене, А. Н. Насонов связывал северян с Черниговом, считая, что отвести показания этого текста можно лишь в случае, «если бы нашлись археологические данные о том, что в Чернигове жили поляне или какое-либо другое племя»[38]. Исследования И. П. Русановой показали, что в X—XII вв. правобережная территория полян и левобережная территория лесостепи вплоть до устья Сейма являлись единой областью с однородным населением, с полным тождеством погребального обряда и инвентаря погребений[39]. Если не для всего X в., то для второй его половины это не вызывает сомнения. И. П. Русановой отмечено также, что пределы указанного единства археологического материала на левом берегу Днепра почти полностью совпадают с границами «Русской земли», выявленными А. Н. Насоновым на основании анализа летописных известий[40].

В связи с этим представляет значительный интерес замеченное С. С. Ширинским совпадение западной границы ареала второго периода распространения диргема (883—900 гг.) в Восточной Европе с восточной границей «Русской земли»[41]. Исследователь справедливо связывает почти вековое исключение юго-западной области восточного славянства из сферы распространения куфических монет с появлением на этой терри-

---

[37] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 22, 61.

[38] ПСРЛ, т. I, стб. 148—149; т. II, стб. 135—136; *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 21—22.

[39] *И. П. Русанова.* Указ. соч., стр. 25.

[40] Там же, стр. 27, табл. 18.

[41] *С. С. Ширинский.* Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства.— В сб. «Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма». М., 1970, стр. 204; *В. Л. Янин.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1957, стр. 86, рис. 5; стр. 102, рис. 17.

тории раннегосударственного образования, противостоящего Хазарскому каганату, который изолировал зарождающееся государство от контактов с Востоком. На рубеже IX и X вв. наступает третий период распространения диргема, когда эти монеты вновь обнаруживаются по всей восточнославянской территории [42].

Приведенные соображения подтверждают мнение А. Н. Насонова о сложении «Русской земли» в IX в.[43] Вместе с тем восточная граница «Русской земли», совпадающая с границей территории полян X—XII вв. (по И. П. Русановой) и с границей распространения диргема (с 883 по 900 г.), делит на две части основную область распространения роменской культуры, совпадающую с территорией, носившей до XVII в. название «Севера». Таким образом, мы приходим к выводу, что в IX в. территория племенного союза оказалась рассеченной политической границей на западную часть, вошедшую в состав «Русской земли», и восточную, находившуюся, вероятно, в зависимости от Хазарского каганата до конца IX в.

Необходимо заметить, что установленная И. П. Русановой граница полян с северянами [44] противоречит свидетельству Повести временных лет о том, что северяне населяли территорию по Десне, Сейму и Суле [45]. На карте И. П. Русановой северян от Десны отделяют южные отроги брянских лесов, нижнее Посемье — полянское и только самое верховье Сулы у северян. В начале XII в., когда население Левобережья до нижнего Сейма включительно имело выявленный археологически единый этнографический облик, составителю Повести временных лет известно было, что северяне («сѣверъ») жили не только по Сейму, но и по Десне и Суле. Определение территорий славянских племен для летописцев не было случайной задачей [46], поэтому нет основания не доверять в данном случае историку конца XI — начала XII в. Вместе с тем несомненно, что отмеченная И. П. Русановой этнографическая граница существовала в середине X в. Поскольку есть основания считать, что она отражает политическую границу, разделившую в IX в. Северу на две части, этническую границу западных северян и черниговских полян IX — начала X в. следует искать в пределах формировав-

---

[42] С. С. Ширинский, отмечая, что «запад территории северян» отделен от «восточных районов северянской земли» и вятичей, где сохраняется распространение диргема, считает, что эти восточные районы в IX в. входили в зону хазарского влияния (*С. С. Ширинский.* Указ. соч., стр. 203—206).

[43] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 25, 41, 44—45.

[44] *И. П. Русанова.* Указ. соч., табл. 19.

[45] ПСРЛ, т. I, стб. 6; т. II, стб. 5.

[46] «Во времена составления Повести временных лет намечалось образование новых княжеств по «землям» — «областям», новых епископий, что не могло не возбуждать интереса к этим «землям» и их прошлому...» (*А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 74).

шейся в ту пору левобережной территории «Русской земли», т. е. между средней Десной и Днепром.

Попытка Г. Ф. Соловьевой определить этнические границы северян IX—X вв. по обряду трупосожжения на стороне встретила возражения со стороны В. В. Седова, по мнению которого этот обряд не может служить этнографическим признаком [47]. Однако, рассматривая трупосожжение как архаичный славянский обряд, сохранившийся у северян [48], С. С. Ширинский на основе изучения рядовых и дружинных погребений Черниговщины пришел к выводу, что границей северян и полян до середины X в. была р. Сновь. Картографирование погребальных памятников левобережных (черниговских) полян, проведенное С. С. Ширинским, свидетельствует, что «на протяжении второй половины X в. они успевают расширить свою территорию за счет восточных соседей — северян от Седнева на р. Снови (летописный Сновск.— *А. З.*) до Новгорода-Северского, и, судя по вооруженности седневской дружины, это расширение происходило отнюдь не мирным путем» [49].

Вряд ли следует рассматривать этот процесс как расширение племенной территории полян вооруженным путем. В нем ведущую роль играли не «поляне» (вооруженные общинники), а именно седневская, сновская дружина, т. е., вероятнее всего, летописная сновская тысяча, упомянутая лишь в XII в. Письменные известия XI в. о воеводах — тысяцких и их дружинах свидетельствуют о ближайшем отношении их к организации суда и дани [50], т. е. о вхождении в раннегосударственный административный аппарат.

Рассматриваемый процесс характеризует завершение государственного освоения территории западных северян в X в., приведшее, как к следствию, к принятию западными северянами общего для «Русской земли» «полянского» этнографического облика [51]. В то же время восточные северяне в результате своей обособленности от «Русской земли» выработали к концу X в. иной, собственно северянский этнографический облик, известный по трупоположениям на горизонте и спиральным височным кольцам.

---

[47] *Г. Ф. Соловьева.* Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. (вятичи, радимичи, северяне).— СА, XXV, 1956, стр. 140—141; *В. В. Седов.* Указ. соч., стр. 127.

[48] *С. С. Ширинский.* Курганы X в. у дер. Пересаж.— КСИА, вып. 120. М., 1969, стр. 106.

[49] *С. С. Ширинский.* Объективные закономерности..., стр. 208.

[50] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 61—65.

[51] «Нельзя считать, что распространение курганов с погребениями в ямах в XI—XII вв. было связано непосредственно с прямым переселением полян. Но, возможно, этот обряд распространялся под влиянием полян, которые в известной мере были проводниками и распространителями центральной власти» (*И. П. Русанова.* Указ. соч., стр. 27). Несомненно, это замечание можно отнести и ко второй половине X в.

Полянский этнографический облик «Русской земли» X—XII вв. (включавшей в себя и западную часть северянской и юго-восточную часть древлянской территорий) свидетельствует о ведущей роли полянских дружин в процессе сложения «Русской земли», а также и о том, что подчинение западных северян предшествовало государственному освоению земель восточных северян.

С ослаблением Хазарского каганата на рубеже IX и X вв. арабские диргемы вновь появляются в «Русской земле». Судя по этому, летописное предание о том, что в 884 г. Олег возложил на северян «дань легъку» и запретил им платить хазарскую дань [52], подразумевает северян восточных. Начало государственного освоения их территории можно довольно надежно датировать временем около рубежа IX—X вв.

Подчинение Киеву племенных союзов восточных славян не было одноактным событием. Обычно в подтверждение этому приводятся свидетельства о неоднократных походах киевских князей на древлян и вятичей [53]. В процессе образования государственной территории [54] можно выделить начальный и завершающий этапы. Смена этих этапов хорошо прослеживается в земле древлян. Начальным этапом ее освоения было возложение дани в ее архаической форме, при сохранении местной знати. Ее сменяет около 945 г. новая, регулярная форма отчуждения прибавочного продукта, «обеспеченная целой системой административных мер, отражающая создание раннефеодального государства» [55]. Полулегендарный летописный рассказ об установлении княгиней Ольгой «погостов и даней», «уставов и уроков» [56] несомненно отмечает начало завершающего этапа государственного освоения территории. Реформы Ольги получили дальнейшее развитие в деятельности Владимира Святославича [57].

Вероятно, завершающий этап государственного освоения территории восточных северян начался почти одновременно с деятельностью Ольги в земле древлян, но не позже, ибо ямный

---

[52] ПСРЛ, т. I, стб. 24; т. II, стб. 17.

[53] ПСРЛ, т. I, стб. 24, 42, 58—59, 65, 81—84, 248; т. II, стб. 31—32, 46—48, 53, 69, 71.

[54] Под государственной территорией (в собственном смысле слова) здесь подразумевается, вслед за А. Н. Насоновым, разделенная по административному признаку территория, население которой в интересах господствующего класса подчинено публичной власти, имеющей особый аппарат насилия, творящей суд и устанавливающей разного рода поборы — налоги (*А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 6).

[55] *Я. Н. Щапов.* О социально-экономических укладах в Древней Руси XI — первой половины XII в.— В сб. «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма». М., 1970, стр. 101.

[56] ПСРЛ, т. I, стб. 59—60; т. II, стб. 48—49.

[57] О значении реформ Ольги и Владимира в сложении феодального Древнерусского государства подробнее см.: *А. А. Зимин.* Феодальная государственность и Русская Правда.— «Исторические записки», кн. 76, 1965, стр. 240—244.

обряд трупоположения появляется за восточными пределами основного ареала его распространения несколько ранее (X—XI вв.), чем в земле древлян (XI—XII вв.) [58].

Государственное освоение земель восточных северян, как затем радимичей и вятичей, отличалось по своей социальной природе от покорения территории западных северян. Присоединение в IX в. западных северян происходило в условиях зарождения раннегосударственного образования «Русской земли». Слияние к середине X в. западносеверянской территории с полянской можно рассматривать как основной факт сложения территориального политического ядра Древнерусского государства. Завершение освоения земель восточных северян происходило в условиях реформ Ольги и Владимира, которые «решительно отграничивали последующую эпоху от порядков первобытнообщинного строя» [59], что свидетельствует о создании раннефеодального государства.

Левобережная часть «Русской земли» была активной силой в покорении киевскими князьями территорий восточных северян, радимичей и вятичей, о чем свидетельствуют крупные дружинные центры в Левобережье в X—XI вв.

Впервые в Древнейшем своде Чернигов назван лишь в 1024 г. Столь позднее упоминание объясняется тем, что Древнейший свод, судя по его сохранившимся фрагментам, носил «характер местной, киевской «областной» истории» [60]. Однако упоминание Чернигова на втором после Киева месте в договорах Руси с греками, включенных в летопись под 907 и 945 гг., при составлении Повести временных лет, а также сообщение о нем Константина Багрянородного в середине X в. свидетельствуют о Чернигове как о важном центре, имеющем значительную долю в общих доходах «Русской земли» [61]. Раскопки выявили в нескольких местах города, в том числе и на детинце, славянские слои и остатки землянок VIII—IX вв., что позволяет предполагать возникновение Чернигова из «нескольких небольших родовых укрепленных поселков» [62].

Археологические исследования Чернигова и курганов X в. в его окрестностях выявляют значительную имущественно-социальную дифференциацию населения, заметную роль дружинного элемента в жизни этой территории [63]. Эти данные свидетельствуют и о важном значении в X — начале XI в. Сновска, Стародуба и Новгорода-Северского, которые впервые упомянуты

---

[58] *И. П. Русанова.* Указ. соч., стр. 24.

[59] *А. А. Зимин.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973, стр. 49.

[60] *А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 44—46.

[61] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 47, 50.

[62] *Б. А. Рыбаков.* Древности Чернигова.— МИА, № 11, М.— Л., 1949, стр. 10; *В. А. Богусевич.* Археологічні розкопки в Чернигові в 1949 та 1951 рр.— АП УРСР, т. V. Київ, 1955, стр. 5—11.

[63] *Б. А. Рыбаков.* Древности Чернигова, стр. 51—52.

лишь в известиях второй половины XI в. (Сновск в статье 1068 г.[64], Стародуб и Новгород в «Поучении» Мономаха в связи с событиями конца 1078 — начала 1079 г.[65]).

Географическое положение Сновска (современный Седнев) свидетельствует о его тесной связи с Черниговом: он расположен на правом берегу р. Снови, на расстоянии дневного пешего перехода от Чернигова (менее 30 км), не отделен от него естественными рубежами. О значении этого города как военного центра свидетельствует обширнейший курганный некрополь, материалы которого в значительной мере связаны с дружинным обиходом. При наличии трупоположений в яме в некрополе преобладает ранний обряд — сожжение. Северянский архаичный обряд трупосожжения на стороне представлен группой курганов, составляющей около половины всех трупосожжений[66], что свидетельствует о значительном количестве северян в Сновской тысяче. К сожалению, городище Сновска не изучено, подъемный материал неукрепленной его части относится к «раннеславянской и древнерусской поре»[67].

Курганы в окрестностях Стародуба изучены менее полно, нежели седневские, и из-за малого количества раскопанных курганов в древнейшей группе (с. Левенка) трудно судить о преобладании того или иного обряда. В трех других курганных группах близ Стародуба (с. Мериновка) представлен только «полянский» обряд погребения[68]. Стародуб находится за пределами основной области распространения ямных погребений. Однако сходство инвентаря погребений с материалами курганов древнего Сновска, наличие срубного погребения, встречающегося только в крупных дружинных центрах (Киев, Чернигов и его окрестности, Сновск), близость Стародуба к верховьям Снови позволяют предполагать непосредственную связь Стародуба со Сновском[69].

Новгород-Северский и его окрестности изучены недостаточно. Известны главным образом ямные погребения, причем одно из них твердо датировано X—XI вв.[70]

Для выявления восточных пределов ядра Черниговской зем-

---

[64] ПСРЛ, т. I, стб. 172; т. II, стб. 161.

[65] ПСРЛ, т. I, стб. 248; ПВЛ, ч. II, стр. 443.

[66] «Древности железного века в междуречье Десны и Днепра», стр. 65; *С. С. Ширинский.* Курганы полян у с. Седнев.— В сб. «Археологические открытия 1967 года». М., 1968, стр. 239—240.

[67] *И. И. Ляпушкин.* Указ. соч., стр. 76.

[68] «Древности железного века...», стр. 62, 63.

[69] В современном Стародубе древнерусское городище не обнаружено; О. Н. Мельниковской высказано предположение (доклад в секторе славяно-русской археологии ИА АН СССР, май 1973 г.), что древнему Стародубу соответствует содержащее материалы XI—XIII вв. городище в с. Рябцеве на р. Титве (левый приток р. Снови), приблизительно в 12—15 км к северо-западу от Стародуба. См. также: «Древности железного века...», стр. 26.

[70] *И. П. Русанова.* Указ. соч., стр. 37, табл. XI.

ли необходимо рассмотреть земли восточных северян, входившие в XII в. в Черниговское княжество. Здесь известен в настоящее время один значительный могильник с преобладанием обряда трупоположения в яме — близ Липинского городища (в 35 км западнее Курска). Однако курганы почти полностью распаханы, и возможно, что значительная часть северянских трупоположений на материке уничтожена. Для юго-восточной северянской окраины характерны курганные группы со смешанным обрядом погребения (Броварки, Петровское, Ницахи, Гочево, Липино). В них есть хорошо датированные ямные погребения рубежа X и XI вв.[71] Эти некрополи оставлены разноплеменными гарнизонами крепостей Владимира Святославича[72], и нет сомнения в том, что государственное освоение Посемья было завершено в конце X — начале XI в.

Ранее других на этой территории упомянут г. Курск. В Повести временных лет он назван впервые под 1095 г., а также в «Поучении» Мономаха в связи с событиями 1068 г.[73] Однако в житии Феодосия Печерского есть данные о Курске первой половины XI в. Курск в это время управляется посадником, «властелином града», причем родители Феодосия были переведены в Курск из Василева, города Киевской земли[74]. Неизвестно, тянул ли Курск к Чернигову до того, как Мстислав Владимирович в 1024 г. подчинил себе Левобережье (1024—1036 гг.). Факт перевода боярской семьи из киевского города в Курск свидетельствует в пользу того, что управление северянской (восточной) территорией контролировалось (с 1036 — до 1054 г.) непосредственно Киевом. Курское Посемье окончательно вошло в Черниговскую землю лишь в середине XII в., и это ретроспективно свидетельствует о том, что оно не входило в ядро изучаемой территории.

Обращает на себя внимание расположение основных, известных по Повести городов территориального ядра — ни один из них не является географическим центром этой территории: Сновск стоял на границе черниговских поляп и западных северян, Стародуб — близ северной границы «Русской земли» по соседству с восточными северянами и вятичами. Линии Чернигов — Сновск — Стародуб и Чернигов — Сновск — Новгород как бы указывают основное направление распространения политической власти Чернигова. Очевидно, эти города были форпостами государственного освоения пограничных областей радимичей и вятичей (Стародуб), вятичей и восточных северян (Новгород-Северский), так же как Сновск был ранее форпостом освоения территории западных северян.

---

[71] *И. П. Русанова.* Указ. соч., стр. 13, 36, табл. XI.
[72] Там же, стр. 13; *Б. А. Рыбаков.* Поляне и северяне..., стр. 91. стр. 91.
[73] ПСРЛ, т. I, стб. 229, 247; т. II, стб. 220.
[74] «Патерик киевского Печерского монастыря». СПб., 1911, стр. 16—20.

Территории «племен», как правило, осваивались из двух или трех центров, что убедительно доказано на общерусском материале А. Н. Насоновым. Именно поэтому они оказались поделенными между различными княжествами. Это в свою очередь свидетельствует о том, что завершающий этап государственного освоения достаточно отстоял по времени от включения «племен» в состав Киевской Руси.

Соотношение земель племенных союзов (радимичских, вятичских, северянских и др.) с государственной территорией Черниговской земли является очень важной частью общей проблемы соотношения племенной и государственной территорий, тесно связанной с изучением феодальной раздробленности в древней Руси.

Классификация материалов древнерусских курганных захоронений и соотношение их ареалов с летописными известиями о расселении восточнославянских племен, предпринятые А. А. Спицыным и разработанные для отдельных племен в трудах А. В. Арциховского и Б. А. Рыбакова [75], вызвали еще в конце 30-х годов возражения со стороны П. Н. Третьякова. Основная трудность заключается в том, что границы «племен» прослеживаются по данным преимущественно XI—XII вв., когда уже формировались «феодальные области» [76]. Строгий критический разбор истории этой проблемы привел И. И. Ляпушкина к подтверждению выводов А. А. Спицына. В результате славянского расселения VI—VII вв. особенности материальной культуры отдельных племен «не только не закреплялись, но должны были стереться. Формирование этнографических особенностей и их закрепление могли происходить лишь в условиях мирной жизни, когда в ходе расселения произошло территориальное обособление этих групп... и у каждой группы стал слагаться свой устойчивый жизненный уклад. Все это могло начаться, по-видимому, сравнительно поздно, не ранее VIII—IX в., и получило свое завершение в X—XI вв.» [77].

Нет оснований для коренной ревизии «племенных» границ, выявленных археологически, ибо в IX—X вв., когда формировались специфические этнографические признаки, «племенные» территории были в силу социально-экономических причин еще обособленны, замкнуты, на них распространялась лишь дань. Государственное влияние было значительным лишь в центрах освоения этих своего рода провинций «Русской земли». Возможна также и некоторая местная негативная реакция на господство Киева, способствовавшая устойчивости этнографических отличительных черт. Ориентировочные границы восточнославян-

---

[75] *А. А. Спицын.* Расселение древнерусских племен.— ЖМНП, 1899, VIII, стр. 301—304; *А. В. Арциховский.* Курганы вятичей. М., 1930; *Б. А. Рыбаков.* Радзімічы.— Працы, III, стр. 81—151.

[76] *И. И. Ляпушкин.* Указ. соч., стр. 118—124.

[77] Там же, стр. 124.

ских «племен», определенные по археологическим данным преимущественно XI—XII вв., можно признать отражающими в основном и состояние территории на X в.

При сопоставлении карты «племен», вошедших в состав Черниговского княжества, с его границами XII в. видно, что территория княжества включала в себя около половины известных восточнославянских племенных союзов: полян, северян, вятичей, радимичей, дреговичей. Однако ни один из них не вошел в эти пределы полностью. За границей изучаемой территории остались, например, вятичи Москвы, радимичи Прупоя (Пещанцы), минские и туровские дреговичи и т. д. (рис. 1). «Этническая» карта Черниговской земли, таким образом, убедительно противоречит мнению исследователей, считающих, что именно по рубежам племенных союзов раскололась Русь в XII в.[78] Ликвидация этих рубежей была наиболее ярким проявлением завершения формирования феодальной государственной территории. Нельзя согласиться и с тем, что «начало раздробленности было положено распадом пришедших на Днепр славян на отдельные союзы племен» [79]. Подобное мнение высказывалось в XIX в. Н. И. Надеждиным, М. П. Погодиным и рядом других историков. Еще В. И. Сергеевич привел ряд фактов, убедительно опровергающих эту точку зрения [80].

Для X в. рассмотренные выше факты свидетельствуют о процессе политической консолидации «Русской земли» и активном участии левобережной знати в подчинении киевскими князьями территорий восточных северян и южных районов земель вятичей и радимичей. Лишь к середине XI в. складываются предпосылки раздела «Русской земли».

На основании летописной статьи 968 г., относящейся к Древнейшему своду, А. Н. Насонов справедливо отрицал существование в Чернигове второй половины X в. княжеского стола и тем более князя, подобного древлянскому Малу или вятичскому Ходоте [81]. В рассказе 968 г. об осаде Киева печенегами (в отсутствие Святослава Игоревича) приводятся слова воеводы Претича, свидетельствующие о том, что левобережные дружины непосредственно подчинялись киевскому князю и обязаны были защитить Киев и выручить княгиню Ольгу с

---

[78] *Б. А. Рыбаков.* Спорные вопросы образования Киевской Руси.— «Вопросы истории», № 9, 1960, стр. 24—25.

[79] *М. Х. Алешковский.* Структура отчин трех Ярославичей (по данным «Повести временных лет» и археологии).— «Тезисы докладов научной сессии Государственного Эрмитажа. Ноябрь 1967 г.» Л., 1967, стр. 43.

[80] *Н. И. Надеждин.* Предначертание исторически-критического исследования древнерусской системы уделов.— «Труды и летописи общества истории и древности российских», ч. V, кн. I. М., 1830, стр. 97; *М. Погодин.* Исследования, замечания, лекции, т. IV. М., 1850, стр. 329; *В. Сергеевич.* Русские юридические древности, т. I. СПб., 1890, стр. 8—10.

[81] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 62—63.

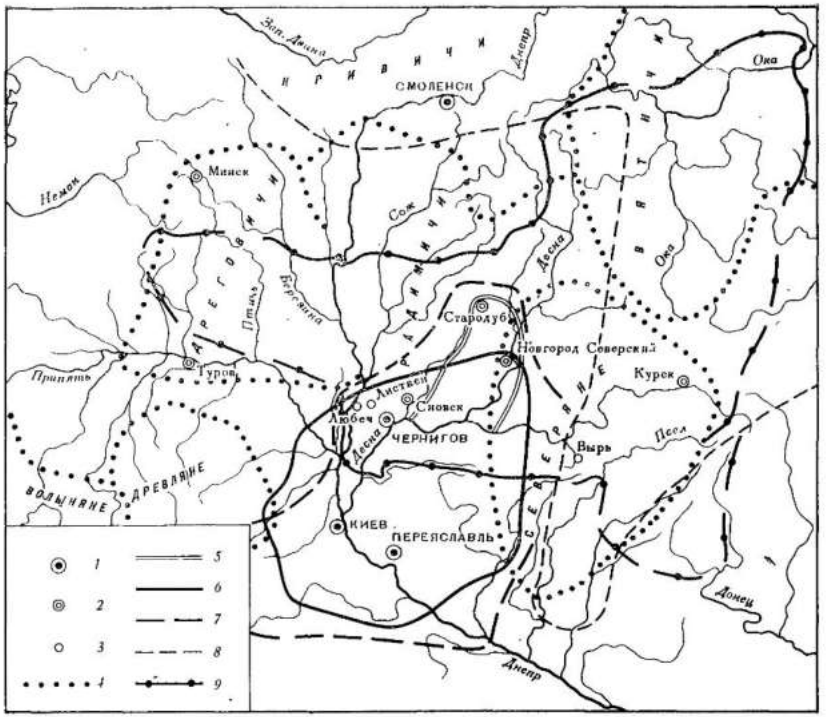


Рис. 1. Племенные и государственные границы Черниговской земли

1 — центры земель-княжений XI—XII вв.,
2 — крупные города,
3 — прочие населенные пункты (в Черниговской земле обозначены города, упомянутые в «Повести временных лет», т. е. до 1118 г.),
4 — границы племенных союзов восточных славян по археологическим данным,
5 — предполагаемые границы западных северян в середине IX—середине X в.,
6 — границы области полян или Руси конца X—XII вв. (по И. П. Русановой),
7 — границы «Русской земли» середины IX—XII вв. (по А. Н. Насонову),
8 — юго-западные границы области 2-го периода (833—900 гг.) распространения диргема (по В. Л. Янину),
9 — границы Черниговской земли в середине XII в.

внуками: «...аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ» [82].

Источники не содержат сведений о борьбе левобережной местной знати X в. с киевским князем. Зная полянскую принадлежность Чернигова второй половины X в. и то, что полянская династия была уничтожена до X в., нельзя предполагать правление в этом городе князя местной династии. Черниговъ

[82] ПСРЛ, т. I, стб. 66; т. II, стб. 54.

входил в состав «Русской земли» и, судя по более раннему, в сравнении с древлянской территорией, появлению «полянского» обряда в восточносеверянской земле, опережал древлян в социальном развитии. Продолжая сравнение с древлянской землей, нельзя полностью отрицать возможность существования княжеского стола (новой, не местной традиции) в Чернигове первой половины X в. (до 968 г.), ибо известно, что после «уставления» земли древлян, там в Овруче существовал новый княжеский стол, занимаемый Олегом Святославичем (970—977 гг.) [83]. Однако неизвестны даже вероятные претенденты из «дома Рюриковичей» на черниговский стол.

Как доказательство существования в середине X в. местных черниговских князей иногда приводятся материалы кургана Черная могила, датируемого византийской монетой 945—959 гг. (раскопки Д. Я. Самоквасова, 1872—1873 гг.). Анализ данных раскопок позволил Б. А. Рыбакову сделать вывод, что общий характер обряда погребения и его инвентаря (величина кургана, расположение его вблизи валов Чернигова X в., наличие одновременно оружия и культовых предметов) свидетельствует о захоронении «одного из неизвестных нам черниговских князей эпохи Святослава» [84]. Однако такой же характер могло носить и погребение воеводы-боярина или «старейшины града» («градника», «властелина града»), функции которых во многом связаны с архаической, дофеодальной традицией и в X в. были многообразны — от военных и фискальных до жреческих. О последнем свидетельствует описание языческих жертвоприношений в честь победы над ятвягами в летописном (983 г.) и проложном сказаниях об убитых в Киеве варягах-христианах [85]. Поэтому и материалы Черной могилы не позволяют выйти из области предположений при попытке доказать существование черниговского княжеского стола в X в.

Остается несомненным отсутствие княжеского стола в Чернигове второй половины X — начала XI в. Черниговский стол возник в результате борьбы между братьями Ярославом Мудрым и тмутараканским Мстиславом Владимировичем, приведшей к временному (1024—1036 гг.) разделу «Русской земли» по Днепру [86]. Однако, как убедительно доказал А. Н. Насонов, и в это время значительными были силы единства «Русской земли» под властью Киева, что отчетливо прослежено в стремлении составителей Древнейшего летописного свода подчеркнуть исторические права и господствующее значение Киева в «Русской земле» [87]. Поэтому после смерти Мстислава в Чернигове не был посажен князь, Ярослав стал «единовластцем Русской земли».

---

[83] ПСРЛ, т. I, стб. 69, 75; т. II, стб. 57, 63.
[84] *Б. А. Рыбаков.* Древности Чернигова, стр. 34, 38—39.
[85] *А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 23—25.
[86] ПСРЛ, т. I, стб. 147—149; т. II, стб. 134—137.
[87] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 31—33.

Вместе с тем временное обособление Левобережья способствовало возвышению Чернигова. О значительных экономических возможностях княжества свидетельствует развернувшееся в Чернигове первой половины XI в. каменное строительство. Мстислав заложил около 1036 г. церковь св. Спаса — одну из древнейших, сохранившуюся до наших дней. Неподалеку от нее находился построенный несколько ранее княжеский каменный терем [88]. Летопись отмечает, что Мстислав был «милостивъ, любяше дружину по велику, а имѣнья не щадяше» [89], что свидетельствует об укреплении княжеской администрации. Обособление Чернигова при Мстиславе способствовало созданию социально-экономических предпосылок обособления феодальной области-княжения — Черниговской земли.

В истории Черниговской земли период X — первая половина XI в. был временем формирования важнейших раннефеодальных центров (Чернигов, Сновск, Стародуб, возможно, Новгород-Северский), временем сложения территориального и политического ядра княжества. Ядром земли-княжения стал северо-восточный сектор «Русской земли», опережавшей в развитии феодальных отношений другие древнерусские территории. Основным фактом формирования территории Черниговского княжества было подчинение государственной княжеской власти «племенных» территорий восточных северян, радимичей и вятичей в интересах формирующегося господствующего класса «Русской земли», и в первую очередь знати ее северо-восточной части. Однако необходимо учитывать и факт встречного процесса — классообразование в подчиняемых и подчиненных землях, иначе картина формирования государственной территории была бы неверна [90].

Подчинение значительных территорий, даннический по преимуществу способ изъятия части прибавочного продукта, оборона южных окраин — все это вызывало необходимость существования относительно единой политической организации, подчиненной киевским князьям, отражавшей общность экономических интересов складывающегося класса феодалов. Тенденцию же обособления Левобережья питали корни уже сложившихся к середине XI в. раннефеодальных социально-экономических отношений. Временный раздел «Русской земли» в 1024—1036 гг. лишал

---

[88] *Н. В. Холостенко.* Исследования Борисоглебского собора в Чернигове.— СА, 1967, № 2, стр. 189, 200, 209.

[89] ПСРЛ, т. I, стб. 150; т. II, стб. 138.

[90] О социальной дифференциации за пределами «Русской земли» особенно наглядно свидетельствует факт существования отмеченных информатором Титмара Мерзебургского (умер в 1018 г.) «сервов-беглецов» (зависимые крестьяне или разного рода изгои), составлявших заметный процент населения «провинции» Киева («Русской земли»?) и, возможно, киевских дружин (*М. Б. Свердлов.* Відомості про Київ у хроніці Тітмара Мерзебурзького.— УІЖ, 1971, № 8, стр. 78—80).

Киев доходов, поступавших из Левобережья, в пользу Чернигова и тем самым не только способствовал сложению военного и административного аппарата черниговского княжеского стола, но и содействовал развитию особых, по отношению к киевскому столу, экономических интересов левобережной феодальной знати. Пережитки родо-племенной организации территории могли лишь в некоторой мере замедлить или ускорить начавшийся в середине XI в. процесс дробления территории Древнерусского государства, процесс, начало которого отразилось в «завещании» Ярослава заповедью — «не преступати предела братня».

Формирование территории Черниговского княжества

«Завещание» Ярослава [91] не содержит достаточных данных о размере волостей «триумвиров» «Русской земли» — Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей. Оно было написано только в 70-х годах XI в. и излагало взгляды печерских летописцев на княжеские усобицы того времени [92], не преследуя в первую очередь фактографических целей. Дальнейшее изложение событий до середины 90-х годов также дает мало сведений о территории Черниговского княжества. Границы его определяются главным образом по данным конца XI и первой половины XII в., когда во время споров за волость часто употребляется аргумент отчинности [93]. Однако о владельческой принадлежности самого Чернигова в это время имеются некоторые данные, позволяющие проследить перемены на черниговском столе.

Святослав Ярославич, родоначальник черниговских князей, княжил в Чернигове с 1054 г. до 22 марта 1073 г., когда он при помощи Всеволода изгнал Изяслава и занял киевский стол [94]. Неизвестно, кто занимал черниговский стол до смерти Святослава 27 декабря 1076 г. Со времени В. Н. Татищева принято считать, что в Чернигове княжил Всеволод Ярославич [95], хотя это и вызывает сомнения [96].

---

[91] ПСРЛ, т. I, стб. 161—162; т. II, стб. 149—150; ср. НПЛ, стр. 160, 181—182.

[92] *А. И. Насонов.* История русского летописания..., стр. 48.

[93] А. Н. Насонов отмечал, что в Повести временных лет «общая идея — принцип «отчинности», провозглашенный в 1097 г.,— проводится в тексте начиная с 1094 г. (1094, 1096, 1097 гг.)» (там же, стр. 59).

[94] ПСРЛ, т. I, стб. 182—183; т. II, стб. 172—173.

[95] Обзор мнений по этому вопросу см.: *В. В. Мавродин.* Очерки истории Левобережной Украины, стр. 171.

[96] М. С. Грушевский считал, что Святослав, сев в Киеве, оставил Чернигов за собой («Історія України — Руси», т. II. Львів, 1905, стор. 40). Из советских исследователей этой точки зрения придерживался Б. Д. Греков («Киевская Русь». М., 1953, стр. 495—496). В пользу этого мнения можно привести известие Нестора из «Жития Феодосия Печерского». По его словам, по-

В 1077 и 1078 гг. черниговский стол был предметом спора между внуками Ярослава, с одной стороны, и Всеволодом — с другой. В мае 1077 г. Чернигов на восемь дней захватил Борис Вячеславич [97]. В том же году, 15 июля, Всеволод примирился с Изяславом Ярославичем, вновь занявшим киевский стол, и вокняжился в Чернигове. 25 августа 1078 г. Борис и Олег Святославич, придя из Тмутаракани, нанесли поражение Всеволоду и вошли в Чернигов. На Нежатиной Ниве 3 октября 1078 г. они были разбиты силами киевского Изяслава Ярославича и Всеволода; в бою погибли и Борис и Изяслав [98]. После этого, вокняжившись в Киеве (1078—1093 гг.), Всеволод «переима власть Русьскую всю и посади сына своего Володимера в Черниговѣ» [99]. В данном случае очевидно, что под всей Русью подразумевается «Русская земля». Сохранение княжеских столов в Чернигове и Переяславле (по известию 1093 г. там сидел второй сын Всеволода — Ростислав [100]) свидетельствует о том, что разделение по «завещанию» Ярослава и учреждение в «Русской земле» двух новых княжеских столов были вызваны не столько стремлением предотвратить усобицы среди Ярославичей, как писали печерские летописцы, сколько необходимостью укрепления государственной власти в центрах «Русской земли». В Черниговской земле в числе факторов, вызывавших потребность усиления государственной власти, нужно отметить необходимость завершения освоения земли вятичей и обеспечения защиты от половецких набегов, ибо в 80-х годах XI в. половцы доходили до Стародуба и Новгорода-Северского, чего впоследствии уже не случалось.

Всеволод, получивший «всю Русскую власть», не мог уже обходиться без помощи двух княжеских столов Левобережья. Вероятно, наряду с другими причинами борьба с местническими тенденциями как левобережной, так и правобережной феодальной верхушки заставляла Всеволода пренебрегать советами «смысленых» бояр, старой знати и искать опору в младшей дружине, у «уных», т. е. у менее экономически и политически самостоятельной, а следовательно, и более надежной части дружины, за что его и осуждает составитель Начального свода [101].

В 1094 г. Олег Святославич захватил Чернигов у Моно-

сле занятия Святославом и Всеволодом Киева «единому сѣдшу на столѣ томь брата и отца своего, другому же възвратившуся въспять въ область свою», т. е. в Переяславль («Патерик киевского Печерского монастыря», стр. 49).

[97] ПСРЛ, т. I, стб. 199; т. II, стб 190.

[98] ПСРЛ, т. I, стб. 200—202; т. II, стб. 193.

[99] ПСРЛ, т. I, стб. 204; т. II, стб. 195.

[100] ПСРЛ, т. I, стб. 217; т. II, стб. 208.

[101] ПСРЛ, т. I, стб. 216—217; т. II, стб. 207—208. Позднее аналогичные явления наблюдались при Андрее Боголюбском на Северо-Востоке (*А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 55—56).

маха, но в 1096 г. был оттуда изгнан Владимиром Киевским и Святополком. В 1097 г. на Любечском съезде был принят «принцип династического разделения Русской земли между различными княжескими ветвями при соблюдении ее единства перед лицом внешней опасности»[102]. По этому решению черниговские владения Святослава Ярославича достались его сыновьям — Давыду, Олегу и Ярославу[103].

Примерное определение границ отчины Святославичей возможно при сопоставлении свидетельств второй половины XI в., с одной стороны, с преимущественно летописными данными первой половины XII в.— с другой, т. е. при рассмотрении периода формирования государственной территории Черниговского княжества в целом (середина XI — середина XII в.) и сопоставлении данных этого времени с наблюдениями, относящимися к предшествующему периоду.

Для определения границ отчины Святославичей необходимо исходить из территориального ядра Черниговского княжества — «земли», «области», которое укладывалось в границы «Русской земли», и сопоставления его с прилегающими территориями. Территориальное ядро Черниговской земли состояло из двух частей — территории Чернигова и новгород-северской территории, лежавшей к востоку от Чернигова. Первая разделялась нижним течением Десны, причем южная часть называлась в черниговских по происхождению известиях Задесеньем[104]. Об этой собственно черниговской территории, или «Черниговской волости в узком смысле», говорил в 1158 г. Святослав Ольгович: «Черниговъ съ 7-ю городъ пустыхъ: Моровиескъ, Любескъ, Оргощь, Всеволожь, а въ нѣхъ сѣдять псареве же и половци»[105]. Основными городами на собственно черниговской территории были[106]: Любеч (на Днепре), Оргощ (на р. Белоус), между Любечем и Оргощем — Листвен, Моровийск и село (?) Лутава (южнее Моровийска); в Задесенье — Всеволож (современное с. Сиволож), Белавежа (у истока р. Остер), Бахмач (на р. Борзне), Уненеж (г. Нежин на р. Остере), Глебль (на р. Бол. Ромен?)[107] (здесь и далее см. рис. 2).

Западнее Чернигова от устья Боловоса (современная р. Белоус) вверх по реке и далее до Любеча находилась «вся жизнь» черниговских князей — княжеские села, которые часто сжигались киевскими князьями, стоявшими при осадах Чернигова

---

[102] «История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции», т. I. М., 1966, стр. 550.

[103] ПСРЛ, т. I, стб. 257; т. II, стб. 231.

[104] *А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 102, 107. «Изяславъ пришедъ землю нашю повоевал и по Задѣсью городы наша пожеглъ» (ПСРЛ, т. II, стб. 377). Речь идет о событиях 1147 г. (там же, стб. 358), когда были сожжены города за Десной (там же, стб. 363).

[105] ПСРЛ, т. II, стб. 500; *М. Грушевський.* Історія..., т. II, стр. 328.

[106] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 59.

[107] Там же, стр. 221—224, 226—228, 232—233.

«на Боловесе»[108]. Эти села на Белоусе обнаружены Д. И. Блифельдом[109]. Здесь же был случайно найден в 1821 г. золотой амулет-змеевик — знаменитая «черниговская гривна», принадлежавшая, предположительно, Владимиру Мономаху[110].

Задесенье было менее заселено, возможно, из-за значительного количества болот и солонцеватых почв[111]. Вероятно, здесь помещались черниговские «свои поганые» (например, ковуи), выполнявшие роль военного заслона[112]. Очевидно стратегическое размещение этих городов. Центр обороны от нападений из Посулья — Всеволож, находясь в узком проходе между Остерскими и Придеснинскими болотами, контролировал юго-восточный путь к Чернигову. На расстоянии дневного пешего перехода (около 30 км) от Всеволожа находились: Уненеж, контролировавший переправу через р. Остер и проход между Смолежским и Остерским болотами; Белавежа и находившейся на расстоянии дневного перехода к юго-востоку от нее Глебль контролировали путь из Посулья; Бахмач контролировал восточное направление (путь от Выря). Фактически указанные города были форпостами Всеволожа.

Стратегическое значение задесненских городов хорошо иллюстрируют события осени 1147 г., когда Изяслав Давыдович и Святослав Ольгович, будучи оставлены в Посулье половцами, узнавшими о намерении киевского Изяслава Мстиславича пойти «перекы к ним к Сулѣ, идеже стояхуть», поспешили отступить в Чернигов через Глебль и Всеволож. Шедшие на Сулу Изяслав и Ростислав Мстиславичи попытались перехватить отступавших, резко изменив свой путь в северо-восточном направлении[113], но опоздали: «...поидоша имъ перекы, не перестигоша ихъ до Всеволожа, уже бо бѣ Изяславъ Давыдовичь, и Святославъ Олговичь, и Всеволодичь Святославъ; ушли бяху мимо Всеволожь» к Чернигову. Узнав о падении Всеволожа, жители Уненежа, Бахмача и Белавежи пытались бежать «в поле», Глебль же смог выдержать осаду[114].

Расположение указанных городов определяет собственно черниговскую территорию. Западные и южные ее пределы совпадали с границами Черниговской земли, которые не вызывали споров в ту пору, вероятно, вследствие совпадения с естественными рубежами. Эти границы были отмечены уже на карте К. М. Бороздина 1811 г. Западной границей служил Днепр. Южным пограничным пунктом на нижней Десне была черни-

---

[108] ПСРЛ, т. II, стб. 361, 458, 474.
[109] «Древности железного века...», стр. 34.
[110] *Б. А. Рыбаков.* Древности Чернигова, стр. 8.
[111] *В. Д. Симоненко.* Чернігівська область. Київ, 1958, стр. 29.
[112] *Б. А. Рыбаков.* Политическое и военное значение южной «Русской земли» в эпоху «Слова о полку Игореве».— ВГ, сб. 83. М., 1970, стр. 77.
[113] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 232.
[114] ПСРЛ, т. II, стб. 357—358.

говская Лутава, на противоположном берегу в устье р. Остер находился переяславский Остерский Городец. Западнее Лутавы граница Черниговской волости с киевской левобережной территорией шла к устью р. Тетерев по естественным рубежам (болота Выдра и Вершина). К востоку от Лутавы граница проходила по р. Остер [115] до Белавежи. Далее граница захватывает верховья р. Ромен с г. Глеблем. В середине XII в. граница Черниговской земли продолжалась восточнее, к городам Попаш, Вьяхань и Вырь, но не была устойчивой. В первой половине XII в. территория Выря была переяславской. Поэтому граница Задесенья, предположительно от Глебля, шла меридионально к Сейму, восточнее г. Бахмача. Можно напомнить, что Бахмач и Глебль находились близ границы области распространения ямных погребений, которая, как отмечалось, совпадала с пределами «Русской земли».

Северной границей собственно черниговской территории можно считать болота Перистое и Замглай — естественный рубеж с радимичами X—XII вв. У восточных пределов этой территории (р. Сновь), в 30 км от Чернигова, находился один из главных городов второй составной части территориального ядра Черниговского княжества — Сновск.

Крупнейшими городами новгород-северской территории являлись Новгород-Северский, Стародуб и Сновск. Есть основания предполагать, что древнейшим из них был Сновск, а младшим — Новгород.

Приблизительно в 20 км к востоку от Сновска находился Березый, в 30 км к востоку от Березыя — Хоробор (на р. Мене). К юго-востоку от Березыя (приблизительно в 25 км) находился Блестовит и близ впадения р. Убеди в Десну — Сосница [116]. Ропеск на р. Ирпе, недалеко от ее впадения в р. Сновь, входил в состав рассматриваемой территории. Он не подчинялся непосредственно Чернигову, как это явствует из описания событий 1158 г. Здесь Ярослав, брат новгород-северского Святослава Всеволодовича, встречал княгиню Изяслава Давыдовича, враждебного черниговскому князю [117]. В 24 км к востоку от Стародуба, на левом берегу р. Вабли находился городок Синин мост, южнее, на правом берегу Судости, находился Радощ (современный Погар) [118]. Синин мост и Радощ, вероятно, были пограничными пунктами. В 1155 г. Святослав Ольгович встречал тут Юрия Долгорукого. От Брянска и Трубчевска эти го-

---

[115] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 60.
[116] Там же, стр. 221—222, 231, 233.
[117] ПСРЛ, т. II, стб. 502.
[118] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 229, 231. На карте А. Н. Насонова, вероятно, по ошибке картографа Синин мост и Радощ поменялись местами. Возможно, по той же причине Гуричев, находившийся приблизительно в 20 км к востоку от Чернигова, на карте неверно указан между Сновском и Березыем (там же, стр. 222).

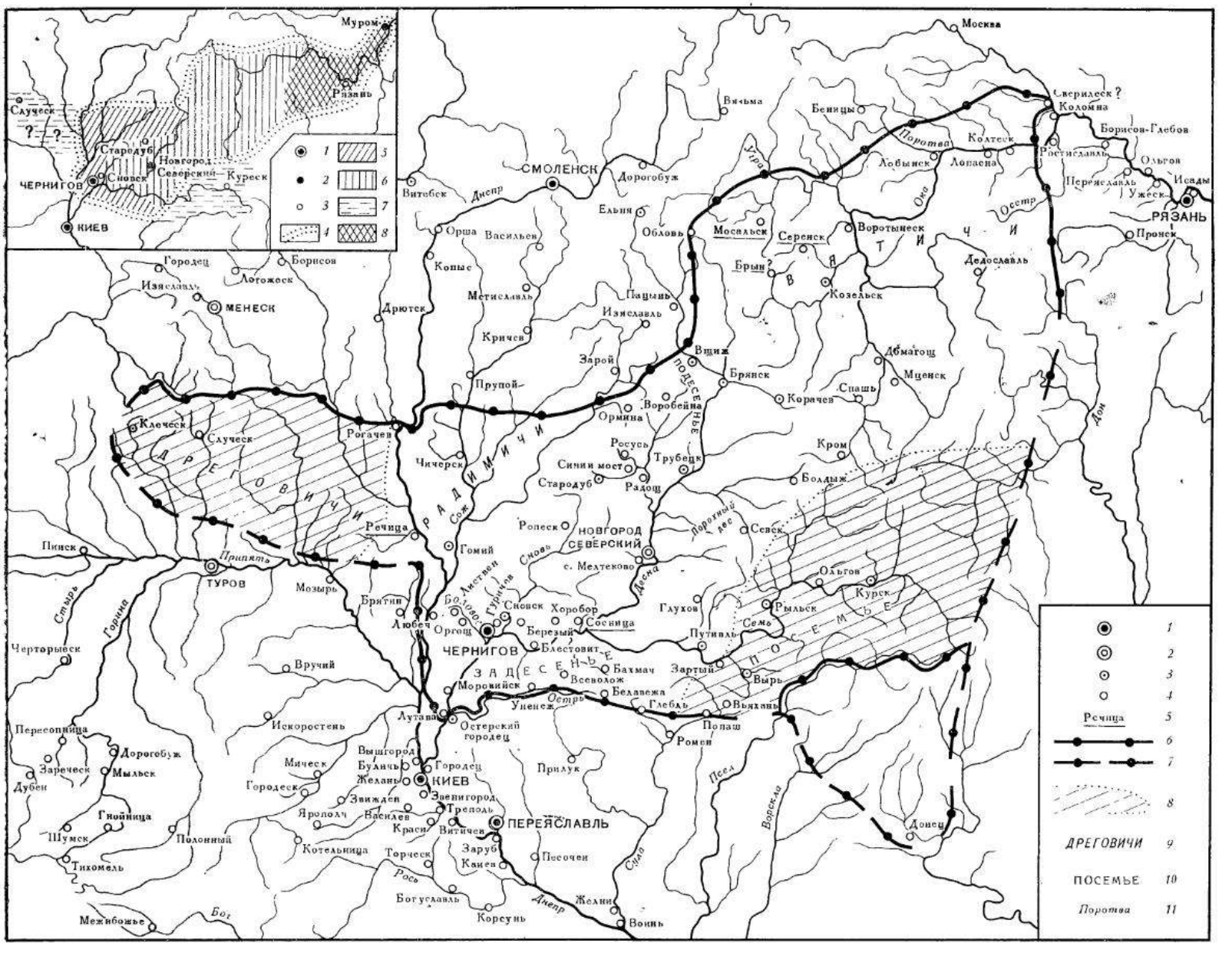


Рис. 2. Черниговская земля в XII — первой половине XIII в.

1 — центры земель-княжений Древнерусского государства,
2 — крупные города, центры княжеств,
3 — центры волостей Черниговской земли,
4 — прочие города и населенные пункты,
5 — города и населенные пункты Черниговской земли, упомянутые впервые в первой половине XIII в.,
6 — границы Черниговской земли во второй половине XII в.,
7 — участки этой границы, очерченные гипотетически,
8 — территории Киевской и Переяславской земель, вошедшие в Черниговскую землю в середине XII в.,
9 — территории, сохранившие в XII в. «племенные» названия,
10 — географические области,
11 — упомянутые летописью гидронимы

Врезка к рис. 2. Владения Черниговских князей в первой трети XII в.

1 — центры земель-княжений,
2 — стольные города черниговских князей,
3 — прочие города,
4 — ориентировочная граница отчины Святославичей,
5 — владения Давыда Святославича (отчина Давыдовичей),
6 — владения Олега Святославича (отчина Ольговичей),
7 — условные держания Олега Святославича и его преемников до 1127 г.,
8 — владения Ярослава Святославича (с 1127 г. отделились от черниговского стола)

Древнерусские княжества

рода отделены обширными лесами междуречья Судости и Десны.

К северу от р. Вабли находилась компактная территория Подесенья, не входившая, судя по данным середины XII в., в территориальное ядро Черниговской земли. Находящийся в Посемье Путивль, как и Подесенье, был вне области ямного обряда погребения и в собственно новгородскую территорию не входил. Об этом также свидетельствует черниговского происхождения фрагмент Ипатьевской летописи под 1146 г. Претендовавшие на территорию Новгорода-Северского и впоследствии захватившие ее Давыдовичи — Владимир и Изяслав — после пленения Игоря Ольговича киевским Изяславом Мстиславичем потребовали у Святослава Ольговича отказа от Новгорода-Северского: «...поиди из Новагорода [к — Х.] Путивлю, а брата ся Игоря лиши» [119].

Границы второй составной части территориального ядра Черниговской земли определяются таким образом: на западе — по р. Снови, включая правобережную полосу со Сновском и Ропеском; на севере —по р. Вабле, севернее Стародуба и Синина моста; на северо-востоке — по р. Судости, на востоке — приблизительно по границе распространения ямных погребений, указанной И. П. Русановой; на юге — по Сейму и Десне. Восточная граница образовалась еще во второй половине IX в. как предел «Русской земли», северные же границы складывались в X — начале XI в.

Важной частью рассматриваемой территории были земли Сновской тысячи. Филарет Гумилевский заметил, что под понятием «Сновская тысяча» подразумевается определенная область в течении Снови. П. В. Голубовский очертил границы ее нижним течением Снови и правобережьем Десны до устья р. Мены, что было принято М. С. Грушевским и А. М. Андрияшевым [120]. Существенный шаг вперед в определении территории Сновской тысячи был сделан А. Н. Насоновым, отметившим и доказавшим вхождение в нее г. Стародуба. Исследователь впервые показал важное значение Сновской тысячи в сложении территориального ядра Черниговской земли как образования более древнего, нежели созданное в 1097 г. Новгород-Северское княжество. Однако А. Н. Насонов ошибочно считал, что в состав Сновской тысячи XII в. входил и Новгород-Северский.

Данными для определения этой территории А. Н. Насонову послужили известия о феодальной войне между киевским Изяславом Мстиславичем и его дядей Юрием Долгоруким. Сновская тысяча упомянута лишь однажды — при изложении событий 1149 г. в Ипатьевской летописи. Разбив 23 августа под Пере-

[119] ПСРЛ, т. II, стб. 329.

[120] *Филарет [Гумилевский]*. Указ. соч., кн. 5, стр. 110—111; *П. В. Голубовский*. Историческая карта..., стр. 43—48; *М. Грушевський*. Історія..., стр. 327—328; *А. Андрияшев*. Указ. соч., стр. 104.

яславлем киевского князя, Юрий и его союзник Святослав Ольгович вступили в Киев. Черниговские Владимир и Изяслав Давыдовичи были союзны Изяславу Мстиславичу, поэтому Святослав Ольгович, как победитель в усобице, обратился к Владимиру со словами ««держиши отчину мою» и тогда взя Курескъ и с Посемьемь, и Сновьскую тисячю у Ислава (Изяслава Давыдовича.— *А. З.*), и Случьскъ, и Кльчьскъ и вси Дрегвичъ» [121].

Святослав Ольгович был лишен своей отчины в декабре 1146 или в январе 1147 г. коалицией Изяслава Мстиславича и черниговских князей. Новгород-Северский, Стародуб и, очевидно, Сновск достались Изяславу Давыдовичу [122]. Ретроспектируя известие 1149 г. на события 1147 г., А. Н. Насонов пришел к выводу, что Стародуб и Новгород входили в состав Сновской тысячи. Подтверждением этому служили данные статьи 1155 г. в Ипатьевской летописи [123], свидетельствующие о том, что Святослав Всеволодович (племянник Святослава Ольговича) кроме Стародуба владел и Сновском. Однако эти известия, несомненно свидетельствующие в пользу владельческого единства Стародуба и Сновска, не говорят определенно о Новгороде-Северском в составе Сновской тысячи.

Можно уточнить представления о Сновской тысяче середины XII в., выявив звенья, связывающие известия 1149 и 1147 гг. В начале 1149 г. Святослав Ольгович владел Новгородом-Северским: «Ростиславъ Смоленьскии проси дчери у Святослава у Ольговича за Романа, сына своего, Смоленьску; и ведена бысть из Новагорода в неделю по водохрещахъ, мѣсяца геньваря въ 9 дѣнь» [124]. Полная дата свидетельствует о современности записи и достоверности известия. Другое сообщение, восходящее к черниговскому летописанию [125], свидетельствует, что Новгород был возвращен Святославу летом 1147 г. После успешного освобождения Святославом «вятичей» и прилегающих территорий «Изяславъ Давыдовичь из Новагорода иде Чернигову» и Давыдовичи запросили мира у Святослава: ««будемы вси за одинъ мужь,... а отцину свою възми и, что есми взяли твоего, то ти възворотимъ» — и цѣловаша крест, и не управиша» [126]. Этот союз послужил поводом к убийству в Киеве 19 августа 1147 г. старшего Ольговича — Игоря, что и позволяет определить дату его заключения. Замечание летописца Святослава Ольговича «и не управиша» перекликается с известием 1149 г. об отчинах и, вполне очевидно, не относится к Новгороду-Северскому. Территории к востоку от Десны Святослав возвратил себе в походе первой половины 1147 г. Изяслав тогда же

---

[121] ПСРЛ, т. II, стб. 384.
[122] Там же, стб. 342.
[123] Там же, стб. 477, 479; *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 58.
[124] ПСРЛ, т. II, стб. 368.
[125] *А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 106.
[126] ПСРЛ, т. II, стб. 342—343; ср. т. XXV, стр. 40.

оставил Новгород, следовательно, речь шла о городах к западу от Новгорода, т. е. о Сновской тысяче. Рассмотренные известия не позволяют включать в состав Сновской тысячи Новгород-Северский, поскольку, возвращая ее себе в 1149 г., Святослав уже с лета 1147 г. владел Новгородом.

Рассмотрим свидетельствующие в пользу владельческого единства Стародуба и Сновска известия статьи 6663 (1155) г. Ипатьевской летописи.

После смерти киевских князей Изяслава Мстиславича (13 ноября 1154 г.) и Вячеслава Владимировича (декабрь того же года) в Киев вступил (в конце декабря 1154 — начале января 1155 г.) черниговский Изяслав Давыдович. Уже в январе 1155 г. Юрий Долгорукий вошел в Смоленскую землю и двинулся через Черниговскую землю на юг [127]. У Синина моста Юрия встретил союзный ему Святослав Ольгович. Тогда же из Стародуба к ним прибыл Святослав Всеволодович, который повинился перед своим дядей Святославом, и Юрий по просьбе Святослава Ольговича примирился с запутавшимся в своих политических расчетах князем [128]. После этого все трое пошли в Стародуб и оттуда к Чернигову. Изяслав Давыдович вынужден был вернуться в Чернигов, и Юрий 20 марта занял киевский стол. «Тогды приѣха къ Святославу Олговичю сыновець его Святославъ Всеволодичь и цѣлова к нему хрест. Тогда же прида ему 3 городы, а Сновескъ собѣ отъя и Корачевъ, и Воротипескъ, занеже бѣ его отступилъ, и поиде Святославъ Олгович Сновьску» [129]. Таким образом, имеются свидетельства одновременного владения Святославом Всеволодовичем в 1155 г. и Стародубом и Сновском [130]. Упоминание Стародуба Ипатьевской летописью под 1156 г. имеется в искаженном при переписке или редакции тексте (возможно, уже в XII в.) и не позволяет судить о его владельческой принадлежности [131].

Когда Святослав Всеволодович получил эти города? Прямых указаний на Сновск и Стародуб, кроме рассмотренных, в предшествующие годы нет. Есть косвенные свидетельства, позволяющие использовать ретроспективные построения. Б. А. Рыбаков, отметив, что уже зимой 1153 г., по свидетельству Ипатьевской летописи, Святослав Всеволодович имел «свою волость», справедливо предполагает, что в это время он владел Сновском, Стародубом, Корачевом и Воротынском, полученными при разделе 1151 г. [132] Правда, автор считает, что Сновск был

---

[127] ПСРЛ, т. II, стб. 469—477; т. I, стб. 342—344.
[128] ПСРЛ, т. II, стб. 477; т. I, стб. 344.
[129] ПСРЛ, т. II, стб. 479.
[130] Нет сомнения, что ни Воротынск (на Оке, в «Вятичах»), ни Корачев (центр «Лесной земли») в Сновскую тысячу не входили.
[131] ПСРЛ, т. II, стб. 484—485; ср. т. XXV, стр. 61.
[132] *Б. А. Рыбаков.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, стр. 111.

получен от черниговского Изяслава Давыдовича, что накладывало на Святослава Всеволодовича вассальные обязанности по отношению к этому князю. Вопрос об отношении Святослава Всеволодовича к черниговскому и новгород-северскому князьям в 1151—1155 гг. в данном случае существенный.

Изяслав Давыдович вокняжился в Чернигове после сражения на р. Руте (12 мая 1151 г.), где Юрий Долгорукий и его союзники Святослав Ольгович, Святослав Всеволодович и Владимир Давыдович потерпели тяжелое поражение (последний погиб в этой битве). Вскоре за поражением Юрия у Переяславля-Русского (17 июля 1151 г.) Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович обратились к черниговскому князю с предложением мира на условии раздела по отчинному принципу: «отцинѣ межи нама двѣ: одина моего отца Олга, а другая твоего отца Давыда, а ты, брате, Давыдовичь, а я Олговичь, ты же, брате, прими отца своего Давыдово, а што Олгово, а то нама даи». Изяслав «отцину има узвороти, а свою к собѣ прия» [133].

После соглашения Святослав Всеволодович резко изменил ориентацию и повел самостоятельную, по отношению к Святославу Ольговичу, политику. Он активно участвовал в походе на Городец-Остерский против замешкавшегося в Руси и тем самым нарушившего условия мира Юрия Долгорукого. Святослав же Ольгович уклонился от непосредственного участия в походе и демонстративно оказал Юрию почтительный прием после его поражения. Последующие события в Черниговской земле показывают, что Святослав Всеволодович и далее ориентируется на Изяслава Давыдовича и киевского Изяслава Мстиславича, выступая против Святослава Ольговича. Осенью 1152 г. он поспешил на помощь Изяславу Давыдовичу для обороны Чернигова, осажденного Юрием Долгоруким и Святославом Ольговичем. Следует предположить, что основные владения Святослава Всеволодовича находились в западной части «отчины» Ольговичей (Сновск, Стародуб), иначе ему не удалось бы своевременно соединиться с Изяславом. Был он и в числе князей, пришедших в феврале 1153 г. с киевским Изяславом Мстиславичем к Новгороду-Северскому, и после осады ушел «в свою волость» [134].

Наиболее вероятно, если не очевидно, что именно эти действия Святослав Ольгович рассматривал в марте 1155 г. как измену и в наказание за них лишил своего племянника Сновска и других городов. Сновская тысяча была отчиной Ольговичей, и союз ее владельца с черниговским князем был изменой князю новгород-северскому.

---

[133] ПСРЛ, т. II, стб. 444. Известие восходит к черниговскому источнику; *А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 107.

[134] ПСРЛ, т. II, стб. 456—457, 460.

П. В. Голубовский считал «соединение» Сновской тысячи со Стародубом во владении Святослава Всеволодовича случаем единичным, хотя отмечал вхождение ее после 1149 г. «в состав удела Стародубского» [135]. Для такого утверждения нет оснований. Более того, вопрос о Стародубе как особой территории при переделах и отчинных спорах не поднимался. Речь шла о Сновской тысяче (1149 г.), о Сновске (1155 г.), обладание Сновском подразумевало и владение Стародубом.

Известия о Стародубской волости появляются лишь в конце 60-х — середине 70-х годов XII в., но они не позволяют судить о ее соотношении со Сновской тысячей, ибо после известия 1155 г. Сновск упомянут лишь в статье 1203 г. Радзивилловской летописи и в статье 1234 г. Ипатьевской летописи [136]. После же сообщений о событиях 1174 г. Стародуб на два столетия исчезает со страниц летописей. Однако известия 60-х — 70-х годов XII в. о Стародубе могут служить для уточнения данных об отношении Сновской тысячи к Новгороду-Северскому и Чернигову.

В 1166/67 г. после смерти вщижского князя Святослава Владимировича черниговский Святослав Всеволодович отдал вымороченный Вщиж сыну, а «лепшую» [137] волость дал своему брату Ярославу. Центром второй, лучшей волости вщижского князя был Стародуб [138]. Двоюродный брат Всеволодовичей — новгород-северский Олег Святославич, считая незаконным получение Ярославом Стародуба, потребовал у черниговского князя «в Правду наделения». Его поддерживали сами стародубцы. Киевский Ростислав Мстиславич также признал право Олега на Стародуб, «усмотрив Правду... много же посыла Ростиславъ къ Святославу, веля ему у Правду надѣлити Олга». После военных действий Святослав дал Олегу четыре каких-то города [139]. Дальнейшие события показали, что новгород-северский князь не был удовлетворен этим наделением и в 1174 г. вновь попытался овладеть Стародубом.

---

[135] *П. В. Голубовский.* Историческая карта..., стр. 47—48.

[136] ПСРЛ, т. I, стб. 419; т. II, стб. 772.

[137] Отдельные волости были неравноценны в глазах князей: «лепшей» волостью представлялся Торческ (с Треполем, Корсунем, Богуславлем и Каневом) в споре между волынским Романом Мстиславичем и киевским Рюриком Ростиславичем в 1195 г. (ПСРЛ, т. II, стб. 683).

[138] Вероятно, Святослав Владимирович получил Вщиж в 1157 г. с вокняжением Изяслава Давыдовича в Киеве. А. Н. Насонов ошибочно считал, что Святослав Владимирович сидел в 1158 г. в Новгороде-Северском (последнему в ту пору было не более 13 лет: его отец женился в 1144 г.), однако летопись сообщает, что в 1157 г. Новгород достался Святославу Всеволодовичу (*А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 58—59; ПСРЛ, т. II, стб. 317, 490). Вщижский князь получил Стародуб, вероятно, от Святослава Ольговича, не ранее неудачной осады Вщижа и мира в начале 1160 г. (ПСРЛ, т. II, стб. 508—509; ср. т. I, стб. 350).

[139] ПСРЛ, т. II, стб. 525—526.

В начале 1174 г., когда в Киеве вокняжился луцкий князь Ярослав Изяславич, черниговский Святослав Всеволодович потребовал у него наделения в Киевской земле. Ярослав ответил отказом, после чего Святослав взял «изъездом» Киев. Ярослав Изяславич, не успев «совокупиться с братьею» (т. е. Ростиславичами), поспешно бежал из Киева. Святослав Всеволодович захватил имущество Ярослава, его семью, дружину и возвратился в Чернигов. Все это произошло в марте 1174 г. [140]

Вслед за этим новгород-северский Олег Святославич договорился со своими шуринами Ростиславичами (Рюриком и Давыдом) и Ярославом Изяславичем о совместных действиях. Вступив в Черниговскую землю, Ярослав и Ростиславичи сожгли Лутаву и Моровийск, однако Святославу Всеволодовичу удалось заключить с ними перемирие. Тем временем Олег «с братома» (т. е. Игорем и Всеволодом Святославичами) подошли к Стародубу, но, не взяв города, отступили. Последовало вторжение Святослава и Ярослава Всеволодовичей, осада Новгорода-Северского, и Олег вынужден был просить мира.

Это событие излагается в Ипатьевском своде дважды: в конце статьи 6682 (1174) г. и в конце статьи 6683 (1175) г. Первый вариант текстуально совпадает с рассказом статьи 6683 (1175) г. Лаврентьевской летописи. В некоторых местах интересующего нас сообщения совпадение неполное, есть разночтения. Важно отметить, что в Ипатьевской летописи опущено сообщение о походе Ярослава в черниговскую землю: «...и много зла створивъ Кыеву поиде Черпигову» [141].

С восстановлением этого пропуска становится ясным совпадение основных фактов в двух указанных фрагментах: одновременное нападение Олега Святославича с востока и Ярослава с Ростиславичами с запада на черниговского Святослава Всеволодовича (в первом отрывке участие в походе Ростиславичей несомненно, ибо Ярослав в марте лишился дружины, более того — со своей дружиной и князьями, но без Ростиславичей он не сумел даже защитить в то время Киев); сепаратный мир правобережных князей со Святославом (т. е. их фактиче-

---

[140] ПСРЛ, т. II, стб. 578—579. Н. Г. Бережков (указ. соч., стр. 190) датировал это событие февралем—мартом 1174 г. В Типографской летописи указан март, и о захвате Киева Святославом сообщено дважды в статье 1174 г. (ПСРЛ, т. XXIV, стб. 82). Об уникальности этого известия см.: *А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.— Л., 1938, стр. 287.

[141] ПСРЛ, т. I, стб. 367; т. II, стб. 579, ср. стб. 599—600. До настоящего времени эти известия Ипатьевской летописи оценивались как два разных события (*Н. Г. Бережков.* Указ. соч., стр. 190—193). Рассматриваемый текст находится в комплексе известий, совпадающих с Лаврентьевской летописью и попавших в южнорусское летописание, вероятно, из той северо-восточной летописи, которая, по мнению А. Н. Насонова, на исходе XII или в XIII в. служила источником для Ипатьевского свода, но порядок известий в Ипатьевской летописи несколько иной (*А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 116, 157—158).

ское предательство); тяжелое поражение Олега Святославича. Рассматриваемые события в обоих случаях связаны с вокняжением Романа Ростиславича в Киеве, что позволяет уточнить хронологию событий.

В первом отрывке за военными действиями следует просьба Ростиславичей к Андрею Боголюбскому дать Киев их брату — смоленскому Роману. Во втором же говорится, что Ярослав Изяславич, узнав об этих намерениях Ростиславичей, оставил Киев, где и вокняжился Роман. Следовательно, описанная в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях борьба произошла между мартом (захват Киева Святославом) и 29 июня 1174 г. (гибель Андрея). Учитывая распутицу (конец марта — начало апреля) и время на сношения с Андреем (не позже июня), эту усобицу следует датировать концом апреля — маем 1174 г.

Поскольку Роман Ростиславич вокняжился в Киеве не позже конца 1174 г. (в это время смоленский стол уже занимал его сын Ярополк, изгнанный из Смоленска в начале 1175 г.) [142], «вторую» усобицу можно датировать лишь 1174 г. Учитывая общую политическую обстановку, весьма трудно допустить, что в краткий отрезок времени (максимум полгода) на одной территории произошли два столь сходных события.

Упорное стремление новгород-северского князя возвратить себе Стародуб, подкрепленное ссылкой на законность («Правду»), показывает, что отделение Стародуба от собственно Новгород-Северской волости было явлением новым, и подчеркивает длительность, устойчивость административного подчинения Стародуба и всей Сновской тысячи Новгороду-Северскому. С 1160 г. до первых десятилетий XIII в. в Черниговской земле известны лишь две военные усобицы — столкновения именно из-за Стародуба в 1167 и 1174 гг.

С конца XI в., с установлением в Черниговской земле Новгород-Северского княжения, и до середины XII в. Сновская тысяча была в составе Новгородской волости. Поэтому при чтении источника и создается впечатление вхождения Новгорода-Северского в Сновскую тысячу, т. е. представление, противоположное действительному положению вещей. Игорю Ольговичу до его пленения в августе 1146 г. принадлежала не Сновская тысяча, а Новгород-Северский, и в его волость входил Сновск. Давыдовичи требовали от Святослава: ««поиди из Новагорода Путивлю, а брата ся Игоря лиши». Святославъ же рече: «ни волости хочю, ни иного чего, развѣ толико пустите ми брата»». Изяслав Мстиславич делил, изгнав Святослава, не Сновскую тысячу, а Новгород, Путивль, Курск. Давыдовичи получили волость Игоря — Новгород-Северский и волость Святослава — Путивль. Курск отошел к Переяславлю [143]. О Сновской тысяче

---

[142] НПЛ, стр. 34, 223; ПСРЛ, т. I, стб. 374; т. II, стб. 598.
[143] ПСРЛ, т. II, стб. 329, 337, 346—347.

или о Стародубе при разделах 1146—1147 гг. не упоминалось вовсе.

Трудно выявить рубеж Сновской тысячи и Новгорода-Северского. П. В. Голубовский предполагал, что им была р. Мена, на которой находился г. Хороборь. В этом городе в 1159 г. был заключен мир между Изяславом Давыдовичем и Святославом Ольговичем, после чего они «разъѣхастася кождо въ свояси». П. В. Голубовский справедливо полагал, что для заключения мира чаще всего избирались пограничные города [144].

Итак, возникшая в X в. (судя по данным курганных могильников) раннефеодальная территориальная единица — «тысяча» становится в конце XI в. частью новой административной территориальной единицы (Новгород-Северского княжества) и отделяется от нее (в целом или своей северной частью — Стародубом) в середине XII в. уже как волость.

Состоялся передел территориального ядра земли-княжения: новгород-северская территория в конце 40-х годов XII в. оказалась разделенной на две части, а с конца 60-х годов ее западная часть стала тянуть к Чернигову.

Несомненна связь Сновской тысячи с Черниговом в X—XI вв. Об этом свидетельствуют и местоположение Сновска, и археологические материалы Седнева-Сновска [145]. Не вызывает возражений и указанная А. Н. Насоновым связь Сновской тысячи с распространением дани и княжеского суда, с государственным освоением значительной части территории будущего Черниговского княжества [146]. Важное военное значение Сновской тысячи для Чернигова подтверждают события 1068 г., когда Святослав Ярославич именно под Сновском разбил половцев, а также то, что изгнанный из Чернигова в 1096 г. Олег Святославич бежал в Стародуб, выдержавший 33-дневную осаду [147].

Сновская тысяча — более древнее образование, нежели Новгород-Северское княжество, возникшее после Любечского съезда, и до 1097 г. несомненно существовало административное подчинение Сновска Чернигову, которое затем начало слабеть в связи с появлением княжеского стола в Новгороде-Северском.

Возникает вопрос: не дают ли свидетельства о том, что Новгород-Северский не входил в середине XII в. в территорию Сновской тысячи, основания считать Новгород вне пределов Сновской тысячи и в X—XI вв.? Дать определенный ответ на этот вопрос в настоящее время не представляется возможным. Географическое положение Новгорода-Северского аналогично положению Стародуба — на границе «Русской земли», что свидетельствует как будто в пользу первоначального вхождения

---

[144] ПСРЛ, т. II, стб. 465; *П. В. Голубовский.* Историческая карта..., стр. 42—49.
[145] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 57—59, 66—67.
[146] Там же, стр. 63—64.
[147] ПСРЛ, т. I, стб. 170, 230; т. II, стб. 161, 220—221.

Новгорода в состав Сновской тысячи в X—XI вв. По археологическим данным уже нельзя увидеть аналогию со Стародубом: древнейшие курганы окрестностей Стародуба дают материал, близкий к курганам Сновска, близ Новгорода такие курганы неизвестны. Правда, это может говорить лишь о более позднем возникновении города, подчеркнутом и самим его названием — Новый город. Дальнейшие археологические исследования смогут уточнить наши представления о Сновской тысяче X—XI вв.

Итак, можно лишь предполагать вхождение Новгорода-Северского в состав Сновской тысячи в X—XI вв. Возможно, что Новгород был избран Олегом как новый центр по той же причине, какая заставила позже Андрея Боголюбского перенести стол из Суздаля во Владимир. В старых центрах, Сновске и Стародубе, была сложившаяся феодальная знать, которая могла в некоторой степени сдерживать князя. В сравнительно молодом городе князь мог создать более надежную опору для своего стола. Если это предположение верно, то решающий шаг к ликвидации Сновской тысячи как территориальной единицы был сделан в конце XI в., когда Новгород-Северский перестал быть частью Сновской тысячи, а Сновская тысяча стала составной частью собственно Новгород-Северской волости. Эти соображения позволяют оставить в силе тезис А. Н. Насонова о двух составных частях древнего территориального ядра Черниговской земли. Именно к территории Сновской тысячи с востока и севера начиная с X в. постепенно «прирастали земли восточных северян, вятичей и радимичей» [148].

Особое место в Черниговском княжестве первой половины XII в. занимало Курское Посемье, переходившее то к Чернигову, то к Переяславлю [149]. О первоначальной владельческой принадлежности Курска нет единого мнения. В. Г. Ляскоронский о принадлежности Курска писал неопределенно; П. В. Голубовский считал, что Курск был временно у Всеволода Ярославича, а в 1097 г. «был возвращен Северской земле»; В. В. Мавродин, ссылаясь на указанных авторов, писал о принадлежности Курска по разделу Ярослава к Переяславскому княжеству, но не привел новых аргументов [150].

М. П. Погодин писал о принадлежности Курска Переяславскому княжеству, выдвигая два основных довода: в 1096 г. Курском владел Изяслав Владимирович, сын Мономаха, и при Мстиславе и Ярополке Владимировичах он также был во владении Мономашичей [151]. С. М. Соловьев доказал, что до 1127 г.,

---

[148] *А. Н. Насонов.* «Русская земля».... стр. 67.

[149] *М. Грушевський.* Історія..., т. II, стр. 320; *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 60.

[150] *В. Ляскоронский.* История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст. Изд. 2. Киев, 1903, стр. 51, 290—291; *П. Голубовский.* История Северской земли..., стр. 63, 100; *В. В. Мавродин.* Очерки истории Левобережной Украины, стр. 155—157.

[151] *М. П. Погодин.* Разыскания о городах и пределах..., стр. 96—97.

когда в Курске был посажен Изяслав Мстиславич, город принадлежал Чернигову [152], но в полемике с М. П. Погодиным С. М. Соловьев высказал неаргументированное предположение, что в 1096 г. Курск был захвачен Изяславом у Святославичей.

Спор о принадлежности Курска в исторической литературе отражает противоречия источников о Курском Посемье. Поэтому проблему следует рассмотреть на протяжении длительного отрезка времени.

В Курске первой половины XI в. было посадническое управление, контролировавшееся, вероятно, непосредственно из Киева. В «Поучении» Мономаха есть свидетельство о принадлежности Курска Всеволоду Ярославичу [153]. С. М. Соловьев и (с дополнительными аргументами) И. М. Ивакин доказали, что первый «путь» Мономаха — «первое к Ростову идохъ сквозѣ Вятичѣ, посла мя отець, а самъ иде Курьску» — относится к осени 1068 г. Эта дата принята в настоящее время Д. С. Лихачевым и В. А. Кучкиным [154].

В условиях половецкого нападения, после киевского восстания 15 сентября 1068 г., Всеволод ушел от опасности в дальний Курск. Черниговский же Святослав разбил 1 ноября у Сновска численно превосходящих половцев [155]. Курск в данном случае действовал обособленно от Чернигова, активно выступающего против половцев. Вполне естественно, что бегство Всеволода не описано дружественными ему и его сыну летописцами, оно лишь между прочим упомянуто в рассказе Мономаха о своем первом походе.

Следующее упоминание Курска в Повести временных лет связано с борьбой Изяслава и Мстислава Владимировичей против Олега и Ярослава Святославичей в начале 1096 г. Это известие — «в се же время приде Изяславъ, сынъ Володимерь ис Курска к Мурому, и прияша и Муромци, и посадника я Олгова» [156] — можно считать прямым указанием на принадлежность Курска Изяславу Владимировичу, сыну переяславского князя Владимира Мономаха, ибо судя по «Посланию» Мономаха сам Курск не вызывал споров в усобице 1096 г.[157]

Однако из статьи 1127 г. Лаврентьевской летописи, где содержатся третье и четвертое летописные упоминания Курска, уже следует, что город принадлежал до 1127 г. Черниговскому

---

[152] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, кн. 1, т. 1. М., 1959, стр. 277—278.

[153] *П. В. Голубовский.* История Северской земли..., стр. 63, прим. 2.

[154] ПСРЛ, т. I, стб. 247; *С. М. Соловьев.* Указ. соч., стр. 695—696; *И. М. Ивакин.* Князь Владимир Мономах и его Поучение, ч. I. Поучение детям. Письмо к Олегу и отрывки. М., 1901, стр. 146; ПВЛ, ч. II, стр. 439—440; *В. А. Кучкин.* Ростово-Суздальская земля в X — первой трети XIII в. (Центры и границы).— «История СССР», 1969, № 2, стр. 66—67.

[155] ПСРЛ, т. I, стб. 170; т. II, стб. 161.

[156] ПСРЛ, т. I, стб. 229; т. II, стб. 220.

[157] ПСРЛ, т. I, стб. 254; ср. т. I, стб. 236—240; т. II, стб. 226—230.

княжеству. Эта статья несколько сокращена, но почти дословно совпадает со статьей 1128 г. Ипатьевской летописи (исключая сообщение о смерти Брячислава, отсутствующее в ипатьевском тексте) [158]. Причем и в первом рассказе (захват Чернигова Всеволодом Ольговичем и последовавшая усобица) и во втором (поход на Полоцк) упоминания о Курске в ипатьевском тексте отсутствуют. В первом случае, считал А. Н. Насонов, «рукою переяславца вписано, что Ярополк Переяславский посадил посадников по Семи, а в Курске — Изяслава Мстиславича», а во втором (фрагмент: «... и сына своего Изяслава ис Курьска с своим полком посла и на Логожескъ, а другаго...») — переписчик переступил строку [159].

Мнение о переяславской вставке недостаточно убедительно. Лаврентьевская летопись дает связный рассказ. В начале 1127 г. Всеволод Ольгович изгнал своего дядю Ярослава Святославича из Чернигова, после чего послал за половцами, готовясь отстоять захваченное. Половцы пришли «и сташа у Ратьмирѣ дубровы за Выремь послали бо бяхуть послы ко Всеволоду. И не пропустиша их опять; Ярополчи бо бяхуть посадници по всеи Семи и Мстиславича Изяслава посадилъ Курьскѣ». Не дождавшись посланцев, половцы бежали. В Ипатьевской летописи при текстуальном совпадении включительно до известия о том, что половцы послали послов ко Всеволоду, несомненно опущено, что половцев захватили на обратном пути, а также сообщения о посажении посадников и Изяслава Мстиславича, ибо совершенно неуместно сохранилось начало фразы о посадниках: «Ярополчи бо бяху посадничи...» [160]

Странно видеть в одной статье два случайных пропуска, касающихся именно Курска; здесь можно заподозрить умышленное, хотя и небрежное, редактирование. Известно, что в Лаврентьевской летописи местами сохранились (в переяславском сокращении) фрагменты более раннего по сравнению с сохранившимся в Ипатьевской летописи киевского текста [161]. К их числу следует отнести и два интересующих нас упоминания о Курске.

То, что в августе 1127 г. Мстислав отправил в поход на Полоцк в числе других князей «Изяслава ис Курьска» и черниговского Всеволода Ольговича, свидетельствует о примирении последнего с Мстиславом Владимировичем, как считали М. С. Грушевский и А. Е. Пресняков, ценою Курска [162].

---

[158] ПСРЛ, т. I, стб. 296—298; т. II, стб. 290—292.

[159] *А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 98—100. Второй аналогичный случай отмечен там же А. Н. Насоновым ошибочно: текст «водя с собой и Брячислава...» сохранился и в Ипатьевской летописи (ПСРЛ, т. I, стб. 298; т. II, стб. 292).

[160] ПСРЛ, т. I, стб. 296—297; т. II, стб. 290—291.

[161] *А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 99—101, 111.

[162] *М. Грушевський.* Історія.., т. II, стр. 132, прим. 2; *А. Е. Пресняков.* Княжое право в древней Руси. СПб., 1909, стр. 76, прим. 3.

Дальнейшие события (конец 1132 г.— январь 1136 г.) подтверждают то, что Курск был отнят в 1127 г. у Чернигова. В это время произошла усобица из-за Переяславля, и Всеволод Ольгович был в союзе с внуками Мономаха Мстиславичами, претендовавшими на переяславский стол. Мстиславичи вышли из борьбы в конце 1134 — начале 1135 г. Всеволод же Ольгович продолжал борьбу до 12 января 1136 г., когда был заключен мир: «...и вда Ярополкъ Олговичемъ отчину свою [отчину свою ко Олговичем — Х.], чего и хотѣли»[163].

Чего же хотели Ольговичи? На то, что претензии Всеволода Ольговича были связаны с территорией Переяславского княжества, указывают его требования и последовавшие походы на Переяславль в 1135 г.: «...пакы Олговичи начаша просити у Ярополка: «что ны отець держалъ при вашемъ отци, того же и мы хочемъ»»[164]. В Левобережье известна лишь одна отчина Мономашичей, оказавшаяся впоследствии в Черниговской земле,— Курское Посемье. О том, что Ярополк отдал Ольговичам Курск, свидетельствует Новгородская I летопись: в 1137 г. в Новгород для помощи Святославу Ольговичу в борьбе со Всеволодом Мстиславичем, изгнанным новгородцами и закрепившимся в Пскове, прибыл Глеб Ольгович с курянами и половцами[165].

Обращает на себя внимание ссылка Ольговичей на то, что их отец, Олег Святославич (умер в 1115 г.) держал Курск при Мономахе (т. е. не позже 1113—1115 гг.). Очевидно, это дало Святославу Ольговичу некоторое основание назвать в 1149 г. «Курск с Посемьем» первым в числе своих «отчин», взятых у Давыдовичей[166].

Из статьи 1139 г. Лаврентьевской летописи видно, что в Курске после Глеба княжил Святослав Ольгович. Однако это известие («... и тогда Всеволодъ приведъ брата ис Курьска Святослава и иде с ним [к — РА.] Переяславлю на Андрѣя...») отсутствует в текстологически одинаковом с лаврентьевским тексте фрагменте статьи 1140 г. Ипатьевской летописи[167]. В обоих отрывках сохранились, однако, слова сына Мономаха — Андрея: «... отец мои Курьскѣ не сѣдѣл, но вь Переяславли» («мой отец сидел не в Курске, а в Переяславле»). В рассматриваемой статье можно видеть то же почти механическое изъятие свидетельства о владельческой принадлежности Курска, что и в описании 1127 г.

До конца 1146 г. Курск принадлежал Ольговичам. В 1146 г., после занятия киевского стола Изяславом Мстиславичем Свято-

---

[163] ПСРЛ, т. II, стб. 299—300.
[164] Там же, стб. 296—297.
[165] НПЛ, стр. 25, 210. Радзивилловская летопись сообщает дату смерти Глеба — осень 1138 г. (ПСРЛ, т. I, стб. 306); *С. М. Соловьев.* Указ. соч., стр. 277; *М. Грушевський.* Історія..., т. II, стр. 320.
[166] ПСРЛ, т. II, стб. 384.
[167] ПСРЛ, т. I, стб. 307—308; т. II, стб. 304—305.

слав Ольгович, вступив в союз с Юрием Долгоруким против Изяслава, дал Курск сыну Юрия — Ивану, о чем сообщает черниговское известие Ипатьевской летописи [168]. Однако вскоре после изгнания Святослава Ольговича Курск перешел к переяславскому Мстиславу, сыну Изяслава Мстиславича [169]. В 1147 г. при приближении к Курску Святослава Ольговича и Глеба Юрьевича, сменившего умершего брата Ивана, куряне будто бы сказали Мстиславу: «...оже се Олгович, ради ся за тя бьемъ и с дѣтьми, а на Володимире племя, на Гюргевича, не можемъ рукы подьяти» [170],— т. е. сами куряне признавали власть Мономашичей, а не Ольговичей. После этого куряне послали к Глебу, и тот посадил в Курске и в Посемье своих посадников. Известно также (из переяславского, по мнению А. Н. Насонова, известия), что Глеб уже тогда претендовал на Переяславское княжение [171].

Осенью 1149 г., когда Юрий Долгорукий впервые занял киевский стол, Курск, как мы видели, принадлежал уже Давыдовичам, у которых его «взя» Святослав Ольгович.

Последнее упоминание о Курске в связи с Переяславлем относится к 1151 г. В переговорах с Юрием Долгоруким его брат Вячеслав, бывший номинальным киевским князем при Изяславе Мстиславиче, обращается к Юрию: «...поѣди же у свои Переяславль и в Курескъ». В данном случае киевский летописный текст [172] свидетельствует о Курске и Переяславле как о двух территориях, находящихся в одном владении — владении Юрия. Вероятно, Святослав Ольгович, возвратив себе Курск, отдал его Юрию согласно прежней договоренности, по которой Курск принадлежал Ивану и Глебу Юрьевичам. Следующее упоминание о Курске сделано в статье 1161 г.[173], где сказано о том, что Олег — сын княжившего в Чернигове Святослава Ольговича — «нача ся просити у отца Курьску», т. е. к этому времени Курск вошел в Черниговскую землю.

Рассмотренные известия позволяют сделать следующие выводы. Источники отражают спорность изучаемой территории в первой половине XII в., причем если о владении Сновской тысячей споры шли только между внуками Святослава, и Давыдовичи признавали отчинные права Ольговичей, то о Курске спор шел между Ольговичами и Мономашичами, причем в борьбе с Мстиславичами Ольгович уступал Курск младшему Мономашичу. Население Курского Посемья недоброжелательно относилось

---

[168] ПСРЛ, т. II, стб. 332; *А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 105.
[169] ПСРЛ, т. II, стб. 330, 355.
[170] Там же, стб. 355.
[171] ПСРЛ, т. I, стб. 319; т. II, стб. 359—360; *А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 85.
[172] ПСРЛ, т. II, стб. 430—431; *А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 94.
[173] ПСРЛ, т. II, стб. 313.

к Ольговичам. Мономашичи, владевшие Курском, либо сидели на переяславском столе, либо претендовали на него,— и это свидетельствует в пользу длительной связи Курска с Переяславлем. Эту связь можно объяснить не только участием переяславской знати в покорении восточных северян X в., но и пограничным положением Курска, примыкавшего к возглавляемой Переяславлем системе обороны южных рубежей Левобережной Руси.

Владельческую преемственность Курска можно представить так: по «завещанию Ярослава» он входил в состав Переяславской земли. Не позже чем с 1113 г., а возможно, и с конца XI в. (после Любечского и Уветичского съездов) по 1115 г. Курск принадлежал Олегу Святославичу и до 1127 г. входил в Черниговскую землю. В 1127 г. в Курске княжил Изяслав Мстиславич, а затем до 1136 г. в нем были посадники из Переяславля. С 1136 по 1138 г. в Курске княжил Глеб Ольгович, затем его брат Святослав, и до конца 1146 г. Курск входил в состав Черниговской земли, подчиняясь Новгороду-Северскому. В конце 1146 г. Курск получил ненадолго Иван Юрьевич; в 1147 г., до августа, в нем были посадники Мстислава Изяславича, затем, до осени 1148 г.— посадники Глеба Юрьевича. С осени 1148 г.[174] по июль — август 1149 г. в Курском Посемье были посадники Давыдовичей; затем Курск отошел к Святославу Ольговичу, но уже в начале 1151 г. он назван во владении Долгорукого. В 50-х годах XII в. судьба Курска недостаточно ясна. Возможно, до весны 1152 г. в нем сидел Василько Юрьевич, оставленный с небольшой дружиной в помощь Святославу Ольговичу[175]. Затем там, видимо, правили посадники переяславского Мстислава Изяславича. Во второй половине 1154 г. на Левобережье появился и в декабре вокняжился в Переяславле Глеб Юрьевич. Вероятно, в это время Курск тянул к Переяславлю. Только в конце 50-х годов, скорее всего со смертью Долгорукого, Курск окончательно отошел к Черниговской земле. Итак, за сто лет (после смерти Ярослава) Курск принадлежал Черниговскому княжеству около 40, а Переяславскому — около 60 лет.

Рассмотрев историю владельческой принадлежности Курска, можно сделать следующее наблюдение: изъяв из текста Киевского свода в составе Ипатьевской летописи черниговские вставки, отмеченные А. Н. Насоновым, мы не найдем в нем указаний на владение Курском Изяславом Мстиславичем и черниговскими князьями. Вместе с тем такие указания были в более ранней редакции Киевского свода, сохранившейся (в сокращенных отрывках) в составе Лаврентьевской летописи.

---

[174] Изгнание Глеба связано со съездом в Городце Остерском осенью 1148 г. (ПСРЛ, т. I, стб. 320; т. II, стб. 366—367).

[175] ПСРЛ, т. I, стб. 339; т. II, стб. 458—459.

На первый взгляд исключением представляется известие 1149 г. о Курском Посемье, которое А. Н. Насонов не указал среди черниговских вставок статьи 1149 г. Ипатьевской летописи [176]. Однако отнести это известие к числу бесспорно киевских или переяславских нельзя, ибо оно не отразилось в Лаврентьевской летописи. Трудно предполагать, что киевский или переяславский летописец включил в число отчин новгород-северского князя земли дреговичей, названные в 1142 г. волостью киевской (Клеческ) [177], а также Курск — отчину и дедину Мономашичей. В Киевской летописи следовало бы ожидать сообщение о том, что Юрий Долгорукий дал эти территории Святославу, но мы узнаем, что последний сам «взя» их. Более всего вероятно, что это текст летописца Святослава Ольговича. Он произвольно подвел под понятие отчины названные территории, воспользовавшись прецедентом держания его отцом Курска.

В первой половине XII в. на Курск претендовали Долгорукий с сыновьями, Изяслав Мстиславич и его сын Мстислав, а также черниговские князья. Поскольку кроме сообщений о Курске во владении черниговских князей были изъяты и известия о Курске во владении Изяслава, то, вероятнее всего, в такой редакции был заинтересован Юрий Долгорукий [178]. Можно предположить редакцию киевского летописания Юрием Долгоруким, проведенную в конце его правления и не нашедшую отражения в летописании Переяславля-Русского (отразившегося в Лаврентьевской летописи).

Каковы же были границы Курского Посемья? Кроме Курска здесь упомянуты Ольгов и Рыльск, следовательно, западная граница проходила между Рыльском и Путивлем (т. е. западнее «гнезда» поселений вокруг Рыльска). Северная граница, вероятно, находилась в районе г. Крома, ибо известно, что в 1147 г. из Мценска Святослав Ольгович и Глеб Юрьевич «поиде къ граду [Крому — Х.] на Изяславича» Мстислава, который тогда владел Курском [179]. Впрочем, неясно, входил ли Кром в Курское княжество или только находился вблизи его границы.

Восточная и юго-восточная границы русских земель ориентировочно указаны С. А. Плетневой: от верховьев Сейма в направлении к верховьям Северского Донца и г. Донца (Донецкое городище на р. Уды близ современного Харькова). Северо-

---

[176] *А. Н. Насонов.* История русского летописания.., стр. 106—107.

[177] ПСРЛ, т. II, стб. 310—311.

[178] Возможно, Юрий был заинтересован в изъятии сообщения 1132 г. (сохранившегося в лаврентьевском тексте и механически изъятого в ипатьевском фрагменте) о том, что Переяславль был завещан Мономахом Мстиславу и Ярополку и что последний договорился с Мстиславом о передаче этого стола сыновьям последнего — Всеволоду и Изяславу (ПСРЛ, т. I, стб. 301—302; т. II, стб. 294—295; ср.: *А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 84, 116).

[179] ПСРЛ, т. II, стб. 342; ср. стб. 355.

восточнее Донецкого городища С. А. Плетневой обнаружены древнерусские городища XII—XIII вв.[180] Отнесение их и территории между Пслом и р. Уды к землям Курского княжества возможно с учетом того, что при постоянной половецкой угрозе заселенность этих лесостепных окраин была невелика (С. А. Плетнева указывает три городища). Нужно предполагать, что характер освоения этих земель был схож с сезонным промысловым использованием лесных угодий того же района в виде «бортных ухожаев» жителями Путивля XVI—XVII вв.[181] Эта территория (курско-харьковский участок лесостепи) представляла собой клин, врезавшийся в степи с севера. За восточной границей Курского Посемья, указанной С. А. Плетневой, в районе рек Воронеж и Битюг известны неукрепленные поселения, связываемые исследовательницей с бродническими группами окраин лесостепи[182].

Устойчивой южной границей Курского Посемья, или собственно Курской волости первой половины XII в., было верхнее течение р. Псла. Если южная граница курских земель и отходила к северу, то не далее Псла. В разгар усобицы 1147 г. заняв Курск, «посажа посадникы свои Глѣбъ Гюргевичь по Посѣмью за полем» (Глеб — сын Долгорукого)[183]. Под «полем», вероятно, подразумеваются безлесные земли междуречья Сейма и Псла. Крутой правый берег и дубравы вдоль течения Псла были удобны для надежной обороны Посемья. Возможно, в районе современного г. Сумы, где течение Псла обращается к югу, шла граница Курского Посемья с территорией г. Вырь, куда беспрепятственно проходили половцы в 1113, 1127 гг. и во второй половине XII в.

Город Вырь упомянут в Повести временных лет (1113 г.) и в «Поучении» Мономаха, когда к городу, осажденному половцами, поспешил только что севший на киевском столе Владимир, сюда же пришел на помощь и Олег Святославич[184]. Территория этого города и тянувших к нему городов (Зартый — на Сейме, выше устья р. Вир; Попаш — в верховьях Сулы и Вьяхань — на р. Терн)[185] располагалась между верховьями Сулы и Сеймом, западной границей соприкасаясь с Задесеньем. Под 1147 г. летопись упоминает вырские города, как

---

[180] *С. А. Плетнева.* О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время.— КСИА, вып. 99. М., 1964, стр. 24—28, 30, рис. 11. Вероятно, г. Донец, отдаленный от черниговских и переяславских центров и близкий к половецким кочевьям, временами занимал особое положение по отношению как к половцам, так и к русским княжествам.

[181] *Н. Б. Шеломанова.* Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой. Автореф. канд. дисс. М., 1971, стр. 26.

[182] *С. А. Плетнева.* Указ. соч., стр. 30—31.

[183] ПСРЛ, т. II, стб. 356.

[184] ПСРЛ, т. I, стб. 276.

[185] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 223, 225, 229.

принадлежащие киевскому Изяславу Мстиславичу. Они отказались подчиниться захватившему Курск Глебу Юрьевичу и пришедшему к нему на помощь Изяславу Давыдовичу, заявив: «князь у нас Изяслав» [186]. Эта волость занимала важное место в системе обороны русских земель от нападений с юго-востока; и за окончательным присоединением к Черниговской земле Курского Посемья последовало присоединение Выря — в конце 50-х годов здесь поневоле вокняжился изгнанный из Киева Изяслав Давыдович.

Вырь в дальнейшем тянул к Новгороду-Северскому, о чем косвенно свидетельствуют события 1185 г., последовавшие за поражением Игоря Святославича, героя «Слова о полку Игореве». В то время как Кончак выступил к Переяславлю, хан Кза напал на земли Игоря, направляя удар на Путивль («поидем на Семь, готовъ намъ полонъ собранъ, емлем же городы без опаса»). В этом походе он не мог миновать территорию г. Выря, которую Б. А. Рыбаков справедливо называет «воротами Русской земли» [187]. Территория Выря оказалась в результате гибели игоревых дружин незащищенной, что свидетельствует в пользу того, что она тянула к Новгороду, а не к Чернигову; присоединение этой территории к черниговскому Задесенью неправомерно.

Географически расположенный в Посемье Путивль не входил в политическое территориальное понятие «Курск с Посемьем». Путивль, как отмечалось, находился за пределами области распространения ямных погребений, а следовательно, и «Русской земли». В 1146 г., отдав Ивану Юрьевичу Курск с Посемьем, Святослав оставил за собой Путивль [188]. Захватив земли Ольговичей, Изяслав Мстиславич Давыдовичам «изискалъ: ото Новгородъ и что Святославлѣ волости», т. е. волости Игоря и Святослава; «а волости Святославли и Игоревѣ далъ вам есмь,... Святослава прогналъ а волость вам есмь изискалъ и далъ Новьгородъ и Путивль» [189]. Итак, Путивль — одна из волостей Святослава, и вполне очевидно, что во время нахождения Курска в Переяславском княжестве Путивль был в Черниговской земле.

Следует внимательнее приглядеться к территории, прилегающей к ядру Черниговской земли. К нему в первой половине XII в. не примыкали непосредственно радимичи, вятичи или восточные северяне.

События середины XII в. позволяют выявить некоторые черты административно-территориальной структуры Черниговского княжества.

---

[186] ПСРЛ, т. II, стб. 356.
[187] ПСРЛ, т. II, стб. 645; *Б. А. Рыбаков.* Политическое и военное значение южной «Русской земли»..., стр. 77.
[188] ПСРЛ, т. II, стб. 332.
[189] ПСРЛ, т. II, стб. 333—334, 337, 346—347.

В 1142 г. черниговские князья вступили в усобицу со своим старшим братом — киевским Всеволодом Ольговичем (1139—1146 гг.). Поводом послужили перемещения в Киевской земле, вызванные смертью Андрея Владимировича Переяславского 22 января 1142 г. Стремясь овладеть всей Киевской землей, Всеволод направил Вячеслава Владимировича, княжившего в Киевской волости — г. Турове, в Переяславль, Туров же дал своему сыну Святославу. Это вызвало недовольство Игоря и Святослава Ольговичей: «...волости бо даеть сынови, а братьи не надѣли ничимъ же» [190]. К новгород-северским Ольговичам присоединились черниговские Давыдовичи, и общим требованием стало наделение их черниговскими землями, оставшимися за Всеволодом, но тот предложил «по городу: Берестии и Дорогычинъ, Черторыеск и Кльчьскъ, а отчинѣ своеѣ не дасть Вятичь». На это братья ответили: «Мы просимъ у тебе черниговьскои и новгороцкои волости, а киевьскоѣ[кыевские — Х.] не хочемь. Онъ же Вятичь не съступяшеть» [191]. В конце года, когда Всеволоду удалось привлечь на свою сторону Давыдовичей, уступив им кроме Берестья и Дорогочина просимую черниговскую волость — Вщиж и Ормину, младшие Ольговичи вынуждены были согласиться на Городец Остерский и Рогачев (Игорь), Клеческ и Черторыеск (Святослав) [192]. «Вятичи» остались за Всеволодом.

Таким образом, Черниговская земля, как и Киевская, делилась на волости. В ней были волости собственно черниговские (здесь — Вщиж и Ормина) и волости новгород-северские («Вятичи»).

Географическим названием Вщижской волости было Подесенье [193]. Кроме Вщижа и Ормины в Подесенье известны Воробейна и Росусь [194]. Характерно расположение этой территории по отношению к этнической территории радимичей и вятичей. Она как бы продолжает по правому берегу Десны стародубский клин Сновской тысячи между землями вятичей и радимичей, на севере соседствуя со смоленскими кривичами, вышедшими в верховья Десны.

В 1156 г. во Вщиже появился княжеский стол, который занял малолетний Святослав, сын Владимира Давыдовича [195]. После его смерти (1166 г.) во Вщиже княжил один из сыновей Святослава Всеволодовича [196].

К востоку от Подесенья находилась так называемая «Лесная земля». В конце декабря 1146 г., после сдачи Путивля Давыдовичам и Изяславу Мстиславичу, союзники Святослава

---

[190] ПСРЛ, т. II, стб. 310.
[191] ПСРЛ, т. II, стб. 310—311; *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 129.
[192] ПСРЛ, т. II, стб. 312.
[193] ПСРЛ, т. II, стб. 342, 484.
[194] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 222—223, 228—229.
[195] ПСРЛ, т. II, стб. 484—485.
[196] Там же, стб. 525—526.

Ольговича советуют ему бежать из Новгорода-Северского в «Лесную землю» «и тако побѣже Святославъ из Новагорода Корачеву». Затем, узнав о приближении Изяслава Мстиславича, Святослав из Корачева «бѣжа за лѣс у Вятичъ» [197]. Следовательно, Корачев [198] был вне «Вятичей» и «Лесная земля» находилась между землями Новгорода-Северского и «Вятичами». В начале 50-х годов XII в. Корачевом владел Святослав Всеволодович: в марте 1155 г. Святослав Ольгович отобрал у него Корачев и Воротынск за «отступление» к Давыдовичам [199]. Однако в дальнейшем Святослав Всеволодович возвратил себе этот город, ставший, как считает Б. А. Рыбаков, его личным доменом [200].

Северная граница «Лесной земли» выявляется по летописным данным о пределах земли вятичей.

Приблизительно в начале мая 1147 г. Святослав Ольгович, возобновив борьбу с коалицией Изяслава Мстиславича, направил половцев из Дедославля [201] «на смолняны, и повоеваша верхъ Угры. В то же веремя выбѣгоша посадничи Володимери [и — Х.] Изяславли из Вятичь [и — Х.], изъ Бряньска, и изъ Мьченьска, и изъ Блеве [Блове — Х.]; и оттуда (т. е. из Дедославля.— *З. А.*) иде Девягорьску, иде заемъ вси Вятичи и Добрянескъ, и до Воробиинъ Подеснье, Домагощь и Мценескъ» [202]. Далее сообщается, что из Девягорска Святослав Ольгович направился к Мценску и на пути к Крому, в Спаши, его встретили послы Давыдовичей.

Итак, бегство посадников Давыдовичей «из Вятичь», согласно этому отрывку черниговского летописания [203], началось в результате военных действий Святослава в двух направлениях: западном, вдоль верховий Угры, близ которых находился г. Обловь (Блеве — Блове) [204], и в юго-западном — Дедославль, Девягорск, Мценск, Спаш [205]. Вероятнее всего, половцы от Облови направились вниз по р. Болве к Брянску, в Подесенье.

Н. П. Барсов справедливо понимал эти известия в том смысле, что посадники бежали из «Вятичей» и близлежащих к ним территорий Брянска, Мценска и Облови и что войска Святосла-

---

197 Там же, стб. 334, 336.
198 Современный г. Карачев, районный центр Брянской области.
199 ПСРЛ, т. II, стб. 479.
200 *Б. А. Рыбаков.* Древности Чернигова..., стр. 14.
201 Современный Дедилов Тульской области (*А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 224).
202 ПСРЛ, т. II, стб. 342.
203 *А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 106.
204 Обловь — в верховьях р. Болвы (*А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 221).
205 Девягорск находился на пути от Дедославля к Мценску. Местоположение его неизвестно (там же, стр. 224). Спаш отождествляется с древнерусским городищем у с. Спасского на р. Неполоди, левом притоке Оки (*Т. Н. Никольская.* О летописных городах в земле вятичей.— КСИА, вып. 129. М., 1972, стр. 11).

ва заняли всю территорию вятичей вплоть до Брянска, Воробина и т. д. То есть эти пункты были сопредельными с «Вятичами». Основанием такому пониманию служило указание Корачева в статье 1146 г., Мценска и Спаша в статье 1152 г., Облови в статье 1159 г. Ипатьевской летописи за пределами «Вятичей» [206].

Предложенное Н. П. Барсовым понимание летописного текста соответствует исторической действительности, так как, исходя из восстановленной им границы, можно выявить местонахождение Домагощa, указанного в цитированном отрывке 1147 г.

Домагощ традиционно отождествлялся с с. Маговка (38 км к югу от Карачева). Топонимически сопоставление Домагощ — Маговка уже вызывало сомнения [207]. Т. Н. Никольская доказала археологически неправомерность такой локализации — в окрестностях Маговки не удалось обнаружить следы древнерусского поселения. Однако принимая тот же ориентировочный район поиска, Т. Н. Никольская ошибочно сопоставляет Домагощ с городищем у с. Слободка [208].

Домагощ назван в числе сопредельных с «Вятичами» городов, поэтому его следует искать вдоль границы этой территории по линии Брянск — Мценск, а не к югу от Корачева, бывшего уже вне «Вятичей». Учитывая, что к западу от Корачева в сторону Брянска шли леса, Домагощ следует искать к востоку от Корачева, ближе к Мценску. Здесь на левом берегу Оки, против устья Зуши, согласно писцовым книгам Белевского уезда 1628—1631 гг. и выписи 1613 г., существовал Домагощ, с. Городище Домагашевское, оно же просто с. Городище. При описании рыбных угодий Спасопреображенского монастыря указано: «...ото Мценского рубежа (устье р. Зуши.— *А. З.*) на низ по реке по Оке, по другую сторону реки Оки, против села Городища Домагашевского — три озерка» [209].

Городище у с. Городища Мценского района Орловской области (напротив устья Зуши) содержит вещи и керамику XII—XIII вв. и, в верхних слоях, керамику XVI—XVII вв. [210] Достоверность предложенной локализации подтверждается топонимическими данными. Домагощ относится к числу архаических славянских топонимов типа Радогощ, Будагощ и т. п., собранных в работе П. Арумаа. Наибольшие скопления названий на «гощ» наблюдаются в Новгородской и Орловской областях, и только там зафиксировано это редкое название: два новго-

---

[206] ПСРЛ, т. II, стб. 336, 455, 502; *Н. П. Барсов.* Указ. соч., стр. 149, 155—157, 302, 306.

[207] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 224.

[208] *Т. Н. Никольская.* О летописных городах..., стр. 5.

[209] *Н. Елагин.* Белевская вивлиофика. Собрание древних памятников об истории Белева и Белевского уезда, т. I. М., 1858, стр. 369—370. Ср.: там же, стр. 433—434; там же, т. II, приложения, стр. 3.

[210] *Т. Н. Никольская.* К исторической географии земли вятичей.— СА, 1972, № 4, стр. 169, рис. 7.

родских гидронима «Домагоща» и «Домагощ» Белевских писцовых книг[211]. Таким образом, достаточно надежно определяется северная граница «Лесной земли» и южная граница «Вятичей» середины XII в. Западная и южная границы «Лесной земли», или Корачевской волости, вероятно, также совпадали с лесами (к западу от Корачева граница с Подесеньем, к югу — в районе междуречья Навли и Неруссы). Восточная граница, вероятно, лежала ближе к Домагощу. Неясно, образовывали ли Мценск, Домагощ и Спаш одну волость, известно лишь, что они не входили ни в территорию «Вятичей», ни в Курскую волость-княжение.

Обращаясь к летописным «Вятичам» XII в., мы видим явное несовпадение этой территории с этнографической областью вятичей, выявленной по археологическим данным как VIII—X, так и XI—XIV вв.[212] Вполне очевидны здесь две качественно различные территории: племенная (к XI—XII вв.— этнографическая) область и административно-территориальная единица — часть политической, государственной территории.

По письменным известиям XII в. нельзя получить достаточно ясное представление об области расселения вятичей, так как в летописи упоминаются лишь вятичи Черниговской земли. О суздальских или рязанских вятичах можно лишь догадываться по словам черниговских князей о «наших вятичах», что подразумевает существование и «ненаших» вятичей.

Следует заметить, что в текстах XII в. лишь в статье 1146 г. Ипатьевской летописи термин «вятичи» упомянут несомненно в значении этнонима[213]. Дважды, в статьях 1147 и 1159 гг., сказано о том, что противником были заняты «вси Вятичи» тогда, когда речь шла лишь о черниговских «Вятичах»[214]. Один раз косвенно, а другой раз и прямо Ипатьевская летопись называет «Вятичи» волостью (статьи 1142 и 1147 гг.)[215]. В «Вятичи» можно бежать и «выбежать» из них, стоять в них, прийти и т. п.[216] С другой стороны, Повесть временных лет употребляет слово «вятичи» в этническом смысле. В статье 981 г., например, говорится: «В сем же лѣтѣ и вятичи побѣди (Владимир Святославич.— *А. З.*) и възложи на нь дань»; и далее: «В лѣто 6490 заратишася вятичи, и иде на ня Володимиръ и побѣди е второе»[217]. Таким образом, в летописных известиях XII в. о «Вяти-

[211] *P. Arumaa.* Sur les principes et méthodes d'hydronymie russe. Les noms en gost.— «Scando-Slavica», VI. Copenhagen, 1960, p. 155.

[212] *А. В. Арциховский.* Указ. соч.; *В. В. Седов.* Ранние курганы вятичей.— КСИА, вып. 135. М., 1973, стр. 11, рис. 4.

[213] ПСРЛ, т. II, стб. 338.

[214] ПСРЛ, т. II, стб. 342, 502; ср. т. I, стб. 338.

[215] ПСРЛ, т. II, стб. 310—311, 348; ср. т. I, стб. 315.

[216] ПСРЛ, т. II, стб. 336, 342, 343, 371, 374, 455, 459, 468, 502, 509.

[217] ПСРЛ, т. I, стб. 81—82; т. II, стб. 69. Подробнее о локализации Домагоща и границах «Вятичей» XII в. см.: *А. К. Зайцев.* Домагощ и границы «Вятичей» XII в.— В сб. «Историческая география России XII — начала XX в.» (в печати).

чах» речь шла преимущественно как о территории, которая не совпадает с этническими границами вятичей. Более того, и в пределах Черниговской земли название «Вятичи» в середине XII в. сохранилось лишь за северной частью племенной территории. Южная часть их территории хотя и сохранила вятичские этнографические черты, «Вятичами» в летописи не называлась.

Территория Черниговского княжества складывалась и после «завещания» Ярослава [218]. Мономах, будучи черниговским князем, положил начало завершению государственного освоения земли вятичей в походах на Ходоту и его сына в начале 80-х годов XI в.[219] Однако и в последующие полстолетия «Вятичи» оставались малоосвоенным районом, враждебным черниговской администрации. В литературе отмечался факт убийства Кукши, проповедовавшего христианство в «Вятичах» около 1110 г., как свидетельство недостаточной освоенности этой территории [220]. Неоднократно в пользу позднего государственного освоения территории вятичей приводился аргумент длительного сохранения у них языческого обряда погребения. Даже тот факт, что преследовавшие Святослава Ольговича в 1147 г. Давыдовичи вели переговоры с вятичами, свидетельствует, что в этой земле сохранилась своя, вятичская знать. Давыдовичи «...съзваша вятичѣ и рѣша [рѣста — Х.] имъ: «се есть ворогъ нама и вамъ, а ловите его [убити лестию и дружину его избите, а имѣние его — Х.] на полъ вама»» [221]. Вятичи не поддержали посадников Давыдовичей. Враждебное их отношение к Святославу и в равной мере к Давыдовичам свидетельствует о недавнем покорении вятичей, которое завершилось, судя по датировке известных здесь городищ (первая половина или середина XII в.[222]) и упоминанию в 1147 г. посадников, ко времени Всеволода Ольговича.

Северные границы «Вятичей» совпадали с пределами Черниговской земли и определяются на основании преимущественно известий 1147 г. К востоку от Дедославля и далее на север к Сверилеску шла граница с Рязанской землей; далее она проходила севернее Оки через среднее течение рек Лопасни и Протвы (в верховьях последней жила голядь Смоленской земли); затем, отклоняясь к югу, через среднее течение р. Угры до Облови шла граница с Ростово-Суздальским и Смоленским кня-

---

[218] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 65.
[219] ПСРЛ, т. I, стб. 248.
[220] «Патерик киевского Печерского монастыря», стр. 218; *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 65.
[221] ПСРЛ, т. II, стб. 338. М. Н. Тихомиров («Древнерусские города». М., 1956, стр. 161) считал, что слова Давыдовичей «отражают действительные настроения вятичей, упорно сопротивлявшихся феодализации».
[222] *Т. Н. Никольская.* О летописных городах..., стр. 3—13; *она же.* К исторической географии земли вятичей, стр. 158—170.

жествами [223]. На этой границе черниговское государственное освоение встретилось с шедшим из Муромо-Рязанской и Ростово-Суздальской земель освоением вятичей [224].

Кроме указанных в «Вятичах» упоминаются города: Козельск (на р. Жиздре), Воротинеск (на левом притоке Оки р. Выссе), Мосальск (на р. Можайке, бассейн р. Угры), Колтеск (правый берег Оки), Неринск [225], Серенск (на р. Серене, левом притоке р. Жиздры) [226].

Под 1146 г. Никоновская летопись сообщает о пребывании Святослава Ольговича кроме указанных городов в Рязани, Туле, Дубке, на Дону, в Ельце, Пронске, «граде» Остре. А. Н. Насонов убедительно доказал, что эти сведения — тенденциозная вставка рязанского летописца XV в., сделанная с целью показать древнюю принадлежность этих городов Рязанскому княжеству [227].

Восточная граница Черниговской земли по данным письменных источников не выявляется. Вероятно, к югу от Дедославля она проходила вдоль верховьев Дона, между рязанским Пронском и черниговским Дедославлем, и шла вдоль этой реки к устью р. Сосны [228].

Граница со Смоленской землей шла от Облови к югу и проходила южнее смоленских пограничных городов Пацынь, Зарой и далее к западу, севернее черниговского Чичерска [229].

Территория радимичей [230] была освоена, вероятно, несколько ранее «Вятичей». Северная часть радимичской земли относилась к Смоленскому княжеству — г. Прупой (ныне Славгород) на р. Соже был смоленским. На р. Пещане, впадающей в Сож недалеко от Прупоя, согласно статье 984 г. Повести временных лет [231] жили радимичи. Эту радимичскую территорию можно соотнести с областью VIII локальной группы радимичских погребений (междуречье Сожа и Беседи), выделенной Г. Ф. Соловьевой [232].

---

[223] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 65—66, 226, 230.

[224] Там же, стр. 65.

[225] Там же, стр. 223, 228. Археологическую характеристику этих городов см.: *Т. Н. Никольская.* Указ. соч.

[226] Этот город пропущен в списке А. Н. Насонова. См.: *Т. Н. Никольская.* К истории древнерусского города Серенска.— КСИА, вып. 113, 1968, стр. 108—116; *она же.* Древнерусский Серенск — город вятичских ремесленников.— КСИА, вып. 125, 1971, стр. 73—81.

[227] ПСРЛ, т. IX, стр. 171; *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 209—211; *А. Г. Кузьмин.* Рязанское летописание. М., 1965, стр. 84—88.

[228] *А. Л. Монгайт.* Рязанская земля. М., 1961, стр. 144, рис. 46.

[229] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 66.

[230] Радимичи в летописных статьях XI в. не упоминались, в XII в. упомянуты лишь в статье 1169 г. (ПСРЛ, т. II, стб. 537).

[231] ПСРЛ, т. I, стб. 83—84; т. II, стб. 71; *Б. А. Рыбаков.* Радзімічы, стр. 113—114.

[232] *Г. Ф. Соловьева.* Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э. (Вятичи, радимичи, северяне).— СА, XXV, 1956, стр. 158.

На рассматриваемой территории в Ипатьевской летописи упомянуты лишь два города — Гомий (ныне Гомель) и Чичерск (ныне Чечерск, районный центр Гомельской области) [233].

Гомий и Чичерск в первой половине XII в. были черниговской волостью, отчиной Давыдовичей. Об этом мы узнаем из событий 1158 г.: Святослав Ольгович, вокняжившись в Чернигове, жаловался на то, что Изяслав Давыдович дал ему лишь «Черниговъ съ 7ю городъ пустыхъ... а всю волость черниговьскую собою держить и съ своим сыновцемъ». Святослав «гневался», что Изяслав ему «черниговьскои волости не исправил» [234]. Готовясь к походу на галицких и волынских князей, Изяслав Давыдович дал Святославу Чичерск. Гомий же, как видно из дальнейших событий, он оставил за собой [235]. Благодаря этому нам известны три волости, тянувшие непосредственно к Чернигову,— Гомий, Чичерск и Подесенье, где впоследствии сидел «сыновец» (племянник) Изяслава Святослав Владимирович. Эти волости, перейдя из Чернигова в Киев, пытался удержать за собой (не «исправив» их вокняжившемуся в Чернигове Святославу) Изяслав Давыдович.

Вероятно, в 60-х годах в Гомии появился княжеский стол: заняв после смерти Святослава Ольговича в 1164 г. черниговский стол, Святослав Всеволодович «посла сынъ свои в Гомии, а посадники посла по городом» [236].

Днепр являлся западной границей земли радимичей, но археологические исследования показывают, что отдельные радимичские элементы проникают на Правобережье и, наоборот, дреговичские черты встречаются на левом берегу Днепра. Особого внимания заслуживают раскопки Г. Ф. Соловьевой Зборовского городища (на левом берегу, напротив Рогачева) и курганных могильников Рогачева, находившихся также на левом берегу Днепра. Материалы этих исследований позволяют предполагать тесный контакт дреговичей и радимичей и принадлежность Рогачева к Черниговской земле [237].

Есть летописные известия о вхождении в состав Черниговской земли XII в. и части территории дреговичей к западу от Днепра, севернее Припяти, с городами Рогачевом, Клеческом (на р. Лань) и Случеском (Слуцк на р. Случь) [238].

---

[233] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 224, 233.

[234] ПСРЛ, т. II, стб. 498, 500.

[235] В Гомий он бежал из Киева и оттуда начал борьбу со Святославом Ольговичем (ПСРЛ, т. II, стб. 502).

[236] ПСРЛ, т. II, стб. 523.

[237] *Г. Ф. Соловьева.* Радимичская экспедиция.— «Археологические открытия 1967 года». М., 1968, стр. 251; *она же.* Замок рогачівських князів.— «Слов'яно-руські старожитності». Київ, 1969, стр. 113; *она же.* Славянские курганы близ г. Рогачева Гомельской области.— КСИА, вып. 129, 1972, стр. 52—53.

[238] Ныне Клецк и Слуцк — районные центры Минской области, а Рогачев — Гомельской области БССР. Подробнее о вхождении этой территории в

В рассмотренном выше фрагменте статьи 1149 г. Ипатьевской летописи Святослав Ольгович объявил отчиной кроме Курска и Сновской высячи «Случьскъ и Кльчьскъ и вси Дрегвичѣ», и забрал их у Давыдовичей. Сразу же обращает на себя внимание то, что указание «вси Дрегвичѣ», подобно рассмотренным «вси Вятичѣ», не охватывает всей этнической территории дреговичей, определенной рядом археологических исследований [239]. В то время в Турове, находившемся на правом берегу Припяти, южной окраине дреговичских земель, сидел старший брат Юрия Долгорукого Вячеслав, северная часть дреговичей была Минской волостью Полоцкой земли.

Еще М. С. Середонин отмечал, что в летописании XII в. дреговичи упомянуты дважды и лишь в связи с территориями городов Случеска и Клеческа [240]. Действительно, из понятия «дреговичи» в 1116 г. исключалась территория Минской волости [241], в 1149 г. исключались дреговичские территории Турова на юге и Минска на севере. Таким образом, есть основания рассматривать термин «все Дреговичи» как название административной территории с центрами Случеск и Клеческ, составлявшей лишь часть этнической территории дреговичей, находившейся в то время во владении минских, туровских и черниговских князей.

Указания летописи на владение черниговскими князьями Случеском, Клеческом и Рогачевом (в 1142 и 1149 гг.) отмечались и в общих исследованиях, и в работах, посвященных специально Черниговской земле, но очевидно, что эти владения рассматривались как эпизодические «привески или дополнения» [242], поскольку они никем не включались в состав Черниговской земли XII в. Чаще всего Случеск и Клеческ относят к Турово-Пинскому княжеству или Турово-Пинской волости Киевской земли [243], однако во второй четверти XII в. это были обособленные от Турова волости Киевской земли.

В 1142 г. киевскую волость Клеческ получил Святослав Ольгович от Всеволода Ольговича, тогда же получил Рогачев Игорь Ольгович, князь новгород-северский. В Турове сидел тогда юный Святослав Всеволодович [244]. В 1127 г. в Клеческе был свой князь — Вячеслав Ярославич (внук Святополка Изяславича), в Турове же княжил Вячеслав Владимирович [245]. И это вызыва-

---

состав черниговских волостей см.: *О. К. Зайцев.* До питання про формування територій давньоруських князівств у XII ст.— УІЖ, № 5, 1974.

[239] *В. В. Седов.* Славяне Верхнего Приднепровья и Подвинья.— МИА, № 163. М., 1970, стр. 79—81, рис. 19—20.

[240] *М. С. Середонин.* Историческая география. Пг., 1916, стр. 136—137.

[241] ПСРЛ, т. II, стб. 282: ср. т. I, стб. 250, 290—291.

[242] *М. С. Середонин.* Указ. соч., стр. 136—137.

[243] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 150.

[244] ПСРЛ, т. II, стб. 310, 312.

[245] ПСРЛ, т. I, стб. 397; т. II, стб. 292.

ет серьезные сомнения в правомерности отнесения Святославом дреговичей к числу своих отчин.

Обращает на себя внимание активная политика на протяжении XII в. князей Черниговской земли, и особенно новгород-северских, в отношении Полоцкой земли.

В 1151 г. полочане изгнали своего князя Рогволода Борисовича в Минск, а Ростислава «Глѣбовича к собѣ уведоша и прислашася Полотьчане къ Святославу Олговичю с любовью, яко имѣти отцемь собѣ и ходити в послушаньи его и на том целоваша хрестъ». Это свидетельство очень большого влияния Святослава на полочан можно объяснить только тем, что волости Святослава соседствовали с полоцкими [246].

Есть основания считать, что через Слуцк осуществлялась полоцкая политика новгород-северского князя. Из этого города с полком Святослава Ольговича Рогволод Борисович в 1158 г. отправился возвращать свою отчину — Друцк. Сюда же он бежал в 1161 г. из Полоцка [247]. В том же году, когда Слуцк был ненадолго захвачен Владимиром Мстиславичем, черниговскими князьями при поддержке полоцких («кривских») князей и дружин киевского Ростислава Владмир был изгнан из Слуцка [248].

Поскольку позиции Черниговского княжества в системе древнерусских княжеств в 60-х годах не ослабевали и Ольговичи не только сохранили, но и укрепили союз с киевским князем, постольку есть основания считать, что по меньшей мере до смерти Ростислава (14 марта 1167 г.) «Дреговичи» сохранялись за Черниговской землей. Дальнейшая судьба дреговичских волостей Случеска и Клеческа по данным письменных источников домонгольского времени неизвестна. Однако есть основания считать эти земли вплоть до начала XIII в. в составе Черниговской земли. В 1181 г. после сражения с Давыдом Ростиславичем смоленским у Друцка, где союзниками Святослава Всеволодовича были почти все полоцкие князья с литовскими и ливскими дружинами, Святослав пошел к Рогачеву [249].

Этот город был еще в 1142 г. во владении черниговских князей, и нет оснований сомневаться в том, что он и в 70-х годах оставался черниговским. За 30 лет, прошедших с того времени, как Рогачев был впервые упомянут во владении черниговских князей, Киевская земля раздробилась на большое количество волостей с княжескими столами, в разной степени обособившимися от киевского князя. Рогачев находился на северной окраине, и маловероятно, чтобы он сохранил свою при-

---

[246] ПСРЛ, т. II, стб. 445—446; *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля. (Очерки истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв.). М., 1966, стр. 275—276.
[247] ПСРЛ, т. II, стб. 493—496, 519.
[248] Там же, стб. 521.
[249] Там же, стб. 620—621.

надлежность этой земле. На этот город могли притязать соседние с ним земли. Черниговские владения окружали его в это время с двух или даже с трех сторон: на востоке — Чичерская, на западе — Слуцкая волости. Южнее, на правобережье Днепра, в начале XIII в. находились черниговские города, из которых известна Речица. Этот город упомянут в Новгородской I летописи при описании похода новгородского князя Мстислава Мстиславича Удалого в июне — начале июля 1212 г. на киевского Всеволода Чермного, сына Святослава Всеволодовича. В том походе новгородцы, воевавшие по Днепру, взяли «на щит» Речицу и многие другие черниговские города [250].

В описании усобицы 1196 г. между Ярославом Всеволодовичем черниговским, с одной стороны, и Рюриком Ростиславичем киевским и Всеволодом Большое Гнездо — с другой, важное место отводится тому факту, что Рюриковы послы не могли достичь Владимиро-Суздальской земли, ибо Ярослав «не пустяшеть пословъ рюриковыхъ сквозѣ свою волость, заяли бо бяхуть Олговичи вси пути» [251]. В конце XII в. черниговский князь контролировал пути сообщения южнорусских княжеств с северными. Если бы «Дреговичи» входили в Турово-Пинское княжество, союзное Рюрику, то проблемы сообщения Киева со Смоленском и Владимиром не было бы.

Каковы были границы рассматриваемой территории? Северная граница черниговских «Дреговичей» совпадала с южной границей Полоцкой земли, т. е. шла в широтном направлении от Рогачева к верховьям Немана [252]. Клеческ на р. Лани находился, вероятно, в северо-западном углу изучаемой территории, и западную границу условно можно провести западнее р. Лани. Левый берег Припяти или часть его входили в состав Турово-Пинской волости [253], граница здесь может быть проведена условно несколько севернее Припяти по лесистым болотам, разделявшим прибрежные районы Припяти и заселенные территории Случеска и Клеческа, и далее в широтном направлении в район верховий р. Брягинки, где соприкасалась с Брягинской волостью Киевской земли.

Летописные источники не дают указаний на принадлежность этой территории в XII в. Турову. Исследователи считали ее туровской как само собой разумеющееся, поскольку Случеск и Клеческ, как и Туров, находились на территории дреговичей, а в Турове, согласно Повести временных лет, если не считать легендарного Тура, уже в 988 г. был посажен свой князь — сын Владимира Святославича Святополк. Термины «Дреговичская земля» и «Туровская земля» часто употреблялись в историче-

---

[250] НПЛ, стр. 53, 252.
[251] ПСРЛ, т. II, стб. 695—696.
[252] *Л. В. Алексеев.* Указ. соч., стр. 77—82, рис. 13.
[253] ПСРЛ, т. II, стб. 491—492.

ских исследованиях как синонимы без достаточного обоснования [254].

Ошибочное толкование летописных свидетельств об изучаемой территории вызвано не только силой традиции. В основе фактических ошибок при определении границ Туровской волости лежало непонимание дореволюционными исследователями принципиальной разницы между племенной и государственной территорией, а из этого следовало невнимание к процессу формирования государственной территории древней Руси.

С завершением формирования Киевской земли, как следствие углубления процесса освоения этой территории феодальным государством, в конце XI — начале XII в. образуются волости, расположенные вокруг территориального ядра Киевской земли-княжения, вероятно совпадавшего с правобережной частью «Русской земли» в узком смысле этого слова.

Подобно тому как Туров и Пинск обособились от Киева в середине XII в. под властью Святополчичей, Случеск и, возможно, Клеческ обособились несколько ранее под властью северских Ольговичей. Получение черниговскими князьями отдельных киевских волостей и городов (Случеск, Клеческ, Берестий, Дорогочин, Черторыеск, а также Мозырь, Корческ, Туров, Белгород, Бужьский и др.) можно рассматривать как наделение в условное держание.

В силу недостаточной прочности экономических и политических связей между территориями феодального государства фактор отдаленности от территориального ядра Киевской земли несомненно играл свою роль в обособлении окраинных волостей и переходе в состав соседних, более могущественных земель [255]. За получением этих волостей Киевской земли в условное держание следовало во втором поколении держателей произвольное распространение на эти территории отчинного права (как мы видели на примере Святослава Ольговича).

С. М. Соловьев, рассматривая итог любечского раздела, отмечал «неравенство в распределении волостей между тремя линиями: ...Мономах держал в своей семье Переяславскую, Смоленскую и Новгородскую волости. Святополк... получил Владимир-Волынский;... всех меньше была волость Святославичей: они ничего не получили в прибавок к первоначальной волости, причем их было три брата» [256]. Нужно помнить, что по разделу 1097 г. Олег Святославич лишился черниговского стола и, следовательно, Мурома и Рязани, где стал княжить младший Свя-

---

[254] М. С. Грушевский, например, со ссылкой на два известия о «дреговичах» XII в. писал: «Киевская летопись не раз прямо так и называет турово-пинскую территорию «Дреговичи»» (*М. С. Грушевський.* Історія..., т. II, стр. 300).

[255] Берестейская, например, волость, бывшая некоторое время в держании у Давыдовичей (1142 г.), отошла во второй половине XII в. к Волынской земле (*А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 129).

[256] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., стр. 393.

тославич — Ярослав, а прежде были посадники Олега. Олег довольствовался вторым по значению, новгород-северским столом. Давыд Святославич, потеряв Смоленск, княжил в Чернигове, но не получил непосредственно всей Черниговской земли, где его фактическим соправителем стал Олег.

Однако после 1097—1100 гг. Святославичи прекратили открытую борьбу со Святополком и Мономахом, не претендовали явно и на киевский стол. Несомненно, это примирение объяснялось не только необходимостью консолидации в связи с половецкой угрозой, но и какой-то компенсацией потерь, и в первую очередь потерь наиболее политически активного Святославича — Олега. Такие компенсации имели в то время место: на съезде в Уветичах Давыду Игоревичу, начавшему усобицу и потерпевшему поражение, были даны Святополком города Бужск, Дубен и Черторыеск, а Мономахом и Святославичами — по 200 гривен [257]. Возможно, такой же компенсацией было получение Олегом (в условное, временное держание) северной окраины Киевской земли — «Дреговичей» или их части со Слуцком (вероятно, от Святополка) и Курска (от Мономаха). Такое наделение можно объяснить и необходимостью привлечения Святославичей к борьбе с полоцким Всеславом и Всеславичами, с одной стороны, и с половцами — с другой, что и было достигнуто.

Рассмотрев историю территорий Черниговского княжества второй половины XI — первой половины XII в., можно считать, что его юго-западные, южные и юго-восточные устойчивые границы с Киевской и Переяславской землями сложились в период раздела Ярослава Мудрого. Государственное освоение земель радимичей и вятичей еще не было завершено. Поэтому отсутствовала определенная граница со Смоленском и Ростовом, не было сплошной территории, соединяющей ядро Черниговской земли с формирующимся ядром муромо-рязанской территории [258].

Освоение земель вятичей было завершено в первой трети XII в., несколько ранее были освоены территории радимичей. Существование в середине XII в. территории, сохранившей за собой название «Вятичи», позволяет предполагать, что она была освоена несколько позже южных вятичских районов («Лесной земли», Мценска и Домагоща), а также Подесенья, междуречья Судости и Десны. Несомненно, что в 30—40-х годах XII в. установились границы со Смоленским и Ростово-Суздальским княжествами.

Важным этапом в территориальной истории Черниговского княжества был рубеж XI—XII вв. После Любечского съезда появляется княжеский стол в Новгороде-Северском. Основная

---

[257] ПСРЛ, т. I, стб. 274; т. II, стб. 249.
[258] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 197—198.

территория, образующая Черниговскую землю, делится на две части. Тянувшая прежде к Чернигову Сновская тысяча попала под власть этого нового княжеского центра. Соответственно разделу ядра происходило деление Черниговской земли. На основании известий о волостях черниговских и новгородских, а также об отчинах Давыдовичей и Ольговичей можно предположить, что граница владений Давыда и Олега шла вдоль западного рубежа Сновской тысячи и далее по Судости и Десне (рис. 2, врезка). Эти границы, конечно, очень условны, в общих чертах Давыду принадлежали земли радимичей, а Олегу — вятичей. Граница муромо-рязанских владений Ярослава Святославича, вероятно, совпадала с установившейся после отделения Мурома в 1127 г. черниговско-рязанской границей.

Возможно, что на рубеже XI—XII вв. территория Черниговского княжества увеличивалась за счет условных держаний Святослава Ольговича — Курска (с 1113 г.— несомненно) и «Дреговичей». Однако окончательно их вхождение в состав Черниговской земли произошло лишь в середине XII в. В это время завершилось сложение основных границ земли.

В это же время территория Черниговского княжества представляется разделенной на ряд территориальных административных единиц — волостей, из которых упомянуты как волости Вщижская, Корачевская, Путивльская, Гомийская. Вероятно, что Чичерск, Трубчевск, Клеческ, Слуцк, Вырь и некоторые другие города также были центрами волостей.

Далеко не всегда можно установить хотя бы приблизительные пределы этих территорий, что, возможно, объясняется спецификой феодальных границ. Однако нельзя считать, что территория волостей неустойчива, и их размер определять той территорией, на которую распространялась власть одного князя. При всей гипотетичности границ и при очевидно малом количестве упоминаний о волостях все же несомненно то, что к середине XII в. в Черниговской земле в основном завершается формирование относительно устойчивых территориальных административных единиц, т. е. управляемых феодальным государством территорий — волостей. В это же время появляются в Черниговской земле первые известные нам княжеские столы за пределами территориального ядра, например, Курск, Вщиж, Путивль.

Фактор территориальной отдаленности в сочетании с местными центробежными тенденциями несомненно способствовал отделению после 1127 г. муромо-рязанских земель[259]. Еще ранее

[259] Во время правления в Чернигове Ярослава Святославича (1123—1127 гг.) в Муроме сидел его племянник Всеволод Давыдович (ПСРЛ, т. II, стб. 288). В Новгороде-Северском в это время сидел, очевидно, другой Всеволод — Ольгович, так как, только владея Сновском, он мог в 1127 г. неожиданно («изъездом») захватить Чернигов и изгнать Ярослава Святославича. После этого ни один потомок Ярослава не претендовал на Черниговскую землю.

(в конце XI — начале XII в.) черниговские князья лишились Тмутаракани [260].

Итак, период с середины XI в. до середины XII в. был временем завершения процесса государственного освоения, сложения государственной территории Черниговской земли силами обособившегося Черниговского княжества, временем образования его основных границ.

В соответствии с этим по отношению к центру Древнерусского государства Киеву вторая половина XI — первая половина XII в.— время завершения процесса обособления Черниговской земли.

На первом этапе этого периода можно еще наблюдать относительное равновесие или борьбу тенденций обособления и тенденции сохранения единства с Киевом, особенно во время правления Всеволода Ярославича, владевшего «всей Русской землей» и вместе с тем сохранявшего княжеские столы в Чернигове и Переяславле. В первой трети XII в. центробежная тенденция победила окончательно. На завершающем, третьем этапе (до середины XII в.) наблюдается появление новой тенденции, которая выражалась в стремлении черниговских князей к обладанию киевским столом при сохранении за собой господствующего положения в Черниговской земле в целях использования киевского стола как инструмента наступательной политики Чернигова, вторгавшейся в интересы сопредельных княжеств. Эта активная общерусская политика проявлялась даже в простейших формах сюзеренитета черниговских князей по отношению, например, к полоцким князьям.

Черниговская земля во второй половине XII — первой половине XIII в.

Летописные источники дают мало сведений для историко-географического изучения Черниговской земли второй половины XII — первой половины XIII в. Особенно это касается конца отмеченного периода. Если для второй половины XII в. на основе данных Ипатьевской летописи в сопоставлении со свидетельствами Лаврентьевской и Новгородской I летописей еще слагается сравнительно последовательная картина состояния Черниговской земли, то историко-географические известия первой половины XIII в. скудны и фрагментарны. Достаточно сказать, что в это время летописи сообщают лишь о четырех неизвестных до этого городах — Речице, Мосальске (Новгородская I под 1214 и 1231 гг.), Серенске (Лаврентьевская под 1232 г.) и Соснице (Ипатьевская под 1234 г.). Из прежде названных кроме Чернигова летописи упоминают менее десятка городов.

---

[260] *Г. Г. Литаврин.* Новые сведения о Северном Причерноморье (XII в.).— В кн. «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе». М., 1972, стр. 239—240.

Важно заметить и то, что начиная с 1188 г. Новгород-Северский надолго исчезает со страниц летописей.

Летописные данные рассматриваемого периода представляют большей частью известия об общерусской политике черниговских князей. Для второй половины XII — начала XIII в. это объясняется отсутствием глубоких военных вторжений и внутренних усобиц в Черниговской земле, относительной крепостью ее государственной власти.

Если вопрос о политическом единстве Черниговского княжества был важен при изучении формирования его территории во второй половине XI — середине XII в., то для последующего периода, когда феодальная раздробленность в разной мере развития охватила земли-княжения древней Руси, этот вопрос является первостепенным.

Со смертью вщижского Святослава Владимировича (последнего Давыдовича) обе ветви Ольговичей — Всеволодовичи и Святославичи могли претендовать как на отчину на любую волость Черниговской земли. Князь, сидевший на черниговском столе, был обязан «в Правду наделить» других, младших князей. Если в первой половине XII в. временами проявлялось фактическое равноправие двух столов и даже тенденция Новгорода к обособлению, то во второй половине XII в. ослабленный территориальной урезкой (за счет Сновской тысячи), зависящий от наделений черниговского князя новгород-северский стол становится не только юридически, но и фактически *младшим, вторым* столом Черниговской земли. В обстановке еще завершавшегося государственного освоения земли было возможно отделение компактных, значительных по размеру территорий. При сложившейся государственной территории с характерной для феодальной системы чересполосицей и относительно прочной политической связью административно-территориальных единиц следует ожидать обособления менее обширных единиц — волостей и в основе этого обособления (не отделения) видеть дальнейшее углубление социально-экономических отношений, присущих феодализму.

Нет возможности, не выходя за рамки историко-географического исследования, полно охарактеризовать развитие этих отношений в волостях Черниговской земли. Достаточно отметить появление в них княжеских столов (Вщиж, Путивль, Рыльск, Трубчевск, Козельск и др.). Важен и отмечавшийся археологами факт роста городов, развития в них ремесел. Характерными примерами тому являются Вщиж (раскопки Б. А. Рыбакова) и недавно раскопанный и давший отличные образцы ремесленных изделий Серенск [261]. В более крупных городах возводились ка-

---

[261] *Т. Н. Никольская.* К истории древнерусского города Серенска, стр. 108—116; *она же.* Древнерусский Серенск — город вятических ремесленников, стр. 73—81.

менные храмы, например построенная накануне монгольского вторжения церковь в Путивле [262]. Последовательный ход развития этого процесса был нарушен трагедией 1239—1240 гг.

Еще в конце 30-х годов черниговские князья при вступлении на киевский стол, а позже и новгород-северские (Святослав Ольгович, Святослав Всеволодович) при переходе в Чернигов пытались сохранить за собой новгородские и черниговские волости («Вятичи», «Радимичи», Подесенье, «Лесную землю»), находившиеся вне собственно черниговской и новгородской волостей. Уже в 1223 г. при перечислении князей, возглавлявших поход на Калку, о старшем в Черниговской земле Мстиславе Святославиче (внуке Всеволода Ольговича) говорится в Ипатьевской летописи, что он сидел «в Козельске и в Чернигове». В Хлебниковском списке в том же контексте сказано следующее: «Тогда бо бѣ Мьстилавъ Романовичь в Кыевѣ, а Мьстиславъ Козелскыи въ Черниговѣ, а Мьстиславъ Мьстиславичь в Галичи. Тии бо бяху стариишины в Рускои земли» [263]. Попутно можно заметить, что состав русских войск, участвовавших в сражении на Калке, где наглядно и трагически проявились последствия феодальной раздробленности, даст представление о территориальной структуре Древнерусского государства первой половины XIII в. Слова «полкы рускыя» отражают понятие всей территории государства; и «черьниговцемь приѣхавшим, и кияномъ и смолиняномъ и иѣмь странамъ» — земли-княжения; «а куряне и трубчане и путивлици — киждо со своими князьми» [264] — волости-княжения земель.

Возвращаясь к упоминанию о черниговском князе как о князе одновременно и козельском, можно прийти к выводу, что тенденция сохранения за собой отчины в сочетании с практикой наделения получила свое выражение в закреплении наделов за разными ветвями рода Ольговичей.

Отмечая, что акт раздачи волостей в летописях назывался наделением, Л. В. Черепнин пишет: «По-видимому, к слову «надел» восходит и последующий термин «удел»» [265]. Так как есть достаточные свидетельства о наделениях в Черниговской земле второй половины XII в., то с учетом прослеживающихся черт раздробленности земли во второй половине XIII в. можно считать, что практика наделения в сочетании со стремлением князей сохранить свою отчину привела к появлению в первой половине XIII в. уделов Черниговской земли. Однако до начала XIII в. Черниговская земля несомненно и очевидно выступает в

---

[262] *Б. А. Рыбаков.* Раскопки в Путивле.— «Археологические открытия 1965 года». М., 1966, стр. 154—156.

[263] ПСРЛ, т. II, стб. 741. Мстислав назван Козельским и в других сводах, см., например, Московский свод 1479 г. (ПСРЛ, т. XXV, стр. 119).

[264] ПСРЛ, т. II, стб. 741—743.

[265] *Л. В. Черепнин.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII в.— ИЗ, т. 89. М., 1972, стр. 368.

источниках как единое политическое целое. Более того, в ее общерусской политике проявляется единство Ольговичей, их «одиначество». Первая после 1174 г. черниговская усобица вспыхнула лишь спустя 52 года.

Вот два примера черниговского «одиначества». Вся Черниговская земля с полоцкими князьями, половцами и новгородцами участвует в войне 1180—1181 гг. против союза смоленских князей и Всеволода Большое Гнездо. Характерна речь Святослава Всеволодовича, обращенная к братьям: «...се азъ старѣе Ярослава, а ты, Игорю, старѣе Всеволода, а нынѣ я вамъ во отця мѣсто остался. А велю тобѣ, Игорю, сдѣ остати съ Ярославомъ блюсти Чернигова и всѣ волости своеи, а я поиду съ Всеволодомъ к Суждалю»[266].

В конце 1191 г. Игорь и Всеволод Святославичи выступили в поход на половцев. «Святославъ пусти три сыны: Всеволода, Володимера, Мьстислава; а Ярославъ пусти своего сына Ростислава; а Олегъ Святославичь пусти сына Давыда»[267]. Интересно, что старший сын Святослава Всеволодовича — Олег упомянут особо от своих братьев вслед за своим дядей, черниговским князем, т. е. в числе старших князей Черниговской земли.

Усобица вспыхнула вскоре после побоища на Калке. В начале 1226 г. владимиро-суздальский князь Юрий Всеволодович «ходи в помочь Михаилу Всеволодичю на Олга Курьскаго и створь миръ межи ими», в установлении мира участвовал и митрополит[268]. Из Новгородской I летописи известно, что Михаил, сын Всеволода Чермного и шурин Юрия Всеволодовича, в 1225 г. княжил в Новгороде Великом по предложению владимирского князя. Тот факт, что усобица не могла разрешиться без вмешательства крупных, посторонних Черниговской земле дружин, говорит о значительной силе Олега Игоревича Курского. Можно предполагать, что спор шел из-за черниговского стола и что Олег Курский занимал либо новгород-северский, либо, скорее всего, черниговский стол. Во всяком случае, из известных в это время Ольговичей он наиболее вероятный претендент на стол, освобождавшийся после гибели черниговского [1219(?) — 1223 гг.] Мстислава Святославича. В сражении на Калке (Олегу в ту пору было 49 лет) он, несомненно, второй среди черниговских князей.

Усобица 1226 г. способствовала обособлению Курска. Во всяком случае, отсутствие прямых и несомненных сведений о Новгороде-Северском, сравнительно частые упоминания Курска, факт соперничества курского князя с черниговским — все это позволяет предполагать падение значения Новгорода в Черниговской земле и возвышение нового центра — Курска.

---

[266] ПСРЛ, т. II, стб. 618.
[267] ПСРЛ, т. II, стб. 673.
[268] ПСРЛ, т. I, стб. 448.

Изучая проблему феодальной раздробленности Черниговской земли на основе данных о политической деятельности ее князей, говоря об относительном единстве их, нельзя обойти вопрос о княжеских снемах, известия о которых также прерываются в первом десятилетии XIII в. Подобно тому, как внуки Ярослава Мудрого после раздела «Русской земли» практиковали снемы [269], так и почти всем общечерниговским событиям рассматриваемого периода предшествовали, как сообщают источники, княжеские съезды.

Записи о снемах в Черниговской земле становятся частыми после усобиц из-за Стародуба, в которых вопрос о наделении волостями был связан с нарушениями каких-то правовых норм, «Правды наделения». Известны черниговские снемы 1180, 1190, 1195, 1196, 1206 гг.[270]

Судя по тому, что известно о снемах на Руси, можно считать, что и черниговские снемы рассматривали кроме общеполитических вопросы о волостях, правовые вопросы и другие общечерниговские внутренние дела. Следует заметить, что в снеме 1180 г. кроме князей и дружины участвовало и боярство «черниговской стороны».

Снемы способствовали выработке относительно устойчивых норм в распределении волостей земли, ибо «практическая деятельность снемов была достаточно широкой, и как раз на практике складывались и определялись правовые нормы более или менее постоянного, устойчивого характера» [271].

В Черниговской земле рассматриваемого периода можно констатировать сложение относительно устойчивой политической структуры, феодальной иерархии, тесно связанной с административным членением государственной территории княжества.

Сведения об общерусской политике черниговских князей в конце XII — первой половины XIII в. не позволяют достаточно реально представить рост или сокращение основной территории Черниговской земли. Вместе с тем, несмотря на неполноту данных, несомненно активная внешняя территориальная политика имела своим основанием устойчивую внутреннюю территориальную структуру, проявляющуюся в определенной иерархии (в деталях она недостаточно ясна) высших феодалов земли — ее князей.

Эта общерусская политика отражала стремление князей Черниговской земли к увеличению феодальной ренты, перераспределению ее в их пользу за счет соседних земель, что и вело

---

[269] О практике княжеских снемов подробнее см.: *С. В. Юшков.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.— Л., 1939, стр. 216—219; *В. Т. Пашуто.* Черты политического строя Древней Руси, стр. 20—24.

[270] ПСРЛ, т. II, стб. 613, 615—616, 618, 669, 683, 698; т. I, стб. 426.

[271] *Л. В. Черепнин.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства..., стр. 377.

к столкновению с феодалами других земель-княжений, и в первую очередь с владимиро-суздальскими князьями.

Во второй половине XII — первой половине XIII в. основными соперничающими силами были феодалы Владимиро-Суздальской и Черниговской земель. Потомки Юрия Долгорукого не отказались ни от своих южнорусских владений (Переяславское княжество оставалось в их руках), ни от борьбы за Киев (на него притязал накануне монгольского вторжения Ярослав Всеволодович). Черниговские князья в свою очередь принимали активное участие в новгородских делах [272], особенно во второй половине 20-х — начале 30-х годов XIII в. В 20-х годах XIII в. на юго-западе Руси выступает третья мощная сила, ставшая главным соперником Чернигова в его южной политике,— Галицко-Волынская земля.

1206 год был годом наибольшего, но не длительного успеха Ольговичей. На галицкое наследство претендовали: Рюрик Ростиславич с сыновьями и племянниками, сын Всеволода Большое Гнездо, князь Переяславля-Русского Ярослав и Ольговичи. Владимир, сын Игоря Святославича, успел опередить Ярослава Всеволодовича и занять Галич (братья его Роман и Святослав сели в Звенигороде и Владимире). Всеволод Чермный захватил у Рюрика Киев, а Ярослава изгнал из Переяславля и посадил там своего сына. Однако к концу года Чермный лишился киевского стола, а в Переяславле сел сын Рюрика Владимир. Несколько ранее брат Чермного Глеб Святославич лишился Белгорода [273].

Кульминацией борьбы на юго-западе была гибель Романа и Святослава Игоревичей, казненных галицкими боярами в 1211 г.[274], и коалиционный поход летом 1212 г., возглавляемый Мстиславом Романовичем смоленским и Мстиславом Мстиславичем новгородским, на киевского Всеволода Чермного и на Чернигов. Причина похода на Киев заключалась в том, что Всеволод Чермный «изгони... внукы Ростиславли из Руси», виня их в гибели двух Игоревичей. В результате похода в Киеве вокняжился Мстислав Романович (1212—1223 гг.) [275]. Новый период борьбы за власть в Юго-Западной Руси был начат черниговским Михаилом Всеволодовичем в 1229 г.[276] и прерван монгольским нашествием.

[272] *А. Н. Насонов.* Монголы и Русь. (История татарской политики на Руси). М.— Л., 1940, стр. 6—7; *А. Г. Захаренко.* Черниговские князья в Новгороде.— «Ученые записки Ленинградского педагогического института», т. 61. Л., 1947.

[273] ПСРЛ, т. I, стб. 426—428; т. II, стб. 718—720; т. XXV, стр. 104—105; *В. Т. Пашуто.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 194—195.

[274] ПСРЛ, т. II, стб. 727; НПЛ, стр. 53; *В. Т. Пашуто.* Очерки..., стр. 198.

[275] ПСРЛ, т. XXV, стр. 109 (известие уникально: *А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 228); НПЛ, стр. 53; *Н. Г. Бережков.* Указ. соч., стр. 257—258.

[276] *В. Т. Пашуто.* Указ. соч., стр. 208 и далее.

Невозможно на карте Руси рассматриваемого периода найти княжество, с которым Черниговская земля не находилась бы в союзе или вражде. Существование (в разное время) прочерниговских группировок или партий в Киеве, Новгороде, Галицко-Волынской, Полоцкой и Рязанской землях, а соответственно и противостоящих им просуздальских и других партий свидетельствует не только о претензиях черниговских или владимиро-суздальских князей на общерусское господство, но и о наличии в древней Руси конца XII — первой половины XIII в. кроме центробежных еще и центростремительных тенденций. Развитие тенденции к единению русских земель было прервано нашествием Батыя, активной политикой Орды, препятствовавшей, как это было доказано А. Н. Насоновым, консолидации Руси.

В середине XIII в. Черниговская земля как относительно единая и определенная государственная территория прекращает свое существование.

* * *

Черниговская земля образовалась не в результате раздела по «завещанию» Ярослава. История ее образования начинается с формирования территориального и политического ядра почти за столетие до возникновения Черниговского княжества. Основные же ее границы сложились почти век спустя после смерти Ярослава Мудрого, когда черниговские дань и суд встретились с распространением дани и суда, идущим из других древнерусских центров. В итоге Черниговская земля включила в себя обширные части территорий ряда бывших восточнославянских племенных союзов. Наряду со стабилизацией внешних границ земли, шел внутренний процесс становления структуры государственной территории, то есть процесс формирования феодальных административно-территориальных единиц — волостей. Таким представляется длительный путь формирования Черниговской земли как государственной территории в собственном смысле слова. Этот классовый по своей природе процесс был важной чертой проявления феодализации одной из крупнейших областей древней Руси. Именно из феодальных территориальных единиц — волостей и складывались в конце XII—XIII в. удельные княжества Черниговской земли.

ПЕРЕЯСЛАВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

М. П. Кучера

Переяславская земля перед выделением в самостоятельное княжество занимала юго-восточную часть «Русской земли» — политического ядра Древнерусского государства IX — первой половины XI в. «Русская земля», примыкавшая по обеим сторонам Днепра к степным пространствам, занятым кочевниками, охватывала территорию нескольких восточнославянских племен [1]. Наиболее крупными ее центрами были Киев, Чернигов и Переяславль.

Область будущего Переяславского княжества, занимавшего лесостепную зону днепровского левобережья, также не была единой в этническом отношении. В ее пределы входили владения северян и полян. Северянские поселения, представленные городищами роменской культуры VIII—X вв., занимали восточную часть Переяславской области, простираясь от верхней Десны и Посемья далеко к югу, вплоть до Ворсклы и Северского Донца [2]. В западной, примыкающей к Днепру части находились земли киевских полян.

Северянские памятники на интересующей нас территории сконцентрированы в бассейнах Сейма, Сулы, Псла, Ворсклы, Северского Донца. В отличие от летописных сведений, которые в качестве южного рубежа северянской территории указывают Сулу [3], археологические данные позволяют значительно расширить к югу пределы расселения северянских племен.

Согласно письменным источникам северяне были включены в состав древней Руси в конце IX в. Под 884 г. летописец отмечает: «Иде Олег на Северяне, и победи Северяны, и възложи на нь дань легьку...» [4] По-видимому, Олег подчинил не

---

[1] *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 29 и карта на стр. 32.

[2] Отождествление роменской культуры с летописными племенами северян общепризнанно в советской исторической науке. Подробнее об этом см.: *В. В. Седов.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— МИА, № 163. М., 1970, стр. 125—126.

[3] «...седоша по Десне, и по Семи, по Суле, и нарекошася север» (ПВЛ, ч. I. М.— Л., 1950, стр. 11).

[4] ПВЛ, ч. I, стр. 20.

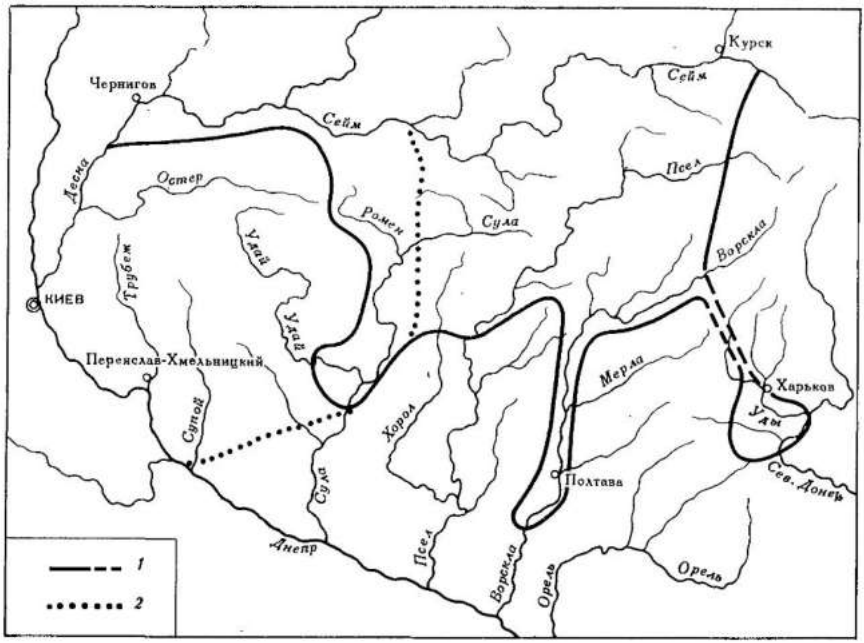


Рис. 1. Расселение северян в Днепровском лесостепном левобережье, по археологическим данным (VIII—X вв.):

1 — граница распространения северянских памятников VIII—X вв. (роменская культура) по данным И. И. Ляпушкина.

2 — восточная граница расселения полян, по И. П. Русановой

всех северян, и в конце IX в. восточная часть северянской территории оставалась еще за пределами государства. Походы Святослава на восток, разгром им в 965 г. Хазарского каганата [5] сделали возможным окончательное подчинение территории северянской земли киевскому князю [6].

Границы северянской земли IX—X вв. в пределах будущего Переяславского княжества очерчиваются по археологическим данным следующим образом [7] (рис. 1). Западная граница шла от междуречья Остра и Ромна на севере к низовьям Сулы (ниже устья Удая) и низовьям Ворсклы (ниже Полтавы) на юге. Южная граница проходила от нижнего течения Ворсклы до Северского Донца при впадении в него Уды и Можа (южнее

[5] Там же, стр. 47.

[6] *В. В. Мавродин.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). Л., 1940, стр. 114.

[7] За основу определения территории северян мы принимаем ареал городищ и поселений роменской культуры VIII—X вв. (по данным И. И. Ляпушкина). Подробнее об этом см.: *И. И. Ляпушкин.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа.— МИА, № 104. М.— Л., 1961, стр. 217.

Харькова). Восточные пределы достигали верховьев Сейма, Псла, Ворсклы.

Наиболее густо были заселены берега Сейма, Псла, Ворсклы, Сулы, Ромна. При этом, по течению Сулы, Ворсклы и Северского Донца северянское население продвинулось далеко к юго-западу и югу от основной области своего расселения [8].

К западу от линии распространения северянских памятников, от верховьев Остра, Удая, по Супою, Трубежу вплоть до Днепра, находились земли киевских полян. Археологические памятники, предшествующие образованию Древнерусского государства, на этой территории изучены еще очень слабо. Не так давно И. П. Русановой была сделана попытка уточнить пределы полянской земли по погребальным памятникам X—XII вв., относящимся ко времени, когда собственно поляп как этнической общности уже не существовало. Она пришла к выводу, что на левобережье Днепра полянам принадлежала территория вплоть до междуречья Сулы и Хорола (см. рис. 1) [9]. Таким образом, полянам в пределах Переяславщины приписывается значительная часть территории по Суле, включая нижнее течение Удая и междуречье Ромна и Сейма, фактически занятая северянскими памятниками роменской культуры. Несомненно, что северяне дольше, чем поляне, удерживали в материальной культуре свои этнографические особенности, и говорить о полянской территории применительно к периоду существования Древнерусского государства, с его сильным военно-административным и культурным воздействием на днепровское левобережье, можно лишь условно. По-видимому, в западной части Переяславщины полянское население было немногочисленным, оно концентрировалось в основном в районе Днепра.

В начальный период существования Древнерусского государства местная знать северянско-полянской Переяславщины принимала активное участие в политической жизни Руси. Об этом свидетельствуют договоры Олега с греками, которые упоминают «велициих князей» и бояр, сидящих по крупным городам, в том числе в Переяславле. В летописи под 968 г. упоминается левобережный воевода Претич, подошедший с «людье оноя страны Днепра» на помощь осажденным печенегами киевлянам [10]. Вероятно, Претич был потомком одного из местных левобережных князьков, тех самых «светлых князей», о которых упоминается в договорах русских с греками [11].

В конце IX и в X в. процесс государственного освоения Переяславской области по своему характеру, видимо, ничем не

---

[8] *И. И. Ляпушкин.* Указ. соч., стр. 192, рис. 88.

[9] *И. П. Русанова.* Курганы полян X—XII вв.— САИ, вып. Е1-24. М., 1966, стр. 25; см. также табл. 20 — «Границы земли полян и княжеств XI—XII вв.».

[10] ПВЛ, ч. I, стр. 47—48.

[11] *В. В. Мавродин.* Указ. соч., стр. 116.

отличался от аналогичного процесса распространения власти киевских князей на территорию северянской Черниговщины. И черниговская и переяславская знать участвовали в походах киевского князя. И те, и другие получали «уклады» на свои города и во главе с Киевом совместно отстаивали внешнеполитические интересы Руси. Местная знать была обязана принимать участие в сборе дани среди подвластного населения в пользу киевского князя [12]. Летописное упоминание воеводы Претича с «оноя страны Днепра» свидетельствует, что во второй половине X в. власть Киева над населением левобережья Днепра начала усиливаться.

Исключительно важную роль в усилении господства Киева над переяславским левобережьем сыграла деятельность Владимира Святославича. Под 988 г. летопись отмечает предпринятое им строительство крепостей: «И рече Володимеръ: «се не добро, еже малъ город около Киева». И нача ставити городы по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне. И поча нарубати мужи лучьшие от Словень, и от Кривичь, и от Чюди, и от Вятичь, и от сих насели грады; бе бо рать от печенег. И бе воюяся с ними и одолая им» [13].

Строительство «городов», осуществлявшееся преимущественно на Переяславщине, имело целью укрепление юго-восточных рубежей Руси, к тому времени уже, вероятно, потревоженных печенегами. Одновременно с этим создавался мощный заслон для защиты самого Киева, в особенности с востока. В итоге Переяславская земля оказалась покрытой сетью городков-крепостей, что прочно связало ее со столицей Руси — Киевом. Владимировы «города» были центрами политического господства киевского князя над окрестным населением. Проводником этого господства являлась феодализирующаяся знать в лице «лучших мужей», имевших полномочия для организации военно-сторожевой службы в целях охраны государственной территории. «Лучшие мужи», выросшие в недрах старого племенного общества, стали частью государственного аппарата Киевской Руси.

Мероприятия Владимира по строительству «городов» некоторые исследователи склонны рассматривать как свидетельство наличия среди местной северянской знати сепаратистских тенденций, якобы побудивших Владимира поручить охрану северской земли не местному, а пришлому, иноплеменному населению [14]. Не отрицая возможности стремления местной северянской знати сохранить при известных условиях самостоятельность, следует, однако, признать сообщение летописи о печенежской опасности основной причиной строительной деятельности Владимира. В самом деле, наиболее богатая северянская знать была

---

[12] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 63, 64.
[13] ПВЛ, ч. I, стр. 83.
[14] *В. В. Мавродин.* Указ. соч., стр. 120.

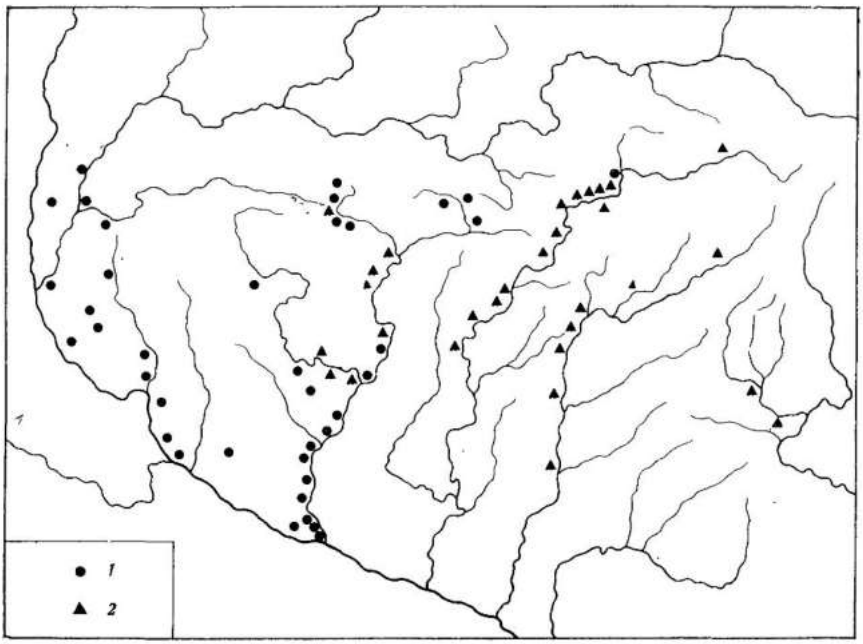


Рис. 2. Распространение городищ VIII—XIII вв. в Днепровском лесостепном левобережье (в основе — данные И. И. Ляпушкина):
1 — городища X—XIII вв., *2* — городища VIII—XIII вв.

сосредоточена, по свидетельству письменных источников и археологических данных, в пределах Черниговщины. В то же время Владимир строил левобережные «города» преимущественно на Переяславщине, в основном в ее западной, «несеверянской» части. На территории собственно северян уже задолго до Владимира существовали довольно многочисленные укрепления, остатками которых являются городища роменской культуры. Большинство этих укреплений-городков сохранялось вплоть до XII—XIII вв. Восточнее Сулы, по течению Псла и Ворсклы, почти все известные здесь городища, обитаемые в XI—XIII вв., принадлежали в VIII—X вв. роменской культуре северян. К западу же от Сулы и Удая, наоборот, такие городища известны в единичных случаях (рис. 2).

Массовое строительство крепостных городков в юго-восточных пределах государства требовало значительного дополнительного населения для материального обеспечения и обороны новых поселений. Таким резервом для укрепления южного пограничья и частичной колонизации Переяславщины при Владимире стали северные племена.

К концу X в. печенеги представляли собой серьезную опасность для «Русской земли». В 968 г. они осаждали Киев, в 972 г.

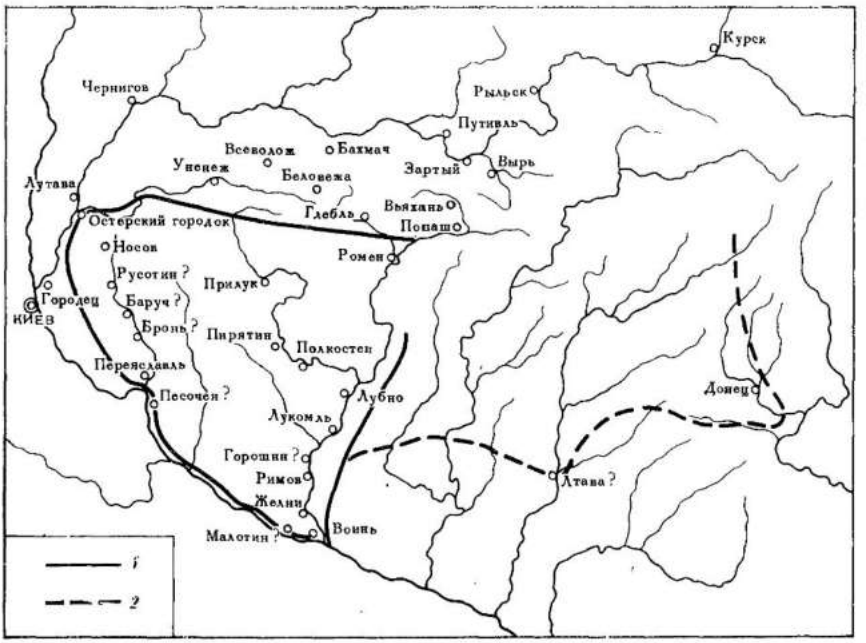


Рис. 3. Границы Переяславского княжества:

1 — границы основной, западной части княжества;
2 — неустойчивые границы восточной части княжества

убили на днепровских порогах князя Святослава, в 980 г. воевали против Владимира, в 992 г. со стороны Сулы вторглись на Левобережье, дойдя до Трубежа, в 996 г. подходили к Василеву, в 997 г. осаждали Белгород [15].

При Владимире Святославиче левобережье Среднего Поднепровья представляло в политическом отношении единое целое с собственно Киевской землей. Во многих областях правили сыновья Владимира [16], но черниговско-переяславское левобережье вместе с киевским правобережьем оставалось в его непосредственном управлении.

Попытка разделить «Русскую землю» по Днепру была осуществлена тмутараканским Мстиславом при Ярославе Владимировиче. В 1024 г. Мстислав Владимирович занял Чернигов. После битвы под Лиственом Ярослав вынужден был уступить Мстиславу черниговско-переяславскую территорию. Однако после смерти Мстислава в 1036 г.[17] Ярослав снова становится единовластным князем всей «Русской земли». Выделение Переяс-

[15] ПВЛ, ч. I, стр. 47, 48, 53, 55, 84, 85, 87.
[16] Там же, стр. 83.
[17] Там же, стр. 100—101.

лавщины в отдельное княжество произошло в 1054 г., когда по «завещанию» Ярослава она была отдана его сыну Всеволоду, а Черниговщина — другому его сыну — Святославу [18].

Границы Переяславского княжения очерчиваются следующим образом (рис. 3). Северная граница Переяславской земли, отделявшая ее от Черниговской, проходила по нижнему течению Остра и далее к востоку шла через верховья Удая и Сулы. Пограничными переяславскими городами с этой стороны были Остерский городок в устье Остра и Ромен в устье Ромна. Город Лутава (в 6 км севернее Остерского городка), Беловежа в верховьях Остра и Вырь на Выри входили уже в состав Черниговской земли [19]. Правда, в северо-восточной части Переяславской земли в ее пределы иногда входило Посемье с Курском [20].

На западе и юго-западе Переяславское княжество граничило с Киевской землей по Десне и Днепру. При этом в западной части (от устья Остра и до Днепра на широте Переяславля) ряд селений на левой стороне Днепра принадлежал Киеву [21].

С юго-востока устойчивой границей Переяславщины была Сула с находящейся на ней цепью крепостей и поселений. Она отделяла основную территорию Переяславского княжества от кочевнической степи. Не случайно летописные города Переяславского княжества сосредоточены именно в области к западу от Сулы. К востоку от Сулы, судя по распространению древнерусских археологических памятников, территория Переяславской земли охватывала среднее течение Псла и Ворсклы и затем в низовьях Уды вклинивалась в направлении Северского Донца. Указанными пределами, до Ворсклы и Северского Донца, очерчиваются восточные рубежи Переяславщины и по письменным источникам [22]. Здесь на притоке Северского Донца — Уде известен русский город Донец, упоминаемый в «Слове о полку Игореве» [23], а на Ворскле, возможно, находилась предшественница современной Полтавы — летописная Лтава [24].

Эта окраинная территория, по-видимому, находилась в очень слабом подчинении княжеской власти. Обязанности проживавшего здесь немногочисленного населения ограничивались, воз-

---

[18] ПВЛ, ч. I, стр. 108.
[19] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 60.
[20] *В. Ляскоронский.* История Переяславльской земли. Киев, 1897, стр. 74; *В. В. Мавродин.* Указ. соч., стр. 155—156; *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 60.
[21] *В. Ляскоронский.* Указ. соч., стр. 76; *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 56.
[22] *В. Ляскоронский.* Указ. соч., стр. 74, 196—199; *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 51.
[23] Остатками его является Донецкое городище. Подробнее об этом см.: *Б. А. Шрамко.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 298—315, 331—360.
[24] Под 1174 г. Ипатьевская летопись сообщает, что новгород-северский князь Игорь Святославич, идя на половцев, «перееха Въроскол оу Лтавы» (ПСРЛ, т. II, стб. 568—569).

можно, оказанием помощи русским во время их частых походов против половцев, а также обеспечением безопасности передвижения торговых караванов. При этом услугами местного населения пользовались не только переяславские князья, но и новгород-северские.

Особенно далеко к югу проникало русское население по Днепру. Древнерусские неукрепленные поселения XII—XIII вв. обнаружены на правом берегу Днепра в зоне водохранилища Днепродзержинской ГЭС [25] и значительно южнее — по обоим берегам Днепра в Надпорожье [26]. Очевидно, эти поселения имели какую-то связь с Древнерусским государством, с его южными Переяславским и Киевским княжествами.

Выделение Переяславщины в отдельное княжество стало возможным в результате сложения здесь «аппарата управления», подчинившего основную территорию этой области и способного самостоятельно осуществлять государственную политику. Центром княжества стал Переяславль.

Нельзя полностью согласиться с мнением, что якобы причиной образования Переяславского княжества явилась борьба между крупными феодальными центрами Среднего Поднепровья — Переяславлем и Черниговом, а также Киевом и Черниговом [27]. Стремление переяславского боярства к самостоятельности, нежелание его делиться властью с черниговским боярством лишь совпадали с интересами киевской знати, заинтересованной в ослаблении своего могучего соперника — черниговского боярства. Естественно, что в получении самостоятельности было заинтересовано в первую очередь переяславское боярство.

Среди левобережных городов Переяславлю принадлежала основная роль в организации отпора половецким вторжениям. Это также одна из причин обособления Переяславской земли в самостоятельное княжество.

Роль Переяславской земли в защите Киева, определившаяся еще со времени Владимира, совместная борьба киевских и переяславских князей против степных кочевников обусловили вместе с тем и относительно неполную самостоятельность Переяславского княжества, известную его зависимость от Киевской земли. Сказывалась и давняя опека киевских князей. Этим, очевидно, объясняется и то обстоятельство, что граница между Киевским и Переяславским княжествами на участке от нижнего течения Десны и до устья Трубежа проходила не по Днепру, а восточнее его.

---

[25] *М. П. Кучера, В. С. Драчук.* Памятники раннеславянского времени и Киевской Руси в зоне водохранилища Днепродзержинской ГЭС.— «Краткие сообщения Института археологии АН УССР», вып. 12. Киев, 1962, стр. 102.

[26] *А. Т. Брайчевська.* Древньоруські пам'ятки Дніпровського Надпоріжжя.— АП, т. XII. Київ, 1962, стр. 155.

[27] *В. В. Мавродин.* Указ. соч., стр. 156, 157.

Среди причин обособления Переяславской области от Черниговской некоторые исследователи называли различие этнического состава населения этих областей [28]. Еще в период существования северянского племенного княжения в состав населения Переяславщины должны были войти остатки неславянских болгаро-аланских племен [29]. Впоследствии, в результате великокняжеской колонизации население Переяславщины пополнилось выходцами из северных племен, а затем на ее территории были частично расселены переходившие к оседлости кочевники [30].

Однако отмеченные этнические различия не могли серьезно повлиять на формирование северной границы Переяславской земли. Переяславское княжество, как и соседнее Черниговское, не было одноэтничным уже потому, что в его состав вошла как часть территории северян, так и часть территории полян. Центр княжества — Переяславль возник на земле полян. Очевидно, границы Переяславского и Черниговского княжеств, как и Киевской земли, не совпадали с границами отдельных союзов племен, поскольку племенное деление на этой территории было стерто еще в пору существования «Русской земли» [31].

Территориальное размежевание между Переяславским и Черниговским княжествами не восходит к племенной эпохе, оно определилось в период существования Древнерусского государства. А. Н. Насонов, отмечая устойчивость границ между Переяславским и Черниговским княжествами, предполагал, что эти границы «установились не вдруг, не случайно, а определялись отношениями, сложившимися давно, до раздела «Русской земли» по завещанию Ярослава» [32].

Точку зрения А. Н. Насонова следует уточнить наблюдениями В. Г. Ляскоронского, указавшего, что по северной границе Переяславского княжества — к северу от нижнего течения Десны, по течению Остра, в верховьях Остра и Удая и далее к востоку, по Ромну и другим притокам верхней Сулы — широкой полосой простирались малодоступные болота [33]. Наличие естественного географического рубежа в известной мере предопределило будущую границу между княжествами.

Решающую роль в формировании границ Переяславского княжества сыграло оборонительное строительство при Владимире в конце X в., которое не случайно охватывает его основную территорию. Северо-западная граница Переяславского княже-

[28] *В. В. Мавродин.* Указ. соч., стр. 10, 156.
[29] Там же, стр. 10. В последнее время на основании антропологических данных и ареала распространения гидронимов иранского происхождения к подобному выводу пришел В. В. Седов, считая, что в состав славян лесостепного Левобережья вошли остатки алано-сарматских племен (*В. В. Седов.* Указ. соч., стр. 130).
[30] *В. В. Мавродин.* Указ. соч., стр. 10, 11, 58, 197.
[31] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 29.
[32] Там же, стр. 60.
[33] *В. Ляскоронский.* Указ. соч., стр. 57—59.

ства по Десне, его северная граница по Остру и юго-восточная по Суле соответствуют оборонительным рубежам времени Владимира.

Таким образом, ядро Переяславского княжества сложилось на левобережье Днепра в пределах области, укрепленной в в конце X в. великокняжеской властью. В эту укрепленную область не вошла юго-восточная часть бывших северянских владений, которая в связи с половецкими вторжениями так и осталась не полностью освоенной Переяславлем.

* * *

Небольшая по размерам Переяславская область, выделившись в отдельное княжение, продолжала и дальше оставаться юго-восточным форпостом Руси, защищавшим подступы к Киеву. Населению Переяславщины приходилось испытывать постоянную опасность вторжений степных кочевых племен. Археологическими раскопками на Посулье открыты остатки богатырских застав X—XII вв., которые, несмотря на опустошения, сопровождавшиеся пожарами, отстраивались вновь и продолжали стоять на «стороже Русской земли» от «поганых» — печенегов, торков и половцев.

Первый переяславский князь Всеволод, сын Ярослава Мудрого, став князем в 1054 г., сразу же предпринял поход против торков к Воиню в устье Сулы и победил их. В том же 1054 году в степях появились половцы хана Болуша, вступившие на территорию Переяславщины. Всеволод заключил мир с половцами, и они возвратились в степи [34]. В 1060 г. торки, теснимые половцами, пытались проникнуть в Переяславское княжество. Под ударом объединенных сил русских княжеств торки потерпели поражение. В 1061 г. опустошительный набег на Переяславщину совершили половцы. В 1068 г. они проникли в глубь Переяславского княжества; выступившие навстречу им князья Всеволод, Святослав (черниговский) и Изяслав (киевский) были разбиты [35]. Лишь позднее в пределах Черниговщины Святославу удалось нанести поражение половцам.

В 1073 г. Всеволод Ярославич занял черниговский стол, сохраняя за собой, видимо, и Переяславское княжество [36].

Против Всеволода энергично действовал Олег Святославич — сын умершего в 1076 г. киевского князя Святослава Ярославича, занимавшего до 1073 г. черниговский стол. Олег Святославич организовал в 1078 г. совместно с половцами поход против Всеволода и овладел Черниговом. Киевский князь Изяслав Ярославич с сыном Ярополком и Всеволод с сыном Влади-

---

[34] ПВЛ, ч. I, стр. 109.
[35] Там же, стр. 112.
[36] *В. Ляскоронский.* Указ. соч., стр. 297; *В. В. Мавродин.* Указ. соч., стр. 182.

миром выступили из Киева к Чернигову и на Нежатиной ниве разбили противников. Олег бежал в Тмутаракань. В этой битве погиб киевский князь Изяслав. Вместо него в Киеве вокняжился Всеволод, удерживая за собой и Переяславль, а Чернигов отдал своему сыну Владимиру.

Под 1080 г. летопись сообщает о восстании торков, поселенных в Переяславской земле: «...заратишася торци Переяславьстии на Русь» [37]. Посланный Всеволодом Владимир Мономах победил торков. Впоследствии Всеволод посадил на некоторое время Владимира Мономаха в Переяславле, откуда тот предпринял походы против половцев к городам Прилук и Белая Вежа. Незадолго перед этим Владимир Мономах изгнал половцев из Горошина и преследовал их до Хорола [38]. Одно время в Переяславле княжил младший брат Владимира — Ростислав, погибший в 1093 г. на Стугне во время похода против половцев, которые, узнав о смерти киевского князя Всеволода, вторглись на Киевщину [39]. В осиротевший Переяславль перешел Владимир Мономах, уступив Чернигов Олегу Святославичу тмутараканскому, который в союзе с половцами выступил к Чернигову и осадил его [40].

Став переяславским князем, Владимир Мономах сразу же предпринял энергичные действия против половцев. Он выступил за Римов, находившийся на Суле, и в степи победил половцев [41].

В 1095 г. половцы под предводительством князей Итларя и Китана подошли к самому Переяславлю. Переяславльцы сумели сковать действия половцев, и затем Владимир Мономах в союзе с киевским князем Святополком выступил в степь и разгромил половецкие вежи [42].

В 1103 г. на Долобском съезде Владимир Мономах убедил Святополка в необходимости организации нового совместного похода против половцев. Собрав большое войско, русские князья выступили от Переяславля по Днепру ниже порогов и сокрушили в степи половецкие силы. Русские с большим полоном, «заяша печенеги и торки с вежами», возвратились в свои земли [43].

В 1107 г. половцы во главе с Боняком проникли к Переяславлю, а затем подступили к городу Лубно на Суле. Святополк с Владимиром и другими русскими князьями изгнали половцев, преследуя их до Ворсклы. В 1110 г. половцы появились у Воиня в устье Сулы, а затем прорвались к Переяславлю и опустошили

---

[37] ПВЛ, ч. I, стр. 135.
[38] Там же, стр. 160.
[39] Там же, стр. 143—144.
[40] Там же, стр. 148.
[41] Там же, стр. 161.
[42] ПСРЛ, т. II, стб. 217—219.
[43] Там же, стб. 252—255.

его окрестности. Большой и удачный поход против половцев был предпринят по инициативе Владимира Мономаха в 1111 г., когда русские войска достигли Дона [44].

В 1113 г. умер киевский князь Святополк, и Владимир Мономах занял великокняжеский престол, передав Переяславль своему сыну Святославу. Но в том же году Владимир Мономах назначил в Переяславль другого сына — Ярополка; очевидно, Святослав был болен: в 1114 г. он умер [45]. В 1116 г., участвуя в походе Владимира Мономаха против Глеба Минского, Ярополк захватил часть жителей города Друцка и поселил их во вновь отстроенном в нижнем течении Сулы городе Желни (Желди) [46]. В этом же году Ярополк в союзе с сыном черниговского князя Всеволодом Давыдовичем выступил против половцев в Подонье и взял три города — Сугров, Шарукан и Балин [47].

Эти наступательные действия заставили половцев временно воздержаться от набегов на Русь: с 1116 г. и до конца княжения в Киеве Владимира Мономаха (1125 г.) летопись ни разу не упоминает об их вторжениях. Однако, узнав о смерти Владимира Мономаха, половцы в 1125 г. опять приходят на Русь, проникая с востока в северные пределы Переяславщины. Ярополк направил войско в Баруч, Бронь и другие северные города княжества, и половцы, отступая, принялись грабить Посулье. Ярополк напал на половцев у города Полкостеня на Удае (правый приток Сулы) и изгнал их из пределов княжества [48].

В 1132 г. со смертью киевского князя Мстислава Владимировича Ярополк занял его место. На Переяславль претендовал ростово-суздальский князь Юрий Владимирович Долгорукий, который поочередно изгнал оттуда двух своих племянников — сначала Всеволода, а затем Изяслава Мстиславичей, сыновей умершего киевского князя Мстислава Владимировича. Тогда в 1134 г. киевский князь Ярополк передал Переяславль Юрию Долгорукому [49], что вызвало недовольство черниговских Ольговичей. Последние в союзе с половцами начали опустошать Переяславщину и подошли к Киеву, но в конце того же года между черниговским Всеволодом Ольговичем и киевским Ярополком Владимировичем был заключен мир. Переяславль получил младший брат Ярополка и Юрия — Андрей Владимирович. Вскоре Ольговичи с помощью половцев возобновили военные действия. В 1135 г. они осадили Переяславль, а затем в верховьях Супоя разбили войска Мономаховичей — братьев Ярополка, Юрия, Вячеслава и Андрея. В 1138 г. Всеволод Ольгович

---

[44] Там же, стб. 258, 260, 266.
[45] Там же, стб. 275—277; *В. Ляскоронский.* Указ. соч., стр. 322.
[46] ПСРЛ, т. II, стб. 283.
[47] Там же, стб. 284.
[48] ПСРЛ, т. I, стб. 295—296; т. II, стб. 289—290.
[49] ПСРЛ, т. II, стб. 295.

с половцами снова напал на Переяславщину, взял Прилук на Удае и другие города [50].

Опасность со стороны Ольговичей, их энергичное вмешательство в дела Южной Руси заставили Ярополка собрать большое войско и выступить к Чернигову, в результате чего с Всеволодом был заключен мир: Ольговичи получили Посемье с Курском, которое с 1127 г. входило в состав Переяславского княжества [51].

В 1139 г. Всеволод Ольгович, став киевским князем, попытался отнять Переяславль у Андрея Владимировича в пользу своего брата Святослава. Но Андрей Владимирович оттеснил войска Святослава и отстоял Переяславль [52]. Несмотря на переход великокняжеского стола к Ольговичам, Переяславская земля осталась за Мономаховичем. В 1140 г. Всеволод и Андрей вышли навстречу половцам, вторгшимся в южные пределы Переяславщины, и заключили с ними мир в городе Малотине [53]. Андрей, вступив в союз с Всеволодом, не потерял самостоятельности в политических делах [54].

В 1141 г. новгородцы пригласили к себе на княжение сына Юрия Долгорукого — Ростислава. В отместку Мономаховичам Всеволод занял переяславский Остерский городок [55].

В 1142 г. Андрей Владимирович умер, и Всеволод вывел из Турова в Переяславль его брата Вячеслава Владимировича. В Турове Всеволод посадил своего сына Святослава, а во Владимире-Волынском — племянника Вячеслава — Изяслава Мстиславича. Все это вызвало недовольство со стороны Ольговичей — братьев Всеволода. В 1142 г. они неоднократно нападали на Переяславль.

В конце 1142 г. Всеволод наделил Игоря Ольговича Остерским городком, а Вячеслав с согласия киевского князя отдал Переяславль своему племяннику Изяславу Мстиславичу и возвратился в Туров [56].

В 1146 г. после смерти Всеволода Ольговича киевским князем стал его брат Игорь Ольгович. В это же время в Киеве вспыхнуло народное восстание. Киевляне послали в Переяславль к Изяславу Мстиславичу приглашение занять великокняжеский престол. Изяслав с войском пошел к Киеву, овладел им и взял в плен Игоря [57]. В Переяславле был посажен сын Изяслава — Мстислав. По разделу владений Ольговичей Переяславлю был дан Курск. Однако уже весной 1147 г. Святослав Ольгович

---

[50] ПСРЛ, т. II, стб. 298, 301.
[51] *В. Ляскоронский.* Указ. соч., стр. 329, 334.
[52] ПСРЛ, т. II, стб. 305—306.
[53] Там же, стб. 308.
[54] *В. Ляскоронский.* Указ. соч., стр. 338.
[55] ПСРЛ, т. II, стб. 308.
[56] Там же, стб. 311—313.
[57] Там же, стб. 327.

пользуясь поддержкой Юрия Долгорукого, возвратил большую часть своих владений. Курск же был передан сыну Долгорукого — Глебу [58]. Глеб Юрьевич в союзе с половцами осадил города у северо-восточной границы Переяславской земли — Вырь, Вьяхань и Попаш [59]. Изяслав с подошедшим на помощь братом Ростиславом Смоленским выступил к верховьям Сулы, где находились Ольговичи с половцами. Узнав о движении Изяслава, Святослав Ольгович с союзниками поспешно отступил к Чернигову [60].

В том же 1147 г. курский князь Глеб, вынашивая планы подчинения Переяславщины, внезапно захватил Остерский городок и подступил к Переяславлю, но потерпел неудачу. Близ северной границы Переяславской земли, у Носова, Мстислав настиг отступавшего на север Глеба и пленил часть его дружины. После того как Глеб укрылся в Остерском городке, Мстислав возвратился в Переяславль. К Остерскому городку поспешил Изяслав, который после трех дней осады вынудил Глеба оставить город [61].

Помирившись с Давыдовичами и Ольговичами, Изяслав решил обезопасить себя от претендента на киевский стол — Юрия Долгорукого. С этой целью он осенью 1148 г. созвал князей на съезд в Остерском городке, где решено было совместно выступить против Юрия. Изяслав в союзе со смолянами и новгородцами напал на владения Юрия Долгорукого в Поволжье, но решительного успеха не достиг и с приближением весны возвратился в Киев [62].

Претендуя на Киев, Юрий решил воспользоваться стратегическими преимуществами переяславской территории и, заручившись поддержкой Святослава Ольговича, в союзе с половцами в 1149 г. подступил к Переяславлю. На выручку Переяславля подошло войско Изяслава с союзниками [63]. Еще до начала сражения Юрий предложил Изяславу остаться в Киеве, но Переяславль передать его сыну. Однако, учитывая роль Переяславля в киевских делах, Изяслав не согласился с предложением Юрия.

На следующий день Изяслав потерпел поражение в битве [64]. Юрий пробыл в Переяславле три дня и вступил в Киев, Изяслав удалился во Владимир-Волынский. В Переяславле Долгорукий посадил своего старшего сына Ростислава [65]. Однако в 1150 г., когда Изяслав Мстиславич вновь овладел Киевом, а

---

[58] Там же, стб. 342, 355—356.
[59] Там же, стб. 356.
[60] Там же, стб. 358—359.
[61] Там же, стб. 359—360.
[62] Там же, стб. 366—372.
[63] Там же, стб. 378—379.
[64] Там же, стб. 380—382.
[65] Там же, стб. 384.

Юрий Долгорукий укрылся в Остерском городке, Переяславль снова стал яблоком раздора.

Как только Изяслав начал собирать войско для захвата Переяславля, Юрий немедленно послал в помощь Ростиславу своего сына Андрея и обратился за подкреплением к Ольговичам и Давыдовичам [66]. Переяславль остался за Ростиславом.

В том же году Юрий снова занял Киев. Вскоре к Переяславлю подошли половцы, призванные Юрием для борьбы против Изяслава, и начали опустошать окрестности города. В помощь Ростиславу Юрий послал Андрея, и тот усмирил половцев. Через некоторое время Изяслав с войском вступил в Киев. Долгорукий вновь бежал в Остерский городок [67]. Однако Переяславская земля с ее чрезвычайно важными стратегическими пунктами — Переяславлем и Остерским городком — и на этот раз сохранилась в руках Юрия Долгорукого в качестве плацдарма для овладения киевским престолом.

В апреле 1151 г. умер Ростислав Юрьевич, и Юрий отдал Переяславль своему сыну Глебу [68]. Той же весной Юрий Долгорукий с Давыдовичами, Ольговичами и приглашенными половцами осадил Киев, но потерпел неудачу и возвратился в Переяславль [69]. Изяслав, подступив к Переяславлю, заставил Юрия Долгорукого принять мирные условия, по которым он должен был удалиться в Суздаль, передав Переяславль своему сыну [70]. Однако уходить из Переяславля Юрий не спешил. После вторичного напоминания со стороны Изяслава Юрий ушел в Остерский городок, оставив в Переяславле сына Глеба. С большим войском Изяслав осадил Остерский городок. Не получив помощи извне, Юрий сдался и ушел в Суздаль, оставив в Остерском городке своего сына Глеба. В Переяславле Изяслав посадил своего сына Мстислава [71].

В 1152 г. Изяслав Мстиславич уничтожил Остерский городок, сыгравший роль опорного пункта Юрия Долгорукого в борьбе за Киев. Гарнизон крепости был выведен, а укрепления города — сожжены [72].

В том же году Мстислав Изяславич предпринял поход в левобережную степь и победил половцев на Угле и Самаре. При этом он освободил из половецкого плена «множество душ христианских», захватил много лошадей и скота. В 1153 г. Мстислав Изяславич с переяславским полком воевал на стороне своего отца против Ярослава Галицкого и принял участие в знаменитой битве на берегах Серета [73].

---

[66] ПСРЛ, т. II, стб. 396—398.
[67] Там же, стб. 403—404, 416.
[68] Там же, стб. 418; *В. Ляскоронский.* Указ. соч., стр. 377.
[69] ПСРЛ, т. II, стб. 425—440.
[70] Там же, стб. 442—443.
[71] Там же, стб. 444—445.
[72] Там же, стб. 446.
[73] Там же, стб. 460, 467—468; *В. Ляскоронский.* Указ. соч., стр. 384.

В 1154 г. со смертью Изяслава Мстиславича киевским князем становится брат Изяслава Ростислав, княживший до этого в Смоленске. Юрий Долгорукий, считая себя имеющим больше прав на киевский стол, решил немедленно идти на Киев. В качестве первоочередного шага на пути осуществления своих планов он предпринял попытку овладеть Переяславлем. Сын Юрия Глеб с множеством половцев подступил к Переяславлю. Отбиваясь от половцев, переяславский князь Мстислав Изяславич обратился за помощью в Киев. Ростислав выслал ему подкрепление во главе со своим сыном Святославом [74]. Получив решительный отпор со стороны защитников Переяславля, Глеб Юрьевич отступил к верховьям Сулы и Удая, разорив на пути г. Пирятин [75]. Вслед за этим киевский Ростислав, разбитый черниговским Изяславом Давыдовичем в союзе с Глебом Юрьевичем, оставил Киев. Мстислав Изяславич ушел из Переяславля на Волынь. Изяслав Давыдович отдал Переяславль Глебу Юрьевичу [76].

Переяславский стол Глеб занимал до 1169 г. В том году он стал киевским князем, а Переяславль передал своему малолетнему сыну Владимиру [77]. На следующий год в Южную Русь вторглись половцы. Часть их направилась к Переяславлю и остановились у Песочна. Глеб выехал в Переяславль на переговоры с половцами и заключил с ними мир [78]. Спустя несколько лет половцы снова вторглись в Переяславщину и разорили окрестности Серебряного и Баруча [79]. В 1179 г. половцы в окрестностях Переяславля произвели страшное разорение, разграбив и перебив многих жителей. Киевский князь Святослав Всеволодович с союзниками быстро выступил на Сулу к Лукомльскому городищу. Узнав об этом, половцы бежали в степь [80].

С 80-х годов XII в. русские князья вновь начинают уделять серьезное внимание охране южных пределов, в особенности Переяславщины, от половцев. Крупные силы объединенных русских войск двинулись против половцев на левобережье Днепра в 1184 г. На р. Ерели (Углу) они разгромили половцев и пленили их князя Кобяка. В этом походе отличился переяславский полк Владимира Глебовича [81].

Половцы тоже начали объединять усилия. Организатором опустошительных набегов на Русь явился хан Кончак. В начале 1185 г. поход половцев был упрежден действиями русских войск, в том числе переяславского князя. На р. Хорол Кончаку был

---

[74] ПСРЛ, т. II, стб. 471—472.
[75] Там же, стб. 472; ПСРЛ, т. I, стб. 342.
[76] ПСРЛ, т. II, стб. 475—476.
[77] Там же, стб. 545.
[78] Там же, стб. 555—556.
[79] Там же, стб. 569.
[80] Там же стб. 613.
[81] Там же, стб. 631—632.

нанесен ощутимый удар, и он бежал в степь [82]. Но в том же году после неудачного похода северских князей Кончак напал на посульские укрепления, разорил их, после чего быстро продвинулся вперед и осадил Переяславль. Переяславский князь Владимир Глебович «бяше же дерз и крепок к рати», храбро защищал город. Отбиваясь от наседавших врагов, он получил три ранения копьем. Весть о движении к Переяславлю войска киевского князя Святослава заставила половцев снять осаду и поспешно отступить. По дороге они напали на Римов в низовьях Сулы и пленили его жителей [83]. В 1187 г., возвращаясь из похода, предпринятого киевским Святославом против половцев, князь Владимир Глебович внезапно заболел и вскоре умер [84].

В последующем переяславские князья часто менялись, а временами Переяславль их вовсе не имел. Обычно смена князей в Киеве влекла за собой перемены и на переяславском столе. После Владимира Глебовича Переяславская земля оставалась в ведении Святослава Всеволодовича, а в 1194 г., при его преемнике Рюрике Ростиславиче, борьбу за влияние в Южной Руси вели владимиро-суздальский князь Всеволод Юрьевич и черниговские Ольговичи. Переяславская земля перешла к Всеволоду. Он возобновил укрепления Остерского городка. В Переяславле Всеволод поочередно держит то своего сына Константина, то племянника Ярослава Мстиславича, то другого сына — Ярослава [85].

В 1206 г., с переходом в Киеве власти к Ольговичам, в Переяславле был посажен сын киевского князя Всеволода Чермного Михаил. Но когда в том же 1206 г. киевский стол перешел к Рюрику Ростиславичу, последний посадил в Переяславле своего сына Владимира [86]. Со временем Переяславщина, будучи отчиной Мономаховичей, закрепилась за владимиро-суздальскими князьями. В 1213 г. владимиро-суздальский князь Юрий Всеволодович послал княжить в Переяславль своего брата Владимира Всеволодовича, который дважды изгонял половцев из пределов Переяславской земли. После освобождения из половецкого плена (1217 г.) Владимир ушел в Суздаль. Кто сменил Владимира в Переяславле, неизвестно. В 1227 г. Юрий Всеволодович назначил в Переяславль своего племянника Всеволода Константиновича, а в 1228 г. его сменил Святослав Всеволодович [87]. Сколько лет княжил Святослав в Переяславле, также неизвестно: в 1234 г. он уже находился на севере. Нет сведений и о последующих князьях Переяславля.

Особенностью политической истории Переяславской земли

---

[82] ПСРЛ, т. II, стб. 636.
[83] Там же, стб. 646—648.
[84] Там же, стб. 653.
[85] *В. Ляскоронский.* Указ. соч., стр. 433—435.
[86] Там же, стр. 440—441.
[87] Там же, стр. 447.

было то, что она длительное время находилась под непосредственным влиянием и опекой киевских князей. При этом переяславские князья часто после высвобождения киевского стола становились князьями киевскими.

В Переяславской земле получил значительное развитие военно-феодальный аппарат управления. Дружина являлась опорой князя в управлении землей. Обеспечение функционирования большого числа крепостей и замков, регламентация отношений с поселившимися на территории княжества торками, управление княжеским хозяйством и зависимым сельским населением требовали организации разносторонней деятельности княжеской администрации.

Боярство в Переяславской земле не проявляло оппозиционных тенденций по отношению к княжеской власти, подобных тем, которые имели место в других землях. Постоянная опасность половецких вторжений и организация княжеских походов для их отражения лишали земское боярство возможности положиться на собственные силы и противостоять княжеской власти.

Крупное переяславское боярство составляло ближайшее окружение князя. Летопись сообщает о боярине Ратиборе, который имел собственную дружину. В 1095 г. с этой дружиной совещался переяславский князь Владимир Мономах; в доме Ратибора останавливался половецкий хан Итларь, прибывший в Переяславль на переговоры с Мономахом. Под 1167 г. летопись упоминает боярина Шварна. За Переяславлем его дружина была разбита половцами, сам он попал в плен и был освобожден за большой выкуп. В 1180 г. боярин Борис Захарьевич с полком переяславского князя Владимира Глебовича участвовал в походе против половцев [88].

В связи с походами летопись наряду с городами упоминает в некоторых случаях и села. Последние располагались обычно в окрестностях городов. Выделению местной феодальной прослойки способствовало то обстоятельство, что доходы с населения Переяславщины, очевидно, не поступали в пользу киевских феодалов, а шли на потребности обороны.

Вокруг Переяславля располагался ряд княжеских, боярских и монастырских владений. Летопись упоминает села Карань, Стряково, Кудново, Мажево, Янчино. Тут же находился загородный княжеский «Красный двор», монастыри Рождества Богородицы, Саввы, Бориса и Глеба [89]. В ряде случаев летопись упоминает села вокруг Переяславля, не указывая их названий (под 1110 г.— половцы воевали «около Переяславля по селам»; 1142 г.— половцы пожгли села близ Переяславля; 1143 г.— половцы близ Переяславля «села пожгоша и жита попасоша»;

---

[88] ПСРЛ, т. II, стб. 218, 527, 623.
[89] *В. Ляскоронский.* Указ. соч., стр. 161—167.

1154 г.— половцы около Переяславля «пожгоша бо села вся»[90]). Встречаются упоминания сел и в других местах Переяславщины. Так, в 1092 г. половцы взяли три города на Удае и «многа села воеваша по обоима сторанама». В 1135 г. половцы пожгли села близ Баруча, а в 1136 г. разорили города и села по Суле[91].

Представителями князя в городах были посадники. Они назначались князем для соблюдения его интересов в подвластных им округах. Под 1128 г. в летописи упоминаются посадники переяславского князя Ярополка Владимировича («Ярополчи посадници»), перехватившие близ Выря половецких послов, шедших от черниговского князя Всеволода Ольговича. В 1147 г. сын Юрия Долгорукого Глеб отнял у переяславского князя Мстислава Изяславича Посемье «и посажа посадники свои»[92]. В стремлении получить побольше доходов посадники иногда доводили население до разорения. Так было в 1138 г. на Посулье: «...бысть пагуба Посулцем, ово от половець, ово же от своих посадник»[93].

Экономическому развитию Переяславской земли способствовала ее близость к торговым путям, связывавшим Русь с Востоком и Югом,— Греческому, Соляному и Залозному.

Греческий путь — это южное продолжение наиболее древнего водного пути по Днепру «из варяг в греки». Он связывал Русь с Крымом и Византией. В Переяславской земле к этому пути подходили по Трубежу, Суле, Пслу, Ворскле. Соляной путь вел к богатым солью побережьям Черного и Азовского морей. Залозный путь шел через Дон. По нему торговали с Поволжьем и Тмутараканью[94].

Для защиты этих путей русские князья предпринимали походы в степь. В 1168 г. киевский князь Мстислав Изяславич, озабоченный тем, что половцы «Гречьский путь изоимают и Солоныи и Залозныи»[95], вместе с другими русскими князьями двинулся в левобережные степи и разбил половцев в районе рек Угол и Снопород. Вдоль северной окраины Переяславского княжества, по пограничью с Черниговской землей (по водоразделу между Десной, Сеймом и верховьями Супоя, Сулы и Псла) шел сухопутный торговый путь на Курск, известный с X в.[96] Основные торговые пути на территории княжества находились под охраной укрепленных городков.

---

[90] *В. Ляскоронский.* Указ. соч., стр. 199, 209.
[91] Там же, стр. 199.
[92] ПСРЛ, т. II, стб. 291, 356.
[93] ПСРЛ, т. I, стб. 305.
[94] *В. Ляскоронский.* Указ. соч., стр. 259; *В. В. Мавродин.* Указ. соч., стр. 142, 157.
[95] ПСРЛ, т. II, стб. 538.
[96] *В. Ляскоронский.* Указ. соч., стр. 258; *В. В. Мавродин.* Указ. соч., стр. 94.

* * *

Лишь немногие из городов, упоминаемых летописью, можно считать настоящими центрами ремесла и торговли. Остальные представляли собой мелкие административные центры, небольшие княжеские городки-крепости и феодальные замки.

Столица княжества — Переяславль (ныне районный центр Киевской области Переяслав-Хмельницкий) принадлежал к числу крупнейших русских городов. Он занимал мыс между р. Трубеж и устьем р. Альты и состоял из двух укрепленных частей: детинца, площадью около 10 га, располагавшегося на конце мыса, и посада, площадью около 80 га, примыкавшего с напольной стороны к детинцу.

Впервые Переяславль упоминается летописью под 907 г. в сообщении о договоре Олега с греками. Однако в другом месте летописец передает легенду, согласно которой Переяславль был основан Владимиром Святославичем в 993 г.[97] Археологическими исследованиями установлено, что древнейшие из сохранившихся укреплений Переяславля действительно относятся ко времени Владимира Святославича [98].

На детинце находилась резиденция князя и высшего духовенства. Епископский двор во второй половине XI в. был огражден каменной стеной с надвратной церковью Федора. Здесь же находились Михайловский собор, церковь Андрея у ворот и другие каменные сооружения. Археологическими раскопками открыты фундаменты Михайловского собора и остатки Епископских ворот с частью стены епископского двора [99]. На княжеском дворе стояла каменная церковь Богородицы, построенная Владимиром Мономахом в 1098 г.[100] Остатки этой церкви исследованы в 1958 г.

На посаде в разное время были сделаны находки, свидетельствующие о развитии в нем ремесла и торговли, открыты остатки мастерской по производству стекла. Здесь же находились упоминаемые летописью «Кузнечные ворота» [101]. Наряду с полуземляночными жилищами ремесленников на посаде исследованы остатки двух каменных церквей XI—XII вв.[102]

В 1239 г. Переяславль был разрушен татаро-монголами.

---

[97] ПВЛ, ч. I, стр. 24, 85.

[98] *П. А. Раппопорт.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.— МИА, № 52. М.— Л., 1956, стр. 82—87.

[99] ПВЛ, ч. I, стр. 137; *М. Каргер.* Памятники древнерусского зодчества в Переяславе-Хмельницком.— «Зодчество Украины». Киев, 1954, стр. 281—289; *Ю. С. Асеев, М. И. Сикорский, Р. А. Юра.* Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславе-Хмельницком.— СА, 1967, № 1, стр. 199—214.

[100] ПСРЛ, т. II, стб. 248.

[101] *М. І. Сікорський.* Археологічні розкопки в м. Переяслав-Хмельницькому.— «Наукові записки Переяслав-Хмельницького державного історичного музею», вып. 1. Переяслав-Хмельницький, 1959, стр. 30; ПСРЛ, т. II, стб. 381.

[102] *М. К. Каргер.* Указ. соч., стр. 281—289.

Разведывательные археологические обследования проводились на месте летописного Устья [103], при впадении Трубежа в Днепр, в 8 км от древнерусского детинца Переяславля. Установлено, что в XI—XIII вв. на возвышенном правом берегу Трубежа, в 0,5 км от его современного устья, напротив летописного Заруба существовало сравнительно большое поселение, площадью не менее 10 га [104]. На территории поселения имеется урочище «Городище» — песчаный бугор, деформированный весенними разливами Днепра. В размывах на «Городище» заметны следы пожарища. В культурном слое на всей площади поселения преобладают материалы XII—XIII вв., находки XI в. встречаются реже.

Устье Трубежа было удобным местом для стоянки торговых караванов, двигавшихся по Днепру. Только отсюда могли выходить в Днепр ладьи переяславских купцов. Это предположение подтверждается находками в Устье обломков византийских сосудов для перевозки вина и масла — амфор.

На противоположном берегу Трубежа, на возвышениях, вдоль озер также открыты остатки древнерусских поселений XII—XIII вв. и отчасти XI в. Найденные здесь бронзовые застежки от книг, крест-энколпион, железное стремя и другие вещи городского типа указывают на тесную связь этой территории с Переяславлем.

В 15 км к югу от Переяслава-Хмельницкого исследовались остатки крепости у с. Городища, находящиеся на песчаном возвышении в пойме Днепра [105]. Круглая земляная крепость диаметром 57 м защищена мощным валом с остатками рва с наружной стороны. В валу открыты три ряда дубовых срубов, заполненных песком. Два внешних ряда срубов первоначально выходили на поверхность, образуя в наземной части вала пустотелые клети. Крепость находилась на территории значительного по размерам поселения (свыше 15 га), занимавшего мыс между двумя озерами. Поселение существовало в XI в. В конце XI — начале XII в. оно было сожжено.

Крепость была основана в XI в., но уже после возникновения поселения. Возможно, что это городище является остатками летописного Песочна, находившегося южнее Переяславля [106]. В. Ляскоронский локализовал Песочен в нижнем течении Супоя [107], хотя там нет городища. Вероятность отождествления городища у с. Городища с летописным Песочном кроме лето-

---

[103] В летописи под 1096 и 1136 гг. отмечается, что половцы, воевавшие около Переяславля, «Устье пожгоша».— ПСРЛ, т. I, стб. 231, 303.

[104] *М. П. Кучера.* До питання про древньоруське місто Устя на р. Трубіж.— «Археологія», т. XXI. Київ, 1968, стр. 244—249.

[105] *М. П. Кучера.* Давньоруське городище біля с. Городище під Переяславом-Хмельницьким.— «Археологія», т. XXIV. Київ, 1970.

[106] ПСРЛ, т. II, стб. 555.

[107] *В. Ляскоронский.* Указ. соч., стр. 167.

писных сведений о его местоположении неподалеку от Переяславля, к югу от него, подтверждается названием «Песчанка», которым именуется часть современного с. Городища.

Хорошо укрепленным городом и крупным княжеским замком в северо-западном углу Переяславской земли был Остерский городок. От него сохранилось городище в с. Старогородка у г. Остра Черниговской области, на правом берегу р. Остер, недалеко от впадения его в Десну. Городище состоит из трех укрепленных частей. Основная часть — детинец занимает холм над поймой Остра. Со стороны, противоположной реке, к детинцу примыкают еще две части городища, укрепленные остатками земляных валов и рвов. Общая площадь Остерского городка составляла около 30 га. Из них детинец занимал около 0,75 га, вторая часть — 4,8 га, третья часть — около 25 га [108].

Летопись сообщает о постройке Остерского городка Владимиром Мономахом в 1098 г.: «Того же лета заложи Володимеръ Мономахъ город на Въстри» [109]. Не исключено, что Владимир Мономах лишь обновил и расширил укрепления городка. На углу детинца, со стороны поймы Остра, сохранились остатки небольшой каменной церкви Михаила — Остерской божницы, которая, судя по строительной технике конца XI в., была основана в 1098 г. Владимиром Мономахом [110].

Нахождение церкви на линии укреплений, проходивших по периметру детинца, свидетельствует об одновременном использовании ее в оборонительных целях. По летописным данным, верх этой церкви был нарублен деревом. Некоторые исследователи не без основания считают, что на верху церкви могла находиться прямоугольная срубная башня, возможно, с шатровой крышей [111].

Остерский городок в стратегическом отношении занимал важное место в Среднем Поднепровье, на пограничье Переяславской, Черниговской и Киевской земель. Обладание им позволяло влиять на политические события в трех главных центрах Южной Руси — Переяславле, Киеве и Чернигове. Не случайно Остерский городок занимал несколько обособленное положение по отношению к Переяславлю, временами становясь самостоятельным удельным владением.

В середине XII в., во время большой междукняжеской феодальной войны из-за Киева, Остерский городок неоднократно переходил из рук в руки, но чаще удерживался Юрием Долгоруким. В 1148 г. в Остерском городке происходило совещание

---

[108] *В. А. Богусевич.* Остерский городок.— «Краткие сообщения Института археологии АН УССР», вып. 12. Киев, 1962, стр. 39.
[109] ПСРЛ, т. II, стб. 248.
[110] *В. А. Богусевич.* Указ. соч., стр. 37.
[111] ПСРЛ, т. II, стб. 446; *В. А. Богусевич.* Указ. соч., стр. 39.

киевского князя Изяслава Мстиславича со своими союзниками, а в 1151 г., накануне похода на Киев, в нем совещался Юрий Долгорукий со своими союзниками. В 1152 г. укрепления городка были сожжены Изяславом Мстиславичем [112]. В 1194 г. владимиро-суздальский князь Всеволод Юрьевич, вступая в борьбу за Южную Русь, восстановил укрепления Остерского городка [113], являвшегося его вотчинным владением.

К пограничным городкам-крепостям Переяславской земли относится летописный Воинь, являвшийся одновременно транзитным пунктом во внешней торговле Руси с Югом. В летописях Воинь упоминается в связи с борьбой русских против кочевников. В 1054 г.[114] переяславский князь Всеволод Ярославич победил у Воиня торков. В 1110 г. к этому городу подступили половцы, в 1147 г. киевский князь Изяслав Мстиславич у Воиня заключил с половцами мир [115].

На месте древнего Воиня, на правом берегу Сулы близ впадения ее в Днепр, возле с. Воинская Гребля (затоплено водохранилищем Кременчугской ГЭС), производились археологические исследования [116]. Воинь занимал небольшое возвышение в пойме Сулы (площадью около 28 га). Остатки его укрепленной части — детинца состояли из городища на самом краю возвышения. Дугообразной формы вал городища одним концом вплотную подходил к Суле. В валу открыты остатки трех рядов дубовых срубов, из которых внутренний ряд оставался пустотелым и использовался под хозяйственные помещения, мастерские и отчасти под жилища. Особенностью городища является то, что оно охватывало своими укреплениями непригодную для заселения часть поймы на берегу Сулы. Кроме того, внутрь городища со стороны Сулы заходил искусственный ров, что также не характерно для обычных городищ. Это позволило предположить, что детинец Воиня был укрепленной гаванью, куда заходили или где формировались торговые караваны, отправлявшиеся по Днепру к югу. О торговом значении Воиня свидетельствуют найденные при раскопках весовые гири, византийские монеты конца X — начала XI в. и т. п.

В укреплениях детинца прослежено несколько строительных периодов, из которых первый относится ко второй половине X — началу XI в., что позволяет связывать основание Воиня со строительной деятельностью Владимира Святославича. Посад Воиня был защищен озерами и заболоченной поймой Сулы. На нем открыты остатки наземных и полуземляночных жилищ

---

[112] ПСРЛ, т. II, стб. 366, 423, 446.
[113] ПСРЛ, т. I, стб. 412.
[114] По Ипатьевской летописи — в 1055 г. (ПСРЛ, т. I, стб. 162; т. II, стб. 151).
[115] ПСРЛ, т. II, стб. 260; т. I, стб. 137.
[116] *В. И. Довженок, В. К. Гончаров, Р. О. Юра.* Давньоруське місто Воїнь. Київ, 1966.

XI—XII вв., найдены орудия ремесла (кузнечного, ювелирного и др.) и земледелия. После татаро-монгольского нашествия Воинь постепенно теряет значение, превращаясь в небольшое сельское поселение.

Представление о безымянных южных крепостях на территории Переяславской земли дают археологические раскопки, проведенные на городищах у бывшего хутора Миклашевского, в пойме Днепра, в 15 км выше устья Сулы [117], и у бывшего хутора Кизивер, на правом берегу Сулы, в 30 км от ее устья.

Миклашевское городище занимало небольшое округлое возвышение над озером в пойме левого берега Днепра [118]. Внутренний диаметр городища около 60 м. В его валу открыты остатки двух разновременных оборонительных сооружений. Во второй половине X — начале XI в. при сооружении крепости были поставлены по кругу в три ряда дубовые срубы, из которых один внешний ряд был заполнен насыпью вала, а два ряда срубов с внутренней стороны оставались пустотелыми и использовались для военно-хозяйственных нужд. В конце XI в. оба внутренних ряда срубных клетей были уничтожены пожаром; их остатки сохранились в обугленном состоянии под расползшейся песчаной насыпью вала. В начале XII в. с восстановлением укреплений на остатках сгоревших клетей, прикрытых слоем насыпи толщиной 1,5 м, были построены по внутреннему краю вала новые срубные клети, но уже в один ряд. В конце XII — начале XIII в. они также были уничтожены пожаром.

Посад, на краю которого находился описанный детинец, занимал площадь около 60 га и был защищен озерами и заболоченной поймой Днепра. На территории посада открыты полуземляночные жилища конца X — начала XIII в. и ямы с железными шлаками, указывающими на местную обработку железа. В культурном слое преобладают находки XI в. Имеются основания полагать, что после пожара в конце XI в. население на посаде уменьшилось и населенный пункт прекратил существование еще до татаро-монгольского нашествия.

Не исключено, что городище у хутора Миклашевского представляет собой остатки летописного Малотина, возле которого в 1140 г. киевский и переяславский князья заключили мир с половцами [119]. Исследователи считают, что Малотин был где-то около Сулы и Днепра, и поэтому В. Ляскоронский был склонен отождествлять его с упоминаемым в документах литовского времени городищем Климятин близ устья Сулы [120], местоположение которого, впрочем, неизвестно.

---

[117] Городище затоплено водами водохранилища Кременчугской ГЭС.
[118] *М. П. Кучера.* Древньоруське городище в х. Миклашевському.— «Археологія», т. XIV. Київ, 1962, стр. 89—108.
[119] ПСРЛ, т. II, стб. 308.
[120] *В. Ляскоронский.* Указ. соч., стр. 337—338.

Безымянная крепость у хутора Кизивера на Суле [121] находилась на мысе высокого правого берега реки и также имела округлую форму с внутренним диаметром около 50 м. С напольной стороны она была защищена двумя оборонительными линиями. Раскопками по краю мыса открыты в валу два ряда дубовых срубов, из которых внутренний ряд оставался пустотелым, а внешний на высоту вала был заполнен земляным грунтом. Во внешнем валу с напольной стороны находился один узкий ряд таких же срубов, заполненных насыпью вала. Эти укрепления были сооружены в конце X в., их деревянные части уничтожены пожаром не позже начала XII в. Через непродолжительное время на месте сгоревших по внутреннему периметру крепости помещений-клетей был досыпан вал без применения деревянных конструкций, а внешний вал с напольной стороны, также без применения деревянных конструкций, был расширен и надсыпан. В углу на площадке городища сохранилась яма диаметром в верхней части 20 м, являющаяся, очевидно, остатками резервуара для воды, необходимой защитникам на случай осады крепости.

Рядом с крепостью, прекратившей существование в первой половине XIII в., сохранились незначительные остатки размытых Сулой еще двух городищ. На одном из них открыта полуземляночная постройка XII—XIII вв., погибшая в пожаре. На неукрепленном посаде, насыщенном культурными остатками XI—XII вв., открыты остатки хозяйственной ямы с обугленными зернами ржи и пшеницы. Таким образом, этот безымянный населенный пункт испытывал, очевидно, неоднократные пожары.

* * *

Как указывалось выше, территория Переяславского княжества не совпадала с границами определенного племенного объединения догосударственного периода. Это княжество возникло на левобережье Днепра в пределах области, укрепленной великокняжеской властью в конце X в. и заселенной выходцами из различных племен. По сравнению с правобережьем Днепра, где южной укрепленной линией в конце X в. являлась р. Стугна, левобережный рубеж по р. Суле был выдвинут далеко на юго-восток. Это объясняется тем, что еще дальше в юго-восточном направлении простирались владения северян с укрепленными поселениями по рекам Пслу, Ворскле и Северному Донцу. Археологические исследования показывают, что значительная часть этих северянских укреплений была сожжена в конце X в. печенегами, однако подавляющее большинство из них было восста-

[121] *М. П. Кучера.* Древньоруські городища біля хутора Кизивер.— «Археологія», т. XVI. Київ, 1964, стр. 103—118.

новлено и существовало до XII—XIII вв. Естественно, что при создании левобережной оборонительной линии во времена Владимира Святославича существовала необходимость выдвинуть ее как можно дальше к юго-востоку, сомкнув осваиваемую территорию непосредственно с массивом северянских племен. Эта оборонительная линия по р. Суле стала впоследствии устойчивой границей Переяславского княжества со стороны степи.

В политическом отношении Переяславщина была тесно связана с Правобережной Киевщиной, образуя вместе с ней мощный оборонительный заслон против половцев.

Военно-стратегическое значение Переяславского княжества обусловило неравномерное размещение в нем укрепленных пунктов, сконцентрированных в основном в двух группах — юго-восточной по р. Суле и северо-западной в районе Переяславля, преимущественно в междуречье Трубежа и Днепра. Северо-западная группа укреплений, в которой сосредоточивались военные резервы и необходимые материальные ресурсы княжества, одновременно прикрывала подступы к Киеву.

НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ

А. В. Куза

Формирование и постепенный рост территории Древнерусского государства были предметом специального исследования, блестяще выполненного А. Н. Насоновым [1]. Благодаря этому теперь рельефно очерчены основные этапы процесса консолидации, а затем внутреннего деления государственной территории Руси на полусамостоятельные земли — княжества. Однако новые материалы, в частности добытые за последние 20 лет археологами, а также пересмотр уже известных свидетельств письменных источников позволяют в ряде случаев уточнить, а иногда и переосмыслить выводы А. Н. Насонова.

В настоящей работе речь пойдет о географии Новгородской земли, ее границах и центрах. Хронологические рамки статьи — от рубежа IX—X вв. вплоть до времени татаро-монгольского нашествия.

Нет нужды подчеркивать роль Новгорода в истории древней Руси. Своеобразие политического устройства, ярчайшие памятники духовной и материальной культуры, наконец, сравнительное обилие письменных источников постоянно привлекают внимание исследователей к бурной событиями жизни знаменитой феодальной республики русского средневековья. Тем не менее детальное и конкретное изучение путей образования древнего ядра Новгородской волости и последующего присоединения к нему других земель, освоенных новгородской данью, сопряжено с определенными трудностями. Ведь ни одному древнерусскому княжеству, кроме Новгорода, не удалось включить в орбиту своего влияния такие колоссальные пространства, раскинувшиеся от побережья Балтики на западе до отрогов Уральских гор на востоке. Как и когда новгородцы освоили эти территории Восточно-Европейского Севера, опираясь на существующие данные не всегда можно установить.

Обширный фактический материал дал право А. Н. Насонову утверждать, что «разноплеменная новгородская территория вы-

---

[1] *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

росла из племенной территории, послужившей ее основным ядром..,» «она росла веками, наиболее интенсивно... во второй половине XI в. и первые десятилетия XII в.» [2] В целом выводы исследователя не вызывают сомнений, но некоторые положения представляются спорными, не всегда соответствующими действительному ходу событий. Дело касается прежде всего первоначальной истории Новгородской земли, а также взаимоотношений Новгорода с югом (Киевом) и соседями. Эти проблемы в работе А. Н. Насонова затронуты мимоходом, но от того или иного решения многих из них зависит правильное понимание территориального расширения новгородских волостей, распространения системы погостов-становищ и проникновения новгородских даней в самые отдаленные места.

* * *

Как свидетельствуют древнейшие русские летописные своды и восточные (арабские) источники, сведения которых восходят к середине — второй половине IX в., в это время на территории будущей Новгородской земли сложилось одно из трех славянских государственных объединений, предшествовавших единому Древнерусскому государству. Центром этого формирования арабские географы называют Славу (Славию), созвучную племенному имени ильменских словен [3]. Летопись, напротив, сразу упоминает Новгород: «Словени же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сделаша градъ и нарекоша и Новъгород» [4]. Рассказывая о появлении у восточных славян племенных княжений, летописец вновь указывает на Новгород как на столицу княжения словен («словени свое в Новегороде») [5]. Из этого кажущегося несоответствия русских и восточных источников можно, по-видимому, извлечь данные о времени возникновения Новгорода. Однако в главном и те и другие сходятся: во второй половине IX — начале X в. в северной зоне расселения восточнославянских племен появилось раннегосударственное объединение во главе со словенами. Этот факт как будто подтверждается показаниями Константина Багрянородного, писавшего в середине X в. о «внешней Руси» с центром в Новгороде, лежавшей к северу от «Руси внутренней» — Русской земли [6].

Перечисленные свидетельства не позволяют установить ни территориальных пределов указанной области, ни ее соотноше-

---

[2] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 114—117.

[3] *А. П. Новосельцев.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв.— В кн. «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1965, стр. 416.

[4] ПВЛ, ч. I, стр. 11.

[5] Там же, стр. 13.

[6] *Константин Багрянородный.* Об управлении государством.— «Известия ГАИМК», вып. 91. М.—Л., 1934, стр. 8—10.

ния с Новгородской землей конца X и последующих веков. Территория расселения ильменских словен (по данным археологии) известна [7], но опять-таки не ясно, только она и вся ли она являлась искомым ядром первоначального Новгородского княжения.

Чтобы ответить на поставленный вопрос, обратимся вновь к летописи. Древнейшие сведения из вводной части Повести временных лет сообщаются легендой о призвании варягов. В тексте Начального свода конца XI в., предшествовавшего Повести и отчасти сохраненного Комиссионным и сходными с ним списками Новгородской I летописи младшего извода, эти данные впервые знакомили читателя с предысторией Новгородской земли [8]. После работ А. А. Шахматова, Д. С. Лихачева, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина северное, новгородское происхождение легенды о призвании князей не вызывает сомнений. По всей вероятности, она попала на страницы летописи не раньше середины XI в. [9] Последнее обстоятельство несколько затрудняет и без того сложный вопрос использования легенд и преданий в качестве исторических источников. Тенденциозный, политический характер помещения в летопись сказания о добровольном приглашении князей убедительно раскрыт русской и советской историографией. Но именно в нем, как уже говорилось, и есть интересующие нас известия.

Общим для всех вариантов предания является рассказ о том, как словене, кривичи, меря и чудь платили варягам дань, а затем изгнали их «и начаша владѣти сами собѣ» [10]. После разгоревшихся усобиц они вновь послали к варягам, приглашая последних к себе на княжение. Тогда-то на сцене и появились три брата — Рюрик, Трувор и Синеус, обосновавшиеся в Новгороде, Изборске и Белоозере. «Своевременная» смерть легендарных братьев «по двою лету» оставила Рюрика единственным властителем обширных территорий.

Таким образом, сказание подтверждает факт образования во второй половине IX в. на северной окраине славянского мира федерации разноязычных племен. Ее центром и устная, и летописная традиции считали Новгород. Однако источники не совсем единодушны в вопросе о племенах — участниках союза. Если словене и кривичи присутствуют во всех вариантах легенды постоянно, то относительно третьего [11] племени-федерата полной

---

[7] *Н. Н. Чернягин.* Длинные курганы и сопки.— МИА, № 6, 1941; *И. Н. Третьяков.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1965; *В. В. Седов.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, стр. 106, рис. 28; *он же.* Новгородские сопки.— САИ, Е1-8. М., 1970, и др.

[8] НПЛ, стр. 106.

[9] *Б. А. Рыбаков.* Древняя Русь. М., 1965, стр. 292—293.

[10] НПЛ, стр. 106, 433, 434, 513, 514; ПСРЛ, т. I, вып. I, изд. 2. Л., 1926, стб. 19—20; ПСРЛ, т. II, изд. 3. Пг., 1923, стб. 14—15.

[11] В том, что первоначально федерация состояла из трех племен, убеждает не только размещение варягов-братьев в трех центрах, но и последующие

уверенности нет. Им могли быть и меря, и чудь, и даже весь или мурома, упомянутые Повестью временных лет. Вероятно, в роли союзников словен и кривичей устное предание помнило чудь вообще, а не какое-нибудь конкретное племя. Впоследствии летописцы или их информаторы, пытаясь осмыслить давно минувшие события, руководствовались на этот счет своими соображениями. Важно лишь отметить, что речь, по-видимому, шла и о чуди северо-восточной (Белоозеро, весь, меря), а не только о западной (эсты).

Достаточно смутные припоминания о северной федерации IX в. подтверждаются и конкретизируются сообщениями более поздних лет. Те же племена отмечены в числе первых в войске Олега: и на пути в Киев (882 г.) [12], и во время похода на Константинополь (907 г.) [13]. Если в этих свидетельствах еще можно усмотреть влияние содержания легенды о Рюрике, то подозревать его в описании княжения Владимира нет оснований. Но именно тогда, во второй половине X в., уже знакомые нам племена вновь выступают вместе под эгидой Новгорода. Так, готовясь к борьбе против Полоцка и Киева, Владимир Святославич «собра воя многы, Варягы, Словене, Чюдь, Кривици» [14]. Состав войска новгородского князя тот же, что и у его предшественников. Мало того, обосновавшись на юге, он строит оборонительные рубежи и крепости по притокам Днепра — Десне, Трубежу, Суле и Стугне, куда «поча нарубати муже лучшие от Словень, и от Кривичь, и от Чюди, и от Вятичь» [15].

Исследователи обычно комментируют данную статью в духе организации Владимиром всенародного отпора печенегам. Однако этим не исчерпывается значение предпринятых князем действий. Новые города возводились исключительно в пределах древней «Русской земли», на территории расселения полян. Но Владимир посадил в них «лучших мужей» далеко не от всех славянских племен (нет дреговичей, древлян, радимичей и пр.), а только от словен, кривичей, чуди, т. е. из области своего первого княжения. Вывод очевиден: князь не только стремился защитить южное пограничье от разорительных набегов печенегов, но и укреплял свое собственное положение в завоеванном Киеве [16].

Разобранные сообщения летописи заставляют более пристально взглянуть на события 1014—1015 гг. В рассказе о конфликте

летописные известия, а также археологические наблюдения (*В. Л. Янин.* Новгородские посадники. М., 1962, стр. 370—375).

[12] ПВЛ, ч. I, стр. 20.

[13] Там же, стр. 23.

[14] НПЛ, стр. 125, 526; ПВЛ, ч. I, стр. 54.

[15] НПЛ, стр. 159, 551; ПВЛ, ч. I, стр. 83.

[16] Общее впечатление несколько нарушает присутствие в перечне вятичей. Они не были еще окончательно покорены даже в конце XI — начале XII в. Может быть, первоначально данная статья в летописи следовала за сообщением о двойной победе Владимира над вятичами. Тогда их участие в

Владимира с Ярославом есть интересные подробности. Летопись сообщает, что «Ярославу же сущу в Новѣгородѣ и урокомъ дающю дань Кыеву 2000 гривенъ от года до года, а тысящу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху; и тако даяху вьси князи новгородстии»[17]. Свидетельство о сборе новгородскими князьями со своих земель ежегодной дани в размере трех тысяч гривен прямо перекликается с количеством войск (боевых единиц) Ярослава, участвовавших в походе на Святополка: «И собра вои 4000: Варягъ бяшеть тысяща, а новгородцовъ 3000»[18]. Итак, можно полагать, что в начале XI столетия Новгородская земля в военно-административном отношении делилась на три тысячи: каждая тысяча платила дань в тысячу гривен и выставляла одну тысячу войска. Ссылка же «и тако даяху вьси князи новгородстии» отодвигает возникновение этих порядков по крайней мере к середине X в. Не совсем ясное, но общее для большинства летописей сообщение под 882 г. об установлении Олегом дани с Новгорода в размере 300 гривен еще более удревняет сделанные наблюдения[19].

Весь комплекс исследованных известий проливает свет на ранние этапы новгородской истории. Источники свидетельствуют, что первичная федерация словен, кривичей и чуди не распалась со временем, а органически влилась в состав Древнерусского государства. Она вновь обнаруживает себя в трехчастном племенном членении войска первых новгородских князей. Ту же устойчивую структуру отражают три тысячи воинов — новгородцев Ярослава Мудрого. Отсюда логично предположить, что эти три тысячи Новгородской земли рубежа X—XI вв. были не чем иным, как племенными территориями племен-федератов. Таким образом, Новгородское княжество и территориально и политически сформировалось отнюдь не случайно. Этому предшествовал длительный путь совместного развития словен, кривичей и чуди.

Теперь, чтобы с помощью археологических данных уточнить первоначальные границы Новгородского княжения, необходимо

борьбе с печенегами, по мнению летописца, свидетельствовало бы об их полном присоединении к Руси. Ведь не только выплата дани, но и обязательство оказывать военную помощь было непременным условием такого акта.

Летопись еще раз под 997 г. упоминает об уходе Владимира в Новгород «по верховьние вое на Печенегы» (ПВЛ, ч. I, стр. 87). Д. С. Лихачев ставит здесь вопрос: зачем князь отправился за войском так далеко? (ПВЛ, ч. II, стр. 351). Причины, надо думать, были все те же: в первые десятилетия своего правления в Киеве Владимир по-прежнему опирался на военную поддержку Севера.

[17] НПЛ, стр. 168, 554; ПВЛ, ч. I, стр. 88—89.

[18] НПЛ, стр. 175. Новгородская I летопись дает здесь более древнее чтение, чем Повесть временных лет (ПВЛ, ч. II, стр. 362).

[19] НПЛ, стр. 107, 514; ПВЛ, ч. I, стр. 20 (см. также комментарий: ПВЛ, ч. II, стр. 253—254).

более конкретно определить этническую принадлежность участников древнего союза. Среди них словене, упомянутые всеми источниками, не вызывают никаких сомнений. Ареал их расселения охватывал бассейн озера Ильмень, а также верховья рек Луги, Плюссы и Мологи [20].

Относительно кривичей можно смело утверждать, что, по всей вероятности, имелась в виду псковская группа этих племен. Об этом говорит не только многократно зафиксированная теснейшая связь Новгорода и Пскова. Во-первых, легенда водворяет Трувора в Изборске, расположенном на территории псковских кривичей. Во-вторых, по пути в Киев Олег, в войске которого были кривичи, захватывает Смоленск — центр смоленской группы кривичей [21]. Наконец, Владимир Святославич в бытность свою новгородским князем вместе с частью кривичей напал на Полоцк — центр полоцкой группы кривичей [22].

Исторически сложившееся деление кривичей на три ветви в процессе их расселения на территории Восточной Европы прослежено В. В. Седовым по археологическим данным [23]. Область расселения псковской части этих племен занимала бассейн р. Великой, побережье Псковского озера и верховья Западной Двины. Но в IX—X вв. и позднее смоленско-полоцкие кривичи продвигаются в верховья рек Великой и Ловати к берегам озера Селигер и на верхнюю Волгу, несколько оттесняя своих псковских соплеменников [24].

Труднее решить вопрос о третьем участнике федерации: слишком запутанны и противоречивы здесь показания источников. Его племенное имя скрыто в предании под общим термином «чудь» [25]. Если следовать смыслу легенды, поместившей Синеуса на Белом озере, то искомым чудским племенем была обитавшая там весь. Такого этнонима древнейшие новгородские летописи не знают. Не встречается он и в Начальном своде (Новгородская I летопись младшего извода). Объясняется это, по-видимому, тем, что новгородцы причисляли весь к чудским (западнофинским) племенам (ср. чудь заволочская). Но уже в Повести временных лет по Ипатьевскому и сходному с ним спискам, а также в Тверской, Троицкой и некоторых других

---

[20] *В. В. Седов.* Славяне и племена юго-восточного региона Балтийского моря.— «Тезисы докладов Советской делегации на II Международном конгрессе славянской археологии в Берлине». М., 1970, стр. 44; *он же.* Новгородские сопки, стр. 9.

[21] НПЛ, стр. 107, 514; ПВЛ, ч. I, стр. 20.

[22] НПЛ, стр. 125, 526; ПВЛ, ч. I, стр. 54.

[23] *В. В. Седов.* Кривичи.— СА, № 1, 1960.

[24] *В. В. Седов.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 109—124.

[25] Сложность решения этой проблемы усугубляется сообщением Новгородской I летописи младшего извода, прямо именующим третьего федерата мерью (НПЛ, стр. 106—107, 433—434, 513—514). Отсюда некоторые исследователи делают вывод, что меря действительно входила в союз северных племен, участвовала в основании Новгорода и оставила след в мест-

летописях весь упоминается в числе войск Олега [26]. Автор Повести хорошо знал, что весь живет в окрестностях Белоозера, о чем и сообщил в вводной части своего труда. Сопоставив данный факт с местом княжения Синеуса, он логично включил весь в круг племен, подвластных первым новгородским князьям.

Однако отсутствие в источниках бесспорных известий и некоторые иные соображения не дают права безоговорочно отдать предпочтение веси. Ведь район Белоозера уже в середине XI в. был прочно связан с Ростовской землей, а не с Новгородом. Мало того, в самом Белоозере до сих пор не найдено культурных напластований IX в. [27]

Сомнения рассеиваются при более близком знакомстве с фактическим материалом. Племена веси (принадлежавшей к западнофинским народам) по археологическим, лингвистическим и этнографическим наблюдениям занимали обширные пространства от Южного Приладожья до Белого озера и далее на восток [28].

ной топонимике: озеро Илмер и Неревский (Мересвский) конец (*М. Х. Алешковский.* Повесть временных лет. М., 1971, прим. 2 к главе 6, стр. 124—125). Однако, не предпринимая здесь специального исследования, отметим несколько обстоятельств, с точки зрения автора исключающих столь некритическое толкование источников. Во-первых, нигде, кроме статей, текстуально связанных с легендой о призвании варягов, НПЛ не упоминает мерю. Ее место в других источниках, как отмечалось выше, прочно занимает чудь. Во-вторых, археологические данные противоречат каким-либо попыткам разместить мерь (или часть племен мери) в бассейне озера Ильмень. Поэтому привлечение в качестве доказательства не слишком точных этимологических параллелей выглядит малоубедительным. С другой стороны, появление мери в одном из вариантов предания в числе главных участников событий, конечно, не случайно. Думается, это произошло около середины XI в., когда легенда о призвании варягов, по мнению многих ученых, впервые попала на страницы летописи. Ведь Ярослав Мудрый сначала княжил в Ростове, откуда перешел в Новгород. В интересах его борьбы с братьями за киевский стол было изобразить область своего первого княжения среди инициаторов «приглашения» князей и их последующего утверждения в Киеве.

Впоследствии другие летописцы исправили текст предания, вероятно, согласно и устной традиции, и историческим фактам.

[26] ПСРЛ, т. II, стб. 17; ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стб. 32 и др. В Лаврентьевской летописи (ПСРЛ, т. I, стб. 24) поставлено вместо «весь, кривичи» «и все кривичи», аналогично известию о сборе варягами дани под 859 г. (стб. 19). Здесь, по-видимому, наблюдается правка текста позднейшим летописцем (*А. А. Шахматов.* Повесть временных лет, т. I. Вводная часть, текст. Примечания.— ЛЗАК, вып. XXIX. Пг., 1917, стр. 19 и сл.).

[27] *Л. А. Голубева.* Древнее Белоозеро.— «Тезисы докладов советской делегации на II международном конгрессе славянской археологии в Берлине», стр. 15; *она же.* Весь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М., 1973, стр. 79—83.

[28] *Я. В. Станкевич.* Курганы Юго-Восточного Приладожья и Карело-Финской ССР. Археологический сборник. Петрозаводск, 1957; *Л. А. Голубева.* Археологические памятники веси на Белом озере.— СА, № 3, 1962; *В. В. Пименов.* Весь. М.— Л., 1965; *С. И. Кочкуркина.* Оятские могильники X—XI вв.— СА, № 2, 1968, и др. Подробную библиографию вопроса и исчерпывающую аргументацию см. в книге Л. А. Голубевой «Весь и славяне на Белом озере. X—XIII вв.»

Их земли непосредственно граничили с областью словен новгородских. Исследователи не без оснований полагают, что территория веси до прихода на северо-запад славян достигала на западе восточного берега озера Ильмень и р. Мсты [29]. Археологические находки не противоречат этому выводу. В погребальных памятниках ильменских словен (VII—IX вв.) — высоких курганах-сопках встречаются каменные сооружения: площадки и груды валунов, а также ритуальные захоронения костей животных, восходящие к прибалтийско-финской традиции [30]. Таким образом, сопки содержат многочисленные элементы прибалтийско-финского происхождения и указывают на существование длительных и тесных славяно-финских контактов. Изложенные выше данные свидетельствуют о вполне вероятном вхождении веси в федерацию словен и кривичей. Но как быть с отмеченными ранее противоречиями? Они отпадут, если признать, что весь, в первую очередь западная, была активным участником союза [31].

Область ее расселения в X—XIII вв. достаточно хорошо известна по раскопкам курганных могильников в Юго-Восточном Приладожье. Территориально она охватывала бассейн рек Сяси, Паши, Ояти и Свири и, по-видимому, нижнее течение реки Волхова [32]. В ее культуре прослеживаются заметные отличия от материальной культуры родственных карел и живших западнее вои и ижоры [33]. Зато вполне ощутимы черты сходства с памятниками Белозерья [34]. Своеобразный колорит курганным древностям очерченного района придает наличие здесь скандинавской и славянской этнической примеси, что также служит существенным аргументом в пользу высказанного предположения [35].

Важнейшими центрами западной веси Я. В. Станкевич считала древние поселения в устье р. Сяси и в Старой Ладоге [36].

---

[29] *Д. В. Бубрих.* Историческая фонетика финского — суоми языка. Советское финно-угроведение, т. VIII. Петрозаводск, 1948; *В. В. Пименов.* Указ. соч.

[30] *В. В. Седов.* Славяне и племена юго-восточного региона Балтийского моря..., стр. 44; *он же.* Новгородские сопки.

[31] Высказанные соображения не исключают, конечно, возможности участия в федерации и некоторых эстонских племен, также подвергавшихся набегам варягов и живших в соседстве с псковскими кривичами; ср. *Я. Зутис.* Русско-эстонские отношения в IX—XIV вв.— «Историк-марксист», 1940, № 3, стр. 40.

[32] *С. И. Кочкуркина.* Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973.

[33] *В. В. Пименов.* К вопросу о карельско-вепсских культурных связях.— СЭ, № 5, 1960; *С. И. Кочкуркина.* Указ. соч., стр. 56—57.

[34] *Л. А. Голубева.* Весь и славяне..., стр. 21—49.

[35] *В. В. Седов.* Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода.— КСИА, 1952, вып. XV; *М. В. Витов.* Антропологические данные как источник по колонизации русского Севера.— «История СССР», № 6, 1964; *С. И. Кочкуркина.* Указ. соч., стр. 56—60.

[36] *Я. В. Станкевич.* Хронологическая классификация погребений Юго-Восточного Приладожья. Рукопись.— Архив ЛОИА АН СССР, д. 5; см. также: *В. В. Седов.* Новгородские сопки, стр. 32—33.

Последнее обстоятельство имеет важное значение для определенного суждения о роли веси в исследуемых событиях. Ладога постоянно привлекает к себе внимание историков. Здесь найдено несколько богатых кладов восточных и западноевропейских монет. Начальные этапы ее существования относятся к VIII в., а может быть, и к VII в.[37] Раскопки 50-х годов позволили Г. Ф. Корзухиной с достаточно вескими основаниями предположить, что первые укрепления в Ладоге возникли на рубеже X в. в связи с увеличением здесь славянского населения[38]. Но даже если славяне и раньше жили в Ладоге, никто сейчас не отрицает одновременного присутствия там большого числа угро-финнов[39].

В основных вариантах легенды о призвании князей (Новгородская I летопись и Лаврентьевская летопись) Ладога не упомянута: Рюрик с варягами прибывает непосредственно в Новгород (в Лаврентьевской летописи здесь пропуск). Иначе об этом сообщает Ипатьевская летопись, лучше отразившая последнюю редакцию Повести временных лет: «...и придоша къ Словѣномъ пѣрвѣе, и срубиша город Ладогу, и сѣде старѣишии в Ладозѣ Рюрикъ»[40]. Исправление Новгорода на Ладогу объясняется сведениями, полученными летописцем от ладожан, помнивших о былом приоритете их города[41]. О немаловажной роли Ладоги сообщает и Начальный свод под 922 г., когда Олег после победоносного похода на Царьград ушел в Ладогу, а по другим сведениям — даже умер там[42].

Эти свидетельства приоткрывают завесу над былым значением древнего центра, уступившего впоследствии пальму первенства быстро возвысившемуся Новгороду.

А. Н. Насонов вполне справедливо считал район Юго-Восточного Приладожья естественным продолжением поволховской (ладожской) территории[43]. Однако его присоединение к новгородским владениям он относил к середине XI в.[44] Думается все же, что это произошло значительно раньше. Указанные земли издревле тяготели к Ладоге и в этническом и в экономическом плане. Культура приладожских курганов с их дружинными погребениями, захоронениями скандинавов находит ближайшие параллели в Ладоге и ее окрестностях.

Любопытным свидетельством тесных связей Обонежья с Русью является обнаруженная С. В. Киселевым на ременной

---

[37] *В. И. Равдоникас.* Старая Ладога.— СА, XII, 1950.
[38] *Г. Ф. Корзухина.* О времени появления укрепленного поселения в Ладоге.— СА, № 3, 1961.
[39] *П. Н. Третьяков.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970, стр. 148—149.
[40] ПСРЛ, т. II, стб. 15.
[41] ПВЛ, ч. II, стр. 244—245.
[42] НПЛ, стр. 109, 435, 515.
[43] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 74.
[44] Там же.

бляшке, найденной в одном из приладожских курганов, родовая тамга Рюриковичей [45]. Следовательно, княжеские дружинники жили здесь уже в это время. Отсюда и объединение приволховских земель с Обонежьем в общий судебный округ (Обонежский суд), известное по откупной Обонежской грамоте 1434 г.[46],— явление не позднего порядка, как представлялось А. Н. Насонову [47], а древняя традиция. Ее следы, по-видимому, обнаруживаются в докончальных грамотах Новгорода с князьями. В отработанном формуляре грамот среди прочих условий обычно стоит: «А в Ладогу, княже, ездити на третие лето» [48]. Подобная фраза опущена лишь однажды в договорной грамоте 1266 г. с великим князем Ярославом Ярославичем [49]. Однако в ней сказано, что предшественник Ярослава князь Дмитрий Александрович с новгородцами освободил обонежан на три года от суда. Сопоставление этих двух фактов и указывает на тесную связь Ладоги и Обонежья в судебно-податном отношении по крайней мере уже в 60-х годах XIII в.

Важным для окончательного суждения о составе древней Новгородской земли является описание событий 30-х годов XII в. Этот период был временем больших перемен в жизни Новгорода, завершившихся изгнанием князя Всеволода Мстиславича. В 1132 г. Всеволод пытался обосноваться в Переяславле-Русском, но был выбит оттуда дядьми — Юрием и Андреем, после чего он вновь возвратился в Новгород. Дальше летописец сообщает: «...и бысть въстань велика въ людьхъ; и придоша пльсковици и ладожане Новугороду, и выгониша князя Всеволода из города» [50]. Окончательный разрыв произошел в 1136 г.: «Индикта лета 14 новгородьци призваша пльсковиче и ладожаны и сдумаша, яко изгонити князя своего Всеволода» [51].

Таким образом, в переломный момент новгородской истории решение дальнейшей судьбы княжества принадлежало представителям его трех главных центров — Новгорода, Пскова и Ладоги. О связи этих городов с определенными округами речь шла выше. Не вызывает удивления, что новгородцы, ладожане и псковичи (здесь разумеется, конечно, местная феодальная знать) в новых условиях быстро развивавшихся на Руси феодальных отношений заменили архаичные для данного времени этнические термины.

---

[45] *Б. А. Рыбаков.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.— СА, VI, 1940, стр. 240—241, рис. 39, 40. Б. А. Рыбаков предположительно отнес этот знак к Ярославу Мудрому. Однако наибольшее сходство он имеет с тамгой Владимира Святославича, известной по сребреникам этого князя, кирпичам Десятинной церкви, подвескам и пр.

[46] ГВНП, стр. 149.

[47] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 74, 95.

[48] ГВНП, № 1, стр. 10; № 3, стр. 12; № 6, стр. 15; № 7, стр. 17 и др.

[49] Там же, № 2, стр. 11.

[50] НПЛ, стр. 22—23, 207.

[51] Там же, стр. 24, 209.

Наблюдения над племенным членением войска первых новгородских князей на протяжении X—XI вв., отразившим территориальный состав самой Новгородской земли, связывают в одну цепь отмеченные свидетельства. Древнее ядро Новгородской волости сложилось на базе союза словен, псковских кривичей и чуди очевидно не позднее рубежа X в. Конечно, этот процесс нельзя понимать как окончательную кристаллизацию государственной территории Новгорода. Консолидация новгородских земель, распространение по ним суда и дани продолжались и значительное время спустя. Но на первом этапе военно-политический союз словен, кривичей и чуди подготовил почву для феодализации охваченных им земель, создал их устойчивые связи с нарождающимися административно-экономическими центрами.

Границы этого образования можно наносить на карту, пользуясь главным образом археологическими данными. На юге они проходили по водоразделам бассейнов Псковского и Ильмень-озера с Западной Двиной и верхней Волгой; на востоке захватывали верховья Мологи, западные скаты Вепсской возвышенности, частично южный и западный берега Онежского озера; на севере они доходили до Олонца, шли южным берегом Ладожского озера, но не достигали побережья Финского залива; на западе рубежом, вероятно, служили земли, прилегавшие к Чудскому и Псковскому озерам, а далее он шел по лево́бережью р. Великой.

Письменные источники X — начала XI в. такой картины нам дать не могут, но имеющиеся в них сведения ей ничуть не противоречат. Летопись четко отделяет Смоленск и Полоцк от изначальных владений новгородских князей того времени. Территории, занятые водью, также не были освоены, поскольку водь вместе с Всеславом Полоцким еще в 1069 г. нападала на Новгород [52]. Земли эстонской чуди именно с XI в. прочно вошли в сферу влияния русских князей [53].

Данных для реконструкции восточных и юго-восточных границ древнего Новгородского княжения в летописи мало. Однако появление в Ростове княжеского стола при Владимире [54], а также именование суздальских земель «той страной» в эпизоде с восстанием волхвов 1024 г. по отношению к Ярославу, шедшему из Новгорода [55], дают основания отделить эти области от новгородских владений X в.

Некоторые немаловажные подробности можно извлечь и из описания в Повести временных лет событий, последовавших за вокняжением Рюрика в Новгороде, хотя на нем и сказались

---

[52] НПЛ, стр. 17.
[53] ПВЛ, ч. 1, стр. 101.
[54] НПЛ, стр. 159, 551; ПВЛ, ч. 1, стр. 83.
[55] ПВЛ, ч. 1, стр. 99.

представления летописца конца XI — начала XII в. По смерти легендарных братьев «прия власть Рюрикъ, и раздавая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Белоозеро»[56]. Следовательно, освободившийся стол в Белоозере получает кто-то из мужей. Логично ждать и нового властителя в Изборске, но его нет. По-видимому, единство бывших земель племен-федератов под верховенством Новгорода к XII в. ни у кого не вызывало сомнений. Не в этом ли кроется причина странного размещения братьев Рюрика?[57] Интерпретатор устного предания старался соблюсти видимость правдоподобия, но не мог нарушить историческую реальность своего времени. Так, вместо Пскова появился Изборск, расположенный на окраине кривичских земель. Ладогу заменило Белоозеро, тоже центр веси, но веси восточной. Ведь Ладога и Псков уже в XI в. были слишком прочно связаны с Новгородом, чтобы отрывать их друг от друга. Но и Изборск входил в число исконных владений новгородского князя. Поэтому вновь нарушить территориальную целостность главной «власти» Рюрика, не подвергая опасности идею ее единства, летописец не мог, а не входившее в нее Белоозеро получило очередного владетеля.

Если высказанные соображения справедливы, то они возвращают нас к мысли о формировании основного ядра Новгородской земли в очерченных границах. С географической точки зрения это вполне оправданно. Указанные территории группируются компактной областью вокруг озера Ильмень. Его разветвленная водная система связывает воедино все составные части древнего княжения. Удобные речные пути с выходами к Балтийскому морю, волоками в Западную Двину, Днепр и Волгу сыграли, надо полагать, не последнюю роль в экономическом развитии новгородских земель и их последующей политической консолидации. Нумизматические данные хорошо аргументируют этот вывод.

Куфические монетные клады появились здесь уже в конце VIII — первой трети IX в.[58] Их количество увеличивается к началу X в. и становится очень значительным на протяжении этого столетия, к концу которого восточное серебро (при сокращении его вывоза) почти полностью поглощается денежным об-

---

[56] Там же, стр. 18.

[57] Древние местные (изборские, новгородские, белозерские) предания, якобы послужившие причиной размещения там князей — варягов (см. ПВЛ, ч. II, стр. 236—237), представляются более чем сомнительными. Скорее наоборот, летописный рассказ нашел впоследствии отражение в народных легендах, на что указывали многие археологи (Л. А. Спицын, А. В. Арциховский, Г. П. Гроздилов). Об этом же говорят многочисленные «могилы» Рюрика, известные по всей Новгородской земле, а также поздняя «могила» Трувора с крестом в Изборске и естественный холм — «могила» Синеуса в Белозерске.

[58] *В. Л. Янин.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, стр. 86—100, карта на стр. 86.

ращением на территории расселения новгородцев, кривичей и в Восточной Прибалтике [59]. Сведения о распространении на Руси в XI в. западноевропейского денария также выделяют новгородские земли в зону его активного проникновения [60]. Более того, ареал распространения денария почти полностью совпадает с ареалом распространения дирхема в заключительный период обращения последнего [61]. В. Л. Янин отмечает в связи с этим, что «закономерности, преградившие денарию путь в южнорусские земли, начинают действовать не с проникновением больших масс западноевропейской монеты в русское денежное обращение, а задолго до этого — еще в 960-х гг.» [62] И если по последним данным денарий все же имел хождение на юге, то простое сравнение количества кладов и отдельных находок утверждает абсолютный приоритет Новгорода. Так, на территории самой Новгородской земли и северных областей, находившихся под ее влиянием, зафиксировано 45 кладов и 83 отдельные находки монет против 39 и 80 во всех остальных русских княжествах, включая и соседние с ними земли [63].

Все это дает основание видеть в специфике районирования находок как восточных, так и западноевропейских монет не только причины экономического характера, но и определенные политические условия [64]. О том же говорит и сложение особой северной денежно-весовой системы в середине X в., отличной от южнорусской [65]. Иными словами, на севере Руси уже в X в. территориально оформилось государственное образование — Новгородское княжество, которое активно влияло на распространение и ввоз серебра, поступавшего с востока волжским путем через Булгар, а затем и с запада через Балтийское море. Начало отмеченного процесса можно отнести к середине — второй половине IX в., когда в трудах арабских географов и путешественников появляются сведения об области-княжении Славии, локализуемой большинством исследователей в землях новгородских славян.

В источниках сохранились свидетельства, подтверждающие эти наблюдения. Исследователи не раз обращались к «Уставу» князя Святослава Ольговича, данному им в 1137 г. новгородской епископии [66]. В приписке к основному тексту памятника,

---

[59] *В. Л. Янин.* Денежно-весовые системы..., стр. 100—140, карты на стр. 102, 120, 131.

[60] *В. М. Потин.* Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968, стр. 47.

[61] *В. Л. Янин.* Денежно-весовые системы..., стр. 154.

[62] Там же, стр. 155.

[63] *В. М. Потин.* Указ. соч., стр. 47, карта 33 на стр. 230.

[64] *С. С. Ширинский.* Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства.— В сб. «Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма». М., 1970.

[65] *В. Л. Янин.* Денежно-весовые системы..., стр. 150—152.

[66] *М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина.* Два памятника новгородской письменности. М., 1952, стр. 19—21.

теперь датируемой XIII в.[67], перечислены доходы владыки с территорий Обонежья и Бежецкого верха, особых судебно-податных районов. А. Н. Насонов убедительно показал, что Обонежский округ как административно-территориальная единица должен был уже существовать к разверстке 1137 г.[68] Он охватывал «верхнее течение Сяси и восточную сторону нижнего ее течения, течения Паши и Ояти начиная с верховьев и междуречье Паши и Капши, места к северу от нижнего течения Ояти, течение Свири до территории будущего Остреченского погоста, район Олонца и места, прилегающие к Юксовскому озеру»[69]. Перечисленные земли вполне соответствуют области распространения этнически смешанной, но преимущественно весской, культуре курганов Юго-Восточного Приладожья. О частичном размещении здесь третьего участника федерации северных племен — чуди (веси) говорилось выше.

Устойчивый характер территориального объединения Обонежья подтверждается откупной грамотой 1434 г. на «обоницкыи» суд, в которой отмечены те же районы[70]. Однако сколь древней является эта структура? А. Н. Насонов специально не касался вопроса происхождения и времени приписок к «Уставу» Святослава. В. Л. Янин, наоборот, уделил ему много внимания[71]. Исследователь привлек данные сохранившихся договоров Новгорода с князьями, прежде всего с Ярославом Ярославичем (1266 г.), и пришел к выводу, что приписки об Обонежском и Бежецком рядах имели юридическую силу тогда, когда уже сама грамота 1137 г. утратила свое значение. Следовательно, они были составлены позднее. «Возникновение особого статуса этих территорий,— пишет В. Л. Янин,— было результатом изъятия из юрисдикции князя суда в новгородских волостях, в частности суда на тех землях, которые перечисляются в грамоте Святослава»[72]. Тождество последних с Онегой, откуда поступает епископу 100 гривен новых кун за десятину от вир и продаж, ему удалось доказать[73]. Этим устраняется различие мнений: Онега — территория Обонежского ряда (А. Н. Насонов) или Онега — земли бассейна рек Онежского озера и восточнее озера до реки Онеги (Я. Н. Щапов).

Принимая в целом выводы В. Л. Янина, необходимо более детально рассмотреть датировку и смысл исследуемых докумен-

---

[67] ПРП, вып. 2, стр. 120; *Я. Н. Щапов.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси в XI—XIV вв. М., 1972, стр. 164; *В. Л. Янин.* Грамота князя Святослава Ольговича 1137 г.— В сб. «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе». М., 1972, стр. 243—251.

[68] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 74.

[69] Там же, стр. 99.

[70] ГВНП, № 93, стр. 149.

[71] *В. Л. Янин.* Грамота князя Святослава Ольговича..

[72] Там же, стр. 250—251.

[73] Там же, стр. 247—248.

тов. Я. Н. Щапов уверенно связывает постановления об Обонежском и Бежецком рядах с деятельностью князя Дмитрия Александровича (1263 и 1264 гг.), когда он вместе с новгородцами освободил обонежан и бежечан на три года от суда[74]. Согласиться с этим трудно. Ведь уже в древнейших из дошедших до нас договорах Новгорода с князьями Бежичи поименованы в числе «новгородских волостей», куда князю доступа нет. Более того, наряду с Бежичами там указана волость Городец, которая в приписке о Бежецком ряде еще объединена с первой. Таким образом, стандартный формуляр договорных грамот отражает новый этап в административном устройстве новгородских земель по сравнению с содержанием приписки о Бежецком верхе.

Подтверждением сказанному служат наблюдения над конструкцией текста Обонежского ряда. В нем после перечисления сумм сборов в 11 пунктах записано: «В поезде от всее земли владыце 10 гривен, а попу две гривны». Затем прибавлено: «У Липсуевичь пол гривны, у Тоивота гривна, в Липне пол гривны». Последняя фраза нарушает логическую стройность документа и поэтому выглядит дополнением к первоначальному тексту.

Если подсчитать общую сумму поступлений епископу с первых 11 мест — 22,5 гривны[75] и сравнить ее с количеством сборов по Бежецкому верху — 21 гривна (1 волжская) и 16 кун[76], получаем почти полное равенство (294,3 г серебра и 288,7 г серебра). Надо полагать, и в этом В. Л. Янин абсолютно прав, что в момент изъятия из-под юрисдикции князя части новгородских земель была пересмотрена и система обеспечения епископа. Взамен прежних поступлений ему предоставлялись приблизительно равновеликие сборы (дани) с двух территорий — Обонежья и Бежецкого верха. Однако лишь в первом случае пожалование шло за счет князя. Ведь помимо прочего владыке там полагалось еще 10 гривен «в поезде от всее земли», т. е. во время личного объезда. По сути своей эта подать тождественна княжескому «полюдью даровному» или заменившему его «дару».

Исследователи, полагающие, что в результате реформы, лишившей князя судопроизводства и части других доходов в нов-

---

[74] *Я. Н. Щапов.* Княжеские уставы..., стр. 164.

[75] При подсчёте использованы данные Егоровского списка грамоты Святослава (*Я. Н. Щапов.* Новый список Новгородского Устава князя Святослава Ольговича (из собрания Е. Е. Егорова).— «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 26. М., 1963, стр. 398), где отмечено, что в Юсколе брали 10, а не 3 гривны. О правильности некоторых других чтений Егоровского списка будет сказано ниже. Путаница в определении сбора в Юсколе могла произойти из-за нечеткого написания в первоисточнике цифры 10 — «I», принятой потом за 3 — «Г».

[76] По нашему мнению, указание на получение в Рыбаньске волжской (низовской) гривны свидетельствует, что под другими гривнами подразумевались новгородские. В ином случае такое примечание теряет смысл.

городских волостях, его потери были компенсированы неограниченным правом суда в Обонежье и Бежичах, ошибаются. Докончания второй половины XIII в. Новгорода с князьями недвусмысленно утверждают: «А се, княже, волости новгородьскые: Волокъ съ всеми волостьми, Торжекъ, Бежиче, Городець Палиць...», запрещают держать их княжескими мужами, только дар с них оставался в руках князя: «...а даръ, княже, тобе имати от техъ волостии».

Теперь ясно, почему в Обонежье епископ получил дани в полном объеме, а в Бежичах нет. Дар с последних (аналогично другим волостям) предоставлялся Новгородом князю, а дани — епископии. Источники обеспечения епископии в Обонежье и Бежичах различны — князь и новгородское вече.

В свете этих наблюдений несколько иначе выглядят детали проведенной в Новгороде реформы. Князь был лишен основных доходов и права суда не только в отдаленных волостях, но и на всей территории Бежецкого верха. Зато он получил в полную собственность (без посадника) обонежский суд (зафиксировано и откупной грамотой 1434 г.) и дани с Обонежья (переданы целиком владыке). Другая часть церковной десятины шла уже от Новгорода (бежецкие дани). Следовательно, отчисления с княжеских доходов в пользу новгородской епископии были значительно уменьшены. Нельзя не заметить также, что по отношению к Обонежью и Бежичам действовала особая система взаимных договоров между князем, вечем и владыкой.

Находим в источниках подтверждение данному выводу. В договоре князя Ярослава Ярославича с Новгородом (1266 г.) оговаривается, что «судъ, княже, отдалъ Дмитрии съ новгородци бежичяномъ и обонижаномъ на 3 лѣта, судье не слати» [77]. Если бы суд там принадлежал исключительно князю, не было бы необходимости в упоминании новгородцев, отсутствующем в известной откупной грамоте 1434 г., на один «обонискыи» суд [78]. Значит, в случае с князем Дмитрием обе верховные власти Новгорода (князь — вече) взаимно освобождают обонижан и бежичан на три года от суда, не нарушая сложившегося равновесия. Таким образом, Обонежье и Бежецкий верх находились в более сложных отношениях с центральной администрацией, чем прочие волости, зависимые от Новгорода. Здесь и права князя, и права населения регулировались иначе.

Относительно датировки приписок к грамоте Святослава 1137 г. следует иметь в виду несколько обстоятельств. Во-первых, они вряд ли были продуктом политических событий 60-х годов XIII в., так как докончания Новгорода с князьями этого времени уже разделяют Бежецкий верх (по крайней мере!) на две волости. Во-вторых, в самом тексте Обонежского ряда об-

---

[77] ГВНП, № 2, стр. 11.
[78] Там же, № 93, стр. 149.

наруживаются следы дополнений, отражающие известную длительность действия и постепенное совершенствование этого уложения.

С другой стороны, нет оснований отодвигать их кодификацию за рубеж XII — начала XIII в. Еще под 1196 г. Новгородская I летопись сообщает, что изгнанный из Новгорода князь Ярослав Владимирович «княжаще на Торъжку въ своеи волости, и дани поимаша во всеи (въ своеи — Академический и Толстовский списки) волости: по Верху Мьстѣ и за Волочкомъ возме дань» [79]. Сходные ситуации повторялись в 1216 и 1224 гг.

В цитированном известии новгородский летописец называет и Бежецкий верх, и Помостье, и Волочек (или Заволочье?) княжеской волостью. Приписки же об Обонежском и Бежецком рядах рисуют иную картину. Теперь можно утверждать: она сложилась в первой половине XIII в. Но когда именно?

Исследователи обратили внимание, что устоявшийся формуляр докончальных грамот Новгорода с князьями, известный по первым договорам Ярослава Ярославича, восходит к концу 20-х — началу 30-х годов XIII в., к княжению Ярослава Всеволодовича [80]. Тогда же в летописи появляются упоминания «грамот Ярослава», трактуемые как юридическое обоснование древних «вольностей» новгородских.

Есть веские основания и реформу взаимоотношений Новгорода с князьями, исключившую участие последних в управлении новгородскими волостями, а также пересмотревшую размер десятины, датировать тем же временем. В конце 1228 г. (или в самом начале 1229 г.) новгородцы предъявили Ярославу Всеволодовичу решительные требования: «Поиде к нам, забожничье отложи, а судии ти по волости не слати; и на всеи воли нашеи и на всех грамотах Ярославлих тъ ты наш князь» [81]. Фактически в этой фразе сжато сформулированы главные положения, зафиксированные докончальными грамотами и приписками к «Уставу» Святослава Ольговича. Первоначально Ярослав Всеволодович отказался принять условия новгородцев, но затем, в декабре 1230 г., прибыл в город «и целова святую богородицю на всех грамотах Ярославлих и на всеи воле новгородчкои» [82]. Упоминание об этом крестоцеловании как о первом прецеденте

---

[79] НПЛ, стр. 236. Чтение Комиссионного списка, возможно, более правильно, чем аналогичные записи в списках, сходных с ним, и в Синодальном списке (НПЛ, стр. 43), являющемся Новгородской I летописью старшего извода. В первом случае указан Волочек, т. е. Волок-Ламский, а не «за Волокомъ» — в Двинской земле, как в остальных. Расхождение значительно: или речь идет о компактных территориях, группирующихся вокруг Торжка, или же князю Ярославу удалось собрать дань и в далеких северо-восточных владениях Новгорода.

[80] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I. М.— Л., 1948, стр. 239—254; *В. Л. Янин.* Новгородские посадники, стр. 136.

[81] НПЛ, стр. 67, 273.

[82] Там же, стр. 70, 278.

вошло в формуляры всех докончаний Новгорода с Ярославом Ярославичем: «На семь ти, княже, крестъ целовати, на цемъ то целовалъ хрьстъ отець твои Ярославъ» [83].

Итак, новая структура взаимоотношений Новгорода с князьями оформляется соглашением 1230 г. с Ярославом Всеволодовичем. Датировать этим временем Обонежский и Бежецкий ряды позволяет предложение новгородцев отложить забожничье, т. е. пересмотреть десятину. Второе условие — «судии по волости не слати» — скрупулезно фиксируется формуляром докончаний. Смысл реформы — в четком разграничении функций и доходов княжеской и республиканской администраций Новгорода. Причем вторая значительно увеличивает свои прерогативы за счет первой, но на территориях, прилегающих к основному ядру Новгородской земли.

Правовую основу для своих действий повгородцы находят в «грамотах Ярослава», представленных князю при крестоцеловании. Этим несохранившимся грамотам посвящена обширная историческая литература, в целом трактующая их как подлинные или мнимые документы, якобы издревле провозгласившие «особые» новгородские вольности. Думается, что исследование немаловажного казуса новгородской истории шло неверным путем. Прав В. Л. Янин, отвергающий существование грамоты времен Ярослава Мудрого с пожалованием новгородцам исключительных «свобод», кроме Древнейшей Правды, вскоре получившей общерусский характер [84]. Действительно, никаких принципиально новых явлений в системе взаимоотношений с Киевом до начала XII в. в Новгороде не наблюдается.

С другой стороны, нет достаточных аргументов сомневаться в том, что новгородцы реально предъявили Ярославу, а затем Михаилу Черниговскому и вновь Ярославу какие-то грамоты или списки с них, дававшие повод существенно сократить территорию княжеского суда и сбора дани. Именно они легли в основу формуляра всех последующих договоров с князьями. Ведь больше ни летопись, ни тексты докончаний не упоминают «грамот Ярослава», а единодушно ссылаются на соглашения с прежними князьями начиная с Ярослава Всеволодовича.

Так что же все-таки представляли собой эти грамоты? Идет ли речь о подлинных документах эпохи Ярослава Мудрого или о фальсификате первой трети XIII в.? И в том и в другом случае они не касались особенностей политического устройства Новгорода. Принцип «вольности в князьях», и запрет последним лишать новгородца «волости без вины», и смесной с посадником суд не только вошли в практику новгородской жизни, но и признавались русскими князьями еще до появления

---

[83] ГВНП, №№ 1—3, стр. 9—12.
[84] *В. Л. Янин.* Новгородские посадники, стр. 37, 58.

на свет «грамот Ярослава»[85]. Значит, не было нужды извлекать их на свет и тем более подделывать, чтобы лишний раз подтвердить давно действующие нормы.

Тогда зачем вообще понадобились Ярославовы грамоты? Принципиальным новшеством в системе взаимоотношений Новгорода с князьями было существенное сокращение территорий, с которых князь получал подати и судебные доходы. Здесь, по-видимому, как нельзя кстати и оказались забытые грамоты. Именно они послужили правовой основой реформы новгородцев. Так понимаем мы и рассказ о крестоцеловании Ярослава Всеволодовича «на всех грамотах Ярославлих и на всеи воле новгородчкои». Под последней подразумеваются порядки, сложившиеся в Новгороде («вольность в князьях» и пр.), а под первыми — какие-то акты или разверстки судебно-податных районов центральной части Новгородской земли.

Если изложенные наблюдения справедливы, то «грамоты Ярослава» есть не что иное, как княжеские уставы XI в. (или списки с них) с перечнем территорий, погостов и становищ, где взымалась дань и вершился суд в то время. Предъявив эти древние, освященные авторитетом прародителя большинства русских князей Ярослава Мудрого грамоты, новгородцы обрели возможность решительно настаивать на своих требованиях. Князь в Новгороде получал права и доходы лишь там, где и его предки. Остальное присвоило себе новгородское боярство в лице республиканской администрации. Прямым подтверждением наших выводов является точная ссылка грамоты Новгорода 1304—1305 гг. Михаилу Ярославичу: «На семь ти, княже, хрьстъ цѣловати къ всеми Новугороду, на чемь цѣловати пьрвии князи и дѣдъ твои, и отьць твои»[86].

Сам факт наличия в новгородских архивах подобных уставов не вызывает сомнений. Уже Святослав Ольгович в своей грамоте 1137 г. сообщает о знакомстве с уложениями прежних новгородских князей. Или, например, Михаил Черниговский в 1229 г. (!) повелел новгородским смердам, «хто здѣ живеть како уставилѣ передние князи, тако платите дань»[87].

Думается, что в интересующий нас момент были использованы подлинные, а не мнимые постановления Ярослава Мудрого и его ближайших преемников. Недаром летописец XV в. вслед за сообщением о пожаловании Новгороду Ярославом «правды и устава» включил в текст своего свода список Древнейшей Правды. Если бы существовал иной документ (пусть фальсифицированный), именем Ярослава декларирующий незыблемость

---

[85] Достаточно вспомнить события 1196 г., когда «Повъгород выложиша вси князи въ свободу: кдѣ имъ любо, ту собе князя поимают» (НПЛ, стр. 43, 236), или речь посадника Твердислава на вече в 1219 г.: «А вы, братье в посадничьствѣ и во князех вольнѣ есте» (НПЛ, стр. 59, 260).

[86] ГВНП, № 7, стр. 16—17.

[87] НПЛ, стр. 68, 274.

новгородских порядков XIV—XV вв., цитировали бы, конечно, его. Но случилось другое: среди доступных им материалов авторы свода ищут и находят подлинные акты XI в. Естественно, что спустя 200 лет после обнародования «грамот Ярослава» забылось, какие из них вызвали пристальное внимание в начале XIII в. Поэтому летописец вполне обоснованно привлек главный из сохранившихся актов Ярослава — его судебник, правда уже в сочетании с уложением Ярославичей.

Проверим результаты исследования. Итоги предпринятой в Новгороде на исходе первой трети XIII в. реформы (князь лишен большинства прав в окраинных новгородских волостях, но сохранил их в центральных областях Новгородской земли) нашли отражение в последующих договорах-докончаниях [88]. В них регулярно включается список окраинных владений Новгорода, куда князю доступа нет. Наряду с прочими в нем постоянно фигурируют Волок-Ламский, Торжок, Бежичи, Городець Палиць. Однако положение этих волостей не идентично остальным и постоянно оговаривается в тексте грамот еще раз. Оказывается, что на Волоке и в Торжке князь держит тиуна на своей части, а новгородцы — на своей. В Бежичах князю, княгине, княжеским боярам и слугам запрещается покупать или принимать в дар села, а также выводить оттуда в свою волость людей. По поводу Городца в первых договорах Новгорода с Ярославом Ярославичем подчеркнуто, что его отдали во владение Иванку князь Дмитрий с новгородцами [89].

Пристальное внимание новгородской администрации к перечисленным территориям продиктовано желанием оградить пограничные с Тверью земли от опасности окняжения. Поэтому так скрупулезно фиксируются налагаемые на князя и его окружение запреты в Бежичах. Та же причина лежит в решении выделить Городец Палиць, еще находившийся в составе Бежецкого верха во время приписки о Бежецком ряде, в самостоятельную единицу. Но потеря князем Бежичей была компенсирована, как мы помним, предоставлением ему Обонежья. А на Волоке и в Торжке обнаруживаются княжеские части (доли), т. е. и здесь действует принцип взаимного (с республиканскими органами власти) административно-податного размежевания.

Чем обусловлена логика такого «половинчатого» (во всех отношениях!) статуса этих, действительно наиболее уязвимых в смысле княжеского внедрения, владений Новгорода? Ведь в пограничных Заволочье и Вологде князя вовсе лишили права вмешиваться в судопроизводство и собирать дань. Приняв предложенную трактовку «грамот Ярослава», получим и ответ на поставленный вопрос. Ограничив суверенитет князя в XIII в. уроками и уставами его первых предшественников на новгород-

---

[88] *В. Л. Янин.* Указ. соч.
[89] ГВНП, №№ 1, 2, 3, стр. 9—12.

ском столе, новгородцы и на себя вынуждены принять соответствующие обязательства. Власть князя сохранялась и не могла быть произвольно ущемлена на территориях, перечисленных в «грамотах Ярослава». Здесь любое вмешательство в права и доходы княжеской администрации требует равнозначной компенсации (Бежичи — Обонежье, части на Волоке и в Торжке).

Убедившись в правомерности наших наблюдений, получаем дополнительные сведения для реконструкции границ древнего Новгородского княжения. Отделим на карте Новгородской земли XIII в. (составленной А. Н. Насоновым) «волости новгородские»: Мелечю, Шипино, Егну, Вологду, Заволочье, Терский берег, Пермь, Печеру и Югру. Сличая оставшуюся территорию с областью федерации северных племен, очерченной по археологическим данным, видим их близкое совпадение.

Итак, центральные, исконные земли Новгородского княжества, консолидация которых восходит еще к эпохе племенных союзов, образовывали особое в податном и судебном отношении территориальное ядро, а последующие приращения к нему составили волости-провинции. Изучение с этой точки зрения процесса формирования государственной территории Новгорода проливает свет на особенности ее административной структуры.

Исследователи давно обратили внимание, что и сам Новгород одновременно подразделялся на концы и на сотни, и в Новгородской земле рядом с волостями существовали сотни. Но до сих пор причины столь любопытного явления, как и соотношение двух административных систем, не нашли еще исчерпывающего объяснения.

Если выявленные выше границы древнего ядра Новгородского княжества сопоставить с картой размещения новгородских сотен (за вычетом псковской части) Б. А. Рыбакова [90], то они совместятся в близких пределах. Хотя выводы Б. А. Рыбакова нуждаются в некотором уточнении, его мысль о связи сотен с «областными» территориями остается непоколебленной [91].

Перечисление новгородских сотен дошло до нас в виде вставки в текст «Устава о мостех» [92]. Датируется этот акт XIII в., причем В. Л. Янин цепью остроумных аргументов сузил датировку до 1264 г. (начало княжения Ярослава Ярославича) [93]. В Уставе названо десять городских сотен: девять по именам сотских, а одна княжеская. Затем следует список «областных» сотен, поименованных по территориальному принципу. Вместе с княжеской их девять, одна пропущена. Именно пределы последних и стремился установить Б. А. Рыбаков. Несколько ина-

---

[90] *Б. А. Рыбаков.* Деление Новгородской земли на сотни в XIII веке.— «Исторические записки», 2, 1938.
[91] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 124, прим. 1.
[92] НПЛ, стр. 507.
[93] *В. Л. Янин.* Новгородские посадники, стр. 151—154.

че подошел к решению этого вопроса А. Н. Насонов. Оставляя в стороне функциональную роль новгородских сотен, он решительно выступил в пользу их территориального характера [94]. Однако исследователь, касаясь размещения сотен, апеллировал не к новгородским полупятинам конца XV в., а к волостям, известным по летописи и актовым документам. Этот прием позволил внести определенные коррективы в наблюдения Б. А. Рыбакова. Не высказываясь прямо, А. Н. Насонов склонялся к мысли о большей древности волостей [95].

Напротив, Б. А. Рыбаков деление Новгородской земли на сотни возводит к XI в., связывая его с дружинным бытом и методами сбора дани [96]. Принимая в общем локализацию сотен, предложенную Б. А. Рыбаковым с коррективами А. Н. Насонова, можно несколько уточнить месторасположение некоторых из них. Но прежде всего следует отметить, что совпадение территории сотен с древним ядром Новгородской волости косвенно свидетельствует об их раннем происхождении. Более того, ряд данных о сотенном устройстве в соседних с Русью славянских странах, а также в Германии заставляет отодвигать время возникновения этого института в глубь веков, в эпоху военной демократии и выделения племенной дружины [97]. Поэтому касаясь территории новгородских сотен, нельзя обойти молчанием вопрос об их назначении.

В «Устав о мостех» сотни были вписаны по случаю разверстки между ними каких-то мостовых работ в Новгороде и его окрестностях. Причем в них участвовали и городские, и областные сотни. Это обстоятельство, на наш взгляд, не дает права решительно отделять первые от вторых, а, наоборот, связывает их в единую систему.

Впервые сотские в Новгороде упомянуты в начале XII в.[98] Затем они названы в составе посольств к князьям Всеволоду и Ярославу под 1195 и 1196 гг.[99] А сотский Ларион выступает в роли парламентера новгородцев в знаменитой Липицкой битве 1216 г.[100]

Наконец, в «Церковном уставе Всеволода», время становления которого В. Л. Янин относит к концу первой четверти XIII в., все десять новгородских сотских действуют вместе [101]. Они уча-

[94] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 124—126.
[95] Там же, стр. 126, прим. 2.
[96] *Б. А. Рыбаков.* Деление Новгородской земли на сотни..., стр. 150.
[97] *Ю. В. Бромлей.* К вопросу о сотне как общественной ячейке у восточных и южных славян в средние века. История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, стр. 73—89; *он же.* К реконструкции административно-территориальной структуры раннесредневековой Хорватии.— «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 251—260.
[98] НПЛ, стр. 21, 205.
[99] Там же, стр. 42—43, 235—236.
[100] Там же, стр. 56, 256.
[101] НПЛ, стр. 485—488; *В. Л. Янин.* Указ. соч., стр. 90—93. Недавно Я. Н. Щапов вновь исследовал «Устав Всеволода» и предположил, что этот памят-

ствуют наряду с боярами, владыкой и старостами в совещании у князя. «Устав» предписывает им вместе с епископом «строить» дом святой Софии. Сотским и всему Новгороду отходит треть имущества казненного нарушителя торговых мерил и т. д.

Все эти известия рисуют высокое положение сотских в административной иерархии Новгорода. Им принадлежало представительство от определенной части населения города [102]. Они выполняли и какие-то военные функции. Территориально-корпоративный характер сотен проявляется в известии о разграблении новгородцами дворов и сел посадника Водовика и Семена Борисовича в 1230 г.: «... а добытъкъ Сменовъ и Водовиковъ по стомъ разделиша» [103].

Когда же все-таки возникла в Новгороде сотенная система? Древность этого института на Руси засвидетельствована летописью. Владимир Святославич устраивал в Киеве в своей гриднице пиры, на которые сходились бояре, гриди, сотские, десятские и нарочитые мужи [104].

Для Новгорода В. Л. Янин ранее полагал искусственность сотенного деления, устроенного киевскими князьями, и противопоставлял ему исторически сложившееся членение города на концы и улицы [105]. Теперь исследователь несколько изменил свои взгляды и считает, что на протяжении всей истории Новгорода обе административные системы существовали рядом: в концах жили бояре и зависимые от них люди, а в сотнях — прочее свободное, но не привилегированное население (житьи, купцы, черные люди) [106]. Вопрос о назначении областных сотен остался без ответа.

Изучение приписок к грамоте Святослава Ольговича показало, что Обонежье и Бежецкий верх как судебно-податные районы были приблизительно равны. В сохранившихся докончаниях Новгорода с князьями Бежичи постоянно именуются волостью. Можно думать, и Обонежье также образовывало волость (в приписке названо «землей»). Однако в упоминавшемся «Уставе о мостех» среди областных сотен указаны Обонежская и Бежец-

---

ник был предпамеренно фальсифицирован новгородскими юристами на рубеже XIII—XIV вв. (*Я. Н. Щапов.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, стр. 165—177). Однако для характеристики деятельности и общественного положения новгородских сотских новая датировка «Устава» не имеет существенного значения. Ведь и в том и в другом случае его составители исходили из реального положения дел.

[102] И летописные статьи 1195—1197 гг., и «Устав Всеволода» позволяют вполне определенно заключить, что сотские представляли в новгородском управлении не бояр — «передних мужей», а меньших и черных людей, т. е. «весь Новгород» за вычетом его боярской верхушки.

[103] НПЛ, стр. 70.

[104] Там же, стр. 167, 552; ПВЛ, ч. I, стр. 86.

[105] *В. Л. Янин.* Указ. соч., стр. 113.

[106] *В. Л. Янин.* Возможности археологии в изучении древнего Новгорода.— «Вестник Академии наук СССР», 8, 1973, стр. 75. Сходные положения выдвигал автор настоящей работы в 1971 г. (Доклад на секторе славяно-русской археологии ИА АН СССР, 7 января 1971 г.).

кая. Если и волости, и сотни — административно-территориальные единицы, то как они соотносились между собой?

Может быть, оба термина обозначали одно понятие и легко заменяли друг друга? Ведь для большинства сотен в летописях и актах не трудно найти аналоги в волостях: Лужская сотня — волость Луга, Лопская сотня — волость Лопца, Ржевская — Пусторжевская и т. п. Но областных сотен, включая княжую, известно только девять, а волостей значительно больше, и они имели тенденцию к дальнейшему дроблению (например, Бежичи).

Выход из возникшей путаницы указывает административное устройство самого Новгорода, где концы соседствуют с сотнями. В «Устав о мостех» городские и областные сотни внесены общим списком с единой нумерацией, что прямо свидетельствует об их однородности. Значит, если в городе по сотням распределялось свободное, но не привилегированное население, то и в Новгородской земле вряд ли было иначе.

Действительно, в договорных грамотах постоянно присутствует формула: «кто купець, тотъ въ сто, а кто смердъ, а тотъ потягнеть в свои погостъ; тако пошло в Новегороде»[107]. Отсюда следует заключить, что в XIII в. волости и сотни представляли разные системы территориального деления. По погостам, сведенным в волости, сидели смерды — новгородские крестьяне-данники, а купцы и, вероятно, ремесленники, как и в городе, группировались по сотням. И здесь административная структура княжества членится и по топографическому и по социальному признаку. Но обе системы охватывают одни и те же районы. Цитированные выше докончания предписывают дворянам князя «по селомъ у купцевъ повозовъ не имати». Вывод очевиден: крестьяне данной местности несли повинности и платили оброк в свои погосты (позднее — «в свой потуг»), а купцы из этих сел входили в сотню и тоже выступали сообща в необходимых случаях (например, «городнее дело» или мостовые работы в Новгороде).

Появление областных сотен и их взаимосвязь с волостями-погостами легче уяснить, учитывая, что территория первых (по Б. А. Рыбакову и А. Н. Насонову) целиком размещается в пределах древнего ядра Новгородской земли.

Вполне соглашаясь с мнением этнографов и историков о древности десятичной организации, полагая, что князья на Руси получили ее в наследство от предшествующей эпохи и на первых порах использовали в военно-административных целях, приходится признать более поздний характер системы волостей, погостов и становищ, перекроивших прежнее деление земель. Недаром границы вновь образованного Новгород-Северского княжества прошли по территории древней Сновской тысячи[108].

---

[107] ГВНП, № 3, 6, 9 и др., стр. 13, 16, 20 и сл.
[108] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 57—59.

Таким образом, архаический характер сотенной организации у восточных славян находит подтверждение в показаниях источников. В этой связи небезынтересно наблюдение Ю. В. Бромлея, что ее наиболее прочные следы обнаруживаются на территории, сравнительно поздно заселенной ими [109]. А новгородские земли как раз и были такой областью. Не менее важно и другое обстоятельство: в Хорватии XI в. рядом с древней жупанийско-сотенной системой, уходящей корнями к первобытнообщинному строю, существовала другая, асимметричная ей организация местного управления по округам [110]. Так же, по-видимому, решается вопрос и о сосуществовании в Новгороде сотен и погостов-волостей. Вторые шли на смену первым. Именно в распространении вширь системы погостов-становищ, в устроении новых погостов на старых территориях и сказались прежде всего успехи феодализации Новгородской земли.

Первоначально она делилась на сотни, объединявшие все свободное население, что вполне соответствовало принципам организации войска и архаическим формам сбора дани — полюдью. Недаром легенда о призвании князей утверждает, что именно словене, кривичи и чудь платили варягам дань не от сохи, не от дыма, а от мужа [111]. С углублением процесса социальной дифференциации менялось и существо сотни, дружинно-даннической организации свободных общинников. Военные обязанности почти полностью перешли к профессиональным воинам-дружинникам, из числа которых в основном формировался класс крупных феодалов (бояре, старшая дружина) Вервь, «уставленная» погостами, становищами, уроками, напротив, стала объектом все возрастающей феодальной эксплуатации. Полюдье превратилось в единовременный дар («осеннее полюдие даровное»), и к нему добавились новые поборы и судебные пошлины. Потребовалась и другая, более дробная и совершенная система учета платежеспособности податного населения. Погост — центр близлежащей округи — вышел на передний план [112].

Однако сотни не исчезли, а сохранились как территориально-социальные организации населения (купцов, младших дружинников, ремесленников, затем и житьих людей), занимавшего промежуточное положение между двумя главными классами новгородского общества — феодалами и крестьянами-данниками. Поэтому и границы волостей вначале совпадали с ру-

---

[109] *Ю. В. Бромлей.* К вопросу о сотне как общественной ячейке у восточных и южных славян в средние века, стр. 87—89.

[110] *Ю. В. Бромлей.* К реконструкции административно-территориальной структуры раннесредневековой Хорватии, стр. 260.

[111] НПЛ, стр. 106.

[112] Но в самом названии «погост», как и в наименованиях «стодол» и «стог», сохранились отзвуки прежней связи с сотней (указано Б. А. Рыбаковым).

бежами старых сотен и лишь впоследствии, с появлением новых погостов, умножением частновладельческих сел и деревень, они видоизменялись, перекраивались и т. д.

Подводя краткий итог рассмотренному материалу, необходимо подчеркнуть несколько моментов. Границы древнего ядра Новгородской волости в общих чертах совпадали с территорией «племенного» союза словен, кривичей и чуди и определились не позднее первой половины X в. Этот процесс, конечно, не тождествен повсеместному распространению там суда и даней. Первоначально идея единства и зависимости от общего центра выражалась в военном участии и определенных отчислениях (в виде полюдия) на содержание дружины (гридей). Потом две трети поступлений шли в пользу киевского князя как верховного сюзерена. К тем временам и относится сотенное деление новгородских земель, связанное с соответствующей организацией войска [113]. Имеются сведения об «уставлении» Ольгой в 40-х годах X в. погостов и даней по Мсте и оброков и даней по Луге [114]. Этим актом знаменуется новый этап развития феодальных отношений в Новгороде. «На смену полюдью пришло управление через город и крепости и погосты с устойчивым обложением данью «уставленных» земель» [115]. Князь получил теперь в свои руки и суд, раньше вершившийся по нормам родового (обычного) права или уже присвоенный местной знатью.

В очерке древнейшей географии Новгородской земли необходимо более подробно коснуться вопроса о ее первых центрах.

Рассказывая о событиях конца IX в. и более раннего времени, летопись называет три города на территории будущего Новгородского княжества — Новгород, Изборск и Ладогу.

О Пскове мы узнаем только в связи с происхожением княгини Ольги. Однако псковский летописец не сомневался в древности родного города и под 903 г. сделал следующую запись: «...а о Плескове граде от летописания не обретается воспомянуто, от кого создал бысть и которыми людьми, токмо уведехом, яко был уже в то время, как паехали князи Рюрик с братьею из Варяг в Словяне княжити» [116].

Г. П. Гроздилов считает, что археологические исследования в Пскове свидетельствуют «о зарождении города в VIII—IX вв., возникшего на базе более древнего славянского поселения, занимавшего первоначально лишь стрелку Троицкого мыса при впа-

---

[113] Псковские земли также имели сотенное устройство. Об этом есть сведения в летописи и Псковской Судной Грамоте.

[114] ПВЛ, ч. I, стр. 43; НПЛ, стр. 113.

[115] *В. Т. Пашуто.* Особенности структуры древнерусского государства.— Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 101.

[116] «Псковские летописи под редакцией А. Н. Насонова», т. II. М., 1955, стр. 73.

дении реки Псковы в реку Великую»[117]. Действительно, славяне появились здесь в начале второй половины первого тысячелетия н. э.[118] Но говорить о городе раньше IX в. нет никаких оснований. Таким образом, история Пскова уже к X в. насчитывала несколько столетий и город по праву стал экономическим и политическом центром окрестных земель.

Изборск расположен в 30 км от Пскова. Старое городище занимает стратегически выгодное положение: высокий береговой мыс, омываемый Городищенским озером, господствует над раскинувшейся вокруг долиной. О больших размерах древнего города говорят выходы культурного слоя по берегам речки Смолки и озера. Нижние напластования в Изборске суммарно датировались VIII — началом X в.[119] Последние раскопки позволяют более полно представить картину зарождения и развития Изборска. Поселение возникло здесь не позднее рубежа VII—VIII вв.[120] Оно находилось в районе древнейшей славянской колонизации и было окружено рядом укрепленных пунктов (городищ-убежищ). С X в. Изборск приобретает черты настоящего города, существенно изменяется его планировка — очень плотно застраивается вся площадь городища[121]. Но до этого времени Изборск, по мнению В. В. Седова, «был племенным центром одной из ветвей кривичей» и в нем «устраивались племенные собрания и торжества, связанные с языческими культами, вершился суд»[122]. Возвышение соседнего Пскова постепенно снизило экономическую и политическую роль Изборска. Город превратился в военный форпост новгородских земель на западе, но «варяжская легенда» и архангелогородский летописец сохранили припоминания о его былом величии.

О Ладоге говорилось выше. Как важный промежуточный пункт на торговых путях в Северную Европу и Балтику она функционировала уже с конца VIII в. (клад куфических монет 749—786 гг.)[123]. Согласно исследованиям Г. Ф. Корзухиной первые укрепления в Ладоге появились в конце IX — начале X в.

И свидетельства письменных источников, и археологические данные единодушно указывают на это время как на начало качественно нового этапа в развитии северо-западных земель Руси. Но если теперь древнейший период жизни трех перечисленных

---

[117] *Г. П. Гроздилов.* К вопросу о топографии древнего Пскова.— «Археологический сборник», вып. 6. Л., 1964, стр. 154.
[118] *В. В. Седов.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 104—105.
[119] *Г. П. Гроздилов.* Археологические памятники Старого Изборска.— «Археологический сборник», вып. 7. Л., 1965, стр. 66.
[120] *В. В. Седов.* Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг.— КСИА, вып. 144, 1974.
[121] Там же.
[122] *В. В. Седов.* Изборская экспедиция.— АО, 1972, стр. 39.
[123] *А. К. Марков.* Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, № 24, стр. 140.

городов рисуется более или менее отчетливо, сказать то же о самом Новгороде еще нельзя. Хотя ему посвящены многочисленные исследования и о его происхождении существуют самые разноречивые теории, первые страницы истории столицы знаменитой феодальной республики русского Севера остаются непрочитанными. На сегодняшний день самой аргументированной и детально разработанной является гипотеза В. Л. Янина и М. Х. Алешковского [124]. Они предполагают, что становлению собственно Новгорода предшествовало длительное развитие нескольких соседних разноэтничных поселков, игравших роль соответствующих племенных центров. Эти поселения, расположенные на обоих берегах Волхова, группировались вокруг языческого капища и погоста-кладбища, занимавших территорию будущего детинца. Объединившись и отстроив общие укрепления — новый город, они стали называться Новгородом. Нет нужды приводить всю систему аргументов, подкрепляющих эту точку зрения. Она покоится на сумме наблюдений в связи с многолетними работами Новгородской археологической экспедиции и находит подтверждение в некоторых особенностях политического и административного устройства Новгорода XII—XV вв.

Однако гипотеза о федерации и постепенном слиянии древних поселков-концов не лишена определенных и весьма существенных противоречий. Ее авторы широко использовали ретроспективный метод исследования, проецируя вглубь картину, воссозданную в основном на материалах XIII—XIV вв. Но они обошли молчанием вопрос о времени реконструируемых событий. Пока не удалось доказать родство владельцев какой-либо усадьбы на протяжении с X по XV в. Местоположение исходных поселений предположительно определяется по данным геологического бурения, зафиксировавшего мощность культурных напластований. Не располагая конкретными сведениями, трудно сказать: когда возникли первоначальные поселки? Кто жил в них? Когда они превратились в Новый город? Какой социально-экономический механизм двигал этот процесс? А ведь тот или иной ответ по-разному решает и всю проблему.

Что было на месте Новгорода до начала X в.? Бесспорных следов жизни здесь раньше этого времени не обнаружено. Конечно, тщательный анализ археологических находок, возможно, позволит удревнить дату отдельных (незначительных!) раскопанных участков до второй половины IX в. Но видеть в Новгороде или его предшественниках межплеменной центр достаточных оснований нет. Вокруг большинства старейших русских городов (Киева, Чернигова, Смоленска, Полоцка, Любеча и др.) известны обширные языческие некрополи. Такого могиль-

---

[124] *В. Л. Янин, М. Х. Алешковский.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы).— «История СССР», 1971, № 2, стр. 32—61.

ника ни в самом Новгороде, ни поблизости от него нет [125]. Не окружают город и более мелкие городища-крепости и убежища. Скопления сопок — погребальных памятников ранних словен — находятся далеко в стороне: на Ловати, по среднему течению Мсты, в низовьях Волхова и на Луге. Даже в сравнении с Ладогой или Изборском Новгород кажется странным исключением.

Найденные в древней городской черте клады (в раскопках и случайно) зарыты в землю не раньше середины X в. Восточные авторы не упоминают Новгород, через земли которого шел основной поток арабских монет, но знают Киев, где куфического серебра было значительно меньше. Не обнаружены и остатки разноэтничных поселений, игравших роль соответствующих племенных центров.

В чем же дело? Или недостаточны наши знания, или же город Новгород возник не раньше X в., что, естественно, не исключает существования в его нынешних пределах каких-то несколько более древних поселений. Но картины непрерывного развития предшествующего поселка в город, аналогичный Пскову, Ладоге или Изборску, пока в Новгороде не наблюдается. Об этом вполне обоснованно писал А. В. Арциховский: «Одно ясно: города в IX в. еще не было. На нераскопанных участках ему негде поместиться. Могло быть небольшое поселение» [126].

Но если город возник не раньше начала X в., а сколько-нибудь значительных поселков, ему предшествовавших, также не было, то гипотеза В. Л. Янина и М. Х. Алешковского ослабляется в своих начальных звеньях [127]. Ведь это — уже эпоха единого Древнерусского государства, время походов Олега и Игоря на Константинополь, когда новгородские земли объединились с южнорусскими территориями во главе с Киевом. Как в данных условиях, самостоятельно или с участием княжеской администрации, развивались на берегах Волхова разноэтнические поселки, самостоятельно образовавшие федерацию — Новгород?

---

[125] Вскрытые на Ярославовом Дворище погребения (?) датируются второй половиной X в. Попытка разместить языческое кладбище на территории кремля не меняет дела. Могильники городов, по своему значению аналогичных Новгороду, занимали огромную площадь (например, Гнездово или курганы Чернигова).

[126] *А. В. Арциховский.* Археологическое изучение Новгорода.— МИА, № 55, 1956, стр. 42.

[127] А. П. Каждан, ссылаясь на А. В. Васильева, толкует одно из известий ал-Ма'суди, относящееся к началу X в., как свидетельство о войне князя Алаванга (Олега) с Нокабардом (Новгородом) (*А. П. Каждан.* К характеристике русско-византийских отношений в современной буржуазной историографии.— «Международные связи России до XVII в.» М., 1961, стр. 13—14 и прим. 37 на стр. 14). В случае справедливости данного сообщения мы имели бы древнейшее упоминание Новгорода, подтверждающее его возникновение в X в. Ведь старшие современники ал-Ма'суди Новгорода не знали. Однако интерпретация А. В. Васильева очень сомнительна (устное сообщение А. П. Новосельцева).

По не вызывающему сомнений сообщению Константина Багрянородного (около 949 г.) в Новгороде правил сын Игоря — Святослав [128]. Это событие оказывается столь приближенным к возникновению самого Новгорода, что для длительного автохтонного развития и последующего объединения предшествующих ему поселков не остается времени. Иными словами, становление Новгорода и появление в нем представителей киевского князя — почти одновременны.

Оставляя открытым вопрос о происхождении Новгорода, думается все же, что превращение его в центр Северо-Западной Руси явилось следствием объединения северорусских земель с Югом в конце IX — начале X в., что потребовало создания соответствующего военно-административного аппарата, обеспечивавшего господство «Русской земли» и ее столицы над всеми остальными территориями. Решением этой задачи и явилось возвышение Новгорода с киевской «засадой», сосредоточившей в себе указанные функции.

Исследуемый процесс в общерусском масштабе изучен далеко не достаточно. Однако и сейчас определенные факты обнаруживают общие черты. В X в. центральный государственный аппарат первоначально был распространен на древлян и северозападные земли [129]. В методах и принципах осуществления этих мероприятий обнаруживается много сходного. После расправы княгини Ольги с непокорными древлянами центром управления их землей стал Вышгород, а не какой-нибудь из старых древлянских городов. Так же, как и с Новгорода, распределяется дань с древлян: две трети идут в Киев, а треть — в Вышгород [130]. По-видимому, подобный путь государственного освоения иных территорий прежде всего применялся там, где уже существовали свои институты власти и политические традиции. В этих условиях, как показывает пример древлян, конфликт с местными старейшинами и нобилями был неизбежен. Вот где кроется одна из причин создания новых центров взамен старых, выросших на местной почве. Их прямая связь с киевским князем убедительно засвидетельствована княжением там его сыновей (в Новгороде — Святослав, затем Владимир, у древлян — Олег).

Летопись не упоминает других городов в Новгородской земле в X в. Однако есть основания считать, что в этом столетии (вероятно, в конце) был основан Торжок (Новый торг) на Тверце. Во всяком случае, Торжок уже существовал в начале XI в.

---

[128] *Константин Багрянородный.* Об управлении государством.— ИГАИМК, вып. 91. М.— Л., 1934, стр. 8.

[129] Под этими действиями следует понимать постепенную замену местных родо-племенных или раннегосударственных институтов власти централизованной киевской администрацией.

[130] ПВЛ, ч. I, стр. 43; *В. Т. Пашуто.* Черты политического строя древней Руси, стр. 36, прим. 149.

Здесь развернулась просветительская и церковная деятельность одного из братьев отрока Георгия, убитого вместе с князем Борисом Владимировичем [131]. Археологическое обследование укреплений в Торжке обнаружило там материалы XI в. [132]

Впервые в начале XII в. (1135 г.) в источниках назван Волоколамск (Волок Ламьский) [133]. Город расположен на моренном холме на берегу речки Городенки, обнесен валом, сооружение которого, по-видимому, также относится к XII в.[134] Домонгольский слой в Волоколамске зафиксирован при археологических наблюдениях за строительными работами [135]. Но связывать его постройку с деятельностью Ярослава Мудрого, как это делает А. А. Зимин [136], нет никаких оснований. Однако название города свидетельствует о том, что он некогда находился на самом берегу р. Ламы. Именно здесь в XVI в. располагалось с. Староволоцкое («Старый Волок») [137], которое и следует считать древним поселением. Его возникновение на волоке из Ламы в реки Волошну, Рузу, Москву и далее Оку можно с большой долей вероятия датировать концом X — первой половиной XI в.

Помимо соображений общего порядка об этом как будто говорят летописи все в том же рассказе о строительстве Владимиром городов на юге. Если размещение в новых крепостях «лучших мужей» от словен, кривичей и чуди вполне объяснимо, то появление среди них вятичей настораживает. Выше представлена попытка истолковать этот факт чисто текстуально. Но есть и другая возможность. В окрестностях Волоколамска проходила племенная граница кривичей и вятичей. Предположив, что эти земли в эпоху Владимира оказались присоединенными к Новгороду, получаем ответ на поставленный вопрос.

Археология вносит поправку в историю еще одного порубежного новгородского города — Великих Лук. До 1167 г. летопись о них ничего не знает. Правда, А. Н. Насонов вполне резонно полагал, что город возник значительно раньше [138]. Раскопки подтвердили мнение исследователя. Несколько выше Великих Лук, как раз на повороте (луке) Ловати, на ее правом берегу расположено городище Городок. Укрепленное поселение с ремесленным посадом существовало здесь с конца X по XII в. [139]

---

[131] «Новгородские летописи». СПб., 1879, стр. 176.

[132] *П. А. Раппопорт.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.— МИА, № 105. М.— Л., 1961, стр. 35.

[133] НПЛ, стр. 25; ПСРЛ, т. I, стб. 302 (под 6643 г.).

[134] *П. А. Раппопорт.* Указ. соч., стр. 35.

[135] Устное сообщение Р. Л. Розенфельдта.

[136] *А. А. Зимин.* Новгород и Волоколамск в X—XV веках.— «Новгородский исторический сборник», вып. 10. Новгород, 1961, стр. 99—101.

[137] Там же, стр. 99.

[138] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 88.

[139] *Я. В. Станкевич.* Предварительные итоги исследований 1956 г. в Великолукской области.— КСИИМК, вып. 77, 1959, стр. 79; *В. М. Горюнова.* Раскопки поселения у дер. Городище.— АО, 1972, стр. 10—11.

Древнейшие напластования в самих Великих Луках датируются концом XIII в., что свидетельствует о перенесении города на новое место [140].

В целом вырисовывается весьма интересная картина. В конце X — первой трети XI в. древняя Новгородская земля по своим западным и южным рубежам оконтуривается укрепленными пунктами. Во-первых, это свидетельствует об определенном этапе в становлении государственной территории Новгорода. Во-вторых, указывается направление движения новгородцев.

Теперь необходимо разобраться еще в одном вопросе. А. Н. Насонов предполагал, что Новгородская земля, включая Псковскую область и Ладожское «наместничество»,— явление сравнительно позднее (середина XI в.) [141]. При этом он руководствовался несколькими соображениями. Во-первых, в Пскове княжил Судислав, брат Ярослава. Во-вторых, в Ладоге сидели родственники жены Ярослава Ингигерды — Рогнвальд и его сын Элиф. Кроме того, скандинавские саги именуют ладожскую округу землей Владимира Старого. Последнее указание не дает права связывать Ладогу непосредственно с Киевом, минуя Новгород. В конце X — начале XI в. верховным сюзереном всех земель был Владимир, а сыновья являлись его наместниками. Их попытки приобрести большую самостоятельность и нарушить сюзеренитет Киева пресекались отцом. Что же касается Судиславa, то о его княжении в Пскове при Владимире сообщают лишь поздние летописи, данные которых нуждаются в проверке [142]. Сам Владимир, в бытность свою новгородским князем, повелевал и кривичами, и словенами, и чудью. Ладога перешла в руки Рогнвальда не из прихоти Ярослава, а в вено за Ингигерду. Этот акт был условием ее выхода замуж за русского князя [143].

Таким образом, у нас нет никаких аргументов для членения Новгородской земли в первой половине XI в. на три самостоятельные части по историческому признаку. Оно уже было искусственным, рвавшим единое целое. Последующие события вполне подтверждают этот тезис.

В связи с затруднениями на юге (борьба со Святополком и Болеславом, затем Мстиславом) Ярослав, владея Киевом, подолгу жил в Новгороде. Вскоре (1019 или 1020 г.) он расправился с посадником Константином, сослав его в Ростов [144]. По

---

[140] *Л. В. Алексеев.* Раскопки в Друцке. Археологические открытия 1965 года. М., 1966, стр. 169.

[141] *А. Н. Насонов.* Указ. соч,. стр. 73—74.

[142] ПСРЛ, т. V, вып. I. Л., 1925, стр. 120; т. XV. М., 1965, стр. 114; т. XXVIII. М., 1962, стр. 215, 314; т. XXVIII. М., 1963, стр. 18—172; *А. А. Шахматов.* Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908, стр. 89—90, прим. 2.

[143] *Е. Рыдзевская.* Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе.— КСИИМК, 1945, т. XI.

[144] ПСРЛ, т. V, стр. 123; ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. I, изд. 2. Пг., 1915, стр. 110.

смерти же Мстислава Черниговского укрепившийся в южной столице князь заточил в Пскове в поруб и Судислава [145]. В эти же годы кончилось варяжское правление в Ладоге [146]. Новгородская земля вновь объединилась под эгидой своего центра, где был посажен старший сын Ярослава — Владимир [147].

Первая половина XI в. ознаменовалась для Новгорода рядом важных событий, имевших прямое отношение к делу формирования его государственной территории. В 1021 г. город подвергся разрушительному набегу полоцкого князя Брячислава, захватившего в плен много новгородцев и их «именье» [148]. На притоке Шелони речке Судоме Брячислава настиг Ярослав Мудрый и отбил «полон» [149]. Некоторые новгородские летописи сообщают далее, что Ярослав «оттолѣ призва к себѣ Брячислава и дав ему два города: Въсвячь и Видбеск и рече ему: «Буди же со мною за одинъ»» [150]. Причины этого конфликта установлены А. Н. Насоновым [151] и подробно рассмотрены Л. В. Алексеевым [152]. Для изучаемого вопроса здесь важно другое: договор Ярослава и Брячислава установил границу между новгородскими и полоцкими владениями. Причем территориальные уступки, сделанные Ярославом в обмен за признание своего сюзеренства, не затронули новгородских земель, а шли за счет пограничья Полоцка с будущим Смоленским княжеством. Можно думать, что, дав выход полоцкому князю на центральную магистраль днепровского пути, Ярослав стремился тем самым обезопасить Новгородскую волость, особенно на юго-западе, от притязаний агрессивного соседа. Однако, судя по событиям второй половины XI в., Полоцк не оставил своих намерений и столкновения с Новгородом продолжались. Тем не менее в 20-х годах этого столетия границы Новгорода на юго-западе и юге юридически оформились межкняжеским «рядом». Они как раз охватили земли, исстари тяготевшие к древним центрам Северо-Запада.

Отказавшись от территориальных приобретений на юге, Ярослав и его наследники активно поддерживают стремления Новгорода укрепить связи с эстонской чудью, союзные отношения с нобилитетом которой восходят еще к X в.

Первоначальной базой для распространения влияния на область эстонской чуди, по мнению А. Н. Насонова, служил Изборск [153–154]. Но в 1030 г. Ярослав построил город Юрьев (Тарту),

---

[145] ПВЛ, ч. I, стр. 102. Заточение Судислава в Пскове свидетельствует скорее о том, что он никогда не был там князем (летопись дает много примеров аналогичных случаев).
[146] *Е. Рыдзевская.* Указ. соч., стр. 52.
[147] ПВЛ, ч. I, стр. 101.
[148] Там же, стр. 99.
[149] Там же.
[150] ПСРЛ, т. V, стр. 134; т. VII. СПб., 1856, стр. 328.
[151] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 151.
[152] *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля. М., 1966, стр. 241.
[153–154] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 73.

на долгие годы превратившийся в опорный пункт новгородского влияния в Эстонии [155]. Существование в окрестностях Юрьева сел указывает на определенную, связанную с ним округу. По-видимому, именно эти земли и присоединил к Новгороду Ярослав. Причем закреплены они были уже известным нам способом — созданием нового военно-административного центра.

При Изяславе Ярославиче данью были обложены сосолы [156–160]. К первой четверти XII в. данью были обложены порубежные эстонские племена [161].

Отношения с чудью складывались для Новгорода не всегда мирно. То одно племя, то другое, а то и «вся чудская земля» пытались избавиться от выплаты дани [162–163]. Однако в целом процесс вовлечения даже отдаленных эстонских центров в орбиту новгородского влияния на протяжении XII в. успешно развивался.

Итак, в течение XI—XII вв. Новгороду удалось распространить даннические отношения на земли эстонской чуди на запад от Чудского озера до района Вирумаа включительно, захватывая чудь Ереву и доходя до моря [164]. Эти земли простирались широкой полосой с севера на юг, включая места обитания чуди Очелы, чуди Тормы, район Юрьева и, наконец, Уганди, где лежал город Отепяа (Медвежья голова) [165]. Сбор дани в этих краях находился, по-видимому, в руках местной знати. Сколь регулярно он осуществлялся, сказать трудно [166]. Особенно часто поступления даней стали прерываться в начале XIII в. в связи с действиями Ордена. «Вторжение немецкого Ордена в Восточную Прибалтику, начавшееся завоевание латвийских и эстонских земель нарушили их подданство Руси» [167]. Однако, как правильно подметил А. Н. Насонов, территории эстонской чуди никогда не входили в состав собственно Новгородской «области» [168]. Их взаимоотношения с Новгородом складывались на основе данничества.

Продолжением новгородских владений к югу от эстов были земли латгалов. Вероятно, и туда распространились дани со стороны Пскова не позднее середины XI в., хотя в письменных источниках на это нет прямых указаний. Но Генрих Латвийский в своей «Хронике» неоднократно упоминает о сборе псковичами дани в Толове. В «Лотыголу» ходили и из Великих

---

155 ПВЛ, ч. I, стр. 101; НПЛ, стр. 183.

156–160 НПЛ, стр. 20, 183, 203, 204; ПВЛ, ч. I, стр. 201. См. также *А. В. Куза.* Кто был наследником Остромира в Новгороде? — В кн.: «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 298—301.

161 НПЛ, стр. 22, 207.

162–163 Там же, стр. 36, 52, 225, 251.

164 *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 83.

165 Там же.

166 *В. Т. Пашуто.* Особенности структуры Древнерусского государства, стр. 95.

167 Там же.

168 *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 83.

Лук[169]. Может быть, здесь имелись в виду племена, подвластные Полоцку. Стремясь воспрепятствовать захватническим целям Ордена, новгородско-псковские власти ввели в 1207 г. в Толове христианство[170], а в 1210 г. крестили часть эстов[171]. Наконец, после жестокого поражения на льду Чудского озера в 1242 г. немцы по условиям мирного договора вернули Новгороду в числе прочих «Лотыголу»[172]. Территориальное значение данного понятия здесь выступает особенно отчетливо. Речь шла, надо полагать, о районе Алысту, борьба за который продолжалась и дальше. Так, псковская летопись сообщает под 1284 г. об избиении немцами «псковичь на дани у Алысту 40 мужь»[173]. Думается все же, что приведенные известия не дают оснований включать «Лотыголу» в состав коренной «волости Новгородской». Взаимоотношения латгалов с Новгородом ничем не отличались от таких же связей с ним эстов. Новгородцы оказывали им военную помощь в совместной борьбе с Орденом[174].

Итак, с начала XI в. новгородское влияние распространяется на запад в земли эстов и латгалов. Там появляются опорные пункты-крепости и сеть погостов. Сообщения источников позволяют предполагать, что последние являлись административными центрами каких-то территорий, а не были просто населенными пунктами[175]. По-видимому, об этом свидетельствует деятельность в землях Восточной Прибалтики русских «послов» и «гонцов», собиравших там войско[176].

В стремлении расширить подвластные территории Новгород осуществлял традиционную политику опоры на местную знать, чем в немалой степени способствовал ее консолидации. Последнее обстоятельство и таило в себе причину будущих неурядиц. Экономически окрепнув и политически организовавшись, нобили Эстонии и, вероятно, Латгалии стали сами претендовать на все доходы (дань и прочее) с собственных земель, что, естественно, вело к столкновениям с Новгородом. Однако до появления в Прибалтике немецких и датских феодалов вассальная зависимость большинства эстонских и некоторых латышских племен от Новгорода не вызывает сомнений. На их территории с начала XI в. проникает новгородская дань. Следовательно, западные рубежи самой Новгородско-Псковской обла-

---

[169] НПЛ, стр. 45, 239.
[170] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. М.—Л., 1938, XI, 7.
[171] Там же, XIV, 2.
[172] НПЛ, стр. 78, 297, 451.
[173] ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 10.
[174] *В. Т. Пашуто.* Особенности структуры Древнерусского государства, стр. 95; *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии, XXVII, 5.
[175] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 82.
[176] *А. П. Новосельцев, Т. В. Пашуто, Л. В. Черепнин.* Пути развития феодализма, стр. 265, 281.

сти-княжения стабилизировались к этому времени. Но вторжение немецкого Ордена, воспользовавшегося затем тяжелым для Руси периодом монгольского нашествия, привело к утрате основных прибалтийских владений Новгорода. Пали в XIII в. и его опорные пункты (Юрьев и др.). Правда, свои основные земли новгородцам и псковичам удалось отстоять в жестокой и героической борьбе.

Прежде чем рассмотреть процесс разрастания государственной территории Новгорода на севере и востоке, необходимо коснуться положения земель в междуречье рек Великой и Ловати. И археологические и исторические данные согласно показывают, что большая часть верхнего течения Великой и бассейн ее притоков Кудки и Иссы входили в состав главных владений Пскова и Новгорода [177]. Территория же, лежавшая к югу от рек Полисти и Судомы и к северо-западу от верхней Ловати, по мнению А. Н. Насонова, была освоена новгородцами после присоединения Пскова, т. е. во второй половине XI в. [178]

С этим нельзя полностью согласиться. Во-первых, политическое объединение псковских и новгородских земель в раннегосударственное образование произошло задолго до указанного времени. Во-вторых, новгородско-полоцкий рубеж был установлен «рядом» Ярослава с Брячиславом в начале 20-х годов XI столетия, а Великие Луки возникли как укрепленный пограничный пункт уже в конце X в. Все это дает нам основания считать очерченную область «старым» новгородским владением. Как определил А. Н. Насонов, именно здесь располагалась Ржевская (Пусторжевская) волость, составлявшая единый в судебно-податном отношении район («дань ржовскую») [179]. Он же убедительно доказал, что «ржовская дань» как податная единица сложилась очень рано [180]. Если вспомнить об отмеченной выше древности деления Новгородской земли на сотни, то мы получим полное право сопоставить Ржевскую волость с Ржевской сотней «Устава о мостех» и видеть в ней исконно новгородскую территорию.

Рассматривая земли, простиравшиеся на северо-запад от Новгорода, сталкиваемся с некоторыми трудностями при определении времени их государственного освоения. В древности эти территории были заселены племенами води (от восточного побережья Чудского озера до центральных областей Ижорского плато) [181]. Но уже к IX в. погребальные памятники словен —

---

[177] *Н. И. Репников.* Жальники Новгородской земли.— ИГАИМК, 1931, т. IX, вып. 5; *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 56—57; *В. В. Седов.* Кривичи.— СА, № 1, 1960.

[178] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 87.

[179] Там же, стр. 86—87.

[180] Там же.

[181] *Х. А.* и *А. Х. Моора.* Из этнической истории води и ижоры. Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Таллин, 1965, стр. 63—66.

сопки продвинулись в верховья Луги, а курганы кривичей — в район современного Гдова и нижнего течения Плюссы [182]. В XI—XIII вв. славяне продолжают расселяться среди водских племен, оказывая на них сильное культурное влияние [183].

Источники среди ближайших к Новгороду упоминают волость Лугу, расположенную по обоим берегам одноименной реки [184]. Однако ее границы остаются и после исследования А. Н. Насонова не совсем ясными. Оказывается, что нижнее течение р. Луги не включалось ни в территорию Водской земли, ни в территорию Лужской волости. Толдожский погост, занимавший устье Луги, примыкавший к нему с востока Каргальский погост и размещавшийся северо-восточнее г. Ямы Ополецкий погост относились к «чуди» [185]. Ближайшим к Новгороду Лужским погостом летопись называет Сабельский погост («Лугу до Сабля»). В 1240 г. немцы совместно с чудью пришли на водь, возложили на нее дань и устроили город в Копорском погосте [186]. Дальше летописец с горечью замечает: «И не то бысть зло, но и Тесовъ взяша, и за 30 верстъ до Новгорода ганяшася, гость бьюче; а сѣмо Лугу и до Сабля» [187].

Из этого сообщения можно извлечь ряд ценных сведений. Тесовский погост оказывается вне пределов Водской земли, так как немцы первоначально повоевали водь, возложили на нее дань, а затем захватили Тесов. Вероятно, они из Води спускались по р. Оредежу до Тесова и продвинулись еще дальше (за 30 верст) на юг к Новгороду. Добравшись до верховьев р. Луги, немцы повернули на запад и захватили Лугу (волость) до Сабля. Следовательно, Тесов к Лужской волости не принадлежал, но находился в ее ближайшем пограничье.

На середине пути между Тесовом и Новгородом лежало с. Лускос, данное в 1383 г. новгородцами в кормление князю Патрикию Наримантовичу [188]. А. Н. Насонов убедительно отождествил это село с с. Луско, находившимся в пределах Егорьевского-Луского погоста [189]. Название и села и погоста говорит, на наш взгляд, об их принадлежности к Лужской волости.

Некоторые дополнительные данные о местоположении интересующей нас волости есть и в рассказе о набеге на Новгород литовского князя Ольгерда в 1346 г. Двигаясь вверх по р. Великой через Опочку, Ржевскую волость на верх р. Ше-

---

[182] *В. В. Седов.* Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода.— СА, XVIII, 1953; *он же.* Кривичи.
[183] Там же.
[184] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 120.
[185] *Х. А.* и *А. Х. Моора.* Указ. соч., стр. 71; *С. С. Гадзяцкий.* Вотская и Ижорская земли Новгородского государства.— «Исторические записки», № 6. М., 1940, стр. 107, 126.
[186] НПЛ, стр. 78, 295.
[187] Там же.
[188] Там же, стр. 379..
[189] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 121.

лони и вниз по ней к Порхову, Ольгерд остановился на «усть Пшаги реки», требуя к себе новгородцев [190]. Затем он взял Шелонь и Лугу на щит, «а новгородци выихаша противо ему в Лугу» [191]. Возвратившись назад, новгородцы на вече убили посадника Остафия, вменив ему в вину, что «в тобе волость нашу (т. е. Лугу.— *А. К.*) взяша» [192]. Отсюда становится ясным, что Лужская волость с запада и северо-запада подходила вплотную к Новгороду. Ее южные рубежи достигали водораздела рек Пшаги и Луги, восточные оканчивались территорией Егорьевско-Луского погоста. Северные границы волости, судя по расположению Тесовского погоста, ограничивались нижним течением р. Оредежа и озером Тесово. На западе они, вероятно, не переходили водораздела рек Луги и Плюссы. Таким образом, есть все основания считать Лужскую волость, включая Луский, Сабельский, Передольский и Косицкий погосты, одной из древнейших новгородских территорий и отождествлять ее с Луской сотней «Устава о мостех».

Какие же территории лежали к северу и северо-западу от Лужской волости? Большинство исследователей размещают там Водскую землю [193]. Однако источники позволяют несколько иначе решить этот вопрос. Ядром Водской земли летопись определенно именует район Копорья или область между Копорьем и Лугой [194]. Ее точные границы установить трудно. Устье Невы принадлежало ижоре, и прилегающие к нему земли скандинавы звали Ингрией [195]. Археологические данные свидетельствуют, что водь (северо-восточная) заселяла главным образом южную и центральную части Ижорского плато [196]. Причем уже в XI в. сюда проникают и славяне, и местное население испытывает сильное влияние их культуры.

Если нами правильно восстановлены пределы Лужской волости, то между ней и этнической границей води образуется пространство, административно-территориальное деление которого не ясно. Об этом же говорит отмеченное выше положение Тесовского погоста: и вне Лужской волости, и не в Водской земле. Если Лугу (волость) новгородских летописей можно соотнести с Лужской сотней второй половины XIII в., то, по-видимому, выявленная территория, примыкавшая к первой с северо-востока и севера, и была Водской сотней.

Летопись как будто подтверждает этот вывод. В 1444 г. немцы воевали Водскую землю, осаждали г. Яму [197]. Тогда нов-

[190] НПЛ, стр. 358.
[191] Там же.
[192] Там же, стр. 359.
[193] *С. С. Гадзяцкий.* Указ. соч., стр. 110; *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 121.
[194] НПЛ, стр. 78, 98, 295, 297 и др.
[195] «Kulturhistorisk lexikon för nordisk medeltid», Band VII. Malmö, 1962 стр. 401 и сл.
[196] *Х. А.* и *А. Х. Моора.* Указ. соч., стр. 74.
[197] НПЛ, стр. 424.

городцы послали против них «селников лускых и вочкых и ижерьскыхъ бояръ»[198]. Конструкция фразы предполагает, что определение «луские» и «вочкые» относится к «селникам», а «ижерьскые»— к «боярам». Сельники, конечно, не были, как это иногда думают, крестьянами (последних источники вполне последовательно именуют смердами или сиротами). В них надо видеть разряд мелких служилых людей — вроде своземцев конца XV — начала XVI в. А как раз лица, занимавшие промежуточное положение между классом крупных феодалов — боярством и массой государственных и частновладельческих крестьян, территориально объединялись в сотни. Не удивительно, что именно луские и вотские сельники вместе с ижорскими «боярами» (представителями местной феодализирующейся знати) посылаются «наперед» в Водскую землю в угон за немцами. Новгородцы же в это время стягивают к столице основные силы, чтобы выступить в поход за Нарву.

Итак, следует думать, что перед Водской землей (с юга) располагалась Водская сотня, через которую шла «Водская дорога» в Новгород[199]. Водскую сотню, как и Лужскую, и территориально и исторически нельзя не причислить к основной древней Новгородской волости. Тогда собственно Водская и Ижорская земли будут приращением к ней.

Когда новгородцы распространили свою власть на эти территории? С. С. Гадзяцкий предполагал, что уже в начале XII в. водь не только платила дань Новгороду, но и являлась частью коренного ядра Новгородского государства[200]. С этим согласиться трудно. Основанием для данного суждения служит отсутствие води в перечислении данников Руси, имеющемся в Повести временных лет[201]. Раз западные и юго-западные соседи води — чудь и нерома платили дань славянам, а водь не платила, то ее связь с Новгородом носила качественно иной характер[202].

Приведенная мысль Гадзяцкого представляется не достаточно обоснованной. «Се суть инии языци,— сообщает летописец начала XII в.,— иже дань дають Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, моръдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норома (парова, нерома и т. д. по другим спискам.— *А. К.*), либь»[203].

Сравним это известие со списком племен «Афетовой части», где сидят «русь, чюдь, и вси языци: меря, мурома, весь, моръдва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимегола, корсь, летьгола, любь»[204].

---

198 Там же.
199 *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 121.
200 *С. С. Гадзяцкий.* Указ. соч., стр. 100—101.
201 ПВЛ, ч. I, стр. 13.
202 *С. С. Гадзяцкий.* Указ. соч., стр. 100.
203 ПВЛ, ч. I, стр. 13.
204 Там же, стр. 10.

Из сопоставления ясно, что автор Повести перечислял племена не беспорядочно, а в строгой последовательности. Исходным пунктом для него была русь, за ней в обоих случаях названа чудь. Соединяя их, летописец действует вполне сознательно: древний союз руси и чуди ему хорошо известен. Затем он, демонстрируя незаурядные познания в географии Северо-Востока, указывает живущие там народности. Закончив перечисление угро-финнов Северо-Востока, автор Повести с не меньшей эрудицией называет балтийские народы. Здесь после корси и перед либью помещена норома (рассказ о данниках). Но в «Афетовой части» ей соответствует летьгола (латгалы). Таким образом, пропадают всякие основания помещать норому в устье р. Нарвы (летописной р. Наровы). Более того, считая норому одним из литовских племен (жемайты), получаем важное указание и на время распространения русской (новгородской и полоцкой) дани на эту территорию — не позднее конца XI в.

Сознательно ли пропустил автор Повести водь, ижору и корелу или включил их в понятие чудь, достоверно решить в настоящее время нет возможности.

Следовательно, никаких сведений об отношениях води с Новгородом извлечь из разобранных известий нельзя. Зато статья 1069, повествующая о нападении води на Новгород, свидетельствует о стремлении последнего распространить свою дань на ядро Водской земли. Сообщение же летописи под 1149 г. о совместном выступлении води и новгородцев против вторгнувшейся еми фиксирует успех новгородской политики. За 80 лет Новгороду удалось включить водь в сферу вассальной зависимости. Думается, что окончательно это произошло вскоре после событий 1069 г.

Однако говорить, что уже тогда Водская земля являлась органической частью Новгородского государства, нет оснований. Впервые в составе «волости новгородской» водь названа в 1270 г. в связи с конфликтом новгородцев с князем Ярославом Ярославичем: «... совокупися в Новъгород вся волость новгородьская, Пльсковичи, Ладожане, Корела, Ижера, Вожане» [205].

Наблюдения над составом «волости Новгородской» — основной государственной территории Новгорода, отраженным в летописях и других источниках, приводят к весьма интересным результатам. Как показали события 1132 и 1136 гг., в первой половине XII в. собственно Новгородскую область — княжение образовывали псковские и ладожско-новгородские земли. В конце этого столетия к ним прибавилась Новоторжская волость. Так, в 1198 г. «ходи князь Ярославъ съ новъгородьци и съ пльсковици и съ повотържьци и съ ладожаны и съ всею областию Новгородьскою къ Полотьску» [206].

---

[205] НПЛ, стр. 89, 321.
[206] НПЛ, стр. 44, 238.

В таком же составе выступает Новгородская волость и в походе Всеволода Большое Гнездо на Чернигов в 1207 г.: «Костянтинъ (Всеволодович, новгородский князь.— *А. К.*) то слышавъ нача совокупляти вои многи: новгородци и псковичи, ладожаны и новоторжци, и поиде скоро со всеми силами, и дожда отца на Москвѣ»[207]. Зато в 1241 г. Александр Невский идет «на нѣмци на город на Копорью, с новгородци, и с ладожаны, и с Корѣлою, и съ Ижеряны»[208]. Правда, Водь в это время, как и Псков, была захвачена немцами. В 1270 г., а судя по договорным грамотам Новгорода с князем Ярославом Ярославичем (1264 и 1266 гг.)[209] и ранее (в 60-х годах), водь, а также ижора и корела уже прочно входили в состав собственно Новгородского государства.

Известны примеры в XII или XIII в., когда водь и корела совместно с новгородцами или самостоятельно, но на стороне Новгорода, участвовали в военных действиях на севере. Однако в этих случаях источники никогда не говорят о «всей силе новгородской» или о «всей волости новгородской». Напротив, употребляя такое выражение (события 1198 и 1207 гг.), летопись ничего не сообщает об интересующих нас племенах. Следовательно, до XIII в. земли води, ижоры и корелы в основную территорию Новгорода не включались и эти племена действовали как вассалы Новгородской республики.

Распространение на земли указанных племен статуса «вся волость новгородская» меняло сложившиеся нормы их отношений с центральной властью. Оно сопровождалось также крещением местного населения. Так, согласно показаниям «Хроники» Генриха Латвийского в 1207 г. христианство было введено в Латгалии[210], а после 1210 г. и в Эстонии (Уганди)[211]. В 1227 г. князь Ярослав Всеволодович «послав, крестити множество корел, мало не все люди»[212]. Вспоминается также ижорский старейшина Пелгуй, нареченный в крещении Филиппом[213].

В этих действиях угадываются звенья одной цепи: стремление Новгорода в обстановке усилившейся экспансии немецких, датских и шведских феодалов в XIII в. укрепить единство с народами-вассалами, разместив на их территории военные гарнизоны и представителей своей администрации. Распространение новгородского государственного аппарата на земли води, ижоры и корел, видимо, вызвало недовольство некоторой части племенной знати.

---

[207] *А. Н. Насонов.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969, стр. 202.
[208] НПЛ, стр. 78, 295.
[209] ГВНП, № 1, стр. 9—10; № 2, стр. 10—11.
[210] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии, XI, 7.
[211] Там же, XIV, 2.
[212] ПСРЛ, т. I, стб. 449.
[213] НПЛ, стр. 292.

Идя на конфликт с этой частью знати [214–216], новгородское правительство тем не менее хотело привлечь на свою сторону племенную верхушку, предоставив ей права новгородской знати. В источниках второй половины XIII в. этот процесс отмечен включением Водской, Ижорской и Корельской земель в состав «всей волости Новгородской». Тогда же в качестве военно-административных центров упоминаются Копорье и Корела, где располагаются новгородские гарнизоны во главе с воеводами или служилыми князьями. Укрепление административной власти Новгорода сопровождалось ассимиляцией части племенной знати, и в XIV—XV вв. среди новгородского боярства обнаруживаем потомков корельских старейшин — Валитов [217].

Таким образом, первая половина XIII в. была временем включения этих земель в собственно Новгородскую «волость». Этот процесс был ускорен угрозой извне.

Все сказанное выше о води в полной мере относится и к ижоре. Причем отсутствие этнонима «ижора» до середины XIII в. в русских источниках не должно смущать исследователя. Для новгородцев водь и ижора были понятиями более территориальными, чем этническими. Археологические и этнографические данные убедительно свидетельствуют, что водь и ижора жили чересполосно по всему южному побережью Финского залива, а водь заселяла также восточный и проникала на западный берег Чудского озера [218].

В нашем распоряжении нет твердых данных о времени проникновения новгородской дани в междуречье рек Луги и Нарвы в их нижнем течении. Но в середине XIII в. Нарва служила рубежом новгородских владений: «...и пришедше новгородци в Новѣгородъ, и покрутившеся идоша за Нарову, и створиша волость ихъ (немцев.— *А. К.*) пусту» [219]. Однако косвенным путем можно установить последовательную хронологию событий. К середине XII в. Водская земля была прочно освоена новгородской данью. В этом же столетии новгородцы со своими князьями получают дань с большей части Эстонии. Таким образом, уже в 40—50-х годах XII в. отношения данничества распространяются Новгородом по обе стороны от интересующей нас территории. Этот факт и дает основание считать, что тогда же новгородская дань устанавливается и в междуречье Луги и Нарвы. Очерченная область была естественным приращением к основным землям води и удерживалась Новгородом до самого конца своей самостоятельной истории.

[214–216] НПЛ, стр. 78, 88, 225, 319, 323.

[217] *И. П. Шаскольский.* Политические отношения Новгорода и карел в XII—XV веках.— «Новгородский исторический сборник», вып. 10. Новгород, 1961, стр. 132—133.

[218] *Х. А.* и *Л. Х. Моора.* Указ. соч., стр. 65, 66, карта на стр. 67, стр. 79—80.

[219] НПЛ, стр. 80, 307.

Между Ижорой и низовьями Волхова располагалась старинная новгородская волость Лопца [220]. Существование Лопской сотни и близость древней Ладоги позволяют без колебаний включить эту территорию в состав искомой Новгородской земли.

Впоследствии она была поглощена ладожскими погостами [221]. Здесь мы имеем лишнее свидетельство тому, что развивавшаяся система погостов-волостей видоизменяла старую административно-военную территориальную организацию по сотням.

Итак, северо-западные земли, прилегавшие к побережью Финского залива и р. Неве, заселенные западнофинскими племенами, активно осваивались Новгородом в течение XI — первой половины XII в. Первоначальные отношения ограничивались выплатой дани и соглашением о военной помощи. Однако с начала XIII в. перед угрозой отторжения названных территорий немецкими, датскими и шведскими феодалами Новгород переходит к политике непосредственного вовлечения чуди, води, ижоры и корелы в свою территориально-административную систему. Захват Орденом эстонских владений Новгорода ускоряет процесс создания Водской, Ижорской и Карельской земель с русскими военными центрами и гарнизонами, распространения на них статуса собственно «Новгородской волости».

Выше говорилось, что земли Обонежского ряда, охватывавшие бассейны рек Сяси и Свири, а на севере доходившие до Олонца, являлись одной из древнейших новгородских территорий, тяготевших к Ладоге. Именно на ладожан возлагалась их защита от нападений еми и шведов. Под 1142 г. летопись сообщает: «...приходиша Ѣмь и воеваша область Новгородьскую; избиша ладожанъ 400 и не пустиша ни мужа» [222]. Еще более четкое свидетельство внесено в летопись под 1228 г.: «...придоша Емь воевать въ Ладозьское озѣро в лодкахъ ...посадник ладозьскыи, съ ладожаны, не ждя новгородьць, гонися в лодияхъ по нихъ въ слѣдъ, кде они воюють, ... а Емь на брѣзѣ съ полономъ; а воевали бо бяху около озера на исадѣхъ и Олонѣсь» [223].

Встает вопрос: когда новгородская дань шагнула дальше Олонца и распространилась на северное побережье Ладожского озера и Карельский перешеек, населенные корелой? Сведения о корсле регулярно начинают появляться на страницах новгородских летописей с 40-х годов XII в. Причем уже в первых известиях (1143 г.) корела выступает как военный союзник Новгорода в походах на расположенную западнее емь. Правда,

---

[220] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 122.
[221] Там же.
[222] НПЛ, стр. 26, 212.
[223] Там же, стр. 65, 270.

Повесть временных лет не упоминает корелу в числе данников Руси.

Исследователи, правда, считали, что Карелия издревле входила в состав основной территории Новгородского государства [224]. Выше высказаны соображения по поводу более вероятного времени этого события (примерно первая половина XIII в.). Основанием для первого суждения является сообщение Ипатьевской и сходных с ней летописей под 1149 г. о совместном походе киевского князя Изяслава с новгородцами на Юрия Долгорукого: «И тако поидоша Новгородци съ Изяславомъ всими силами своими и Пльсковиць и Корѣла» [225].

Это известие требует более детального рассмотрения. Новгородские летописи (причем древнейшие!) передают его кратко: «Тои же зимѣ приде Изяслав Новугороду, сынъ Мьстиславль, ис Кыева, иде на Гюргя Ростову съ новгородьци» [226]. Напротив, Ипатьевская летопись пространно рассказывает о восторженной встрече, устроенной Изяславу в Новгороде; о пире, на который созвали новгородцев киевский князь и его сын Ярослав (новгородский князь), и о вече новгородцев и псковичей, решивших идти в поход вместе с Изяславом.

Главным действующим лицом рассказа постоянно выступает князь Изяслав Мстиславич, что и выдает руку летописца из его окружения. Он обратил внимание на представительный (от земель) характер веча (псковичи и новгородцы) и трехчастный состав новгородских войск (новгородцы, псковичи, корела). Однако почти за 10 лет до этого события старший брат Изяслава — Всеволод был изгнан из Новгорода совместным вечем новгородцев, псковичей и ладожан. Более того, в походах 1198 г. на Полоцк и 1207 г. на Чернигов, в которых также участвовала «вся область Новгородская» и сведения о которых сохранились в новгородских и северо-восточных (владимирских) источниках, вновь действуют ладожане, но ничего не известно о кореле. Наконец, новгородскому епископу Нифонту, умершему в 1156 г., летописец ставил в особую заслугу, что он «украси святую Софию, притворы испьса, кивотъ створи и всю извъну украси; а Пльскове святого Спаса церковь създа камяну, другую въ Ладозѣ святого Климента» [227].

Церкви, построенные Нифонтом в Пскове и Ладоге, были первыми каменными храмами в этих городах и вообще в новгородском княжестве после Новгорода. Словом, все перечисленные факты прямо свидетельствуют, что в середине XII в. Нов-

---

[224] *С. С. Гадзяцкий.* Карелия и карелы в новгородское время. Петрозаводск, 1941, стр. 38—39.
[225] ПСРЛ, т. II, стб. 370.
[226] НПЛ, стр. 28, 214.
[227] НПЛ, стр. 29, 216.

городская земля, как и в древности, возглавлялась тремя центрами — Новгородом, Псковом и Ладогой. Именно области, к ним тяготевшие, и составляли основную государственную территорию Новгорода.

Почему же корела попала в Ипатьевскую летопись, а ладожане — нет? Противоречие здесь только кажущееся. По-видимому, Ладога и окружающие ее земли в первую очередь и составляли иноязычную часть древнего ядра Новгородского государства. Через нее новгородская дань распространялась на север и северо-восток [228]. Среди ладожских «воев» и находилась корела. Западная весь к этому времени была в значительной степени ассимилирована славянами. Корелы же, по некоторым сведениям жившей и на Олонце [229] (сюда доходили земли «Обонежского ряда»), и северо-западнее, этот процесс коснулся в меньшей степени. Летописец, естественно, счел заслуживающим внимания присутствие в новгородском войске неславянской корелы, что и отметил в своем рассказе.

Таким образом, данные Ипатьевской летописи не противоречат изложенной выше концепции.

В сочетании с показаниями Новгородской летописи (поход корелы на емь в 1143 г.) они хорошо датируют время укрепления вассальных отношений и охвата Карелии новгородской данью — начало XII в. Если вспомнить, что в конце XI — начале XII в. к данническим отношениям была приведена водь, а в начале XIII в. новгородские данники ходили уже на Терский берег, то установленная хронология получает прочную основу и хорошо согласуется с последовательным характером продвижения новгородцев в новые земли.

Первоначально, как убедительно показал И. П. Шаскольский, Новгороду были подчинены лишь Северо-Западное Приладожье и соседние лесные районы [230]. Именно эти земли были поделены на погосты, а огромные пространства северной Карелии от Ботнического залива на западе до побережья Белого моря на востоке такого деления не имели. Но и туда вслед за осваивавшими их корелами постепенно внедрилась новгородская дань. По-видимому, не позднее начала XIII в. новгородцы уже собирали дань на Терском берегу Белого моря. Этим делом руководил специальный представитель администрации — «терский данник». В 1216 г. им был Семен Петрилович, погибший в знаменитой Липицкой битве [231]. Здесь образовалась ок-

---

[228] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 79—80.

[229] *В. И. Равдоникас.* Археологические памятники западной части Карело-Финской ССР.— КСИИМК, вып. VII, 1940, стр. 11; *С. И. Кочкуркина.* Курганные группы Юго-Восточного Приладожья.— КСИА, 1969, стр. 24—26.

[230] *И. П. Шаскольский.* Политические отношения Новгорода и карел в XII—XV веках, стр. 126.

[231] НПЛ, стр. 57, 257.

раинная новгородская «волость Тре», известная по договорам второй половины XIII в. [232]

Западная и юго-западная граница на севере новгородских владений вряд ли была устойчивой. Распространяя свое влияние на емь, Новгород столкнулся со шведами. Началась длительная борьба за преобладание в землях нынешней Финляндии. В ней активное участие на стороне Новгорода принимали корелы, ходившие вместе с новгородцами и самостоятельно в походы на шведов. Ими была осуществлена в 1187 г. и самая крупная военная операция из этой серии — разгром шведской Сигтуны. Подданство еми Новгороду сохранялось до середины XIII в. [233]

Однако закрепиться на территории финских племен Новгороду не удалось. По заключенному в 1323 г. известному Ореховецкому договору новгородцы, чтобы избежать дальнейших конфликтов, уступили шведам три пограничных карельских погоста — Севилакию, Ясны, Огребу [234]. Были определены «развод и межа». Рубеж проходил от р. Сестры на юге до «Каяпя моря» на севере, т. е. тянулся на северо-запад от Финского залива до северо-восточного побережья Ботнического залива [235].

Судя по этим данным, можно полагать, что во второй половине XII — начале XIII в. новгородское влияние простиралось на юге Финляндии значительно дальше, чем в XIV в. О том же говорят и походы новгородцев и корел на емь в 1143, 1191 и 1228 гг.

Однако здесь, как и в северной Карелии, до XIV в. еще не было «погостов-становищ». Границы собственно Новгородской волости охватывали лишь территорию десяти основных карельских погостов Северо-Западного и Северного Приладожья, составлявших некогда первоначальную племенную территорию корел.

Норвежские источники позволяют заключить, что новгородская дань на Кольском полуострове не ограничивалась Терским берегом, а достигала Ивгей-реки и Люгенфьорда [236].

Распространение новгородской дани на север и северо-восток от Онежского озера в Заволочье и Подвинье очень подробно рассмотрено А. Н. Насоновым. Исследователю удалось локализовать на современной карте большинство погостов, упомянутых в грамоте Святослава Ольговича 1137 г. [237]

---

[232] ГВНП, № 1, 2, 3 и сл., стр. 9—12.
[233] *И. П. Шаскольский.* Сигтунский поход 1187 г.— «Исторические записки», № 29. М., 1949, стр. 144—161; *он же.* Емь и Новгород в XI—XIII вв.— «Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук», вып. 10. Л., 1941, стр. 104, 105.
[234] ГВНП, № 38, стр. 67—68.
[235] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту... М., 1965, стр. 65—66.
[236] *И. П. Шаскольский.* Договоры Новгорода с Норвегией.— «Исторические записки», № 14. М., 1945; *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 114.
[237] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 100—108.

Некоторые сомнения вызвает местоположение погоста-становища «на Спирковѣ», находящегося в районе устья Пидьмы на Свири [238]. Этот погост оказался в окружении земель Обонежского ряда северо-западнее погоста в Юсколе, бывшего крайним восточным пунктом древней Обонежской земли (Обонежской сотни). Вновь обнаруженный Я. Н. Щаповым «Егоровский» список «Устава Святослава Ольговича» позволяет иначе прочесть название интересующего нас погоста: не «на Спирковѣ», а «на Спировѣ» [239]. Приняв настоящее чтение, можно отождествить этот погост с д. Спировской на р. Онеге, в 131 км от бывшего уездного города Онеги [240].

«Егоровский» список дает еще одно важное разночтение, касающееся пограничного Заонежского погоста — Тудорова, который обозначен здесь как на «Туровѣ погосте два сорочка» [241]. В местах по Онеге, а также в Заволочье не удается обнаружить соответствующего населенного пункта. Однако в 120 км от устья Онеги в XVI в. располагалось большое село Турчасово, упомянутое в Онежской уставной грамоте в 1536 г. [242] Археологическое обследование показало, что в Турчасове имелось укрепленное поселение — «город» и расположенный на другом берегу реки «посад» [243]. Среди подъемного материала ранних вещей не найдено, но и местоположение села, его историческая топография, активная деятельность турчасовцев в начале XVI в. по покупке и перепродаже соли свидетельствуют о значительной древности этого становища.

В той же грамоте рядом с турчасовцами названы порожане (жители д. Порог, находившейся в 25 км от г. Онеги на правом берегу реки) [244]. Деревню Порог А. Н. Насонов с полным основанием сопоставил со становищем «Порогопустьць» грамоты Святослава Ольговича [245]. Таким образом, отождествив «Туров погост» с современным Турчасовом, получим компактную группу населенных пунктов-становищ, расположенных на пути с р. Водлы к Онеге и далее к ее низовьям и Северной Двине. Этим устраняются сомнения, вызванные локализацией погостов Спиркова и Тудорова. Древняя новгородская территория достигала западного побережья Онежского озера — погост в Юсколе [246]. Последующее продвижение новгородской дани на

---

[238] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 99—100.

[239] *Я. Н. Щапов.* Новый список новгородского Устава князя Святослава Ольговича (из собрания Е. Е. Егорова).— «Записки Отдела Рукописей ГБЛ», вып. 26. М., 1963, стр. 396—397.

[240] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 100, прим. 1.

[241] *Я. Н. Щапов.* Указ. соч., стр. 396—397.

[242] ААЭ, т. I, стр. 152.

[243] Устное сообщение А. В. Никитина на заседании сектора славяно-русской археологии Института археологии АН СССР, 10 декабря 1970 г.

[244] ААЭ, т. I, стр. 152.

[245] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 101.

[246] Там же, стр. 99.

северо-восток шло прямым речным путем через р. Водлу, Кенский волочек в р. Онегу, а там по Емце в Заволочье, т. е. в Подвинье, а не в обход южного берега Онежского озера.

К 30-м годам XII в. новгородцы постепенно освоили эти территории [247–249].

По мнению А. Н. Насонова, на юг от основной двинской территории (от погоста на Усть-Емцы) и далее в Важский край «к Тотьме и к Векшенге на Сухоне новгородцы вышли с севера, а не с запада с верховьев Сухоны» [250]. Основным аргументом в пользу данной гипотезы служит отсутствие упоминания Вологды в грамоте Святослава, появляющейся в источниках лишь со второй половины XIII в.[251] Однако археологические раскопки доказали, что Вологда возникла не позже середины XII в., чем подтвердили сведения Жития Герасима Вологодского [252]. И если она в момент «ряда» князя Святослава с новгородским епископом еще не получила важного значения, то через короткий отрезок времени, судя по данным археологии, Вологда выросла в большой населенный пункт вблизи от ростовского рубежа.

Это наблюдение, а также некоторые летописные известия не позволяют безоговорочно принять мысль А. Н. Насонова. Под 1219 г. летопись прямо сообщает, что новгородские данщики во главе с Семеном Еминым отправились в Тоймокары «и не пусти их Юрьи, ни Ярославъ сквозѣ свою землю» [253]. Следовательно, путь на Двину и за Двину на этот раз проходил через территорию, подвластную Суздалю. Какие же земли имел в виду летописец? На данный вопрос отвечает более ранний рассказ о событиях 1169 г., когда новгородцы, собиравшие дань, бились с полком Андрея Боголюбского, а потом взяли дань и на своих и на суздальских смердах [254].

Новгородская IV летопись местом действия называет Белоозеро. Правда, В. А. Кучкин, учитывая позднейшую редакторскую обработку этой статьи полагает, что в действительности столкновение произошло на Северной Двине [255]. Думается все же, что автор записи в Новгородской IV летописи был ближе к истине. Во-первых, первоначально киевская дань на Белоозеро пришла через Новгород (В. А. Кучкин подкрепляет это положение вполне основательными аргументами) [256]. Во-вторых, в 70-х годах XI в. Белоозеро с Шексной и Волгой до Ярославля

247–249 ПВЛ, ч. I, стр. 13, 103; НПЛ, стр. 21, 205.
250 *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 108.
251 Там же.
252 *А. В. Никитин.* О начальном периоде истории города Вологды.— КСИИМК, 81, 1960, стр. 36—37.
253 НПЛ, стр. 59, 260.
254 Там же, стр. 33, 221.
255 *В. А. Кучкин.* Ростово-Суздальская земля в X — первой трети XIII века.— «История СССР», № 2, 1969, стр. 87, прим. 199.
256 *В. А. Кучкин.* Указ. соч., стр. 63.

объединялось с новгородскими землями киевского князя Святослава Ярославича [257]. В-третьих, нумизматические данные свидетельствуют, что западноевропейские денарии XI в. попадали на Белоозеро, Сухону и Двину через бассейн Ладожского озера и Мологу [258].

Выше перечисленные факты указывают, что княжеские дани и суд в древнейший период распространялись на северо-восток Восточной Европы старым балтийско-волжским путем: из Новгорода через Ладогу и водную систему Ладожского озера в реки бассейна Белого озера или по Мсте и верховьям Мологи и далее в Волгу, а затем на Шексну и верх Сухоны. Основание на Белоозере русского поселения в середине X в. хорошо датирует успешное развитие исследуемого процесса.

Северный путь к низовьям Двины и за Волок по Онежскому озеру, рекам Водле и Онеге новгородцы осваивают позднее (в середине XI в.— поход на емь заонежскую 1042 г.).

Таким образом, новгородская дань в Заволочье, Важский край, в Пермь и Печору могла проникнуть двояко. Вначале большее значение имело направление через Белоозеро на Сухону. Но с окончательным переходом Белоозера под власть Ростова приоритет переходит к северному пути, который новгородцы активно используют с конца XI в.

Еще одним аргументом в пользу вышесказанного предположения служит отсутствие погостов-становищ между Усть-Емцой и основной двинской территорией, отмеченное А. Н. Насоновым.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что новгородцы и в XII—XIII вв. продолжали ходить за данью проторенной дорогой через белозерские земли.

Итак, если в середине X в. славяне прочно закрепились на Белом озере, то в конце этого столетия или в начале следующего они должны были выйти к Двине. В скандинавских сагах сохранились сведения о связях Ладоги (Альдъюборга) с Нижним Подвиньем (Биармаландом) [259]. Во всяком случае, в 1079 г. Глеб Святославич, изгнанный новгородцами, бежит в Заволочье, где его «убиша Чюдь» [260]. Повесть временных лет не включает заволоцкую чудь в перечень данников Руси. Как тонко подметил А. Н. Насонов, объясняется это тем, что здесь уже существовала система погостов-становищ и сбор дани проводился более совершенным способом [261].

---

[257] *В. Л. Кучкин.* Указ. соч., стр. 67—70.

[258] *В. Л. Янин.* Денежно-весовые системы русского средневековья, стр. 153—155, карта 49 на стр. 154.

[259] *Е. Рыдзевская.* Сведения о старой Ладоге в древнесеверной литературе.— КСИИМК, т. XI, 1945; *К. Ф. Тиандер.* Поездки скандинавов в Белое море. «Зап. ист.-фил. факультета СПб. ун-та», т. XXIX, 1906.

[260] НПЛ, стр. 18, 161, 201.

[261] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»., стр. 109—111.

Вслед за Двиной наступила очередь земель, лежащих еще далее к востоку и северу. В начале XII в. новгородские дани распространялись на пермь и печору [262]. Из попавшего на страницы летописи рассказа Гюряты Роговича, посылавшего своего отрока «в Печеру люди, иже суть дань дающе Новгороду», произошло это не позднее конца XI в. [263]

По данным письменных источников А. Н. Насонов определил, что область новгородской перми охватывала «течение Выми, верхнее течение Вычегды и, может быть, близлежащие места» [264]. Однако погосты здесь появились не ранее рубежа XIII—XIV вв. [265]

К концу XII в. новгородские данники проникли в югру. Так, под 1187 г. в летописи сказано: «В то же лето изьбиени быша Печеръскыи и Югорьскыи даньници, а друзии за Волокомъ, и паде головъ о сте кметеи» [266].

Таким образом, можно проследить непрерывное продвижение новгородской дани на северо-восток в течение двух столетий. В результате этого процесса огромные пространства русского Севера были в той или иной степени втянуты в сферу государственной жизни древней Руси. Причем воздействие новгородского государственного аппарата на местную среду со временем усиливалось. Сначала непосредственный сбор дани оставался в руках племенной верхушки. Затем основывались погосты-становища. Следом шли христианство и феодальное землевладение.

А что же происходило одновременно в коренных новгородских землях? Выше говорилось, что в начале XI в. сформировался новгородско-полоцкий рубеж («ряд» Ярослава с Брячиславом в 1021 г.). Эта граница оказалась очень устойчивой и не претерпела почти никаких изменений до середины XIII в.

Однако отношения с Полоцком отнюдь не всегда были мирными. В 60-х годах XI в. Всеслав Брячиславич «нача рать копити». Новгородский стол в это время (с 1064 г.) занимал старший сын киевского Изяслава — Мстислав. Он потерпел жестокое поражение от Всеслава южнее Пскова, на р. Черехе [267]. Последний захватил также и ограбил Новгород. Любопытные подробности об этих событиях сохранились в Ипатьевской летописи. В 1180 г. Мстислав Ростиславич Новгородский «на весну съдоума с моужи своими поиде на Полтьскъ на зятя на своего на Всеслава: ходилъ бо бяше дѣдъ его на Новъгородъ и взялъ ерусалимъ церковныи и сосуды слоужебныѣ и погостъ одинъ за-

---

[262] ПВЛ, ч. I, стр. 13.
[263] ПСРЛ, т. II, стлб. 225.
[264] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 112.
[265] Там же.
[266] ИПЛ, стр. 38, 229.
[267] Там же, стр. 161.

велъ за Полтескъ»[268]. Исследователи видят здесь свидетельство об угоне Всеславом в плен населения целого погоста[269]. Видимо, речь шла о захвате пограничной территории. Во-первых, трудно увести в плен всех жителей не отдельного населенного пункта, а целого района. Во-вторых, Всеслав воевал в самых густонаселенных новгородских землях и остается непонятным, почему он угнал в плен население только какого-то одного погоста, а не всех людей, захваченных его войском на пути к Новгороду и обратно.

Отец Всеслава — Брячислав добивался для Полоцка контроля над важными волоками на центральной магистрали балто-днепровского пути. Надо полагать, что и воинственный сын действовал в том же духе. Битва Всеслава с Мстиславом Изяславичем произошла на р. Черехе, правом притоке Великой. Свой первый удар он направил на Псков. Нет никаких сомнений, что Всеслав шел сюда с верхнего течения Великой. Здесь-то, по-видимому, в районе волоков на Дриссу, левый приток Западной Двины, и был расположен тот самый пограничный погост.

Главным опорным пунктом Новгорода в юго-западном порубежье были Великие Луки, основанные еще в конце X — начале XI в. Летопись неоднократно упоминает их как пограничный город. Так, в 1166 г. «прииде Ростиславъ ис Кыева на Лукы, и позва новгородци на порядъ»[270]. А в 1191 г. «ходи князь Ярославъ на Лукы, позванъ полочьскою князьею и полочяны, и поя съ собою новгородци переднюю дружину; и снящася на рубежи и положиша межи собою любовъ»[271]. Впоследствии Луки считались «оплечьем» Новгороду от Литвы[272]. Со стороны Полоцка ближайшим к новгородским владениям поселением был Еменец: «...поиде Давыдъ къ Полотьску съ новгородьци и съ смольняны, и, умиривъшеся, воротишася на Еменьци»[273].

Труднее определить время становления новгородско-смоленского рубежа. Достоверно известно, что он уже существовал в первой трети XII в. Достаточно точно провести границу позволяет грамота Ростислава Мстиславича 1136—1137 гг. об основании Смоленской епископии[274]. Судя по этим данным, смоленская территория вклинивалась далеко на север в новгородские земли. Ее межа проходила по водоразделу рек Ловати и Куньи, на которой стояли смоленские города Дубровна и Холм. Затем

---

[268] ПСРЛ, т. II, стб. 608, прим. 77.
[269] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 87.
[270] НПЛ, стр. 32, 219.
[271] Там же, стр. 40, 230.
[272] Там же, стр. 44, 237.
[273] Там же, стр. 38.
[274] ПРП, вып. 2, стр. 37—53; *А. В. Поппэ.* Учредительная грамота Смоленской епископии.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 59—60, 65.

она поворачивала к озерам Селигер и Волго, где находились смоленские же города Жабачев и Хотшин. Однако самые верховья Волги были новгородскими. Об этом говорит каменный крест, поставленный в 1133 г. Иванкой Павловичем, ставшим вскоре новгородским посадником, при впадении Волги в озеро Стреж [275]. Где-то близ устья Вазузы сходились границы Новгородской, Смоленской и Ростово-Суздальской земель.

Таким образом, с запада со смоленской территорией граничили новгородская Ржовская волость и Великие Луки, с севера — волость Буйце, известная уже в первой половине XII в. [276], а с востока — новоторжские волости. При взгляде на карту нетрудно убедиться, что Смоленская земля с Торопцом в центре, окруженная с трех сторон новгородскими владениями, несколько искусственно врезалась между ними. Это впечатление еще более усиливается тем фактом, что с юга эту территорию от основной смоленской области отделяет р. Межа (левый приток Западной Двины), само название которой указывает на проходивший здесь в древности рубеж.

Вряд ли такая чересполосица явилась результатом естественного развития событий. Ведь районы Великих Лук и Торжка были освоены новгородцами не позднее начала XI в. Торопец также известен в источниках с первой половины этого столетия [277]. Более того, в IX—X вв. верховья Западной Двины были заселены почти исключительно псковскими кривичами [278]. А в XI—XIII вв. сюда в значительном количестве проникают смоленские кривичи [279]. В конечном итоге граница их расселения на севере близко совпадает с границей Новгородской земли [280]. По-видимому, включение очерченной территории в состав Смоленского княжества оказало со временем значительное воздействие на этническую принадлежность ее населения.

Когда это произошло? Археологические данные косвенно свидетельствуют об XI в. Конкретная историческая ситуация того времени им не противоречит. Существовало ли Смоленское княжество как самостоятельная территориально-административная единица в X в.— вопрос спорный. Однако в середине XI в. оно уже было таковым. Его получил в удел младший сын Ярослава Мудрого — Вячеслав [281]. С выделением Смоленского княжества к нему, надо полагать, и были присоединены указанные земли как компенсация за отделение к Полоцку территории с Усвятом

---

[275] *Б. А. Рыбаков.* Русские датированные надписи XI—XIV веков.— САИ, вып. 21—44. М., 1964, стр. 27—28, № 23.

[276] «Грамота Мстислава Владимировича и его сына Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю».— ГВНП, стр. 140, № 81.

[277] ПВЛ, ч. I, стр. 127; *М. Н. Тихомиров.* Древнерусские города. М., 1956.

[278] *В. В. Седов.* Кривичи, стр. 62, карта 6 на стр. 61.

[279] Там же, карта 7 на стр. 61.

[280] *В. В. Седов.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 124.

[281] ПВЛ, ч. I, стр. 108—109.

и Витебском. Последующая борьба между Смоленском и Полоцком за Витебск как будто подтверждает этот вывод.

Если изложенные соображения верны, то мы получаем еще одно свидетельство в пользу весьма древнего становления основной государственной территории Новгорода.

Значительно сложнее определить рубежи собственно Новгородской «области» на востоке и юго-востоке с Ростово-Суздальской землей. Территория Бежецкого верха («Бежецкого ряда» грамоты Святослава Ольговича) вопреки мнению А. Н. Насонова была одной из древнейших составных частей «Новгородской волости». Думается также, что Торжок и Волок-Ламский к середине XI в. вошли в число новгородских владений. Однако точно установить пределы распространения новгородской дани в это время не представляется возможным. Есть основания полагать, что в 70-х годах XI столетия на северо-востоке они смыкались с границами Белозерской земли [282].

В. А. Кучкин предпринял с историко-географической точки зрения убедительный анализ событий конца XI в. (борьба Мстислава Владимировича Новгородского с Олегом Святославичем, захватившим Ростовскую землю). Им было выяснено, что «территория Ростовской земли по меньшей мере доходила до Медведицы» [283]. Дальше простирались владения Новгорода. Об этом говорит несколько фактов. Застава Олега («сторожа») во главе с его братом Ярославом стояла на устье Медведицы. Воевода Мстислава Добрыня Рагуилович, двигаясь впереди главных новгородских сил, «изъима даньникы» (Олега и Ярослава.— *А. К.*) [284], после чего Ярослав бежал к брату в Ростов, а Мстислав с новгородцами «приде на Волгу» [285]. Но Олег послал брата и данников в «сторожу», предварительно отклонив предложение Мстислава о мирном разрешении конфликта, «помысляше и Новъгородъ переяти» [286]. Эти наблюдения и дают право считать, что новгородский рубеж достигал здесь левобережья Волги.

В источниках нет никаких указаний об изменении новгородско-суздальских границ в первой трети XII в. Наоборот, летописные сведения о двух походах 1134 г. на Суздаль Всеволода Мстиславича с новгородцами подтверждают предшествующие наблюдения. Первый раз новгородские полки дошли до Волги и повернули назад с Дубны («воротишася на Дубнѣ») [287]. При чем «Всеволод иде опять к Новугороду», а его брат Изяслав, ради которого и был задуман поход, «оста на Волоце Ламь-

---

[282] *В. А. Кучкин.* Ростово-Суздальская земля в X — первой трети XIII веков, стр. 66.
[283] Там же, стр. 74.
[284] ПВЛ, ч. I, стр. 169.
[285] Там же.
[286] Там же.
[287] ПСРЛ, т. I, стб. 302; НПЛ, стр. 23, 208.

ском»[288]. Затем он ушел в Киев, вероятно, через Смоленск[289]. Причина отмены похода кроется в разногласиях самих новгородцев, проявившихся в волнениях перед ним и в смене посадников после него[290].

Весь комплекс перечисленных известий дает определенные представления о территориальных пределах Новгородской земли. Поскольку новгородцы из-за разногласий вернулись, нет оснований полагать, что они перешли суздальский рубеж. Полки, вероятно, двигались наезженным путем из Новгорода в Суздаль через Бронницы, Яжелбицы, Торжок и Тверцу на Волгу, а затем к устью Дубны, откуда они и повернули вспять. Так как Изяслав не ушел в Волоколамск, а остался «на Волоце Ламьском», тогда как Всеволод с новгородцами пустился в обратный путь, надо думать, что вся территория данной части Верхнего Поволжья принадлежала Новгороду.

С этого времени начинается серия новгородско-суздальских конфликтов, завершившаяся в конце XII — начале XIII в. формированием более устойчивого рубежа между двумя княжествами. Из сообщений летописи известно, что яблоком раздора как раз и были новоторжские волости с прилегающими к ним территориями по верхней Волге.

В 1135 и последующих годах Юрий Долгорукий укрепляет волжскую границу своего княжества, незащищенность которой выяснилась после двух новгородских походов на Суздаль в 1134—1135 гг.[291] А в 1139 г. он уже сам нападает на Новгород («възя Новыи търгъ») за отказ новгородцев участвовать в борьбе с киевским Всеволодом Ольговичем[292]. Судя по дальнейшим событиям, Юрий лишь разграбил город и угнал в плен его жителей. В 1147 г. суздальский князь вновь воюет с Новгородом[293]. Ему удается захватить Торжок и Помостье. Однако эти территории Юрий, вопреки мнению В. А. Кучкина[294], не удерживал за собой. В следующем 1148 г. в Суздаль на мирные переговоры отправился новгородский епископ Нифонт «и новторжьци выправи вси и гость цѣлъ», но мира не добился[295]. Значит, суздальцы опять разграбили захваченные земли и увели пленных, которых потом отпустили. В конфликте деятельное участие принимал киевский князь Изяслав Мстиславич, заявлявший, что «Гюргии из Ростова обидить мои Новгородъ и дани от них отоималъ и на поутех имъ пакости дѣеть»[296].

---

288 ПСРЛ, т. VII, стр. 29.
289 НПЛ, стр. 23, 208.
290 Там же.
291 *В. А. Кучкин.* Указ. соч., стр. 80; *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 185.
292 НПЛ, стр. 25, 211.
293 ПСРЛ, т. II, стб. 339.
294 *В. А. Кучкин.* Указ. соч., стр. 81.
295 НПЛ, стр. 28, 214.
296 ПСРЛ, т. II, стб. 367.

Когда мирные переговоры успеха не имели, Изяслав организовал большой поход на суздальские земли. В начале 1149 г. киевско-смоленско-новгородская коалиция выступила против Юрия. Ожидалось также прибытие черниговских князей. Соединенные силы должны были встретиться на устье р. Медведицы [297]. Этот факт прежде всего и свидетельствует против принадлежности данной территории Суздалю. Новгородцы с Изяславом шли сюда своей обычной дорогой через Торжок, а смоленские полки — Волгой. Здесь они и встретились.

Черниговские же князья границы своих владений так и не перешли, «зряча что ся тамо учинить межю Гюргемъ Изяславомъ» [298]. Последнее обстоятельство подтверждает высказанную выше мысль, что по крайней мере земли по левому берегу Волги до устья Медведицы считались новгородскими. Мстиславичи прошли к месту встречи по своей территории, а Владимир Давыдович и Святослав Ольгович остались «въ своихъ Вятичѣхъ», так как путь к устью Медведицы неминуемо лежал через суздальские земли. Они помимо всего прочего опасались нарушить суверенитет Суздаля из-за риска в случае договоренности между Изяславом и Юрием оказаться втянутыми в военные действия против последнего уже в одиночку. Изяслав и Ростислав, так и не получив от Юрия ответа на мирные предложения, подошли к Кснятину и только тогда «начаста городы его жечи и села и всю землю его воевати обаполы Волгы» [299]. По-видимому, суздальские земли по обоим берегам Волги простирались вниз по этой реке лишь от Медведицы.

Вероятно, под «всеми данями новгородскими», возврата которых требовал Изяслав, не имелись в виду новоторжские волости и Помостье. Дело шло, как и думал А. Н. Насонов, о каких-то действиях Юрия в Заволочье, где суздальский князь чинил препятствия новгородцам в сборе дани и пр.

Во второй половине XII — начале XIII в. Владимиро-Суздальская земля неуклонно продвигает свои границы на запад, тесня новгородцев. Уже в 80-х годах XII столетия районы по Волге ниже устья Тверцы были ростовскими [300]. В эти же годы начинает складываться «смесное» новгородско-владимирское владение Торжком и Волоком-Ламским [301]. Основание у устья Вазузы г. Зубцова, впервые упомянутого в летописи под 1216 г., вбило окончательный клин между новоторжскими и волоколамскими владениями Новгорода. Именно появление в источниках в конце XII — начале XIII в. Твери и Зубцова, принадлежащих владимирским князьям, и знаменует утрату Новгородом части

---

[297] ПСРЛ, т. II, стб. 368.
[298] Там же, стб. 371.
[299] Там же.
[300] *В. Л. Кучкин.* Указ. соч., стр. 90.
[301] Там же, стр. 91, прим. 226; *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 90—91.

своих верхневолжских земель. Думается, что этой уступкой новгородцы отстояли свое право «вольности в князьях» от притязаний Всеволода Большое Гнездо и его сына Юрия.

Общим итогом рассмотренных материалов является несколько иная периодизация ступеней формирования Новгородской земли, чем выдвинутая в свое время А. Н. Насоновым. Древним ядром области — княжения была территория племенного союза словен, кривичей (псковских) и части чуди (западной веси), где с достаточным основанием и надо локализовать раннегосударственное образование — Славию арабских источников второй половины IX — X в. Несколько позднее главной базой распространения суда и даней на Севере, согласно легендарным данным, стал Новгород. Его объединение с югом («Русской землей») положило начало Древнерусскому государству. Это привело к проникновению на Северо-Запад центральной княжеской администрации. Уже с середины X в. в Новгороде, судя по данным Константина Багрянородного, в качестве наместников киевского князя сидели его сыновья, в руках которых находился сбор дани (полюдья). Административная структура северо-западных земель совершенствовалась, организовывались новые погосты и становища, служившие опорными пунктами феодализации местного населения. Таким образом, к середине X в. земли словен, кривичей и чуди, на которые распространились княжеские дань и суд, постепенно сложились как территориальное и политическое ядро будущего Новгородского княжества, причем это ядро было несколько бо́льшим, чем представлялось до сих пор.

Отмеченные обстоятельства имеют определенное значение при очерчивании рубежей Новгородской земли. Эти границы в X в. не были линиями раздела с другими княжествами, поскольку новгородские границы еще не пришли в соприкосновение со встречным движением распространения дани и суда из соседних феодальных центров, а были границами, обусловленными степенью феодализации собственно Новгородского княжества.

До известной поры упомянутое движение было односторонним — из Новгорода. Оно не всегда осуществлялось мирным путем. Ярким примером служит покорение Владимиром и Добрыней Полоцка, сопровождавшееся уничтожением местной династии. Из Новгорода, по-видимому, государственная власть в течение середины — второй половины X в. распространилась также на районы верхней Волги, Белоозера и Ростова [302]. Пути ее проникновения определялись, наверное, старыми торговыми дорогами на Волгу: из бассейна Онежского озера на Белоозеро и Шексну, с Мсты на верх Мологи или на Тверцу. Археологические наблюдения как будто подтверждают эту мысль [303]. О том

---

[302] *Л. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 173—174; *В. А. Кучкин.* Указ. соч., стр. 63.

[303] *Е. И. Горюнова.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, № 94. М., 1961, стр. 183—248.

же говорит находка близ Суздаля в дружинном кургане ременной бляшки с тамгой Владимира Святославича, не только аналогичной, но и отлитой в одной форме с бляхой из приладожских курганов[304]. И пункты находок, и отсутствие подобных им изделий на юге позволяют датировать их временем новгородского княжения Владимира.

Складывание Древнерусского государства сопровождалось включением в его вассальную сферу обширных разноэтнических территорий на Севере и в Прибалтике (саамы, емь, корела, чудь заволочьская и прибалтийская, отдельные латышские и литовские племена). С развитием феодальной государственности на Руси структура управления этими землями уплотнялась и усложнялась, особенно со времени их включения в состав феодальных земель, на которые расчленилась древняя Русь.

Если говорить о Новгородской земле в этом аспекте, то ее рубежи стабилизируются в конце X — середине XI в. С одной стороны, этому способствовали распри с Киевом (Владимир — Ярополк, Ярослав — Владимир), с другой,— появление княжеских столов в соседних центрах, занятых сыновьями Владимира и Ярослава, а следовательно, и формирование территорий, к этим центрам тяготевших. По-видимому, в первую очередь это касалось юго-западной и южной границ Новгорода, т. е. его рубежей с Полоцким и Смоленским княжествами.

С X по XIII в. новгородская государственная территория, сформировавшаяся на основе племенной территории словен, кривичей (псковских) и чуди, в целом значительно расширилась. Наибольшие успехи в государственном освоении новых земель падают на XI — первую половину XII в. На западе от Новгорода это эстонские земли, где в 1030 г. Ярославом Мудрым был возведен г. Юрьев (современный Тарту). Около того же времени, но не позднее середины XI в. такими же отношениями были охвачены и находившиеся южнее земли латгалов; на северо-западе, вероятно, в 70-х годах XI в.— Водская земля — территория, где впоследствии были основаны города Копорье и Яма, тогда же эти порядки установились в низовьях рек Луги и Нарвы. Несколько позднее такие же отношения наблюдаются у живших к северо-востоку от води — ижоры и корелы. Возрастает влияние Новгорода на землях еми (тавасты юго-западной Финляндии).

В указанный период новгородцы сумели установить свой более или менее постоянный контроль над обширными областями Севера современной европейской части СССР. В конце X или в начале XI в. они проникли в Подвинье (Заволочье), причем феодализация этой территории шла двумя путями: через Белоозеро на р. Сухону к верховьям Северной Двины и через Онежское озеро, по рекам Водле и Онеге, а далее по р. Емце к нижнему течению Северной Двины. В начале XII в. новгородская

[304] *Б. А. Рыбаков.* Знаки собственности..., стр. 240—241, рис. 39, 40.

дань распространилась на пермь и печору, а в конце XII в. новгородцы проникли еще дальше на восток в районы обитания югры.

На юго-востоке новгородские владения достигли левого берега р. Волги и распространились по волжскому левобережью вплоть до впадения в Волгу р. Медведицы.

Наряду с увеличением новгородской государственной территории следует отметить случаи и потерь Новгородом подвластных ему земель. Так, возможно, во второй половине XI в. новгородцы лишились довольно значительной южной части своей территории, с севера примыкавшей к левому притоку Западной Двины — р. Меже, отошедшей к Смоленскому княжеству. Во всяком случае, по данным 30-х годов XII в. пространство между водоразделом рек Ловати и Куньи на западе до р. Вазузы на востоке, включая верхнее течение Волги, было уже смоленским. В 60-х годах XI в. в результате нападения на Новгород полоцкого князя Всеслава Брячиславича от новгородской территории был отторгнут и присоединен к Полоцку район одного погоста. И позднее, особенно в XIII в., Новгороду приходилось оборонять свои владения от покушений со стороны Владимиро-Суздальского княжества.

На западе новгородцы вместе с эстонским, латышским и другими народами вели героическую борьбу против экспансии немецкого Ордена, Дании и Швеции. Эта борьба, хотя и с территориальными потерями из-за двойственной политики правящей аристократической олигархии, остановила «натиск на Восток».

ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ

Л. В. Алексеев

Полоцкая земля — одно из интереснейших раннефеодальных княжеств древней Руси. Она первая выделилась из состава Киевской Руси, в ней, следовательно, впервые проявились те центробежные силы, которые через несколько десятилетий повсеместно ознаменовали новую эру в истории Руси — эпоху феодальной раздробленности.

Интерес к истории Полоцкой земли возник сравнительно рано. Еще в 1819 г. естествоиспытатель И. А. Гарижский [1], сопровождавший молодого П. И. Кеппена, ревизовавшего почтовые станции Белоруссии, сделал своей целью написание истории Полоцкой земли [2]. К сожалению, неизвестно, была ли такая книга им написана, но в печати она не появилась. Позднее Полоцкой землей заинтересовался известный издатель и ученый К. А. Говорский, который в 1853 г. написал довольно объемистый труд «История Полоцкой епархии», также не увидевший света, но наиболее интересные части его были изданы автором в «Витебских губернских ведомостях» [3]. Несколько позднее работал третий исследователь истории Полоцкой земли: в 1879 г. известный этнограф А. Ельский узнал о смерти кобринского ученого-монаха Матвея Бродовича, архив которого распродавался на пуды. Зная, что М. Бродович всю жизнь посвятил изучению истории Полоцкой земли, А. Ель-

---

[1] См. его работы и переводы из А. Х. Лерберга и Гумбольдта в «Соревнователе просвещения и благотворения» (ч. 3, 1818, стр. 180—203, 288—309; ч. 4, 1818, стр. 96—125 и др.).

[2] *П. И. Кеппен.* Список русским памятникам. СПб., 1822, стр. 128; «Дневник путешествия исследователей».— Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 30 (фонд П. И. Кеппена), оп. 1, д. 131 и 136.

[3] Помимо опубликованного мной перечня этих отрывков (*Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля. М., 1966, стр. 8, прим. 6) укажем дополнительно: *К. А. Говорский.* Взгляд на состояние униатской церкви во времена возвращения России Белоруссии.— «Витебские губернские ведомости», 1858, № 40—42; *он же.* Иосафат Кунцевич — полотский униатский епископ.— Там же, 1858, № 45; *он же.* Исторические сведения о Витебском Марковом монастыре.— Там же, 1858, № 20. Рукопись К. А. Говорского «История Полоцкой епархии», посланная им в Петербург для «высочайшего воззрения» (в чем ему было отказано), обнаружена мной в ЦГИАЛ (ф. 834, оп. 2, д. 1759).

ский поспешил в Кобрин, но опоздал, и весь архив Бродовича был продан на макулатуру[4].

Первые опубликованные исследования по истории интересующего нас княжества появились лишь в 90-х годах XIX в. М. В. Довнар-Запольским и В. Е. Данилевичем были написаны две книги, однако обе они базировались только на летописных данных и представляли собой в основном лишь историю политических отношений полоцких князей[5]. В книге «Полоцкая земля» я пытался осветить историю этой страны в разных аспектах[6]. Настоящая работа развивает и углубляет выводы этого исследования.

Термин «Полоцкая земля» принадлежит летописи, где встречается впервые под 1128 г.[7] «Земля» в понимании летописца — совокупность уделов, экономически, политически и культурно связанных с Полоцком и административно ему подчиненных. Термины «Полоцко-минская земля», «Полоцко-минская Русь», получившие некоторое распространение в науке благодаря В. И. Пичете[8], рождены в кабинете и источниками не оправданы.

Что же собой представляла Северная Белоруссия, чем она привлекала к себе древнее население? Географически эта территория занимала Придвинскую низменность вплоть до Белорусской холмистой гряды, тянущейся в широтном направлении от Орши к Минску, и захватывала весь водораздел Западной Двины и Днепра в пределах современной БССР. Основной водной артерией была Западная Двина, связывающая страну с востоком (через волоки) и с западом (через море). С северными и южными странами эту территорию связывали крупные реки — Березина, Друть, Ловать и в районе Орши — Днепр.

Крайне благоприятным обстоятельством для Полоцкой земли была близость верхнего Днепра (у Орши) и среднего течения Западной Двины (у Бешенковичей), что обеспечивало удобный транзит товаров, движущихся с Черного моря в Балтийское, и способствовало торговле внутри страны. Помимо многочисленных рек эта страна изобиловала озерами, происхождение которых связывается с вюрмским оледенением. Обилие в них рыбы было также заманчиво для новых насельников. Болот в Северной Белоруссии, по сравнению с южной, немного; большая часть их тянется вдоль верхнего течения

---

[4] «Tygodnik powszehny», 1880, № 13, стр. 202. Выписки из этого издания по моей просьбе любезно сделаны виленским археологом В. В. Даугудисом, которого я и прошу принять мою искреннюю признательность.

[5] *М. В. Довнар-Запольский.* Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891; *В. Е. Данилевич.* Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896.

[6] *Л. В. Алексеев,* Полоцкая земля.

[7] ПСРЛ, т. I, изд. 2, вып. 2. Л., 1927, стб. 299.

[8] «Очерки истории СССР в IX—XIII вв.». М., 1953, стр. 380—388.

Березины. Находимые в них болотные руды наряду с озерными играли, несомненно, крупную роль в жизни населения, производившего из них железо сыродутным способом [9].

Почвы Северной Белоруссии входят в так называемый северный, или озерный, геоморфологический округ. Они возникли на древних девонских отложениях и характеризуются дерново-подзолистостью и сравнительно невысоким плодородием. Это суглинистые и супесчаные почвы (Браславский, Дуниловичский, Богушевский, Городокский районы), пылевато-суглинистые или глеево-пылевато-суглинистые (Витебско-Лиозненский и Дриссенско-Шарковщинский районы), пылевато-супесчаные (Полоцко-Суражский район) и, наконец, песчаные почвы (Лиснянско-Дретуньский район) [10]. Полезных ископаемых, доступных человеку, в древности в Северной Белоруссии было немного: кроме упомянутых болотно-озерных руд следует указать гончарные глины, известняки девонской системы, употребляемые для выжигания извести.

Климат Северной Белоруссии эпохи Киевской Руси (и более раннего времени) еще не изучен, хотя для этого теперь открылись дополнительные возможности благодаря дендрохронологии [11].

Растительность Полоцкой земли прежде всего характеризуется (особенно в древности) обилием лесных массивов, непроходимых чащ, на что указывали многие авторы начиная с путешественников XV в. На подзолистых почвах рос преимущественно смешанный лес: ель, береза, осина, белая ольха и др. На песчаных почвах смешанные леса перемежались сосновыми борами. Площадь же лугов в древности была ничтожной и луговая флора, вероятно, была более бедной [12].

Животный мир, судя по остеологическому материалу раскопок, был в древности гораздо богаче современного. Об этом писали и путешествующие по Белоруссии иностранцы: в Литве (т. е. в Белоруссии.— *Л. А.*) «диких зверей больше, чем во всем христианском мире,— писал в начале XVI в. Матвей Меховский,— так как леса там большие, то во множестве попадаются и ловятся крупные звери: буйволы и лесные быки, которых они на своем языке зовут турами или зубрами, дикие ослы, лесные кони, олени, лани, газели, козы, кабаны, медведи, куницы, белки и другие породы зверей» [13]. Есть свидетельства и более ранние (1499 г.) [14]. Белки и лисицы безусловно во-

---

[9] *Б. А. Колчин.* Черная металлургия и металлообработка в древней Руси.— МИА, № 35, 1953, стр. 36—37.

[10] *П. П. Роговой, А. Г. Медведков* и др. Почвы БССР. Минск, 1952, стр. 233—238.

[11] *Л. В. Алексеев.* Указ. соч., стр. 169.

[12] «Россия», т. IX. СПб., 1905, стр. 35—39.

[13] *М. Меховский.* Трактат о двух Сарматиях. М.— Л., 1936, стр. 111.

[14] «Акты, относящиеся к истории Западной России», т. 1. СПб., 1846, № 165.

дились в районе Минска. Упоминаются различные породы диких зверей Белоруссии в XVI в. и в «Уставе на волоки 1557 г.»[15]. В лесах можно было встретить маленькую лошадь типа тарпана, кости которой изредка попадаются в археологических раскопках (Гродно, Браслав, в больших коллекциях Минска и Витебска не обнаружены[16]), что показывает, что в пищу они почти не употреблялись. Большинство перечисленных диких животных дожило до XIX в., когда они были полностью истреблены[17].

Как и кем была заселена Северная Белоруссия в первом тысячелетии н. э., что обусловило образование там самостоятельного передового (из вассальных по отношению к Киеву) княжества? Вопросы эти волновали исследователей уже давно, но ответить на них представляется возможным только теперь, с накоплением археологических и других данных.

Полоцк стоял при впадении р. Полоты в Западную Двину, поэтому территорию Полоцкого княжества следует искать в бассейне Западной Двины и сопредельных землях. В конце первого тысячелетия до н. э. и начале новой эры территория эта была заселена древними балтами, оставившими в Центральной Белоруссии (до линии Орша — р. Усяж-Бук — Докшицы — Дуниловичи — Поставы) городища культуры штрихованной керамики, а в бассейне Западной Двины — городища днепродвинской культуры, простирающейся и в Смоленщину[18].

Продвижение на север в область восточных «штриховиков» культуры типа Адаменки (видимо, вариант зарубинецкой культуры) в первых веках н. э. в восточной части Центральной Белоруссии дало симбиоз двух культур. В III—IV вв. эта смешанная культура определилась в новой культуре — так называемой культуре типа верхнего слоя Банцеровщины, или Банцеровской культуре[19]. Культура эта, видимо, представляет древности огромного массива племен, распространившегося с середины первого тысячелетия н. э. почти на всей территории Белоруссии («Банцеровская культура»), Смоленщины (т. е. культура «типа Тушемли») и уходит частично даже за ее пределы, на верхнюю Десну.

Этническая принадлежность Банцеровской культуры выяс-

---

[15] «Устав на волоки 1557 г.» — «Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв.» М., 1936, стр. 55.

[16] Одна кость тарпана была обнаружена, по свидетельству В. И. Цалкина, при раскопках Браслава. См. также: *В. В. Щеглова.* К вопросу о фауне Минского замчища.— В кн. «Белорусские древности». Минск, 1967.

[17] *А. М. Сементовский.* Беглый статистический обзор Витебской губернии.— «Памятная книжка Витебской губернии на 1881 г.», стр. 113.

[18] *А. Г. Митрофанов.* Памятники восточно-балтийских племен.— «Очерки по археологии Белоруссии», т. I. Минск, 1970, стр. 184—224; *он же.* О происхождении культуры типа верхнего слоя Банцеровщины (V—VIII вв.).— «Беларускія старажытнасці». Минск, 1972, стр. 160—163.

[19] *А. Г. Митрофанов.* О происхождении..., стр. 155.

нена недостаточно. И. П. Русанова и В. В. Седов считают ее чисто балтской, А. Г. Митрофанов усматривает в ней балтскую основу, развившуюся под сильным воздействием славянских племен [20]. Локальные варианты этой банцеровско-тушемлинской культуры еще не изучены, но без сомнения они были. Не случайно кривичи, двигавшиеся в VII в. в Белоруссию с севера [21], в глубь страны проникли лишь в западной ее части (на верхний Неман) [22], а на остальной территории, как это видно по распространению длинных курганов, перейдя Западную Двину, дошли только до линии Капланы — Спицы (бывший Сенненский уезд), Фролковичи — Стаи (бывший Лепельский уезд) [23]. Линия эта соответствует северной границе распространения ранее упомянутых городищ штрихованной керамики (Орша — Докшицы — Поставы).

Кривичи пришли сюда не ранее VII в., когда «штриховиков» уже не было и повсеместно распространилась в Белоруссии Банцеровская культура. Все же кривичи остановились на линии границы «штриховиков»; видимо, за этой линией жили в их времена потомки «штриховиков», представлявшие собой локальный вариант Банцеровской культуры, вариант, обусловленный его подосновой — культурой городищ штрихованной керамики, несколько отличавшейся от более северной днепродвинской. Лишь отдельные роды кривичей (судя по тем же длинным курганам) проникли на верхнюю Березину [24].

Теперь надлежит выяснить, как распространилось в землях Северной Белоруссии население эпохи железного века, а затем кривичей и какое значение имел характер заселения последних для формирования в дальнейшем Полоцкого княжества. Раньше этот вопрос не поднимался из-за отсутствия источников. Теперь в нашем распоряжении материалы археологии. В идеале нужна тотальная карта поселений и погребений времени железного века и раннего средневековья. Необходимость сплошных пеших обследований каждого квадратного километра изучаемой площади делает составление такой карты практически нереальным. При разработке вопроса мне пришлось идти упрощенным путем, составив тотальную карту курганов Полоцкой земли, оставив в стороне все прочие виды памятников, и попытаться на ее основе сделать историко-демографические

---

[20] *И. П. Русанова.* О керамике раннесредневековых памятников верхнего и среднего Приднепровья.— В сб. «Славяне и Русь». М., 1968; *В. В. Седов.* Славяне Верхнего Приднепровья и Подвинья. М., 1970; *А. Г. Митрофанов.* Памятники восточно-балтийских племен, стр. 254.

[21] *В. В. Седов.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 92 и сл.

[22] *Ф. Д. Гуревич.* О длинных и удлиненных курганах в Западной Белоруссии.— КСИИМК, вып. 72, 1958; *В. В. Седов.* Славяне..., стр. 82.

[23] *Л. В. Алексеев.* Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины.— «Труды Прибалтийской экспедиции», т. I. М., 1959, карта.

[24] *Н. Г. Чернягин.* Длинные курганы и сопки.— МИА, № 6. М., 1941, карта.

выводы. Этот метод вполне правомерен, так как погребения балтов неизвестны, курганов бронзового века на территории Северной Белоруссии нет и все захоронения этого рода, таким образом, отражают погребения славян с VII в. (длинные курганы) до X—XII вв. (круглые курганы). Каждая курганная группа в среднем соответствует одной древнерусской деревне домонгольского времени, а скопление этих групп дает примерную схему заселенности всего княжества в целом (рис. 1).

Любопытно сравнить нашу карту северо-белорусских курганов с картой городищ той же территории, на которой больше всего обозначено, естественно, памятников так называемой городищенской эпохи — раннего железного века (балтские племена), куда частично входят и памятники славянского времени (те и другие не всегда могут быть расчленены, и поэтому указываются все городища Северной Белоруссии). Выясняется, что предположение о малой заселенности Белоруссии до прихода славян полностью подтверждается: многие густозаселенные в домонгольское время территории в балтский период почти полностью пустовали. Это особенно ощутимо, например, в районах к югу от Минска, также в междуречье Гайны, Березины и Свислочи и т. д. (см. рис. 1). Большая степень заселенности обнаруживается в землях, изобилующих водоемами, которые давали дополнительное питание рыбой и использовались населением издревле (например, земли к югу от Полоцка).

Карта северобелорусских курганов показывает, что славянское население распространилось на территории будущей Полоцкой земли не хаотически, а «амебообразными» сгустками — к юго-западу от Полоцка, в верховьях рек Свислочи и Птичи, Друти, по Гайне и Березине, в низовьях Свислочи, в междуречье Двины и Ловати и т. д. Для характеристики жизни домонгольского населения этих мест, для представления о степени разобщенности отдельных сгустков населения, о возможности общения между каждым из них, а также о направлении торговых коммуникаций в стране необходимо выяснить, что представляли не заселенные в древности участки, разделявшие скопления поселений. Болот в Северной Белоруссии сравнительно немного, поэтому всего вернее обратиться к истории белорусского леса. Древнейшая история русских лесов почти не изучена, и у исследователей существуют на этот счет самые туманные представления [25].

Первые действительно большие порубки леса начались в середине первого тысячелетия н. э., в период перехода родовых коллективов к сельской общине, ухода населения с городищ на селища, с переходом от подсечно-огневого способа об-

---

[25] *М. А. Цветков.* Изменение лесистости европейской части России с конца XVII в. по 1914 год. М., 1957, стр. 9. Критику этой книги см.: *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 71—72.

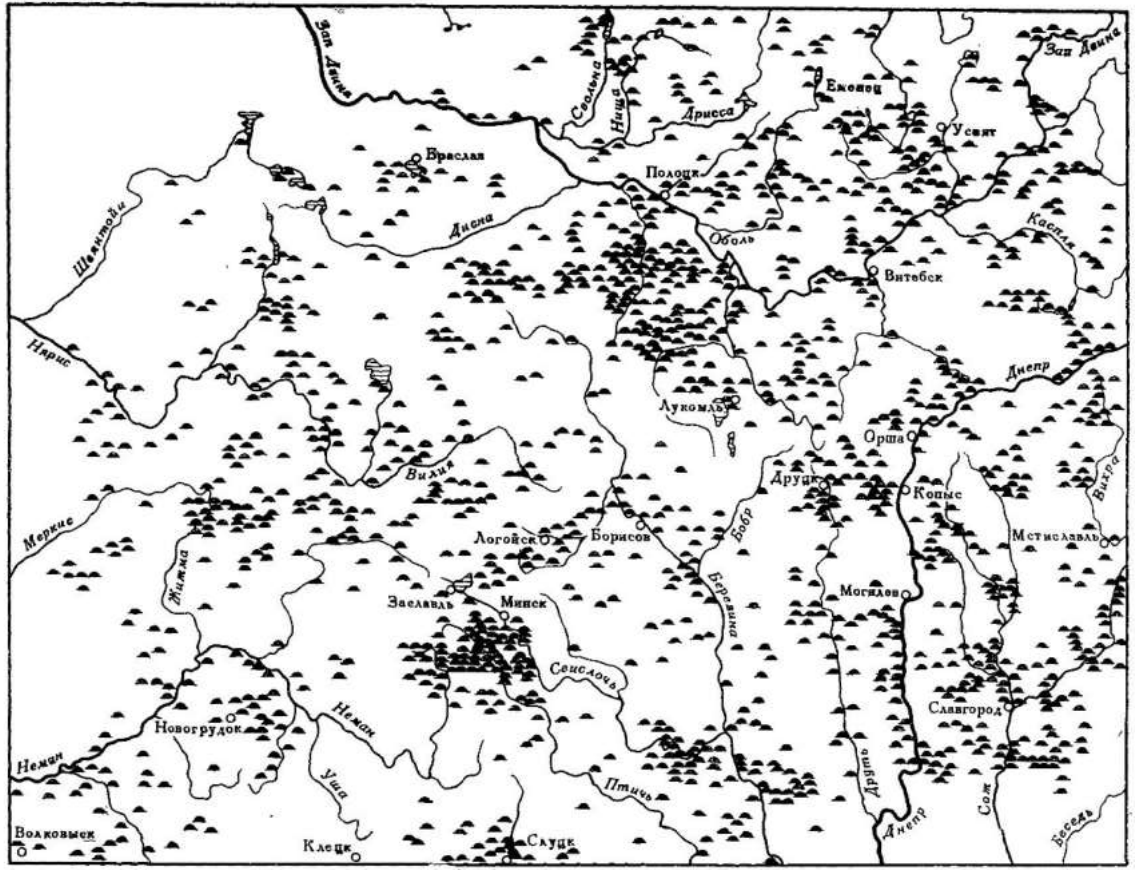


Рис. 1. Курганы северной Белоруссии IX—XII вв.

работки почв к системе больших пашен. Именно тогда с ростом деревень, окруженных возделываемыми полями, началось массовое истребление лесов. Однако в XV—XVII вв. лесов в Белоруссии было еще множество и часто в тех местах, где их теперь уже нет. «Из дошедших до нас свидетельств иностранцев, путешествующих в разные годы XVII в. в Литве, в том числе Мейерберга,— писал первый белорусский историк, лесовод по образованию, А. М. Сементовский,— мы убеждаемся, что местность, составляющая ныне Витебскую губернию, была покрыта почти сплошь массой лесов...» [26]

О залесенности Полоцкой земли XV—XVII вв. (и позднее) есть свидетельства иностранцев, которые следует дифференцировать. «Многочисленные леса к северу от Западной Двины в районе крепости и озера Нища» видел в 1517 г. С. Герберштейн [27]. В то же время к северу от Полоцка в 1563 г. Иван Грозный приказал двинуться к этому городу и «всему воинству с собою имати (запасы.— *Л. А.*) довольно на всю зиму и до весны, занеже итти до Полоцка месты пустыми и непроходными» и дорогу перед собой велел «чистити»; и далее: «от Невля до Полоцка (...) дорога лесна и тесна...» [28] Через 16 лет Р. Гейденштейн записал: «По направлению к Пскову и Лукам почти на сто миль простирались густые и непроходимые леса» [29]. Подобные же дремучие леса сохранились к северу от Полоцка, судя по свидетельству современников, и до XIX в.: «По приближении к границам Себежа и Невеля путешественника встречают боры, наподобие туч нависшие на горизонте...» [30]. Эта же картина отмечалась и в районе Себежа [31]. Изобиловали лесами западные окраины земли: «...я выехал в ... 1413 г. из Динабурга через огромные пущи,— писал французский путешественник Жильбер де Лануа,— и так непрерывно странствовал два дня и две ночи, не находя жилища...» [32].

Как и на северной окраине, леса сохранились до XIX в. и на западных рубежах Полотчины, на границе с Литвой: «Наконец, я забрался к восточному краю Виленской губернии,— писал известный историк Белоруссии М. О. Коялович,— к востоку тут громадные леса (еще уцелевшие), за ними — Неман...» [33]

---

[26] *А. М. Сементовский.* Описание Витебской губернии в лесном отношении.— «Труды Вольного экономического общества», т. III—IV. СПб., 1862, стр. 17.
[27] *С. Герберштейн.* Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 223.
[28] ПСРЛ, т. XXIX. М., 1965, стр. 304.
[29] *Р. Гейденштейн.* Записки о московской войне. СПб., 1889, стр. 62.
[30] *Я. Барщевский.* Очерк Северной Белоруссии.— «Иллюстрация». СПб., 1846, № 10, стр. 147.
[31] *Савва, архиепископ Тверской и Кашинский.* Хроника моей жизни, т. IV. Троице-Сергиевская Лавра, 1902, стр. 211.
[32] *O. Hedemann.* Historja powiatu Braslawskiego. Wilno, 1930, стр. 381.
[33] *М. О. Коялович.* Поездка в середину Белоруссии.— «Церковный вестник», СПб., 1, № 3, стр. 45.

У южных окраин Полотчины отмечались большие леса: в 1564 г. королевские войска не допускали к Орше русских воевод, шедших от Полоцка, и напали на них, «царевы же и великого князя воеводы не токмо доспехи успели на себя положити, но и полки стати не успели зане пришли места тесные и лесные»[34]. Бернгард Таннер, направлявшийся в Московию в 1678 г., еще ужасался обилию «страшных лесов» между Минском и Борисовом[35]. В «темный и громадный лес около Минска» «стремительно углубился» в 1812 г. Наполеон[36]. На восточных окраинах Полоцкой земли существовали особенно мощные леса. В послемонгольское время там проходила граница Руси с Великим княжеством Литовским, которая усиленно поддерживалась русскими: «...не желая оставлять те (завоеванную Велижскую область.— *Л. А.*), москвитяне,— пишет Р. Гейденштейн,— как это (они) делали в других местах, нарочно дали разрастись непроходимым лесам, ибо у них такой обычай, что они оставляют землю, соседнюю с неприятелем, на протяжении нескольких миль вполне невозделанной и необитаемой; частые же деревья, которые по необходимости вырастают на свободной почве, и густые леса затем образуют некоторого рода оплот против неприятеля, и они считают себя в безопасности от вражеских набегов...» «Сураж,— продолжает он далее,— находился как бы на самой опушке вышеупомянутого леса»[37].

Встречаются упоминания о лесах и внутри страны, но их немного. В 1654 г. шедший из Полоцка воевода П. И. Шуйский «с войском своим выступил из лесу в поле, прилежащее к Улле,— писал в донесении королю воевода Радзивилл,— а я с другой стороны из Луковского леса вышел на ту же равнину...»[38] Основной массив лесов в Северной Белоруссии сохранился, как это отмечал В. Е. Данилевич, в долине р. Березины, откуда они распространяются на восток к Друти и на запад по р. Свислочи к верховьям неманской Березины. Но по мере приближения к Двине они редеют и на правом берегу Березины[39]. О причинах этого явления мы будем говорить ниже. Хищническое уничтожение лесов в Белоруссии началось, по-видимому, в XVIII в. и продолжалось до революции, что и изменило картину залесенности страны[40]. Уже Ф. Булгарин

---

[34] ПСРЛ, т. XIII. М., 1965, стр. 377.
[35] *Бернгард Таннер.* Описание польского посольства в Москву в 1678 году. М., 1891, стр. 25.
[36] *Сегюр.* Поход в Москву 1812 года. М., 1911, стр. 175.
[37] *Р. Гейденштейн.* Записки о московской войне. СПб., 1889, стр. 116.
[38] *А. П. Сапунов.* Витебская старина, т. IV. Витебск, 1885, стр. 124.
[39] *В. Е. Данилевич.* Очерк истории Полоцкой земли, стр. 15.
[40] Об уничтожении лесов в Могилевщине см.: «Полное собрание законов», т. XIX. СПб., 1830, стр. 895; в Минщине — там же, т. XXIV, стр. 608 и др.

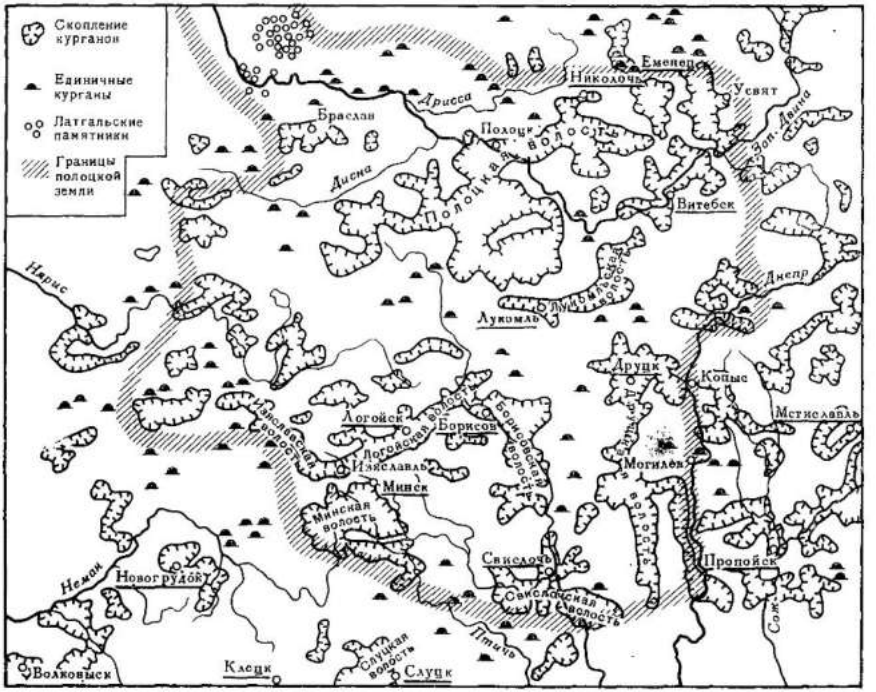


Рис. 2. Схема скоплений поселений Полоцкой земли

в 1835 г. отметил, что «теперь леса начинают исчезать с лица земли, и в Белоруссии есть уже места безлесные (Мстиславльский уезд Могилевской губернии)»[41]. Наступление человека на лес до варварского его сведе́ния в XVIII—XIX вв. частично отразилось в наименовании современных населенных пунктов — Бор, Борок, Лесная и т. д., нанесение которых на археологическую карту эпохи Киевской Руси показывает, что большинство их располагается в тех местах, где нет (или почти нет) ни современных лесов, ни археологических памятников. Зоны с этими наименованиями окружают скопления курганов вокруг Минска, вокруг Полоцка, есть они к юго-востоку от Витебска и т. д. По-видимому, эти названия отражают не первоначальное наступление человека на лес, а тот его период, когда курганы уже не насыпались. Распространение лесных массивов домонгольской поры в сочетании с современными массивами дает наиболее полное представление о залесенности страны в древности (рис. 2). Приведенные данные показывают,

---

[41] *Ф. Булгарин.* Путевые заметки на поездку из Дерпта в Белоруссию и обратно весной 1835 года. Соч., т. III. СПб., 1836, стр. 190.

что часть территории Северной Белоруссии была издревле занята лесами, слабые рудименты которых сохранились до наших дней.

Перейдем к рассмотрению территорий, отнятых у леса славянами. Мы видим огромные скопления курганов к югу от Полоцка, в междуречье Западной Двины, Уллы, Десны и верховьев Березины — в обширном крае, богатом рыбными угодьями и довольно густо населенном в предшествующую эпоху балтских аборигенов. Здесь есть и длинные курганы, древнейшие из которых (на самой границе с литовскими племенами у д. Машули) датируются VII—VIII вв.[42] Эта группа славянских поселений является древнейшей в Полоцкой земле. К ней, по-видимому, примыкали поселения правобережной Двины, тянущиеся в районе Полоты к северо-востоку (см. рис. 2) [43]. Условно всю эту группу можно назвать Полотско-Ушачской. Естественными границами ее на западе была Десна, на юге — уже упоминавшийся лесной массив верховьев Березины, на севере — безлюдное междуречье Дриссы и Полоты. Восточная граница не прослеживается столь безусловно, вероятно, она шла где-то по незаселенным и, следовательно, залесенным местам междуречья Оболи и Овсянки, пересекая Западную Двину в районе между Старым селом и Бешенковичами, а также р. Уллу, немного ниже устья Эссы, и шла на юго-запад, вероятно, несколько южнее этой реки. В целом восточная граница Полотско-Ушачской группы поселений, по-видимому, совпадала с границей Полоцкого повета XVI в.[44]

Вторая группа поселений домонгольского времени концентрировалась к югу от Минска и условно может быть названа Минской. Древние деревни располагались здесь компактной массой на правом берегу в верховьях Свислочи, по всему течению Птичи, Ушы, на западе немного не доходили до верховьев неманской Сулы, на севере почти не заходили за Минск, а на юге кончались севернее истоков р. Лоши (см. рис. 2). Эту группу поселений с запада и востока ограждали безлюдные лесные территории междуречья Немана и его притока Березины, междуречье Лоши и Случи, все течение Волмы и среднее течение Свислочи. Судя по раскопкам (у деревень Рыловщины, Петровщины, Лошницы, Черниковщины — под Минском и у неко-

---

[42] *В. В. Седов.* Славяне...

[43] В районе Рудни-Бездедовичи-Салатки исследования производились многими археологами (*Л. В. Алексеев.* Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины.— «Труды Прибалтийской экспедиции», т. 1. М., 1959, прим. 144). Недавно южнее Полоцка вел раскопки Г. В. Штыхов, а также, насколько известно, и А. Г. Митрофанов (*Г. В. Штыхов.* Раскопки курганов под Полоцком.— «Вопросы истории и археологии». Минск, 1966, стр. 268—275).

[44] *Н. Н. Оглоблин.* Объяснительная записка к карте Полоцкого повета второй половины XVI в.— «Сборник Археологического института», кн. 4. СПб., 1880.

торых других), поселения в этой группе возникли не ранее XI в. и принадлежали дреговичам [45].

Можно отметить еще несколько групп поселений, хотя насыщенность деревнями в них была, по-видимому, меньшей. Они тянулись отчетливой полосой от современного Заславля через Логойск по левому берегу р. Гайны к ее устью, а затем по левому берегу Березины до устья р. Бобр, где переходили на правую сторону Березины. Раскопки курганов (у деревень Кленики, Логойск, Мурава [46] и др.) показали, что поселения здесь возникли не ранее XI в. и в районе Гайны, на Березине у Борисова принадлежали кривичам, а южнее (Мурава и др.) — дреговичам. Помимо этой Гайно-Березинской группы поселений можно наметить Друцкую группу в верховьях Друти. Здесь обнаружены курганы с трупосожжениями и трупоположениями, начиная с конца X в. (деревни Загородье [47], Синчуки [48], Арава [49]). Группа эта окружена была пустыми пространствами, по-видимому залесенными со всех сторон, кроме северо-запада, где древние деревни продолжались в район рек Усяж-Бук и Обольянки. Здесь Друцкая группа древних поселений соединялась с Лукомльской группой, расположенной к востоку и северо-западу от Лукомльского озера. Лукомльская группа не была столь интенсивно заселенной, как расположенные рядом Полоцкая и Друцкая. Раскопки курганов показали, что славянские поселения возникли здесь довольно рано и во всяком случае в VIII—IX вв. уже существовали. Там встречаются длинные курганы (например, д. Спицы [50]), курганы с трупосожжением в лепных и гончарных урнах (Вядец [51], Черцы [52], датирующиеся не позднее X в.), курганы с трупоположением

[45] *І. А. Сербаў.* Археалегічныя раскопкі у аколицах Менску у 1925 годзе.— «Гістарычна-археалегічны зборнік». Менск, 1927; *Л. А. Спицын.* Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Минская губерния.— ЗРАО, т. XI, вып. 1, 2. СПб., 1899, стр. 289—294; *В. Е. Завитневич.* О курганах Минской губернии. Календарь северо-западного края на 1890 год. М., 1890, стр. 11. Исключением являются лишь две курганные группы в районе Койданова под Минском (ныне Дзержинск): курганы у деревень Каменка и Новосады. Подробнее об этом см.: *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 37.

[46] *В. Е. Завитневич.* О курганах Минской губернии, стр. 11; Архив ЛОИА, ф. 1, 1889, д. 20, л. 11; «Российский Исторический музей. Указатель памятников». М., 1893, стр. 132—135; «Участие минского губернского статистического комитета на Московской Антропологической выставке».— «Минские губернские ведомости», 1879, № 22—25.

[47] *Е. Р. Романов.* Раскопки в Могилевской губернии в 1888 г.— «Древности». ТМАО, т. XIII, вып. 1. М., 1900, стр. 144—146.

[48] *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 42—43.

[49] *Л. А. Алексеев, З. М. Сергеева.* Раскопки курганов в восточной Белоруссии.— КСИА, вып. 135. М., 1973, стр. 51—53.

[50] *Е. Р. Романов.* О курганных раскопках в Сенненском уезде Могилевской губернии.— «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. 49, вып. 5. М., 1890, стр. 602—603.

[51] ОАК за 1893 год. СПб., 1905, стр. 11.

[52] См.: Труды I АС. М., 1871, стр. XXXVIII.

X в. (например, у д. Вядец, где при трупоположении был найден саманидский диргем 914 г.[53]).

Помимо названных групп поселений в пределах Полоцкой земли можно выделить еще две группы их скоплений: в районе Орши — междуречье р. Адровки и верховьев Лучесы и в районе нижнего течения р. Свислочи. Поселения Оршанской группы начали возникать не позднее IX в. Во всяком случае здесь встречаются длинные и удлиненные курганы (с. Ново-Тухино[54], урочище Змяинки[55] и др.). Известны здесь и трупосожжения в круглых курганах (например, Грязивец[56]). В заключение выделим еще одну группу поселений, располагавшуюся в нижнем течении р. Свислочи. Кривичи проникали сюда эпизодически уже в IX в. и оставили единственную группу длинных курганов у д. Орча-Вязье[57]. Но это было, по-видимому, единичное явление — всего один поселок, жители которого спустились сюда по Березине. Все остальные курганы здесь датируются не ранее XI в. и все содержат трупоположения[58]. Свислочская группа оставлена дреговичами.

Итак, приведенные данные показывают, что территория позднейшей Полоцкой земли начала заселяться славянами (кривичами главным образом) в VII—VIII вв. Первоначально это население распространилось в озерном крае левобережной Западной Двины, также к югу и к юго-западу от устья р. Полоты, ассимилируя балтских аборигенов и почти не проникая на территорию центральной части современной Белоруссии (исключение составляют, как мы видели, два поселка с длинными курганами на Березине). В X в. (а вероятно, уже в конце IX в.) славяне-кривичи проникли и в центральные районы Белоруссии, ассимилируя балтов и здесь (былых носителей культуры городищ штрихованной керамики, а тогда уже носителей, как мы говорили, так называемой Банцеровской культуры).

Распространение славян в это время хорошо прослеживается по более ранним погребениям X в.— сожжениям с лепными урнами и по более поздним — сожжениям с гончарными урнами тоже X в. Ранние погребения встречаются только к югу и

---

[53] ОАК за 1893 год, стр. 11.

[54] ИАК, вып. 5. СПб., 1903, стр. 48; *С. А. Тараканова.* Длинные и удлиненные курганы.— СА, т. XIX, 1954, стр. 81, прим. 11.

[55] *І. А. Сербаў.* Археолегічныя помнікі Дубровенскага раену Аршанскае Акрузі.— «Працы», II, стр. 91.

[56] *А. Н. Ляўданскі.* Археолегічныя досъледы у Аршанскае Акрузе.— Працы, II, стр. 36. Любопытно, что обряд погребения здесь был переходным от трупосожжений к трупоположениям (сожжение в длинной яме, вырытой как для целого трупа).

[57] *А. Немцоў.* Помнікі Асіповицкого района Бобруйскае Акрузі, вып. 2, 1928, стр. 83.

[58] *А. А. Спицын.* Материалы по доисторической археологии России. Минская губерния.— ЗРАО, т. X, вып. 1—2. СПб., 1898, стр. 326 и сл.

юго-западу от Полоцка и в верховьях Березины, а более поздние погребения — на остальной территории (например, в верховьях Друти). В XI в. это стихийное продвижение кривичей на юг прекратилось: они вошли в соприкосновение с дреговичами, заселившими земли к югу от Минска, Борисова и Друцка. Что собой представляло на том этапе славянское население этих мест, мы не знаем. Несомненно только, что соседская община находилась у них в стадии последнего разложения. Курганные захоронения свидетельствуют о значительной имущественной дифференциации.

* * *

Отсутствие письменных источников и недостаточное количество археологических данных не позволяют, к сожалению, должным образом осветить глубинный процесс зарождения феодальных отношений в Полоцкой земле, и о нем часто можно только догадываться лишь по имеющимся крайне отрывочным данным. Так, исчезновение в IX в. коллективных усыпальниц — длинных курганов — и замена их круглыми насыпями меньших размеров с одиночными, реже парными захоронениями — свидетельствуют, по-видимому, об ослаблении родовых связей и о господстве семьи патриархального типа, а наличие в пределах одной курганной группы богатых и бедных инвентарем погребений указывает, вероятно, на имущественное неравенство. Погребальный обряд является самым консервативным, и явления, которые он отражает, часто относятся к гораздо более ранним временам. Однако это не всегда так. Переход к парной семье патриархального типа начал совершаться у кривичей, несомненно, раньше возникновения длинных курганов, имущественное же неравенство, которое прослеживается только в круглых курганах с трупоположением, отражает, конечно, «сегодняшний» день, т. е. относится к X—XI вв.

Появление богатых и бедных патриархальных семей привело постепенно к образованию племенной знати, которая, пользуясь трудом зависимых от нее бедных членов общины, все более налагала свою тяжелую руку на общинную собственность, начиная захватывать власть в племенных центрах и во всем племени. Так появились племенные князья, которые стали отстраивать укрепленные стенами большие участки — «дворы», где они, поставившие себя над племенем, могли быть вне опасности. Племенная знать полочан отстроила на правом берегу Полоты недалеко от ее устья крепость — «город» Полоцк. Сюда теперь собиралась дань со всей Полотско-Ушачской группы поселений, которая, став собственностью полоцкого князя, отныне именовалась его «волостью» (от глагола «володеть» — владеть). Власть князя ежегодно распространялась на все новые соседние территории путем наложения дани.

Если социально-экономическое развитие ряда древнерусских земель лесной полосы Восточной Европы несколько запаздывало в своем развитии и земли эти, находясь в зависимости от Юга, лишь к XII—XIII вв. достигли уровня развития других княжеств (например, Ростово-Суздальская [59] и Смоленская земли), то Полоцкая земля оказалась в совершенно особом положении и первая открыла, как увидим, путь к экономической и политической самостоятельности. Причин более раннего развития феодализма в этой земле — несколько, но главнейшая, на наш взгляд, в ее географическом положении. Как я уже показывал ранее [60], разрозненные скопления кривичей в Северной Белоруссии в X в. были объединены двумя скрестившимися здесь крупнейшими общерусскими торговыми коммуникациями, протянувшимися через всю страну с юга на север и северо-запад и с запада на восток (т. е. путь «из варяг в греки» и путь западнодвинский — через Смоленск и волоки по Западной Двине). Сравнение карты распространения в Полоцкой земле арабских дирхемов, а также монет западноевропейских и византийских с картой поселений домонгольского времени показывает, что население этой страны активно участвовало в торговле, возникавшей, видимо, вдоль западнодвинского ответвления пути «из варяг в греки» (которое было, как отмечал уже С. В. Бернштейн-Коган, главнейшим), все находки кладов и отдельных монет располагаются, как и местные поселения домонгольского времени, в диагональном направлении с юго-востока на северо-запад и в основном в местах их скоплений, прежде всего в междуречье Западной Двины и Днепра (см. рис. 2). Все волоки этого важнейшего для Руси пути в Прибалтику и Скандинавию оказались, таким образом, в основном в Полоцкой земле; она владела, следовательно, ключевыми позициями международного транзита, что не могло не сказаться решительным образом на ее экономике.

Процесс формирования государственного образования феодального типа — Полоцкой земли — наши источники позволяют проследить в нескольких проявлениях и набросать примерную схему его развития. Он начался, естественно, с оформления территории княжества в целом (что в свое время блестяще показал А. Н. Насонов [61]). С возвышением Полоцка и с появлением «местного феодального класса, в интересах которого было создать аппарат принуждения, распространяя его действие на значительное территориальное объединение» [62], дань, поставляемая в Полоцк, начала разрастаться все более; IX и

---

[59] *А. Н. Насонов.* Малоизученные вопросы ростово-суздальского летописания XII в.— «Проблемы источниковедения», т. X. М., 1962, стр. 349—350.

[60] *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 83 и сл.

[61] *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

[62] Там же, стр. 146.

X века были «поглощены» формированием и утверждением власти в Полоцке, а также и «данническим освоением» населения внутри страны складывающимся феодальным классом.

Центробежное распространение дани из этого города привело в конце концов в соприкосновение ее с данью, распространяемой из соседних равновеликих центров — Пскова, Новгорода, Смоленска и Турова. После неизбежных столкновений в конечном итоге были проведены границы между княжествами, хорошо прослеживаемые как по наличию возле них ненаселенных, «ничьих» зон, так и по топонимам «межа» (пограничное поселение [63]), «межник» (пограничный знак [64]).

Как уже писал А. Н. Насонов, южная граница Полоцкой земли сложилась довольно рано, на рубеже X—XI вв. или в самом начале XI в. Она представляла, очевидно, незаселенную зону лесов верхнего Немана, его притока Лощи, истоков Случи и выходила к верховьям Птичи. Южнее располагалось скопление слуцких поселений Турово-Пинской земли (см. рис. 2). Полоцкая дань пришла в соприкосновение с черниго-смоленской (Смоленск принадлежал тогда Черниговской земле), по мысли А. Н. Насонова, в первой половине XI в. Стремясь получить в лице сильного полоцкого князя союзника, Ярослав Мудрый был вынужден уступить Полоцку ключевые позиции на волоках у Усвята и в устье р. Витьбы (Витебск) [65]. Граница земли возникла здесь в безлюдной зоне лесов к востоку от р. Лучёсы (см. рис. 2).

Увеличение полоцкой территории на севере сопровождалось борьбой Всеслава Полоцкого с Новгородом и прекратилось только во второй половине XI в. Судя по топонимам «межа», «межник», Псковскую и Новгородскую земли здесь отделяли от Полоцкой также обширные зоны почти незаселенных лесов [66] (см. рис. 2). Западные границы Полоцкой земли нам недостаточно ясны. Они могут быть намечены только по топонимам «межа», которые находятся там, где располагаются (на островах озер Мядель, Дрисвяты и на перешейке Дривято и Новято) полоцкие раннесредневековые пункты — Мядель, Дрисвяты и Браслав (Брячиславль). Это и были пограничные укрепления Полоцкой земли на границе с соседней воинственной Литвой, платившей дань в Полоцк.

Одновременно с общим формированием полоцкой территории шел процесс все большего закабаления свободных общинников внутри страны. В племенных центрах, существовавших ранее, и в центрах, отстроенных вновь, расселялась, по-види-

---

[63] *Л. В. Алексеев.* О топонимах «межа» и «рубеж» в Восточной Европе.— В сб. «Славяне и Русь». М., 1968.

[64] *И. И. Срезневский.* Словарь древнерусского языка, т. II. СПб., 1895, стр. 123.

[65] *А. Н. Насонов.* «Русская земля...», стр. 151.

[66] *Л. В. Алексеев.* О распространении топонимов «межа» и «рубеж», стр. 247.

мому, княжеская администрация, ведавшая сбором дани с окрестных селений в пользу полоцкого князя и сконцентрировавшаяся затем в крупных центрах обложения (таких, как Полоцк, Витебск, Друцк, Минск). Округа, с которой собиралась дань в свой центр, стала называться его волостью. С ростом семьи полоцкого князя волости стали передаваться членам его семьи и стали княжескими наследственными уделами, что было, по-видимому, закреплено после смерти Всеслава Полоцкого в 1101 г.

Перейдем к непосредственному изучению полоцких волостей — уделов.

Центром Полотско-Ушачского скопления древних поселений стал Полоцк, возникший первоначально на правом берегу Полоты в виде укрепленного поселка кривичей-полочан в VIII—IX вв.[67] Был ли это тогда кривичский племенной центр, святилище или укрепленный поселок возвысившейся племенной знати, мы не знаем. Археологические исследования показали, что в X в. полоцкое «городище» было дополнительно укреплено и обросло большим, очевидно, неукрепленным посадом[68]. В 70-х годах X в. полоцким князем был некто Рогволод, который якобы пришел из-за моря. Без каких-либо оснований А. Н. Насонов отрицает эту летописную версию и считает Рогволода потомком местной племенной знати[69]. Действительно, имя Рогволод выглядит русским (володетель рога-мыса), однако оно находит соответствие и в других языках, как и имя его дочери Рогнеды[70]. Имя Рогнвалд хорошо известно исландским сагам: в истории исландских оркнейских графов, весьма древней и записанной в XIII в., рассказывается, например, о графе Рогнвалде, который, путешествуя по Европе, «по пути грабил многие языческие замки и корабли»[71]. Имя Рогволод может произойти от литовского Рыквалд — владелец[72]. Так как летописная статья 980 г. о Рогволоде и Рогнеде сообщает о событиях, происшедших в действительности в 970 г.[73], можно считать, что захват Полоцка иноземным (вероятно, варяжским) князем следует отнести к 60-м годам X в., а может быть, даже и к его середине, так как в договоре Игоря с греками 945 г. при перечислении тех же городов, что и в договоре 907 г., Полоцк уже не назван[74].

---

[67] *А. Н. Ляуданскі.* Археолегічныя дасъледы у Полацкай акрузе.— Працы, III, стр. 161—166; *Г. В. Штыхау.* Пытанні Гістарычнай тапаграфіі Полацка.— «Весці АН БССР». Менск, 1963, стр. 63—72.

[68] *Г. В. Штыхау.* Указ. соч., стр. 67—68.

[69] *А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., стр. 146.

[70] *Е. А. Рыдзевская.* К варяжскому вопросу.— «Известия АН СССР», серия VII, 1934, № 7, стр. 517.

[71] «Труды и летописи ОИДР», т. IV, кн. 1. М., 1830, стр. 78—79.

[72] *М. О. Без-Корниловіч.* Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии. СПб., 1855.

[73] *А. А. Шахматов.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 173—175.

[74] ПВЛ, ч. I, стр. 36.

Летопись сообщает легенду о сватовстве новгородского князя Владимира Святославича к Рогнеде. После оскорбительного отказа Владимир взял штурмом Полоцк в 970 г. Это сообщение получило подтверждение в археологии: при раскопках Г. В. Штыхова в Полоцке отчетливо были видны следы пожара второй половины X в.[75] По летописной легенде, князь Рогволод с княгиней были убиты, а Рогнеда увезена в качестве жены Владимира. Раскопки показывают, что разгромленная цитадель Полоцка не восстанавливалась и была перенесена на рубеже X—XI вв. на более высокое и неприступное место в устье р. Полоты, не ее левый берег[76]. Перенесение древнейшей городской цитадели на новое место, на определенном этапе развития города, хорошо известно в истории Руси (например, Луки и Великие Луки и др.). В Полоцке он совпал, видимо, с возвращением полоцкой династии в центр княжества в конце X в.

С ростом феодализации, с переходом от раннефеодальной формы дохода — дани к вотчинному землевладению в стране начали оформляться контуры владений полоцкого князя[77]. Сначала данью облагалось только кривичское население этих мест, а затем она распространилась на северных дреговичей (территория скоплений поселений к югу от Минска) и на восточных балтов (на западе княжества). Турово-Пинское княжество развивалось медленнее, туровская дань так и не успела докатиться до северной границы дреговичей, и северные скопления поселений этого племени отошли к Полоцкой земле.

В первой половине XI в. полоцкие интересы столкнулись на северо-востоке с новгородскими, так как дань Полоцка, как показал А. Н. Насонов, дошла до волоков на пути «из варяг в греки». Столкновение Ярослава Мудрого с полоцким Брячиславом (1021 г.)[78] и уступка последнему Усвята и Витебска на два с половиной десятилетия примирили страсти. События 1065 г., сообщаемые только псковскими летописями, показывают, что в середине XI в. интересы Полоцка столкнулись с интересами Пскова[79]. Во второй половине XI в. Новгород вновь обострил конфликт с Полоцком (1066 г.), а также и Смоленском[80]. Теперь сформировавшаяся Полоцкая земля была окружена такими же полугосударствами — Новгородской, Смоленско-Черниговской и Турово-Пинской землями. Расширение дани было возможно отныне только в сторону запада, где обитали еще не объединенные племена ятвягов, латгалов, литовцев, селов

---

[75] *Г. В. Штыхау.* Указ. соч.
[76] Там же.
[77] Процесс роста государственной территории Полоцкой земли был блестяще изучен А. Н. Насоновым (*А. Н. Насонов.* «Русская земля»...).
[78] ПВЛ, ч. I, стр. 99; ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 134.
[79] ПСРЛ, т. V, стр. 8.
[80] ПВЛ, ч. I, стр. 111, 159.

и т. д., о чем мы и находим свидетельства летописи [81]. В середине или в начале второй половины XII в. экспансия Полоцка распространилась на запад столь далеко, что по Западной Двине образовались два небольших княжества Полоцкой земли.

Итак, в первой половине XI в. окончательно оформились политические границы Полоцкой земли. Они шли по внешним контурам скоплений поселений на севере — между границами Полоцкой и соседних Псковской и Новгородской земель залегали большие массивы «нейтральных» лесов, что отчетливо видно при картографировании топонимов «межа», которыми, как я уже писал ранее, обозначались в западнорусских землях домонгольского времени деревни, лежащие у границы (корень слова «межа» восходит к индоевропейскому наименованию леса [82]). Так, обширные лесные пространства мы видим между Полоцкой и Псковской землями, между Полоцкой и Новгородской землями [83] (см. рис. 2).

Одновременно с оформлением пределов владений полоцкого князя, как сюзерена страны, в Полоцкой земле шел внутренний процесс захвата общинных земель местными феодалами, процесс закабаления свободных общинников. Раньше всего это произошло, несомненно, в тех землях, которые были близки к основному центру феодализации — Полоцку, а также там, где жило наиболее платежеспособное население (например, на торговых путях). Прямых данных на этот счет для ранних периодов мы пока не имеем, но косвенные свидетельствуют об этом со всей очевидностью.

В курганах Полотско-Ушачской группы весьма часто встречаются трупосожжения (которые, как известно, прекратились на Руси на рубеже X—XI вв.) и гораздо реже трупоположения (обряд, существовавший на Руси в XI—XII вв.). Постепенное исчезновение курганного обряда в XI в. под Полоцком объясняется, безусловно, распространением христианства, что было возможным только в землях, прочно охваченных феодализацией. Эти процессы не могли одновременно распространиться по всем уголкам Полотско-Ушачской группы поселений равномерно. В центре и, по-видимому, более на окраинах мы видим в XI в. и трупосожжения, и трупоположения (курганы у деревень Бельчица, Черневичи, Славены, Кисево и т. д.). Однако в целом можно считать, что к XII в. вся Полотско-Ушачская группа поселений получила особое наименование — «Полоцкая волость», подчинявшаяся, как можно понять из кратких упоминаний ле-

---

[81] ПВЛ, ч. I, стр. 186 и др. Вплоть до первой половины XII в. полоцкие князья взимали дань с ятвяжских и литовских племен (*Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 263—264).

[82] *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 77.

[83] *Л. В. Алексеев.* О распространении топонимов «межа» и «рубеж», стр. 245 и сл.

тописи, тому князю, который сидел в данный момент в Полоцке и управлял всей землей.

Полоцкая волость распространялась как на север от Полоцка, так и на юг. Под 1169 г. летописец сообщает, что новгородцы и псковичи ходили «к Полотьску и пожьгше волость воротишася от города на 30 вьрстъ»[84]. Значит, Полоцкая волость на севере простиралась более чем на 30 км. И сейчас здесь, на расстоянии 50 км к северо-востоку по прямой от Полоцка, есть озеро и поселок «Межно», а далее находится озеро Нещерда, еще в 1403 г. принадлежавшее Псковской земле[85]. В 60 км к северо-востоку от Полоцка близ озера Неколоч стоял полоцкий пограничный пункт Неколоч, а далее, в 90 км — новгородский Еменец[86].

Сообщая в волнениях в Полоцке в 1159 г. и о бегстве в Минск Ростислава Глебовича, летописец указывает, что этот князь «много зла сътвори волости Полоцкой, воюя и скоты и челядью...»[87] По-видимому, эта значительная часть Полоцкой земли (иначе о ней летописец бы не упомянул) находилась к югу от Полоцка, через которую и бежал изгнанный князь. На карте археологических памятников того времени мы действительно видим область к северо-востоку от Полоцка (вплоть до Неколоча), до некоторой степени насыщенную курганами (см. рис. 1), однако значительно менее плотно, чем в Полотско-Ушачском скоплении.

Таким образом, Полоцкий удел-волость, судя по археологической карте, на юго-западе доходил до правобережья Десны (на левобережье располагались литовские племена). Это подтверждают находки в курганах в раскопках Ф. В. Покровского на Браславских озерах. Именно они, судя по Сафаревичу, оставили литовские топонимы с окончанием на «ишки»[88]. Западной границей удела была Березвица (правый приток Десны; междуречье ее и Мяделки было, по-видимому, занято пограничным лесом). Верховье р. Березины (днепровской), озера в районе современного Березинского канала, левобережье р. Уллы служили южной границей удела, а нижнее течение р. Усвячи — восточной. На правобережье Двины Полоцкий удел охватывал, по-видимому, реки Оболь, Сосницу, Полоту (и, возможно, среднее течение р. Дриссы, см. рис. 2). Очерченные южные границы Полоцкой волости почти полностью соответствуют южной границе Полоцкого повета второй половины XVI в.[89]

---

[84] НПЛ, стр. 33.
[85] «Псковские летописи», т. II. М., 1955, стр. 110; *Н. Оглоблин.* Объяснительная записка...
[86] *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 185, прим. 178.
[87] ПСРЛ, т. II, изд. 2. СПб., 1908, стб. 495—496.
[88] *J. Safarewicz.* Rozmieszczenie nazwana «iszki» na pogranicze Słowiansko-litewskim.— «Sprawozdania z czynnosci posiedzen», PAU, t. XLIII, 1947.
[89] *Н. Оглоблин.* Объяснительная записка..., карта.

Если эмбрион города — феодального центра намечается в Полотско-Ушачской группе поселений уже в VIII—IX вв., то в остальных скоплениях древних поселений эти центры возникают, по-видимому, несколько позднее. Как выясняется, они появляются прежде всего на крупных торговых коммуникациях, и в первую очередь на пути «из варяг в греки».

Витебск упоминается в летописях уже под 1021 г. Он и Усвят, мы видели, располагались в важных узловых пунктах этого пути (первый — на скрещивании его с путем западнодвинским, а второй — на одном из его волоков). Как и Полоцк, Витебск возник в VIII—IX вв. в качестве укрепленного поселка кривичей (в Витебске до недавнего времени сохранялась еще так называемая Замковая гора, датируемая этим временем) [90]. Городище Витебска было окружено селищем того же времени (лепная керамика VIII—IX вв. в основании культурного слоя так называемого Нижнего замка) [91]. К XI в. это был уже небольшой феодальный центр с укрепленным детинцем (Верхний замок) и окольным городом (Нижний замок), неукрепленным посадом и огромным курганным некрополем [92].

Витебская волость упоминается в списке договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. [93] Позднее, в XVI в., она именовалась воеводством [94]. Крайне слабая археологическая изученность витебского района, к сожалению, значительно затрудняет наши наблюдения и заставляет привлекать почти лишь

---

[90] *Л. В. Алексеев.* К истории и топографии древнего Витебска.— СА, 1964, № 1.

[91] *Г. В. Штыхов.* Города северной и центральной Белоруссии.— «Очерки по археологии Белоруссии». Минск, 1972, стр. 77—80. Учитывая исследования этого археолога в Витебске, настало время поставить вопрос о времени его возникновения. Древние источники даты ранее 1121 г. не дают, но так называемая Витебская летопись утверждает, что город отстроен Ольгой в 974 г. (*А. П. Сапунов.* Витебская старина, т. 1. Витебск, 1883, стр. 455). Эта дата неверна, так как Ольга умерла в 969 г. Однако, на наш взгляд, упоминание Витебской летописи заслуживает внимания. Повесть временных лет под 947 г. сообщает о поездке Ольги на север, где она «устави по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли...» (ПВЛ, ч. I, стр. 43). Текст этот необычайно близок к поздней Витебской летописи, приводимой А. П. Сапуновым. Витебская летопись лишь добавляет некоторые подробности, вероятно, из не дошедших до нас источников. Мной уже была высказана мысль, что, списывая сообщение в 960 г., составитель Витебской летописи Степан Аверка переводил летоисчисление и ошибся, поменяв цифры 4 и 7, в результате чего получилась дата не 947, а 974 (*Л. Аляксееу.* Віцебску — тысяча год.— «Віцебскы рабочы», 24 июня 1970; *Б. А. Рыбакоу, Л. В. Аляксееу.* Калі быу заснаваны Віцебск.— «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі», № 2. Минск, 1972, стр. 79). Вполне вероятно, что Ольга, двигавшаяся за данью в глухие места Новгородчины, прошла туда не через давно уже освоенные места у Смоленска, а по глухим местам устья Витьбы, где и учредила новый «повост».

[92] *Л. В. Алексеев.* К истории и топографии древнего Витебска.

[93] «Смоленские грамоты XIII—XIV вв.». М., 1963, стр. 39.

[94] ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, стр. 353, 409, 411.

исключительно косвенные данные. Судя по карте, в междуречье Каспли и Лучесы памятников почти нет: оно чуть не сплошь занято до сих пор лесами. Это, видимо, остатки пограничных громадных лесов Полоцкой земли на ее восточном порубежье. Таким образом, древние поселения Витебской волости следует искать к северу и западу от города в очень небольшом количестве. Судя по карте Полоцкого повета XVI в., его восточная граница проходила в 20 км к западу от Витебска, у Старого Села. Вероятно, где-то здесь она шла и в домонгольское время.

Археологические раскопки Г. В. Штыхова в Витебске на Нижнем замке (окольный город) дали любопытные результаты. Там обнаружены материалы банцеровской культуры (третья четверть первого тысячелетия н. э.), лепная керамика IX—X вв., а также и более поздние слои домонгольского времени [95]. Из Витебска происходит и берестяная грамота XIII в.[96]

Усвят не разросся в большой город. Его жизнь целиком была связана с путем «из варяг в греки». С захирением этой коммуникации в XII в. и усилением западнодвинского пути удаленный от него Усвят потерял, видимо, значение. Я. В. Станкевич обнаружила здесь три городища и значительный посад раннефеодального времени [97].

Лукомль, упоминаемый в «Поучении» Мономаха (в связи с событиями 1078 г.), располагался на друцко-двинском волоке и, можно полагать, возник намного ранее. Раскопки показали, что феодальный центр вырос здесь из поселка кривичей IX — начала X в., возникшего на базе более раннего поселения банцеровской культуры [98], т. е. одновременно с путем «из варяг в греки». Как и Усвят, удаленный от двинского пути, большим городом Лукомль не стал, но существовал довольно долго, так как находился в центре Полоцкой земли при двинско-днепровском волоке, значение которого не ослабевало.

Раскопки показали, что расцвет домонгольского Лукомля падает на XII—XIII вв.[99] — время расцвета полоцких городов, когда центральная власть стала почти минимальной. В Лукомле в это время, по-видимому, сидел уже свой собственный князь — один из многочисленных правнуков Всеслава Полоцкого. Однако после «Поучения» Мономаха город упоминается на страницах письменных источников только в XIV в. (в числе литовских) [100]; в 1386 г. после длительной осады он был сдан соединенным войскам немецкого Ордена и князя Андрея Оль-

---

[95] «Очерки по археологии Белоруссии», т. II. Минск, 1972, стр. 77—80.
[96] *Н. Н. Дроченина* и *Б. А. Рыбаков*. Берестяная грамота из Витебска.— СА, 1960, № 1, стр. 282—283.
[97] *Я. В. Станкевич*. К истории населения Верхнего Подвинья.— МИА, № 76. М.— Л., 1960, стр. 132, 214, 322.
[98] «Очерки по археологии Белоруссии», т. II, стр. 80—82.
[99] Там же.
[100] ПСРЛ, стр. 476.

гердовича[101]. Лукомльские князья упоминаются только в начале XVI в. (1508 г.)[102]. О Лукомльской волости сведений в нашем распоряжении нет, но, судя по расположению скопления древних поселений, в центре которого стоит город, она несомненно существовала уже в домонгольское время.

Друцк упоминается в «Поучении» Мономаха тогда же, когда и Лукомль (1078 г.)[103]. Можно думать, что этот центр, лежавший у концов друцко-лукомльского волока двинского ответвления пути «из варяг в греки», возник одновременно с ним. Жившие в X в. в верховьях Друти многочисленные кривичи промышляли перевозками по волоку товаров, обменом с проезжими по нему торговыми людьми, были, следовательно, достаточно платежеспособны, и феодал вполне мог рассчитывать на получение бесперебойной дани.

Запись на известном друцком Евангелии XIV в. сообщает о постройке в Друцке церкви Богородицы якобы уже в 1001 г.[104] Было ли так в действительности — неизвестно; однако археологические раскопки, которые автор ведет в Друцке в течение девяти лет, указывают на возникновение в этом городе первого укрепленного поселения именно на рубеже X и XI вв. или в самом начале XI в.[105] В это время, следовательно, в гуще славянских поселений на верхней Друти в начале волока была отстроена феодальная крепость, которая не только контролировала весь волок, но и подчинила себе все окрестное население. Неизвестно, был ли это первоначально посаженный на волоке княжеский тиун или просто феодал, дававший часть дохода полоцкому князю. Учитывая, что это было время начальной формы феодальной ренты на Руси, выражавшейся в виде дани, мы склонны полагать, что здесь в это время обосновался посадник и, вероятно, княжеский тиун.

В XII в. Друцк оказывается удельным городом, принадлежащим одной из старших линий потомков Всеслава Полоцкого — Борисовичам[106]. Друцкий удел-волость под наименованием «Друцкая земля» упоминается в западнорусских летописях при сообщении легенды о киевском князе Дмитрии, бежавшем якобы от Батыя в Друцк «и землю Друцкую», где он «посел и город Друческ зарубил»[107]. Владения Друцкого удела можно приблизительно очертить, исходя из нашей карты (см. рис. 1), очевидно, до верховьев рек Бобр, Усяж-Бук, Обольянка на севере и северо-западе (где в XII в. начинались владения Лу-

[101] *Г. В. Штыхов.* Указ. соч.
[102] Там же, стр. 317; ПСРЛ, т. XIII, стр. 372, 408.
[103] ПВЛ, ч. I, стр. 159.
[104] *М. Н. Тихомиров.* Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968, стр. 9—10.
[105] *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 151—152.
[106] Там же, стр. 252—253.
[107] ПСРЛ, т. XVII, стр. 230, 243, 299, 360. См. также: «Хроника Быховца». Под ред. Н. Н. Улащика. М., 1966, стр. 36—37.

комля), видимо, по рекам Адров и Днепр — на востоке, вниз по р. Друть — на юге до впадения р. Грёзы, а может быть, и до самого устья Друти.

Такое заключение кажется правдоподобным, так как другие претенденты на владение поселениями на Друти неизвестны, а Друцк, почти несомненно, контролировал весь друцкий путь, удобный для поддержания связи со всеми подвластными землями. Березина, видимо, разделяла Минский и Друцкий уделы. По сообщению В. Н. Татищева, полоцко-друцкий князь Борис Всеславьич, в 1102 г. возвращаясь из похода на ятвягов, отстроил город Борисов, по-видимому, на границах своего удела [108].

Как мы видели, территория Минской группы скоплений поселений была занята славянами только в XI в. Здесь расселились дреговичи, подчинить которых кривичскому Полоцку удалось лишь потому, что его дань опередила Турово-Пинскую. Этим и объясняется, что процесс внутренней феодализации шел здесь с некоторым опозданием. Как показало дендрохронологическое изучение остатков древесных укреплений минской цитадели, этот город (отстроенный с самого начала как крепость) возник в 1063 г., по мнению автора раскопок, как пограничная крепость Полоцкой земли [109]. Однако расположение его, как мы установили, в северной части густого скопления древнерусских поселений — самого удаленного от границы Полоцкой земли, показывает, что основная задача крепости была не в охране пограничной зоны (хотя и это не исключается), а во взимании дани с окрестного дреговичского населения и с соседних литовских и ятвяжских племен [110].

Военный характер древнейшего Минска, бросившийся в глаза Э. М. Загорульскому при раскопках, по-видимому, и объясняется тем, что этот «центр принуждения» был выстроен в подчиненной Полоцку чужеродной дреговичской среде, составившей южнее особое дреговичское «полугосударство» — Турово-Пинскую землю. Минск, удаленный от южных границ княжества, нужно было охранять потому, что здесь сидела полоцкая княжеская администрация, собирающая дань в Полоцк. Вспомним также, как быстро усилился минский князь Глеб, всю жизнь боровшийся с полоцкими князьями и, наконец, высланный в Киев (где он и умер) [111]. Быстрое усиление Глеба, нам представляется, было возможно именно из-за его антиполоцкой ориентации (против полоцких князей). Идея освобождения дреговичского населения от эксплуатации Полоцка была распространена в Минском уделе-волости, по-видимому, очень сильно.

---

[108] *В. Н. Татищев.* История Российская, т. II. М., 1963, стр. 123.

[109] *Э. М. Загорульский.* Древний Минск. Минск, 1963, стр. 112—113, 117.

[110] Судя по летописи, в XII в. дань с литовских племен собирали минские князья (ПСРЛ, т. II, стб. 496).

[111] *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 253—257.

Ее, можно думать, использовали и потомки минского Глеба — минские Глебовичи в течение всего XII в.[112]

Что касается Минского удела-волости, то он упоминается в летописях в качестве такового под 1128 г.[113], но он существовал, видимо, уже с 1104 г., когда сидящий здесь минский князь Глеб (совсем недавно получивший этот удел) не только отказывается подчиниться своему старшему брату Давыду Всеславичу Полоцкому, но и отражает осаду города, предпринятую этим князем совместно с войсками южнорусских князей. Минскому уделу-волости, несомненно, не принадлежал ни соседний Изяславль, ни Логожеск: эти города составляли, по-видимому, отдельные уделы и при захвате Минской земли Мономахом (1119 г.) отошли к Полоцкой земле[114]. Исходя из расположения курганов вокруг Минска (см. рис. 1) можно считать, что владения минского князя простирались главным образом на юг и далее верховьев рек Уссы и Птичи не заходили. Южнее шли, очевидно, обширные леса, отделяющие полоцкие земли от турово-пинских. Западнее еще более непроходимые леса Ислочско-Неманского и Неманско-Сервечского междуречий отделяли Минскую волость от новогрудских владений. Судя по топонимическим наименованиям «Литва», сюда позднее продвинулись литовские поселения. Как полагает по другим данным Э. М. Загорульский, отмеченные нами малозаселенные лесные массивы Свислочско-Березинского междуречья, как и район древнего города Свислочи, полностью принадлежали Минску[115].

Мелкие Изяславльская, Логожская и Борисовская волости возникли, по-видимому, неодновременно. Скопление поселений под Изяславлем (ныне Заславлем) образовалось, судя по распространению курганов и их датировке, с X в. Летопись сообщает о высылке Владимиром своей непокорной жены Рогнеды с сыном Изяславом в специально отстроенный для него город Изяславль. Раскопки показали, что детинец и окольный город (или неукрепленный посад) существовали в Заславле уже в конце X — начале XI в.[116] Керамика этого времени, найденная на материке детинца, оказалась несколько более поздней, чем та, которая встречается в заславльских курганах и датируется там X в. Очевидно, заславльский детинец возник позднее деревенской округи — в конце X — начале XI в. В XII в. после временного перехода Минска к южнорусским князьям (1119 г.)[117]

---

[112] *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 253—257.

[113] ПВЛ, ч. I, стб. 302.

[114] *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 253—254.

[115] *Э. М. Загорульский.* Древний Минск. Автореф. канд. дисс. Минск, 1962, стр. 8.

[116] *Г. В. Штыхов.* Заславль в свете раскопок 1967—1968 гг.— «Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии». Минск, 1969, стр. 135—136. См. также: «Очерки по археологии Белоруссии», т. II, стр. 85—86.

[117] ПСРЛ, т. I, стб. 298—299; *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 261.

Изяславль (также временно) играл роль приграничного укрепленного пункта на южных полоцких рубежах. Он был усилен настолько, что в 1127 г. коалиции южнорусских князей пришлось направить для его завоевания соединения четырех князей — туровского, владимир-волынского, гродненского и клецкого, в то время как на Друцк двигался только один смоленский князь, на Логойск (Логожеск) — курский князь и только на Стрежев к Борисову (т. е., как мною уже отмечено, на Полоцк) [118] шли объединенные войска Ольговичей с торками. В это время в Изяславле сидел молодой князь Брячислав, который, испугавшись огромных сил, подступивших к городу, оставил свое княжение и бежал к отцу, но, находясь «посредѣ пути», «острашився, не мога поити на сѣмо, ни онамо и иде шюрину своему въ руцѣ». Здесь же в Изяславле находилась его жена — дочь киевского Мстислава Владимировича, по указанию которого велась осада.

Изяславль был старейшим полоцким уделом, с X в. связанным непосредственно с Полоцком. Если верить летописи, в то отдаленное время в нем сидел высланный из Киева малолетний княжич Изяслав с матерью Рогнедой. Можно думать, что они вернулись в Полоцк только после того, как там была отстроена новая цитадель — новый детинец на нынешней горе — Верхний замок. Если этот удел-волость был княжеским уделом как в X в., так и в XII в., то он должен был быть окружен сравнительно многочисленными «тяготевшими» к нему поселками, где жило зависимое от изяславльского князя эксплуатируемое им население. Где же находились эти деревни? Наша археологическая карта показывает, что удел мог распространяться не к югу, где начинались владения Минска, не к западу, где стояли дремучие литовские безлюдные в то время леса, и не к востоку, где начинались владения Логожеска, а только к северу, где мы видим скопление поселений в междуречье верховьев Березины (неманской) и Вилии.

Мы сказали, что изяславльский князь Брячислав находился в зависимости от отца, к которому и бежал в минуту опасности. Если мы выясним, кто был его отец, мы сможем определить,

---

[118] ПСРЛ, т. I, стб. 298—299. *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 258. До сих пор в науке нет единого мнения: шли Ольговичи в 1127 г. на Стрежев через Борисов или наоборот (в летописи — «на Стрежев къ Борисову», что допускает оба толкования). Летописным Стрежевом было, по-видимому, современное с. Стрижево на р. Свече, вблизи Полоцка. Там, судя по карте Пахоловицкого 1579 г., находился укрепленный пункт еще в XVI в. (*М. Коркунов.* Карта военных действий между русскими и поляками в 1579 г.— ЖМНП, ч. 15. СПб., 1837, стр. 235—249). Здесь же помещает Стрежев и А. Н. Насонов. (*А. Н. Насонов.* «Русская земля»..., вклейка между стр. 152—153). Тексты, подобные приведенному, нередки: под 1249 г., например, в летописи сообщается: «Ярославъ иде къ Смоленьскоу на Литву» (ПСРЛ, т. XV. М., 1965, стр. 29). Данный текст, как мы видим, подтверждает нашу интерпретацию источника.

от какого из крупных полоцких уделов зависел этот меньший удел, от которого он, очевидно, отпочковался. Мы видели, что в X в. Изяславль был вотчиной полоцкого князя. Вотчиной князя Полоцка, мы полагаем, он оставался в последующие два столетия. Доказательства этому в следующем: услыхав о движении коалиции, Брячислав бросился к отцу. То, что он был остановлен где-то за Логожеском, показывает только начальное направление его бегства, но ни о чем не свидетельствует, так как дорога из Изяславля на Полоцк, как и на Друцк, что уже было установлено нами, шла через Логожеск до самого устья Гайны, где и разветвлялась: вверх вдоль течения Березины на Полоцк и вниз по ее течению (до Борисова) на Друцк [119]. Куда же бежал изяславльский князь? Далекий Витебск исключается, так как в этом случае середина пути, где был застигнут Брячислав, должна была быть вне пределов досягаемости врагов, да и прямого пути на этот город из Изяславля не было. Исключается и Друцк, так как бежать туда вдоль фронта врага, окружающего все пункты, мимо которых предстояло следовать,— Логожеск, Борисов и, наконец, сам Друцк, было не только безрассудно, но и невозможно. Брячислав, по-видимому, рассчитывал проскочить только Логожеск, а затем от устья Гайны повернуть налево, к северу и бежать к отцу в Полоцк. План не удался, так как за Логожеском он был заперт с востока Ольговичами, пришедшими к Борисову, а сзади Изяславом, окружившим только что покинутый им Логожеск. Брячислав сдался, так как не мог двинуться «ни семо, ни онамо». Итак, по нашему предположению, Брячислав был сыном полоцкого князя Давыда, и если это так, то весь Изяславльский удел-волость был вотчиной Давыдовичей (старший удел принадлежал старшей линии потомков Всеслава Полоцкого), т. е. являлся уделом, так сказать, второго порядка, подчиненным непосредственно Полоцку.

Логойская волость-удел по площади была, можно полагать, несколько меньшей, чем Изяславльская, и возникла она, вероятно, несколько позднее ее. Судя по археологическим данным, она занимала пространство от верховьев Вилии до левобережья верхней Березины и Гайны. Самая населенная ее часть находилась в окрестностях Логожеска по левому берегу р. Гайны. Центр волости — Логожеск (ныне Логойск) впервые упоминается в «Поучении» Мономаха при изложении событий 1078 г.[120] Во второй половине XII в. город был уже княжеским и здесь сидел в 1180 г. некий князь Всеслав Микулич [121]. Сам Логожеск возник, судя по раскопкам, вероятно, в первой половине XI в.[122] Возможно, что в XII в. это был уже довольно круп-

---

[119] *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 85 и 87.
[120] ПВЛ, ч. I, стр. 159.
[121] ПСРЛ, т. I, стб. 297—298; т. II, стб. 620.
[122] *Г. В. Штыхов.* Археологические раскопки в Орше и Логойске.— «Доклады к XI конференции молодых ученых Белорусской ССР». Минск, 1967,

ный по тому времени центр: на его детинце, имеющем площадь 1,5 га, располагалась церковь с дорогими мозаичными полами, остатки которых в виде поливных плиток были найдены археологами [123].

Борисовская волость в летописи не упоминается. Здесь, по-видимому, не было княжеского удела, но волость, безусловно, существовала, так как в районе Борисова, как это видно на карте, имеется большое скопление древнерусских курганов (см. рис. 1). Борисов упомянут впервые, по сведениям В. Н. Татищева, под 1102 г.: в этом году его отстроил Борис Всеславич после похода на ятвягов, которыми он его и населил [124]. Борис-Рогволод Всеславич был вторым сыном полоцкого Всеслава, владел, как мы говорили, Друцком, был родоначальником друцких князей, и нет ничего удивительного, что, укрепляя свои западные границы, князь населил Борисов пленными [125].

До недавнего времени древность Борисова ставилась под сомнение, так как в современном Борисове следов древнего летописного города обнаружить не удалось [126]. Сейчас благодаря археологическим исследованиям Г. В. Штыхова установлено, что городище древнего Борисова расположено на месте современного села Старый Борисов, в 5 км выше города по течению Березины. Оказалось, что поселение домонгольского времени было уничтожено здесь огромным пожаром [127], что, возможно, и послужило причиной перенесения города на новое место. Рядом с городищем древнего Борисова располагался посад домонгольского времени. По-видимому, древний Борисов был некогда довольно большим центром Полоцкой земли, в который стекались доходы со всей волости. Борисовская волость, охватывавшая, безусловно, все скопление борисовских курганов, образовалась, таким образом, позднее возникших здесь поселений примерно на одно столетие.

Осталось сказать несколько слов о волостях Свислочской и Оршанской. Обилие курганов и, следовательно, поселений в нижнем течении Свислочи показывает, что и там не мог не вырасти свой феодальный центр, куда шли доходы с окрестного

стр. 394 и сл.; *он же.* Раскопки в Логойске в 1968 г.— «Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии». Минск, 1969. См. также: «Очерки по археологии Белоруссии», ч. II. Минск, 1972, стр. 87.

[123] *Г. В. Штыхов.* Раскопки в Логойске, стр. 125.

[124] *В. Н. Татищев.* История Российская, т. II, стр. 123.

[125] *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 253. Обычай заселять инородцами свои границы был распространен на Руси широко и во все времена: Владимир Святой, например, заселил ими города по Роси (ПВЛ, ч. I, стр. 83); в 1567 г. Иван Грозный населил Великие Луки татарами «для береженья от литовской стороны» (ПСРЛ, т. XIII. М., 1965, стр. 408) и т. д.

[126] *А. Н. Лявданскі.* Раскопкі і археалагічныя разведкі у Барысаускам павеце.— «Науковы зборнік Інстытута беларускай культуры». Менск, 1925.

[127] *Г. Штыхау.* Археалагічныя раскопкі у Барысаве.— «Камуністычная праца», № 138. Борисов, 1968; «Очерки по археологии Белоруссии», т. II, стр. 92—93.

населения. Таковым и был г. Свислоч. Наличие домонгольского слоя в г. Свислоче было зафиксировано белорусскими археологами еще в 30-х годах XX столетия. В последнее время там вел раскопки Э. М. Загорульский, еще не опубликовавший их результатов (в печать просочились лишь незначительные сведения) [128]. Судя по раскопкам в Свислочской группе городища и селища домонгольской поры у д. Жужлянки, первые славянские поселения здесь следует отнести к IX—X вв.[129] Свислоч не был, по-видимому, княжеским центром, он был в составе Минского княжества и поставлял туда собранную со своей округи феодальную ренту.

Подобным пунктом был, очевидно, и г. Орша со своей Оршанской волостью. Археологические раскопки показали, что Орша возникла в середине XI в., т. е. позднее местных деревенских поселений примерно на одно-полтора столетия [130].

* * *

Как же распределялись все названные волости между крупнейшими полоцкими феодалами-князьями? Здесь мы подходим к вопросу о запутанной генеалогии полоцких князей. Источники сообщают нам следующие имена сыновей Всеслава Полоцкого: Давыд (упомянут в статьях 1103, 1104, 1128 гг.— в последний раз как полоцкий князь), полоцкий князь Рогволод (1128 г.), Борис (1102 г.— сведения по летописным источникам В. Н. Татищева, 1128 г.— упомянут как полоцкий князь), Глеб (статьи 1104, 1108, 1116, 1117, 1119 гг.— везде упомянут как минский князь), Роман (умер в 1116 г.) [131]. Известны имена еще двух полоцких князей, сыновей Всеслава — Святослава и Ростислава. Старшими сыновьями прославленного князя были, по-видимому, Давыд, Борис и Глеб: именно их помянул в Иерусалиме Даниил Мних [132]. Полоцкого князя Давыда свергали полочане в 1128 г. и посадили на его место Рогволода, однако в 1128 г. сообщается о смерти не Рогволода, а Бориса. Остается предположить, что Рогволод имел крестное имя Борис. Это же подтверждает поздняя Густынская летопись, которая по неизвестным нам источникам прямо указывает: «Рогволод или Борис» [133]; Борис был, очевидно, вторым сыном Всеслава, третьим был Глеб.

---

[128] *Г. В. Штыхов.* Археология Полоцкой земли за 50 лет.— «Древности Белоруссии». Минск, 1969, стр. 126.

[129] *Ю. И. Драгун.* Раннеславянское поселение в нижнем течении р. Свислочь.— «Белорусские древности». Минск, 1967, стр. 422 и сл.

[130] *Ю. И. Драгун.* Археологическое изучение детинца древней Орши.— «БГУ. Доклады научной конференции аспирантов и молодых ученых, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции». Минск, 1967.

[131] ПВЛ, ч. I, стр. 183, 185, 187, 200—202; ПСРЛ, т. II, стб. 285, 292—293.

[132] «Паломник Даниила Мниха». СПб., 1891, стр. 67.

[133] ПСРЛ, т. II, изд. 1. СПб., 1843 (далее — Густынская летопись), стр. 293.

Какие же уделы получили сыновья Всеслава после смерти отца? Из летописи мы знаем, что Минским уделом безраздельно владел Глеб Всеславич. Мы установили, что Полоцкий, главнейший, удел получил старший сын Всеслава — Давыд. Фамильный удел Рогволода-Бориса определяется по княжению его сына и внука: под 1159 г. летопись сообщает, что его сын Рогволод Борисович бежал из заточения в Минске и направился в Друцк, где его приняли как своего князя. Сюда же он бежал в 1161 г., бросив полоцкое княжение, после битвы под Городцом («а Полотьску не смѣ ити, зане же множѣство погибе полотчанъ» [134]. Здесь в 1171 г. он же заказал знаменитую надпись на огромном камне, древнем дольмене (так называемый Рогволодов камень) [135]. В Друцке княжил и его сын Глеб Рогволодич (1180 г.) [136]. Таким образом, по княжению сына и внука мы определяем, что Борис-Рогволод уже владел Друцком, получив этот удел, по-видимому, по смерти отца (1101 г.).

Перейдем к младшим сыновьям Всеслава Полоцкого, в отношении владений которых в науке также нет ясности. Под 1116 г. Повесть временных лет сообщает о смерти Романа Всеславича, его вдова упоминается в житии Евфросинии Полоцкой [137]. Под 1130 г. летописец сообщает о кривичских князьях Давыде, Ростиславе, Святославе и двух Рогволодичах (именно в этом порядке), которых киевский Мстислав «поточи Царюгороду за неслушанье ихъ». В другом месте той же летописи узнаем, что сосланы они были с женами и детьми [138], а Лаврентьевская летопись уточняет имена Рогволодичей — Василий и Иван [139]. Итак, помимо трех старших сыновей у Всеслава было еще три младших сына — Роман, Ростислав и Святослав. Взаимное старшинство их неизвестно; можно полагать, что они владели тремя оставшимися уделами-волостями — Витебским, Лукомльским и, вероятно, Изяславльским. Для определения владений Романа данных нет: он умер слишком рано. Мало данных и для утверждения о владениях Ростислава-Георгия. В рецензии на мою книгу польский историк Т. Василевский отождествляет брата Евфросиньи Полоцкой Вячеслава с кокнесским князем Вячко, что позволило ему утверждать, что Ростислав Всеславич и его дочь Евфросинья Полоцкая были владельцами якобы Кокнессе [140]. Однако это невероятно. Т. Василев-

---

[134] ПСРЛ, т. II, изд. 2, стб. 493, 519.

[135] *В. П. Таранович.* К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР.— СА, т. VIII. М.— Л., 1946, стр. 252, рис. 5.

[136] ПСРЛ, т. II, стб. 620.

[137] ПВЛ, ч. 1, стр. 201.

[138] ПСРЛ, т. II, стб. 293, 304.

[139] ПСРЛ, т. XXV. М., 1949, стр. 31. См. также: *А. Н. Насонов.* Московский свод 1479 г. и его русский источник.— ПИ, т. IX. М., 1961, стр. 373.

[140] *T. Wasilewski.* «L. W. Alekseev. Polockaja zemija».— «Kwartalnik Historii Kultury Materialnej». R. XVI, N 2. Warszawa, 1968, str. 377.

ский забывает, что Евфросинья, судя по ее житию, постриглась в монахини еще при жизни Бориса Всеславича Полоцкого (умер в 1128 г.), родилась, следовательно, около 1120 г., в конце жизни удалилась со своим братом Вячеславом в Византию, где и умерла в 1173 г. Вячко же действовал в начале XIII в. и был убит немцами при осаде Юрьева в 1224 г.[141] Он не мог быть братом полоцкой просветительницы, так как принадлежал к другому поколению полоцких князей.

Со Святославом Всеславичем несколько сложнее. В названной рецензии Т. Василевский предлагает считать этого князя владельцем Витебского удела и ссылается на княжение в Витебске его внуков Всеслава и Брячислава[142]. Мысль эта не нова и высказывалась в нашей дореволюционной литературе неоднократно[143]. Однако здесь встречается одно очень важное, на наш взгляд, осложнение, которое и не позволило мне в моей книге привести соображения о месте княжений Святослава: вторжение смоленских интересов в Витебскую волость. По сведению Густынской летописи, уже в 1116 г. Давыд Святославич и Ярополк Владимирович захватывали Витебск[144]. Если текст этой поздней летописи в данном месте запутан (Минск назван Смоленском, Глеб Всеславич — Глебом Святославичем и т. д.) и, может быть, не заслуживает доверия, то во вполне достоверном тексте Ипатьевской летописи под 1165 г. мы читаем: «...томъ же лѣтѣ Давыдъ Ростиславич сѣде Витебски, а Романови, Вячиславлю внуку да Ростиславъ Васильев и Красн»[145]. Очевидно, что Витебск в этот момент был такой же княжеской вотчиной Смоленска, как Василев и Красн, и это княжение наряду с другими жаловалось Ростиславом Мстиславичем своим вассалам (сыновьям). Давыда Ростиславича мы застаем в Витебске и через два года. К нему туда бежал, спасаясь от Володаря Глебовича, полоцкий князь Всеслав Василькович[146]. Васильковичи утвердились в Витебске только с середины 70-х годов (1175 г.— Всеслав, 1180 г.— Брячислав)[147], т. е. через 42 года после изгнания полоцких князей в Византию.

Итак, в начале XII в. Витебск и его удел-волость находились во владении, по-видимому, одного из сыновей Всеслава Полоцкого — Романа, Святослава или Ростислава. После высылки князей в Византию (1130 г.) в Полоцкой земле оставалось, по-видимому, несколько второстепенных князей, среди которых история оставила нам имя одного — Василька Святосла-

[141] НПЛ, стр. 61.
[142] Там же.
[143] См., например: *А. Пресняков.* Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909, стр. 118, прим. 4.
[144] Густынская летопись, стр. 291.
[145] ПСРЛ, т. II, стб. 525.
[146] Там же, стб. 526—527.
[147] Там же, стб. 598, 620—621.

вича, возведенного в 1132 г. по воле полочан на полоцкий стол. Был ли он до этого владельцем Витебского удела (и наследовал в этом случае его после ссылки отца), мы не знаем. Скорее — нет. По городам изгнанных были посажены ведь ставленники Мстислава Владимировича — «мужи свои». Витебский удел, всего вероятнее, стал вотчиной-уделом Смоленска, почему мы и видим там в 1165 и 1167 гг., как мы говорили, сына смоленского князя. Сорокадвухлетний срок отпадения Витебска — слишком большое время, чтобы безоговорочно считать поставление Васильковичей туда их законным возвращением в отчину деда Святослава. За это время традиция, несомненно, могла быть и нарушена [148].

Период правления Василька Святославича в Полоцкой земле мало освещен источниками. Начавшиеся частые походы Мстислава Киевского на данников Полоцка — литовские племена (1129, 1131 гг.) — с вокняжением Василька прекратились. Ослабевший Полоцк был втянут в борьбу южнорусских князей на стороне противников Изяслава Мстиславича (1137 г.) [149]. Однако слабому Полоцку отношения с Мономаховичами были выгодны. В следующем, 1138 г. Василько заигрывает с Всеволодом и Святополком Мстиславичами — новгородскими изгоями, проезжавшими через Полоцк в Псков (1138 г.). В 1138 г. полоцкие «вои» участвуют в походах Мономаховичей на Ольговичей [150].

Возвращение полоцких князей из Византии (летопись сообщила нам только о возвращении двух Рогволодичей — князей друцких в 1140 г., но вскоре на минском столе оказываются и минские Глебовичи, по-видимому также возвратившиеся) [151] создало острую ситуацию в Полоцкой земле и потребовало перераспределения уделов. Как это было осуществлено — нам неизвестно, но во всяком случае далеко не мирно.

К усобицам привлекались южнорусские княжеские группировки, что подкреплялось и матримониальными связями: Васильковна выдается замуж за сына Всеволода Ольговича, Рогволод Борисович женится на дочери Изяслава Мстиславича [152]. Сообщая о свержении с полоцкого стола в 1115 г. Рогволода Борисовича, летопись не указывает, когда этот князь, державший сторону Мстиславичей и женатый, как мы сказали, на дочери Изяслава, сел на полоцкое княжение и сменил Василька. По-видимому, это произошло в 1146 г., что подтверждает, на наш взгляд, и Воскресенская летопись, которая относит к этому году вокняжение в Друцке Глеба «Рязанского» (это ошиб-

---

[148] *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 263—264.
[149] НПЛ, стр. 25, 210.
[150] «Псковские летописи», т. II. М., 1955, стр. 76—77; ПСРЛ, т. I, стб. 305—306.
[151] ПСРЛ, т. I, стб. 445—446.
[152] Там же, т. II, стб. 313—314.

ка: в Друцке был свой Глеб Рогволодич, не имевший отношения к Рязани). Друцк получил князя Глеба в 1146 г., потому что его отец Рогволод был переведен в этом году своим тестем киевским Изяславом в Полоцк.

По каким-то источникам А. П. Сапунов считал, что в том же 1146 г. новый князь появился и в Минске: это был, мы знаем, Ростислав Глебович, сын Глеба Минского, умершего в 1119 г. в Киеве (не исключено, что это и был мифический Ростислав, которого считают сыном Всеслава, изгнанным в Византию, и о котором молчат наши летописи) [153]. Все сказанное подтверждает нашу мысль, что с вокняжением в Киеве Изяслава Мстиславича в 1146 г. в Полоцкой земле началось немедленное перераспределение столов: полоцкий стол получил возвратившийся из Византии Рогволод Борисович, друцкий стол занял его сын Глеб, а на минском княжении сел сын минского Глеба — Ростислав.

Распределение полоцких столов 1146 г. ненадолго примирило страсти полоцких князей. К тому же за время отсутствия полоцких князей в городах развилось новое явление — городское вече, с которым полоцкие князья уже не могли не считаться. Ряд косвенных факторов показывает, что Рогволоду не удалось установить контакта ни с полоцким вече, ни с полоцкой епископией [154]. Основной противник Рогволода минский князь Ростислав в 1149 г. получил неожиданно сильного союзника: им был новгород-северский Святослав Ольгович, который в этом году после победы коалиции Юрия Долгорукого над киевским Изяславом Мстиславичем и его братом смоленским Ростиславом получил владения Изяслава — Случеск, Клеческ и «вси дрегвичѣ» [155].

Усиление Ростислава Глебовича союзом со Святославом Ольговичем решило дело: «отцы города» — полочане вошли в контакт с Ростиславом и, по-видимому, после каких-то переговоров с ним, в 1151 г., схватили полоцкого князя Рогволода и заточили его в Минске, где он содержался «у велицѣ нужи» [156]. В Полоцк вошел Ростислав Глебович, а к Святославу Ольговичу направилось специальное посольство с заверениями в верности. Судя по тексту летописи 1159 г., в 1151 г. в Полоцкой земле произошло новое перераспределение уделов: Друцк был отнят у сына Рогволода Борисовича Глеба и отдан сыну Ростислава Глебовича — также Глебу; кто-то, видимо, по уходе

---

[153] «Россия», т. IX. СПб., 1905, стр. 413.

[154] Подробнее об этом см.: *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 274 и сл.

[155] ПСРЛ, т. II, стб. 384. Это место летописи ускользнуло от внимания Б. А. Рыбакова, поэтому невозможно согласиться с его заключением о том, что перед нами «первый случай коммендации без территориальной связи...» и т. д. (*Б. А. Рыбаков.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, стр. 126).

[156] ПСРЛ, т. II, стб. 445.

Ростислава в Полоцк наследовал и Минский удел (вероятно, Володарь Глебович).

Новая перемена столов последовала через 7 лет, в 1158 г. Летописец (информатор которого был в войсках Святослава Ольговича) [157] образно рассказывает день за днем, как полочане, снова недовольные своим князем, стали приглашать Рогволода, бежавшего на этот раз из Минска в Слуцк, как он с помощью полка Святослава Ольговича (теперь настроившегося против минских Глебовичей) пробрался в свой фамильный Друцк и изгнал оттуда Глеба Ростиславича [158].

Чем же были недовольны полочане на этот раз? Обычно вопрос об этом не ставится по «неимению» данных. Однако в Ипатьевской летописи сохранился крайне ценный текст, который, как нам кажется, проливает свет на этот вопрос. Под 1158 г. (т. е. накануне изгнания из Полоцка Ростислава) там говорится: «Иде Изяславъ на Ярославича к Турову и с нимъ иде Ярославъ из Лучска и Андрѣевичь Ярополкъ и Галичьская помочь и Ростиславич Рюрикъ с Смолняны и Володимиръ Мстиславич тому, бо искаху Турова и полочане пришедше к Турову...» [159] В этом тексте названы только полочане и ни слова не говорится о том, что они пришли со своим князем Ростиславом, как обо всех остальных отрядах.

Изгнание полоцкого князя, последовавшее немедленно за этим событием, показывает, что имя его отсутствует в летописи не случайно: между ним и полочанами уже существовали разногласия, поход на Туровскую землю, с которой минские князья (за исключением его отца) были обычно в союзе, был одним из пунктов этих разногласий (а может быть, и основной причиной), в результате которых Ростислав был полочанами свергнут и вынужден бежать в свой Минск, нанеся по дороге большой урон «волости полоцкой» [160].

Рогволод Борисович продержался на полоцком столе на этот раз всего только три года — до 1161 г. Вся его деятельность была направлена на борьбу с минскими Глебовичами. Он идет на Минск для освобождения схваченных неожиданно его сторонников — Володши и Брячислава — князя Изяславля, соседящего с Минском, князья которого его и захватили. В следующем 1160 г. Ипатьевская летопись сообщает о походе Святослава Ольговича на Вщиж, принадлежавший Святославу Владимировичу. Ему сопутствует и «Всеслав из Полоцка» (вероятно, один из сыновей Рогволода, что подтверждает и Густынская летопись: «Всеслав Рогволодович с Полоцка») [161].

Помощь Святославу Ольговичу в его военных мероприятиях

---

[157] *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 270—271.
[158] ПСРЛ, т. II, стб. 493 и сл.
[159] Там же, стб. 491.
[160] Там же, стб. 495—496.
[161] Густынская летопись, стр. 306.

была, видимо, условием, поставленным этим князем Рогволоду при договоре о содействии последнему. Рогволод Борисович заискивает и перед Ростиславом Мстиславичем, сына которого он сопровождает при бегстве из Новгорода через Полоцкую землю [162]. Под 1161 г. находим в летописи новое сообщение о походе Рогволода на Минск и о примирении его с Глебовичами, но, по-видимому, ненадолго (по крайней мере не со всеми Глебовичами).

1161 год был для Рогволода последним в его княжении в Полоцке. «Приходи Рогъволодъ на Володаря с полотчаны к Городцю,— пишет летописец,— Володарь же не да ему полку въ дне, но почь выступи на нъ из города с Литвою и много зла створися в эту почь: онѣхъ избиша, а другыя руками изоимаша, множьство паче изъбьенных. Рогъволодъ же вьбѣже въ Случьскъ и ту бывъ три дни иде въ Дрьютескъ а Полотьску нѣ смѣ ити, зане множьство погибе полотчанъ. Полотчане же посадиша в Полотьски Васильковича» [163].

С 1161 г. в истории Полоцкой земли начинается новый период — время правления витебских (?) Васильковичей. В Полоцк был приглашен, по-видимому, старейший из них — Всеслав Василькович, а в Витебске оказывается, как мы говорили, Давыд Ростиславич Смоленский. С победой Володаря усобицы в земле еще более обостряются: создаются две (первоначально даже три) коалиции князей. В 1166 г. Володарь захватывает даже Полоцк, гонится за Всеславом, бежавшим в Витебск к Давыду, однако по ложному слуху о приближении Романа Ростиславича Смоленского он, боясь окружения, снимает осаду города и двигается восвояси, а Давыд Витебский посылает (!) Всеслава в Полоцк [164]. Так смоленские князья начинают проникать в соседнюю Полотчину, подчиняя себе постепенно даже полоцкого князя. Однако долго это продолжаться не могло. Васильковичи ждали, по-видимому, только случая, чтобы избавиться от эгиды Смоленска. Случай представился лишь в 1180 г. Под этим городом летописец рисует такую картину: князь Ярослав Всеволодович и герой «Слова о полку Игореве» князь Игорь Святославич «сдумали» при помощи половцев напасть на Друцк. Было решено, что великий киевский князь Святослав Всеволодович, только что воевавший с суздальскими князьями, возвращаясь из Новгорода в Киев, повернет к Друцку и поддержит нападающих. К инициаторам похода должны были присоединиться Васильковичи — Всеслав из Полоцка и Брячислав из Витебска, а также Всеслав Микулич из Логожеска, Василько Брячиславич из Изяславля, Андрей Володшич (очевидно, сын некогда закованного минскими князьями Володши) и его «сыновец» (сын брата) Изяслав, «либь» и «литва». В соответствии с выда-

[162] ПСРЛ, т. II, стб. 511.
[163] Там же, стб. 511, 519.
[164] Там же, стб. 527.

ботанным планом все эти войска подошли к Друцку и ждали прихода Святослава Всеволодовича. Тем временем друцкий князь Глеб Рогволодич открыл ворота смоленскому Давыду, обещавшему защищать Друцк. Однако, узнав о приходе Святослава Всеволодовича, Давыд возвратился в Смоленск.

Смысл всех этих событий был нами вскрыт в специальном исследовании о Полоцкой земле [165]: в конце 70-х годов в северных княжествах земли (исключая, по-видимому, Минское) была достигнута какая-то консолидация — Полоцк и Витебск теперь находились в руках Васильковичей, с ними же в союзе (и от них, видимо, зависели) были князья других, более мелких вотчин — Изяславльской, Логойской и др. Только Друцк, попавший под влияние Смоленска, не подчинился Полоцку. Друцк контролировал путь по Друти, с его потерей не могли согласиться полоцкие князья, которые и пригласили на помощь южнорусских князей. Исход событий лишь подтверждает наши предположения: после бегства Давыда этот город не был подвергнут разграблению, больше того, его вообще не брали и только подожгли острог. Цель была достигнута: Друцк был снова присоединен к Полоцкой земле, нападающие удалились.

Политическая история Полоцкой земли и история ее уделов-волостей в конце XII — первой половине XIII в. наименее ясна. Древнерусские летописи неожиданно замолкают, лишь незначительные сведения мелькают в новгородском летописании, но этого далеко не достаточно. Археологические раскопки Друцка и других городов земли показывают, что города в это время переживали период самого интенсивного строительства и вступили как бы в пору наибольшего процветания. По-видимому, это было результатом наивысшего подъема эпохи феодальной раздробленности, когда отдельные центры достигли максимальной самостоятельности. Основные сведения о стране этого периода мы черпаем из Хроники Генриха Латвийского, современника и участника событий со стороны немецкого Ордена [166]. К сожалению, его сообщения не всегда можно связать с предыдущими фактами, почерпнутыми из летописей русских.

Судя по Генриху, в конце XIII в. на полоцком столе оказывается какой-то неизвестный нам князь Владимир (Володша Ипатьевской летописи, «окованный» в свое время минскими Глебовичами?). Князь этот назван сюзереном всей страны, что, возможно, косвенно указывает на перераспределение уделов при его возведении на полоцкий стол. Все устремления нового полоцкого правительства направлены теперь на борьбу с новым врагом — немецким Орденом, рыцари которого начали распространяться по прибалтийским землям, подвластным Полоцку. Папа Климент III в булле к бременскому епископу прямо указывает, что новое епископство, расположенное в устье Западной

[165] ПСРЛ, т. II, стб. 620—621; *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 280—282.
[166] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. М.— Л., 1938.

Двины, основано на Руси [167]. Бременский епископ Гартвиг II в 1186 г. назначил каноника Майнарда «епископом Икскюльским в Русии» [168]. В 1203 г. в устье Западной Двины была отстроена крепость Рига, ставшая главным оплотом борьбы Ордена с Полоцким княжеством и с Русью.

Как известно, в латышских землях Прибалтики располагались две небольшие княжеские волости — уделы Ерсике (к востоку) и Кокнессе (или Кукенойс) к западу. Естественно, устремления немецкого Ордена прежде всего были направлены на овладение Кокнессе. Еще в 1207 г. немцы угрожали Кокнессу и заставили его князя Вячку разделить с ними земли пополам [169]. Однако позднее, несмотря на договор и явную уступчивость этого князя, Орден продолжал свои нападения на город, и Вячко был вынужден его поджечь и бежать в Русь (1208 г.). Его активно поддерживали данники его города латгалы и селы, для которых, видимо, дань русским была менее страшной, чем немецким крестоносцам, которая к тому же сопровождалась и идеологическим порабощением — насильственным крещением [170]. Настала очередь более восточного, как мы сказали, княжества — Ерсике. Город был взят и выдан снова его бежавшему князю в ленное владение, что, впрочем, не мешало последнему вести тайную войну с немцами и в качестве их ленника. Немцы окончательно захватили город в 1214 г.[171]

Во всех этих событиях нам неясна роль полоцкого князя Владимира, не поддержавшего своих вассалов — князей Кокнессе и Ерсике. Может быть, этому мешала та самая самостоятельность полоцких князей, о которой мы говорили выше: Владимир считал выгодным подавление этих непокорных князей чужими руками, надеясь потом своей силой вернуть отторгнутые провинции. Ясно только, что отношения Вячко и Всеволода с Полоцком были весьма напряженными: из обвинений, предъявленных Всеволоду Герцикскому центральным полоцким правительством, создается впечатление, что в Полоцке считали, что немцы защищают интересы Руси от посягательств Всеволода. Любопытно также, что при столкновении с немцами и Вячко не обращается в Полоцк, а стремится сам примириться с Орденом. Бежав из своих владений, Вячко направляется не к своему сюзерену в Полоцк, а едет на север, где садится на княжение в Юрьеве (Тарту) и погибает от рук тех же крестоносцев (1224 г.). Как бы там ни было, но в начале второго десятилетия XIII в. прибалтийские волости Полоцка были потеряны — их узурпировали немцы, которых, правда, полоцким князьям удалось не пустить в свои коренные земли.

---

[167] *А. П. Сапунов.* Река Западная Двина. Витебск, 1893, стр. 334.
[168] *Б. Я. Рамм.* Папство и Русь. М.— Л., 1959, стр. 97.
[169] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии, стр. 107—108.
[170] Там же, стр. 116.
[171] Там же, стр. 127—128, 164.

В 30—40-х годах XIII в. Полоцк слабеет все более. Если первые не дошедшие до нас договоры с Ригой (1210, 1212 гг.) были составлены еще в Полоцке от имени полоцкого князя и учитывали главным образом его интересы, а смоленские представители участвовали в них в качестве еще одной заинтересованной стороны [172], то в последующие десятилетия первенствующая роль переходит к Смоленску. Судя по дошедшему до нас договору 1229 г., этот город теперь гарантирует выполнение условий договора не только «оу волости князя смоленского», но и «у полоцкого князя волости и оу витебского князя волости...» [173] и, следовательно, Полоцк становится подчиненным Смоленску, во всяком случае в экономическом отношении.

Однако вскоре положение меняется в корне. Политическая слабость Полоцкой земли в 30—40 годах XIII в. была использована экономически и политически крепнущим Литовским государством [174], постепенно захватившим всю его территорию. Нам трудно определить, как это произошло,— источников почти нет. К XIII в. Литва необычайно окрепла и стала внушительной силой. Если в начале века (1201 г.) полоцкие князья, по-видимому, еще держали ее в узде, то в последующие времена литовцы беспрестанно и беспрепятственно нападают на кокнесского князя Вячку [175], а ерсикский Всеволод, лишь породнившись с ними, покупает себе спокойствие [176]. Я. Длугош и М. Стрыйковский сообщают о походе литовцев в Полоцкую землю под 1216 г.[177] Позднее их войска мы видим уже за пределами Полотчины «около Торопца» (1223 г.), т. е. в Смоленской земле, «около Торжську» (1225 г.), снова «около Торжську и также Бѣжици» (1246 г.) [178]. Лишь изредка сообщается в наших источниках о полочанах, боровшихся теперь со Смоленском (1222, 1225 гг.). В 1258 г. полочане и Литва выступают против этого города уже совместно [179]. В эти годы, по-видимому, и произошло подчинение Полоцкой земли литовским феодалам. Под 1262 г. мы уже читаем о полоцком князе Товтивилле (литовского происхождения), павшем от руки убийц Мендовга в следующем 1263 г. при дележе наследства («распрѣвшася о товар...») [180]. Полоцкая земля была уже частью наследства Мендовга. Так кончился древнерусский период истории Полоцкой земли.

---

[172] Там же, стр. 136; *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 287—288.
[173] «Смоленские грамоты XIII—XIV вв.». М., 1963.
[174] *В. Т. Пашуто.* Образование Литовского государства. М., 1959.
[175] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии, стр. 107, 108 и др.
[176] Там же, стр. 161.
[177] *В. Е. Данилевич.* Очерк истории Полоцкой земли до XIV в. включительно. Киев, 1896, стр. 131.
[178] НПЛ, стр. 263, 269, 304.
[179] НПЛ, стр. 263, 281 и 310. В 1222 г. Полоцк был даже взят смолянами (стр. 263).
[180] Там же, стр. 312.

СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ

В. В. Седов

Исследование историко-географического материала по Смоленской земле начинается уже на заре русской исторической географии. Вслед за Н. И. Надеждиным [1] к поискам древнерусских географических пунктов, упоминаемых в письменных источниках, во второй половине XIX в. обращаются М. П. Погодин, И. Д. Беляев, Н. П. Барсов, М. Ф. Владимирский-Буданов и др.[2] Большое место в этих исследованиях занимают материалы по Смоленской земле. В книге М. К. Любавского обстоятельно локализуются географические пункты Смоленщины более позднего периода [3], многие из которых существовали и в древней Руси.

Тогда же помимо общих историко-географических изысканий появляются локальные работы, в которых значительное внимание отводится исторической географии Смоленской земли [4]. Наиболее ценный вклад в изучение Смоленщины внес П. В. Голубовский — автор монографии по ее истории [5].

К началу XX в. относятся работы И. М. Красноперова и И. И. Орловского. И. М. Красноперов на основе специальных изысканий на местности внес некоторые коррективы в прежнюю

---

[1] *Н. И. Надеждин.* Опыт исторической географии русского мира.— «Библиотека для чтения», т. XXII. СПб., 1837, стр. 28—79.

[2] *М. Погодин.* Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. IV. М., 1850; *И. Д. Беляев.* О географических сведениях в древней России.— «Записки Русского географического общества», кн. VI. СПб., 1852; *Н. П. Барсов.* Географический словарь Русской земли (IX—XIV ст.). Вильна, 1865; *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Хрестоматия по истории русского права, вып. 1. Киев, 1876; *М. В. Довнар-Запольский.* Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891.

[3] *М. К. Любавский.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени первого литовского статута. М., 1892.

[4] *Шестаков.* География Смоленской губернии.— «Памятная книжка Смоленской губернии за 1857 г.». Смоленск, 1857; *М. Цебриков.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Смоленская губерния. СПб., 1862; *Н. Столпянский.* Девять губерний Западнорусского края. СПб., 1866; «Очерки истории Смоленского края до XII в.».— «Смоленский вестник», 1882, № 77, 83, 85, 94.

[5] *П. В. Голубовский.* История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895.

локализацию ряда древнерусских географических пунктов [6]. Перу известного краеведа И. И. Орловского принадлежит книга по географии Смоленщины, в которой впервые делается попытка сопоставления летописных сведений с некоторыми археологическими памятниками [7]. Сводные данные по географии Смоленского княжества помещены в одном из томов издания «Россия», выпущенного под редакцией В. П. Семенова-Тян-Шанского [8].

Из работ, рассматривающих различные аспекты географии древней Руси и написанных в советский период, исследуемой темы касаются, в частности, монографии М. Н. Тихомирова и А. Н. Насонова [9] и составленная Б. А. Рыбаковым карта населенных пунктов домонгольской Руси, упоминаемых в русских письменных источниках [10].

В последнее время новые данные по исторической географии Смоленской земли получены в результате археологических поисков. Во многих случаях они позволили уточнить местоположения древнерусских населенных пунктов, при этом получена обстоятельная характеристика значительного числа древних смоленских поселений. В бассейне Западной Двины такие работы проведены Я. В. Станкевич [11], а в Смоленском Поднепровье — автором настоящей статьи [12]. Эта историко-географическая работа археологов пока далеко не завершена на всей территории Смоленской земли, и исследователи до сих пор в ряде случаев пользуются локализацией древнерусских географических пунктов, сделанной исключительно на основе созвучия древних наименований с современными топонимами [13].

* * *

Ядром населения Смоленской земли были кривичи, точнее, их ветвь, расселившаяся в верховьях Западной Двины, Днеп-

---

[6] *И. М. Красноперов.* Некоторые данные по географии Смоленского и Тверского края в XII веке.— ЖМНП, 1901, № 6, стр. 345—356.

[7] *И. И. Орловский.* Краткая география Смоленской губернии. Смоленск, 1907.

[8] «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества», т. IX. СПб., 1905.

[9] *М. Н. Тихомиров.* Древнерусские города. М., 1956; *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

[10] «История культуры Древней Руси», т. 1. М.—Л., 1948, вклейка между стр. 30 и 31.

[11] *Я. В. Станкевич.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э.— МИА, № 76, 1960, стр. 131—148.

[12] *В. В. Седов.* К исторической географии Смоленской земли.— В сб. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. 4. Смоленск, 1961, стр. 317—343; *он же.* Некоторые вопросы географии Смоленской земли XII в.— КСИА, вып. 90, 1962, стр. 12—23. В последнее время эта работа продолжена Л. В. Алексеевым.

[13] *Н. Н. Усачев.* Материалы и примечания к исторической карте «Смоленское княжество XII—XIV вв.».— В сб. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. 5. Смоленск, 1963, стр. 220—232.

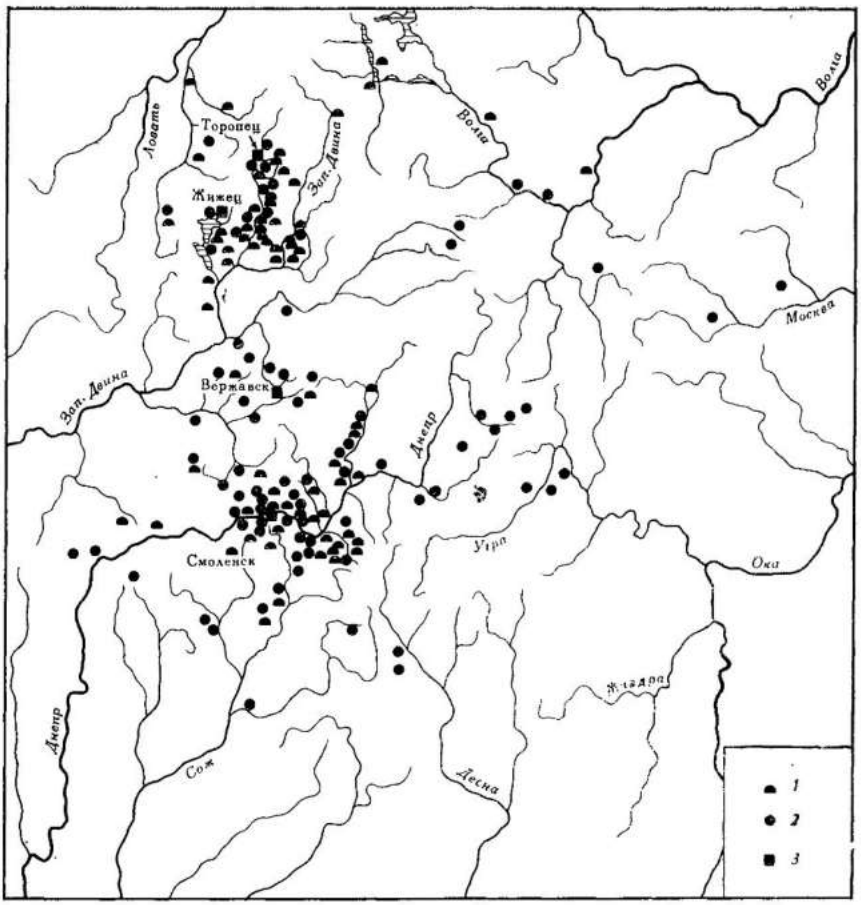


Рис. 1. Территория кривичей смоленских в VII—X вв.

1 — кривичские могильники с длинными курганами,

2 — курганные могильники IX—X вв.,

3 — древнейшие города Смоленщины

ра и Волги и получившая в историко-археологической литературе наименование кривичей смоленских, или днепровских. Археологические материалы свидетельствуют, что, как и некоторые другие летописные племена, кривичи являлись прежде всего этнической (этнографической) группой восточного славянства VI—XIII вв. Образование территории Смоленской земли во многом обусловлено историей и расселением смоленских кривичей. В XII в. политическая территория Смоленщины совпадала с этнографической кривичской. Поэтому и для более раннего времени населенные пункты рассматриваются в ареале смоленских кривичей.

До славянского расселения всю территорию Смоленской земли заселяли балты. Древности последних выявлены и изучаются археологами [14]. В Смоленской земле имеется значительное число водных названий балтского происхождения, которые наряду с археологическими материалами позволяют утверждать, что местные балты в процессе славянского расселения не покинули мест своего обитания, а постепенно были ассимилированы кривичами [15]. Таким образом, одним из компонентов населения древнерусской Смоленщины были местные балты.

Древнейшие погребальные памятники кривичей представлены длинными курганами. Наиболее плотно заселенной частью ареала этих памятников является бассейн р. Великой и окрестности Псковского озера. Здесь же раскопаны самые ранние валообразные насыпи с захоронениями, датируемыми VI—VII вв. н. э. [16] Большинство длинных курганов в пределах Смоленской земли сосредоточено в бассейне Западной Двины, особенно много их в поречье Торопы и в окрестностях торопецких озер. Все это свидетельствует о расселении кривичей с северо-запада. В бассейне Днепра длинные курганы сравнительно малочисленны и встречаются главным образом в небольшом районе, плотно прилегающем к западнодвинскому бассейну — от р. Вопи до р. Катыни. Отсюда длинные курганы проникают в верховья р. Сожа. Единичные могильники с длинными курганами известны также в верховьях Волги, что говорит о начальной стадии кривичского освоения этого района.

Длинные курганы Смоленской земли датируются в основном VIII—IX вв. В IX в. кривичи прекращают сооружать валообразные погребальные насыпи. Последние сменяются полусферическими (круглыми в плане) курганами, содержащими индивидуальные захоронения по обряду трупосожжения. В IX—X вв. основным районом расселения смоленских кривичей попрежнему остается северо-западная часть Смоленщины — Торопецкое Подвинье и район Смоленска в Поднепровье, где сосредоточена основная часть курганов IX—X вв. В это время смоленские кривичи расширяют район своих поселений в верховьях бассейна Сожа и вверх и вниз по Днепру (рис. 1).

Первые города Смоленщины строятся в областях наибольшего сосредоточения кривичского населения. Город Смоленск первоначально был княжеско-племенным центром смоленской ветви кривичей, о чем сообщает Повесть временных лет: «И по сихъ братьи держати почаша ихъ княженье в поляхъ, а в деревлях свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новегороде,

---

[14] *П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт.* Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963; *В. В. Седов.* Культура днепро-двинского междуречья в конце I тысячелетия до н. э.— СА, 1969, № 2, стр. 116—125.

[15] *В. В. Седов.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— МИА, № 163. М., 1970.

[16] *В. В. Седов.* Кривичи.— СА, 1960, № 1, стр. 47—62.

а другое на Полоте, иже полочане от нихъ же кривичи, иже седять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днепра, их же град есть Смоленскъ; туде бо седять кривичи»[17]. В 882 г. князь Олег по пути из Новгорода в Киев делал остановку в Смоленске: «Поиде Олегъ, поимъ воя многи, варяги, чюдь, словени, мерю, весь, кривичи, и приде къ Смоленьску съ кривичи, и прия градъ, и посади мужь свои...»[18] Следовательно, существование Смоленска во второй половине IX в. представляется летописцу несомненным.

Е. А. Шмидт, картографируя расположенные в ближайших окрестностях Смоленска поселения разного времени, обратил внимание на резкое увеличение их численности и плотности в IX—X вв. Это дало ему основание полагать, что в IX—X вв. здесь возник и существовал ремесленно-торговый пункт городского типа[19]. Однако слоев этого времени в Смоленске пока не найдено. Л. А. Спицын, а вслед за ним и некоторые историки высказывали предположение, что древний Смоленск был расположен не на месте нынешнего Смоленска, а у с. Гнездова, близ крупнейшего древнерусского курганного могильника[20]. Новейшие изыскания не подтвердили предположения А. А. Спицына[21]. Всего вероятнее, что древнейший Смоленск находился там, где город стоит и поныне.

Несмотря на неоднократные перестройки смоленских укреплений, П. А. Раппопорту при сопоставлении рельефа со старинными планами города удалось показать, что древний детинец Смоленска находился на Соборной горе, где в 1101 г. Владимиром Мономахом был выстроен каменный храм[22]. Правда, следов поселения IX—XI вв. на Соборной горе пока не обнаружено. Однако ранние культурные напластования могли быть уничтожены в течение последующих столетий. Во всяком случае, смоленский детинец имел мысовую структуру, характерную для сравнительно ранних древнерусских укрепленных поселений. В XII—XIII вв. детинец занимал площадь около 40 000 м². С южной стороны детинец был защищен рвом, который своими

---

[17] ПВЛ, ч. I, стр. 13.

[18] Там же, стр. 20.

[19] *Е. А. Шмидт.* Археологические памятники периода возникновения города Смоленска.— В сб. «Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи». Смоленск, 1967, стр. 43—61.

[20] *А. А. Спицын.* Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева.— «Известия Археологической комиссии», вып. 15. СПб., 1905, стр. 125; *Ю. В. Готье.* Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 253; *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 159, 160.

[21] *Д. А. Авдусин.* Возникновение Смоленска. Смоленск, 1957; *он же.* К вопросу о первоначальном месте Смоленска.— «Вестник МГУ», 1953, № 7, стр. 123—137; *он же.* К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии.— В сб. «Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи», стр. 63—85.

[22] *П. А. Раппопорт.* Военное зодчество западнорусских земель. X—XIV вв.— МИА, № 140, 1967, стр. 98—100.

концами соединялся с двумя большими оврагами. Небольшое возвышение южной части городищенской площадки позволяет думать, что с напольной стороны детинец был укреплен и валом. С юга ко рву детинца примыкал древний окольный город, площадь которого, по подсчетам П. А. Раппопорта, достигала 40 или даже 70 га.

Другим местом концентрации древнего кривичского населения был бассейн Торопы. Центром этого района стал г. Торопец. На страницах русских летописей этот город появляется сравнительно поздно. Но его раннее существование устанавливается вполне достоверным известием в Печерском патерике. В нем рассказывается об Исаакии Затворнике, который был «купець родом торопчанин» [23]. В связи с этим нужно допустить, что в первой половине XI в. Торопец уже существовал [24].

Древнейший Торопец — городище Кривит (или Малое Торопецкое) расположено на береговом мысу озера Соломенного, при истоке из него р. Торопы. Раскопки показали, что первоначальное укрепление было основано здесь во второй половине X в. на невысоком холме среди болотистой низины. Поселение, по-видимому, было окружено валом, однако первоначальные оборонительные сооружения не дошли до нас, так как в первой половине XII в. система укреплений была усилена — по периметру городища насыпан мощный вал высотой около 8—9 м. Площадь Малого Торопецкого городища свыше 5000 кв. м [25].

Торопецкий район, судя по распространению длинных курганов, является более древним ареалом смоленских кривичей по сравнению с окрестностями Смоленска. Исследователи допускают, что в древности Торопец назывался Кривитском и, видимо, был одним из кривичских племенных центров. Возникновение племенного центра кривичей в Смоленске связано с возросшей ролью Днепра в истории древней Руси. Начиная с IX в. днепровский путь (летописный путь «из варяг в греки») играет первостепенную роль как во внутренней, так и в транзитной восточноевропейской торговле. Смоленск строится там, где заканчиваются перевалочные пути, соединяющие Западную Двину, Ловать и Волгу с Днепром.

Торопец также, видимо, находился на одном из участков этого водного пути. Еще И. Побойнин высказал предположение о том, что от Ловати к Днепру суда шли не по верхне-

[23] «Патерик киевского Печерского монастыря». СПб., 1911, стр. 128.
[24] *М. Н. Тихомиров.* Указ. соч., стр. 35, 359, 360.
[25] *Я. В. Станкевич.* Археологическая разведка в Великолукской области.— КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 89, 90; *она же.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э., стр. 312—314; *П. А. Раппопорт.* Оборонительные сооружения Торопца.— КСИА, вып. 86, 1961, стр. 11—20; *М. В. Малевская.* Раскопки на Малом Торопецком городище (1960 г.).— КСИА, вып. 96, 1963, стр. 72—78; *она же.* Раскопки на Малом Торопецком городище в 1961 г.— КСИА, вып. 110, 1967, стр. 54—62.

му отрезку Западной Двины, а по р. Торопе[26]. Новейшие археологические изыскания подтверждают это предположение. Сосредоточение раннефеодальных памятников в бассейне Торопы при почти полном отсутствии их в верховьях Западной Двины даст основание полагать, что один из основных водных путей древнерусского времени проходил по р. Купье через погост Волок к р. Торопе и далее до ее впадения в Западную Двину.

К раннему времени принадлежит еще одно поселение — г. Вержавск. Этот пункт упоминается в Уставной грамоте XII в. смоленского князя Ростислава Мстиславича и среди смоленских городов «Списка русских городов дальних и ближних», составленного, судя по исследованию М. Н. Тихомирова, в конце XIV в.[27] Местоположение Вержавска определено в результате археологических работ[28]. Это — большое городище (площадь около 5000 м²), расположенное на холме-останце на берегу озера Ржавец. Рядом находился городской посад. Керамический материал, собранный на детинце и на месте посада, позволяет датировать памятник временем от IX—X до XVII в.

Бассейн р. Гобзы, с которой озеро Ржавец сообщено протокой, был очень удобен для древнего судоходства. В верховьях р. Гобзы много пригодных для волоков участков, которые позволяли перевозить товары в северном, южном и восточном направлениях. На запад, в Полоцкую землю, а также в Прибалтику вел путь по Гобзе, Каспле и Западной Двине. Верховья Гобзы и ее притоков, сближаясь с реками, входящими в бассейн р. Межи, и с верховьями рек днепровского бассейна, также подходят для волоков. Это открывало путь торговым судам на север, в Новгородскую землю, и на юг, к Киеву и в Причерноморье. Путь по Гобзе и ее притокам функционировал по крайней мере до XVI в.—в письменных источниках XV — начала XVI в. он именовался «Веръжанским путем»[29].

На основе историко-археологических данных территория Смоленской земли к рубежу X—XI вв. обрисовывается в следующих пределах. На западе от Жижицкого озера и верховьев р. Куньи граница шла по Двине и Рутавечи примерно до р. Оршицы. Затем поворачивала на восток, захватывая верховья Вехры и Сожа, и далее — по водоразделу Днепра с Десной, Угрой и Вазузой. На северо-востоке Смоленская земля, видимо,

---

[26] *И. Побойнин.* Торопецкая старина. Исторические очерки города Торопца с древнейших времен до конца XVII в.— ЧОИДР, 1897, кн. 1, стр. 8.

[27] *М. Н. Тихомиров.* Список русских городов дальних и ближних.— «Исторические записки», т. 40, 1952, стр. 243. В «Списке» он назван Ржавеском. Об отождествлении Ржавеска с Вержавском см.: *В. В. Седов.* Некоторые вопросы географии Смоленской земли XII в., стр. 15.

[28] *В. В. Седов.* К исторической географии Смоленской земли, стр. 317—326.

[29] «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, составленное А. Востоковым». СПб., 1842, стр. 129.

включала верховья Волги от устья Вазузы. Северной границей земли были естественные рубежи водораздела Волги и Западной Двины. На западе и севере Смоленщина граничила с Полоцкой и Новгородской землями. На юге начиналось пространство, заселенное местными днепровскими балтами, на востоке обширная территория Волго-Клязьминского междуречья только что начала осваиваться смоленскими кривичами.

Городские поселения, возникшие в XI в., еще находятся в древнейшей части Смоленской земли. Городок Жижец впервые упоминается в письменном источнике первой половины XII в. (уставная грамота Ростислава Мстиславича), однако археологический материал дает основание полагать, что это поселение возникло в XI в. Местоположение города определено давно, а в 50-х годах XX в. он обследован археологами. Город находился на северном берегу Жижецкого озера, вблизи нынешней д. Залучье. Поселение было устроено на полуострове, вдающемся в Жижецкое озеро и соединенном с материком узким перешейком. В середине полуострова на овальном холме без всяких искусственных земляных укреплений устроен детинец (площадью около 3000 м^2). Остальную часть полуострова занимал большой посад. На основе археологических материалов хронологические рамки жизни этого поселения определяются XI—XIV вв.[30] Жижец служил укрепленным форпостом Смоленской земли на северо-западе, на границе с Новгородской землей.

Расширение территории смоленских кривичей отчетливо видно по материалам курганов XI—XII вв. В это время кривичи на юге осваивают верховья Десны (с Болвой) и прилегающие к ней районы Ипути, Остера и Сожа. На юго-востоке кривичской территорией становятся верховья Угры, а на востоке кривичская колонизация направляется по Волге в Ростово-Суздальскую землю[31]. Междуречье Волги и Москвы в XI—XII вв. становится кривичским.

Для Смоленска весьма важным было овладение поречьем Днепра ниже города. Судя по курганным материалам, берега Днепра от Орши до Рогачева в XI в. были освоены смоленской ветвью кривичей, но их поселения здесь были весьма немногочисленными. В XI — начале XII в. этот участок Поднепровья стал объектом спора между Смоленском и Полоцком.

Орша (Рша) впервые названа в летописи под 1067 г. как пограничный пункт[32]. По мнению А. Н. Насонова, Орша в это время принадлежала Смоленску[33]. Однако Л. В. Алексеев пред-

---

[30] *Я. В. Станкевич.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э., стр. 145, 146.

[31] *Е. И. Горюнова.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, № 94. М., 1961, стр. 183—245.

[32] ПВЛ, ч. I, стр. 112.

[33] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 165.

полагает, что город Орша в 1067 г. должен был входить в состав Полоцкой земли, «так как в противном случае Ярославичи, заманивая Всеслава, остались бы в нем, а не переехали бы на Смоленскую сторону через Днепр» [34]. В начале XII в. Орша и Копыс входили в состав смоленской территории. Под 1116 г. имеется летописное сообщение о захвате этих городов минским Глебом Всеславичем и о возвращении их Смоленску Владимиром Мономахом [35].

Раскопки на Оршанском городище производились А. Н. Лявданским и Ю. И. Драгуном [36]. Первоначальное городище расположено на мысу при впадении р. Оршицы в Днепр (размеры 100×75 м). С напольной стороны оно было укреплено валом и рвом. Керамический и вещевой материал определяет начальную дату поселения XI в. По своим размерам Оршанское городище XI—XIII вв. выделяется среди рядовых укрепленных поселений Смоленской земли (владельческих усадеб) и приближается к детинцам древнерусских городов. Однако Орша отсутствует в перечне поселений уставной грамоты Ростислава Мстиславича, плативших «погородье».

Ниже по Днепру стоял другой смоленский городок — Копыс. Первое достоверное его упоминание в письменных источниках относится к 1116 г. [37] Однако в поздних списках летописей Копыс назван под 1059 г. [38] Городище древнего Копыса расположено на холме с крутыми склонами на левом берегу Днепра при устье небольшой речки Сморковки. Поселение обнесено кольцеобразным валом высотой до 5 м. Диаметр площадки городища около 80 м. В отличие от описанных выше смоленских городов Копысское городище принадлежит к числу круглых с укреплениями, не зависящими от рельефа местности. Подобные городища на Волыни возникают в конце X—XI в.[39], а в Среднем Поднепровье и Северо-Восточной Руси — не ранее конца XI в.[40] Раскопки, произведенные на Копысском городище, позволяют датировать поселение XI—XIV вв.[41] Время ос-

[34] *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля. М., 1966, стр. 179.
[35] ПВЛ, ч. I, стр. 200.
[36] *А. Н. Лявданскі.* Археолегічные досьледы у Аршанскай Акрузе.— Працы, II, стр. 36—45; *Ю. И. Драгун.* Археологическое изучение детинца древней Орши.— «Доклады научной конференции аспирантов и молодых ученых, посвященной 50-летию Октябрьской социалистической революции». Минск, 1967, стр. 59—70.
[37] ПВЛ, ч. I, стр. 200.
[38] ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, стр. 212; т. V. СПб., 1851, стр. 139; *Л. В. Алексеев* (указ. соч., стр. 182) полагает, что до 1116 г. Копыс принадлежал полоцким князьям.
[39] *П. А. Раппопорт.* Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв., стр. 45—51.
[40] *П. А. Раппопорт.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.— МИА, № 52. М.— Л., 1956, стр. 63; *он же.* Круглые и полукруглые городища Северо-Восточной Руси.— СА, 1959, № 1, стр. 115—123.
[41] *Л. А. Міхайлоускі.* Пятроускі вал.— «Беларусь», № 1. Менск, 1951, стр. 30; *В. В. Седов.* К исторической географии Смоленской земли, стр. 338—339.

нования города, по всей вероятности,— вторая половина XI в. Таким образом, это наиболее раннее на Смоленщине круглое укрепление, не зависящее от рельефа местности.

В середине XII в., судя по уставной грамоте Ростислава Мстиславича, Копыс был пунктом сбора торговой пошлины как с товаров, шедших вниз и вверх по Днепру (с этих сборов в пользу смоленских князей ежегодно выплачивалось 4 гривны), так и за перевоз через Днепр (тоже 4 гривны). Кроме того, город выплачивал ежегодно 6 гривен «погородья», 4 гривны полюдной дани и неопределенную сумму с корчемных сборов.

В X—XI вв. Смоленская земля была составной частью Древнерусского государства. Зависимость Смоленска от Киева выражалась в уплате дани и в участии смоленского населения в военных походах на стороне киевских князей. В X в., как сообщает Константин Багрянородный, киевский князь наезжал и собирал полюдье среди кривичей; и позднее право взимания здесь полюдья сохранялось за киевскими князьями. Смоленской землей управляли посадники — ставленники киевских князей.

Вместе с тем внутри Смоленской земли постепенно все большую роль начинали играть местные землевладельцы — «земские бояре». Большое значение приобретает и купечество. Под 1096 г. летопись сообщает, что изгнанный из Чернигова Олег Святославич пришел к Смоленску, но «не приняша его смолняне» [42]. Видимо, к концу XI в. некоторая роль в политической жизни Смоленской земли принадлежала вечевым собраниям, о которых говорят источники XII в.

Начало политической обособленности Смоленской земли было положено приблизительно в 1125 г. (не позже 1127 г.), когда на смоленский княжеский стол вступил внук Владимира Мономаха Ростислав Мстиславич. С деятельностью этого князя связано укрепление и возвышение Смоленской земли: она расширяется территориально и приобретает влияние на общерусские дела. Ростислав окончательно устраняет политическую зависимость Смоленской земли от Юга и, чтобы сделать княжество независимым в церковных делах, учреждает в 1137 г. местную епископию [43]. К этому времени относится замечательный памятник древнерусской письменности — устав смоленского князя, данный при основании епископии, наделяющий ее привилегиями и землей [44].

Уставная грамота Ростислава Мстиславича является первостепенным источником для исследователей географии Смолен-

[42] ПВЛ, ч. I, стр. 151.

[43] *Е. И. Кашпровский.* Учреждение Смоленской епископии. Киев, 1896.

[44] ДАИ, т. I. СПб., 1846, стр. 5—8; «Памятники русского права». Составитель А. А. Зимин, вып. 2. М., 1958, стр. 37—52. Историографический анализ уставной грамоты сделан Я. Н. Щаповым (*Я. Н. Щапов.* Смоленский устав князя Ростилава Мстиславича.— «Археологический ежегодник за 1962 г.». М., 1963, стр. 37—47; *он же.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси X—XIV вв. М., 1972, стр. 136—150).

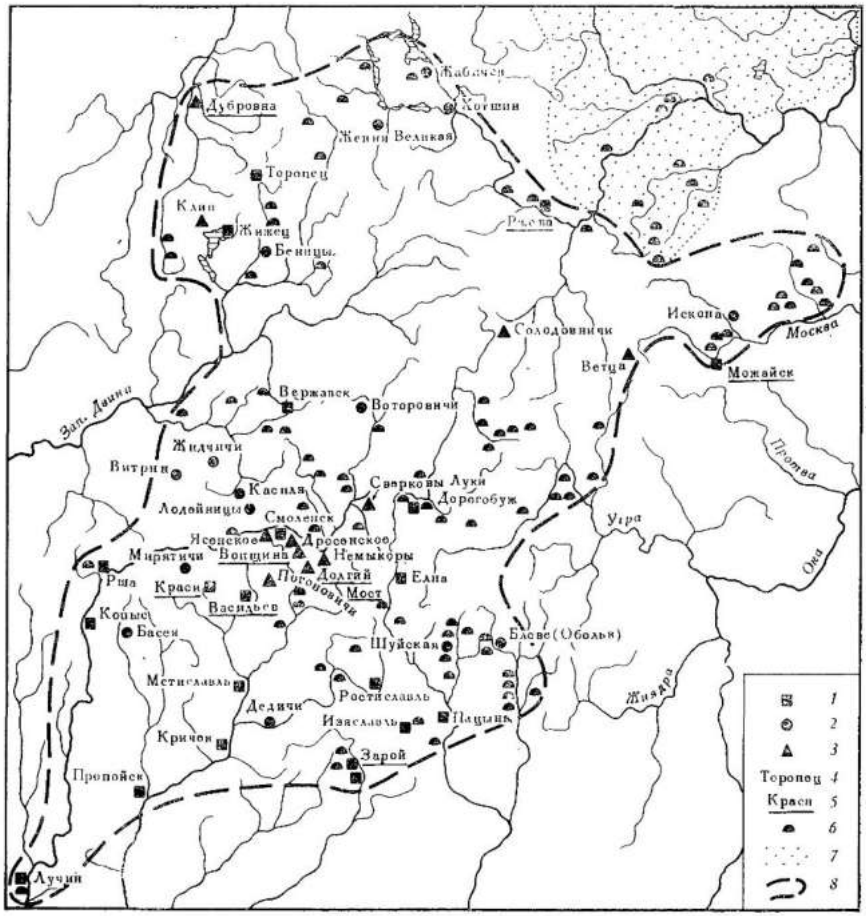


Рис. 2. Смоленская земля в XII в.

1 — города,
2 — центры волостей,
3 — прочие населенные пункты,
4 — населенные пункты, существовавшие в 30-х годах XII в.,
5 — населенные пункты, впервые упомянутые в источниках во второй половине XII и в XIII вв.,
6 — курганные могильники с этнически определяющими кривичскими находками,
7 — верхневолжский ареал новгородской колонизации (по археологическим данным),
8 — граница Смоленской земли к середине XII в.

ской земли. В грамоте названо около 50 населенных пунктов, локализация которых позволяет более или менее отчетливо обрисовать границы Смоленской земли около середины XII в. Вопросам картографирования древнерусских географических названий посвящены многие работы исследователей. Однако зна-

чительная часть этих пунктов локализована на картах историко-географами лишь на основе некоторого, порой весьма отдаленного сходства или созвучия с названиями современных местностей. В связи с этим местоположение некоторых поселений XII в. спорно, а в ряде случаев вовсе неоправданно. Поэтому целесообразнее отделить исследование пунктов с более твердой локализацией от пунктов, нанесенных на карту условно.

Ниже рассматриваются географические пункты XII в., местоположения которых твердо установлены (рис. 2). Описанные уже города Смоленск, Торопец, Вержавск, Жижец, Орша, Копыс существовали и в XII в. Новые города строятся главным образом на южной окраине Смоленской земли. Это — Ростиславль, Елна, Мстиславль, Изяславль, Кричев, Лучин, Пацынь. Все они впервые названы в уставной грамоте 1137 г., поэтому время их основания определяется первой третью XII в.

Остатки древнего города Ростиславля — городище в г. Рославле — находятся при слиянии речек Становки и Глазомойки (притоков Остра). Городище имеет правильную округлую форму (диаметр 70 м) и защищено кольцеобразным валом высотой до 3 м. Керамический материал городища позволяет датировать памятник XII—XVI вв.[45] Высказываемые исследователями прошлого столетия предположения об основании Ростиславля в конце X в. ныне могут быть решительно отвергнуты. Некоторые исследователи приписывают основание этого города Владимиру Мономаху[46]. Более реальным представляется мнение П. В. Голубовского, согласно которому «поселение было укреплено Ростиславом, князем — основателем смоленской епископии, отчего и получило свое название»[47]. Той же точки зрения придерживался А. Н. Насонов[48]. Во время основания смоленской епископии город платил 3 гривны «погородья» и 1 гривну «почестья».

На правом берегу р. Вехры, недалеко от ее впадения в Сож, находился древний Мстиславль (ныне город в Могилевской области). Это тоже круглое в плане укрепление размерами 140×130 м. Раскопки Л. В. Алексеева подтвердили, что город был основан в XII в.[49] А. Н. Насонов полагал, что Мстиславль, судя по названию, был сооружен в первой половине XII в.[50] Это очень вероятное предположение, тем более что согласно уставной грамоте 1137 г. с Мстиславля причиталось 6 гривен «погородья» и 1 гривна «почестья». Правда,

---

[45] *В. В. Седов.* К исторической географии Смоленской земли, стр. 340—341.

[46] *И. И. Орловский.* Указ. соч., стр. 169; «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества», т. IX, стр. 511.

[47] *П. В. Голубовский.* Указ. соч., стр. 78.

[48] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 159.

[49] Материалы раскопок не опубликованы. Изданы лишь отдельные находки. Подробнее об этом см.: *Л. В. Алексеев.* Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии.— СА, 1962, № 4, стр. 197—204.

[50] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 159 и 171.

летописец XV в. приписывал постройку Мстиславля на Вехре Давыду Ростиславичу, княжившему в Смоленске во второй половине XII в.[51] Однако, по-видимому, Давыд Ростиславич не основал город, а дополнительно укрепил его.

Еще ниже на Соже, при впадении речки Кричевки, или Кривиченки, был основан город Кричев[52]. Его городище принадлежит к типу круглых укреплений (площадь около 5000 м²). Наиболее ранний керамический материал, собранный здесь, датируется XII в.[53] В 1967 г. небольшие раскопки произведены Г. В. Штыховым.

На Соже при слиянии с р. Пропой стоял еще один смоленский город — Прупой (Пропойск). В XIV в. этот город именуется Пропойском[54], а ныне Славгородом. Следы древних укреплений сохранились слабо. Небольшие раскопки произведены Г. В. Штыховым[55].

В начале 40-х годов XII в. Ростислав Мстиславич вторгся в земли, принадлежавшие черниговским князьям, и захватил волость в районе Гомия на Соже[56]. По-видимому, Сож был одним из важнейших участков пути из Киева в Смоленск и Новгород (судя по находкам восточных монет, он известен еще с IX—X вв.). Постройкой городов на Соже смоленские князья закрепляли этот путь за собой[57]. Интересно, что Кричев и Прупой согласно уставной грамоте 1137 г. не значатся среди пунктов, плативших городскую дань. По всей вероятности, к моменту создания смоленской епископии они еще строились.

Юго-западным окраинным городом Смоленской земли был Лучин, впервые упомянутый в грамоте Ростислава Мстиславича. Чаще всего этот город локализуют на р. Ельше в бассейне Западной Двины[58]. Основанием для этого служит летописное

---

[51] *М. Н. Тихомиров.* Древнерусские города, стр. 356—357.

[52] В грамоте Ростислава Мстиславича назван Крючет, в котором все исследователи видят Кричев. В «Списке русских городов» конца XIV в. записан уже Кричев (НПЛ, стр. 476), но на более поздних картах встречается написание Kruyczow (*Homann.* Russia vulgo Muscovia, 1703.— ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, отдел картографии); «Imperii Russici sive Moscovia», XVIII в.— Там же), подтверждающее, что Крючет источника 1137 г. действительно является древним Кричевом.

[53] *В. В. Седов.* К исторической географии Смоленской земли, стр. 339.

[54] НПЛ, стр. 476.

[55] *Г. В. Штыхов.* Разведочные раскопки в Славгороде в 1967 г.— «Вопросы истории (тезисы докладов XII конференции молодых ученых Белорусской ССР)». Минск, 1969, стр. 70—76.

[56] ПСРЛ, т. II, изд. 2. СПб., 1908, стб. 311.

[57] Когда участок Днепра с Оршей и Копысом отходил к Полоцкому княжеству, путь по Сожу был единственной водной дорогой из Смоленска в Киев. Да и в XII в. смоляне, видимо, предпочитали днепровскому более короткий посожский путь. Из летописного сообщения 1168 г. очевидно, что Ростислав ехал из Киева в Новгород по Сожу, через Чичерск (ПСРЛ, т. II, стб. 527).

[58] *П. В. Голубовский.* Указ. соч., стр. 10 и 63; *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 171; *Н. Н. Усачев.* Указ. соч., стр. 228.

известие 1173 г. о том, что у князя Рюрика Ростиславича по пути из Новгорода в Смоленск в Лучине родился сын Михаил, которому отец и отдал этот город [59]. Исходя из этой записи, Лучин помещают на месте д. Лучан. Однако археологические разведки в бассейне р. Ельши показали, что здесь не было древнерусского поселения городского типа. Кажется неоправданным и отождествление М. К. Любавским Лучина грамоты 1137 г. с Лучином-Городком, известным по документам XV—XVI вв. и локализуемым в бассейне р. Угры (современная д. Городок Дорогобужского района) [60]. Археологические разведки в верховьях Угры показали, что в окрестностях нынешней д. Городок нет памятника, который можно было бы отождествить с г. Лучином XII в. [61]

Видимо, Лучин, упомянутый в грамоте Ростислава, нужно локализовать на Днепре. Здесь около д. Лучин Рогачевского района имеется городище — бесспорно городское поселение древнерусского времени [62]. Поблизости от городища расположен большой курганный могильник. При раскопках курганов найдены вещи смоленского облика, свидетельствующие о кривичской принадлежности погребенных [63], а следовательно, о кривичской атрибуции Лучинского городища. Летописное сообщение 1173 г., по-видимому, не противоречит локализации Лучина юго-западнее Смоленска. Ведь Рюрик Ростиславич, покинув Новгород, ушел не в Смоленск, а в свою волость — Овруч. Остановка его в Лучине могла произойти после того, как он миновал Смоленск [64].

По Десне шел путь из Смоленска в Чернигов и Новгород-Северский. В смоленской части деснинского бассейна находился г. Ельня (Елна). Ельнинское городище принадлежит к типу круглых и расположено на территории современного города Ельни на левом берегу Десны при впадении в нее р. Мойки. Размеры городища около 150×100 м. Судя по форме городища и археологическому материалу, поселение здесь было основано на рубеже XI—XII вв. [65]

Самым южным смоленским городом в бассейне Десны был

---

[59] ПСРЛ, т. II, стб. 567.

[60] *М. К. Любавский.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1892, стр. 268, 273.

[61] При д. Городок имеются лишь древнерусское селище и курганы. Ближайшее городище расположено в 9—10 км (д. Приходы Малые) и содержит сравнительно позднюю керамику (*Е. А. Шмидт.* Археологические памятники бассейна реки Угры в пределах Смоленской области.— «Сборник научных работ Смоленского краеведческого научно-исследовательского института», вып. 2. Смоленск, 1958, стр. 111—114).

[62] *А. З. Каваленя.* Археалогічныя разьведкі у Магілеускай, Бабруйскай і Менскай акругах.— Працы, II, стр. 149—151.

[63] ОАК за 1905 г. СПб., 1907, стр. 80.

[64] Ипатьевский список гласит: «Рюрикове же идущю из Новагорода и Смоленьска, а и бысть на Лучине...» (ПСРЛ, т. II, стб. 566, 567).

[65] *В. В. Седов.* К исторической географии Смоленской земли, стр. 341, 342.

Пацын, локализуемый в районе д. Пацын (Рогнединский район Брянской области), где имеется крупное городище (размеры его 74,5×11—25 м) [66]. Устроено оно на мысу при слиянии небольших речек Ботинки и Оси. Собранная здесь керамика датирует поселение XI—XIII вв. [67]

В верховьях Ипути среди самых южных кривичских поселений стоял Изяславль. Уже П. В. Голубовский поместил его в районе д. Сеславль, юго-западнее Пацына [68]. На это указывает не только сходство географических названий, но и более поздний документ [69]. По соседству с д. Сеславль (между деревнями Сеславль и Прудок) имеется городище, к сожалению до сих пор не обследованное археологами [70].

Все перечисленные города, основанные на южной окраине Смоленской земли в начале XII в., находились на собственно кривичской земле. Их строительство, по-видимому, преследовало две цели: укрепление смоленской княжеской администрации во вновь освоенных кривичских районах и защита интересов Смоленска от посягательств со стороны южнорусских князей. Следовательно, в первой трети XII в. наибольшее внимание Смоленск придавал своим южным землям.

Вне южных районов в это время был построен лишь г. Дорогобуж (впервые упомянут в уставной грамоте Ростислава Мстиславича). Древнее городище Дорогобужа устроено на высоком холме [71]. Это типичное круглое укрепление (диаметр площадки 20 м). Подобные городища начали сооружаться в Смоленской земле с конца XI — начала XII в. Дорогобуж также находился на территории смоленских кривичей.

Картография волостных центров, названных в уставной грамоте 1137 г., также показывает, что границы Смоленской земли первой половины XII в. определялись в зависимости от племенной территории.

Археологическими работами в центральных районах Смоленской земли окончательно определены местоположения волост-

---

[66] *Л. Н. Ляўданскі.* Археолегічныя досьледы у Смаленшчыне.— Працы, III, стр. 33—34.

[67] *В. В. Седов.* К исторической географии Смоленской земли, стр. 342. Повторное обследование памятника Л. В. Алексеевым показало, что культурного слоя XI—XIII вв. здесь нет.

[68] *П. В. Голубовский.* Указ. соч., стр. 78.

[69] В перемирной грамоте Василия III с Сигизмундом Сеславль стоит рядом с Пацином, Федоровском, Осавиком и другими волостями. Все они локализуются в междуречье верхней Десны и Ипути (Сб. РИО, т. XXXV, стр. 639, 745).

[70] *А. Н. Ляўданскі.* Археолегічныя досьледы у Смаленшчыне, стр. 29.

[71] Так называемое городище Буж-городок. В центре города имеется еще второе городище (называемое «валы»), относящееся к более позднему времени (*С. Писарев.* О городках Смоленской губернии.— «Смоленский вестник», 1882, № 52, стр. 3; *И. И. Орловский.* Указ. соч., стр. 158: *А. Н. Лявданский.* Некоторые данные о городищах Смоленской губернии.— «Научные известия Смоленского гос. университета», т. 3, вып. 3, 1926, стр. 182 и 280).

ных центров — Воторовичей, Витрина, Жидчичей, Каспли, Лодейницы, Мирятичей и рядовых поселений: Дросенского, Немыкоры, Погоновичей [72].

Основным районом Воторовичской волости был бассейн р. Вотри. Центр волости находился в среднем течении этой реки на территории современной д. Городны. Это было небольшое укрепленное поселение (размерами 35×25—40 м), по своему характеру близкое к феодальным замкам-усадьбам Смоленщины XII—XIV вв.

Волость Витрин локализуется в районе микулинских озер к северо-западу от Смоленска. Одно из них — Витрино дало название волости. Близ него находится древнерусское городище — центр волости. Касплянская волость бесспорно названа по р. Каспле, у истоков которой известно городище — волостной центр. Волость Жидчичи помещалась в бассейне р. Черобесны, где среди болотистой низины на островке обнаружен и центр волости. Местоположение Лодейницы, упомянутой в грамоте Ростислава Мстиславича, определено правильно П. В. Голубовским — с. Лодыжничи при озере Купринском к северо-западу от Смоленска. Это поселение было небольшим и укрепленным.

В 1955—1960 гг. выявлены и обследованы древнерусские села Дросенское (около д. Дросенское к югу от Смоленска), Немыкоры (на левом берегу Днепра юго-восточнее Смоленска) и Погоновичи (при с. Погонове и реке того же названия в верховьях Сожа).

На севере Смоленской земли путем специальных изысканий непосредственно на местности локализацию древнерусских населенных пунктов произвел И. М. Красноперов [73]. В результате можно считать установленным местоположение волостных центров Хотшина (у озера Волго, ныне с. Хотшино), Женни Великой (при устье р. Жени, где при д. Изведово и озере Пено имеется и городище), Жабичева (при д. Жабино — Верхняя Руда на озере Селигер).

Беницы уставной грамоты 1137 г. вслед за П. В. Голубовским всеми исследователями картографируются на р. Протве при современном селе Беницы [74]. Вместе с тем не исключено положение этого волостного пункта на берегу озера Бенецкого в бассейне р. Торопы, где археологические работы производила Я. В. Станкевич [75]. Здесь имеются курганные могильники XI—XIII вв. и более раннего времени. Такая локализация оправдана и тем, что Бениця, как и другие поселения, расположенные на торговых путях, должна была платить корчемную

---

[72] *В. В. Седов.* К исторической географии Смоленской земли, стр. 326—343.

[73] *И. М. Красноперов.* Указ. соч., стр. 350—353.

[74] *А. В. Успенская.* Древнерусское поселение Беницы.— «Ежегодник Государственного Исторического музея, 1962». М., 1964, стр. 216—228.

[75] *Я. В. Станкевич.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э., стр. 248, 251, 316.

дань. Торопа, как уже отмечалось, являлась участком водного пути из Северной Руси в Южную.

Надежна локализация таких волостей и деревень, упомянутых в грамоте Ростислава Мстиславича, как Оболвь, Басея, Искона, Дедичи, Шуйская, Дешняне, Ясенское, Сверковы Луки, хотя археологически эти пункты пока не обследованы. Оболвь бесспорно связана с р. Болвой, в верховьях которой находится с. Оболвь. Волость Басея размещалась, очевидно, в бассейне р. Баси (Басеи), притока Прони Сожской. Волость Искона справедливо локализуется в бассейне р. Исконы, Дешняне — в верховьях Десны, Шуйская — в бассейне р. Шуйцы. Вряд ли у кого вызовет сомнение локализация с. Ясенского при р. Ясеной близ Смоленска и Сверковых Лук на месте позднейшего села Сверколучье на Днепре. Более или менее определена связь местности Дедичи 1137 г. с позднейшим селом Дедицы (Дедины) близ впадения р. Остера в Сож.

Под 1131 г. в летописи упоминается населенный пункт Клин [76]. Обычно его помещают на северо-западе Смоленской земли в междуречье Куньи и Векуницы, на месте нынешнего села Клин [77].

Остальные географические пункты уставной грамоты Ростислава Мстиславича картографируются исследователями лишь на основе некоторого, порой весьма отдаленного сходства с названиями современных местностей. М. Ф. Владимирский-Буданов (к нему присоединяются все последующие исследователи), по-видимому, правильно локализовал Ветцу (ныне с. Ветца в верховьях р Москвы) и Солодовничи (позднейшая д. Солодовня между Днепром и Вазузой) [78], поскольку подобные названия единичны на Смоленщине. Зато остальные пункты (Крупль, Дедогостичи, Заруб [79], Врочницы, Доброчков, Добрятино, Путтин, Бортницы, Былев) не могут быть картографированы с уверенностью, так как их названия в современной топонимии или представлены несколькими точками в разных местах Смоленской земли, или отсутствуют вовсе.

При определении границы Смоленской земли XII в., видимо, нужно руководствоваться двумя факторами: распространением географических пунктов, упомянутых в грамоте Ростислава Мстиславича, и этнографической картой смоленских кривичей XI—XII вв., составленной по археологическим материалам. Интересно, что почти все города и волости, существовавшие в

---

[76] ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 103.

[77] *П. В. Голубовский.* Указ. соч., стр. 84. Н. Н. Усачев ошибочно причисляет этот пункт к смоленским городам XII в. (*Н. Н. Усачев.* Указ. соч., стр. 228).

[78] *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Хрестоматия по истории русского права, вып. 1. Киев, 1876, стр. 223.

[79] П. А. Раппопорт полагает, что Заруб находился на месте городища Осовик (*П. А. Раппопорт.* О местоположении смоленского города Заруба.— КСИА, вып. 129, 1972, стр. 21—23).

первой половине XII в., лежат в пределах ареала смоленских кривичей.

Таким образом, около середины XII в. смоленская территория очерчивалась в следующих границах. На западе граница между Полоцкой и Смоленской землями проходила от верховьев Ловати к устью р. Торопы и далее через низовья р. Каспли до Орши. Юго-западным пограничным пунктом Смоленской земли был Лучин. От Лучина граница поворачивала на восток до среднего течения р. Болвы. Потом поворачивала на северо-восток, захватывая верховья Угры, и достигала верховьев р. Москвы. Далее смоленская территория вклинивалась в междуречье Москвы и Волги. На севере, примерно от Ржева, смоленская граница по левому берегу Волги поднималась до озера Селигер, поворачивала на запад и достигала низовьев Куньи, правого притока Ловати.

Некоторые исследователи (П. В. Голубовский, А. Н. Насонов и др.) включали в состав Смоленской земли западную часть междуречья Угры — Оки и р. Москвы, в том числе бассейны рек Протвы, Нары и отчасти Пахры. Основанием для этого служит локализация здесь таких населенных пунктов, названных в уставной грамоте 1137 г., как Беницы, Добрятино, Берестов и др. Однако их местоположение здесь весьма сомнительно: все они определены по сходству с современными топонимами, но совершенно созвучные названия находят и в других местах Смоленской земли. Возникшие позднее в бассейне р. Протвы города Верея, Вышгород, Боровск никак не связаны со Смоленском. История этих городов первоначально была связана с Черниговом и Рязанью, а впоследствии они перешли к Москве.

Историко-археологические материалы второй половины XII и XIII в. содержат данные, которые не опровергают очертаний предполагаемой территории Смоленской земли.

Два городка — Васильев и Красн, впервые названные в летописях под 1165 г.[80], локализуются вполне определенно в центральной части Смоленской земли и обследованы археологами[81].

Под 1154 г. в летописи упомянут Зарой как пограничный пункт Смоленской земли, в котором встречались Ростислав Мстиславич с Юрием Долгоруким[82]. Исследователи древнерусской географии единодушно связывают этот пункт с современным с. Разрытым на р. Ипути (Клетнянский район Брянской области)[83]. Более созвучных названий на Смоленщине нет, поэтому локализация Зароя на южной окраине Смоленской зем-

---

[80] ПСРЛ, т. II, стб. 525.

[81] *В. В. Седов.* К исторической географии Смоленской земли, стр. 334—336.

[82] ПСРЛ, т. II, стб. 477.

[83] *Н. П. Барсов.* Указ. соч., стр. 76; *П. В. Голубовский.* Указ. соч., стр. 56 и 79.

ли очень вероятна. Здесь имеется городище, которое, может быть, и является остатком летописного городка, а рядом — три курганные группы [84].

В источниках XIII в. называются Ржевка, Можайск, Воищина, Дубровна. Сюда же нужно отнести и д. Долгий Мост, упомянутую в документе XVI в., рассказывающем о событии середины XIII в.

Ржевка упомянута под 1216 г. как город, принадлежащий торопецкому князю [85]. Она стояла на месте современного Ржева, где сохранились остатки древнерусского городища. Расположено оно на перешейке мыса, образованного р. Халынкой близ ее впадения в Волгу [86]. Впоследствии этот город принадлежал Тверскому княжеству.

Можайск впервые назван в летописях под 1277 г. [87] Расположен при впадении р. Можайки в р. Москву. Можайское городище хорошо известно, но раскопки здесь не производились [88]. В 1303 г. Можайск отошел к Москве, и дальнейшая история его связана с историей Московского княжества.

Под 1258 г. Новгородская I летопись упоминает о поселении Воищине, расположенном где-то близ Смоленска [89]. Это поселение — феодальный замок — ныне исследовано полностью (в 15 км южнее Смоленска) [90]. Под 1234 г. в летописях упомянуто поселение Дубровна как «селище в Торопецкой волости» [91]. П. В. Голубовский локализовал эту деревню на р. Кунье, в 50 км северо-западнее Торопца [92], с чем согласились все исследователи. И хотя этот пункт пока не обследован археологами, его положение на северо-западной окраине Смоленской земли представляется очень вероятным.

Деревня Долгий Мост ныне обследована археологически, и ее локализация несомненна — это нынешнее Долгомостье, юго-восточнее Смоленска [93].

Таким образом, очерченная территория Смоленской земли

---

[84] *А. Н. Ляўданскі.* Археалегічныя досьледы у Смаленшчыне.— Працы, III, стр. 30; «Древности железного века в междуречье Десны и Днепра».— САИ, Д1-12, 1962, стр. 23.

[85] НПЛ, стр. 55.

[86] *Э. А. Рикман.* Обследование городов Тверского княжества.— КСИИМК, вып. XLI, 1951, стр. 72; *П. А. Раппопорт.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.— МИА, № 105, 1961, стр. 12.

[87] ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 173.

[88] *П. А. Раппопорт.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв., стр. 54.

[89] НПЛ, стр. 82 и 310.

[90] *В. В. Седов.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.).— МИА, № 92. М., 1960, стр. 51—92.

[91] НПЛ, стр. 73, 283.

[92] *П. В. Голубовский.* Указ. соч., стр. 84.

[93] *В. В. Седов.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли, стр. 29—30.

XII—XIII вв. является областью одновременно этнографической и политической. Государственная граница Смоленского княжества XII в. во многом определялась этнической территорией. Очевидно, это обусловлено было не только стихийным расселением смоленских кривичей, но и направлением государственного освоения территории, в основном отраженным в строительстве городов.

На западе смоленская территория вплотную соприкасалась с Полоцкой землей. Смоленские и полоцкие кривичи — единоплеменники, поэтому граница между этими землями не была стабильной. На юге Смоленская земля соседствовала с территорией, подвластной Чернигову. Южная граница Смоленщины здесь определялась южными пределами кривичского расселения. На юго-востоке границы Смоленской земли очерчивались кривичско-вятичской и кривичско-голядской территориями. На севере и северо-востоке рубежом Смоленской и Новгородской земель была граница между смоленскими кривичами и ильменскими словенами. На верхней Волге, где кривичская колонизация столкнулась с новгородской, распределение земель между Смоленском и Новгородом обусловлено прежде всего племенным размежеванием. В состав Смоленской земли вошли земли, колонизованные исключительно кривичами. Территория верхневолжских областей ниже Ржева заселялась новгородцами и кривичами. Новгород с самого начала русской истории оказался более сильным политическим центром, поэтому новгородско-кривичские области Верхнего Поволжья, по-видимому, уже в XI в. оказались под властью Новгорода.

ПОЛОВЕЦКАЯ ЗЕМЛЯ

С. А. Плетнева

В лето 6563 (1055) г. половецкий хан Блуш впервые подошел со своей ордой к южной границе Руси. Всеволод Ярославич, только что разбивший на Суле, у Воиня, большой отряд торков, прижатых половцами к русскому пограничью, и, видимо, вследствие этой победы не располагавший достаточными силами для военного отражения нового нашествия, поспешил заключить мир с Блушем, и «возвратишася половцы восвояси» [1].

С этого события и началась сложная, полная браков и битв, набегов и военных союзов совместная двухсотлетняя история двух народов. Достаточно даже поверхностного знакомства с русской летописью, чтобы убедиться, насколько тесно сплелись судьбы русских и половцев в XI—XII вв.

Естественно, что половцам посвящено немало работ русских дореволюционных и советских историков. В 1883 г. вышла в свет большая и серьезная работа П. В. Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар» [2], в которой автор, пытаясь учесть все доступные ему письменные источники, упоминающие об этих народах, восстанавливает их историю и жизнь на протяжении 350 лет (X — середина XIII в.). Ему же принадлежит и другая работа о половцах — «Половцы в Венгрии», опубликованная в 1889 г.[3] В 30-х годах нашего века половцами занялся русский ученый-эмигрант Д. А. Расовский, напечатавший в Seminarium Kondakovianum серию работ о них [4]. Во всех общих работах по истории Руси, начиная с М. В. Ло-

[1] ПСРЛ, т. I, стб. 162; т. II, стб. 151.

[2] «Университетские известия», год 23, № 1. Киев, январь 1883 г.

[3] «Университетские известия», год 29, № 12. Киев, декабрь 1889 г. Я не упоминаю здесь труды о половцах, выходившие до работы П. В. Голубовского, поскольку они, как правило, написаны крайне тенденциозно, иногда просто дилетантски и свидетельствуют только о том, что научный интерес к половцам возник еще в первой половине XIX в. (*П. Сум.* Историческое рассуждение об уцах, или половцах.— «Чтения общества истории и древностей», № 1, 1846; *А. А. Куник.* О тюркских печенегах и половцах по мадьярским источникам.— «Записки Академии наук», 1885, т. II, вып. 5; *Н. Аристов.* О земле Половецкой.— «Записки Одесского общества истории и древностей», т. III. Одесса, 1853 и др.).

[4] *Д. А. Расовский.* Половцы, S. K., VII, VIII, IX, X. Praga, 1935, 1936, 1937, 1938; Хинова, S. K. VIII. Praha, 1937; Тълковины, S. K., VIII, 1937.

моносова и В. Н. Татищева и кончая Б. Д. Грековым, М. Н. Тихомировым и А. Н. Насоновым, непременно в той или иной связи или с той или иной степенью подробности упоминаются южнорусские кочевники, и в частности половцы. Ряд отдельных статей был посвящен специально вопросам взаимоотношений половцев и Руси (И. Березин, П. М. Мелиоранский, Кузмичевский, В. А. Пархоменко, А. И. Попов и др.) [5].

С конца XIX в. пробудился интерес к кочевническим древностям и у археологов. Массовые раскопки кочевнических курганов Киевщины (в Поросье), предпринятые Н. Е. Бранденбургом, и раскопки В. А. Городцова в Подонье заложили основу коллекции кочевнических, в том числе и половецких, древностей Восточной Европы [6]. В наше время советские археологи (Л. П. Зяблин, С. А. Плетнева, Г. А. Федоров-Давыдов) обработали эти материалы, превратив их в полноценный исторический источник [7].

Таким образом, политическая история, экономика, культура половцев исследованы в целом с достаточной полнотой. Как ни странно, самой неразработанной проблемой до сих пор является политическая и экономическая география Половецкой земли. Нередко в больших работах указывалось только, что половцы жили в степях, южнее Руси, между Волгой и Дунаем или между Уралом и Балканскими горами [8].

В других трудах подробно рассматривался тот или иной пограничный участок Руси с половцами, но опять-таки не давалось общей картины половецкой степи [9]. Правда, в работах С. А. Плетневой и Г. А. Федорова-Давыдова делались попытки локализовать отдельные половецкие группы и объединения, установить пути и время передвижения половцев по степи, но

---

[5] *И. Березин.* Игорь, князь Северский.— «Москвитянин», № 22, кн. 22. М., 1854; *П. М. Мелиоранский.* Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве».— ИОРЯС, т. VII, кн. 2. СПб., 1902; *Кузмичевский.* Шолудивый Буняка в украинских народных сказаниях.— «Киевская старина», т. XVIII—XIX, 1887; *В. А. Пархоменко.* Следы половецкого эпоса в летописях.— В кн. «Проблемы источниковедения», т. III. М.— Л., 1940; *А. И. Попов.* Кыпчаки и Русь.— «Уч. записки ЛГУ», № 14, 1948.

[6] «Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг.». СПб., 1908; *В. А. Городцов.* Краткие сведения об археологических исследованиях в Бахмутском у. Екатеринославской губ.— «Труды Харьковской Приготовительной Комиссии XIII Арх. съезда». Харьков, 1908 г.; *он же.* Результаты исследований в Изюмском у. Харьковской губ.— Труды XII АС, т. I. М., 1905.

[7] *Л. П. Зяблин.* О татарских курганах.— СА, XXII, 1955; *С. А. Плетнева.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, № 62, 1958; *Г. А. Федоров-Давыдов.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

[8] Например, в указанной работе П. В. Голубовского и других общих работах о половцах.

[9] *Б. Л. Рыбаков.* Русские земли по карте Идриси 1154 г.— КСИИМК, 43, 1952; *С. А. Плетнева.* О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время.— КСИА, 99, 1964, и др.

оба эти автора сделали в этом отношении значительно меньше, чем Д. А. Расовский в статьях о половцах и К. В. Кудряшов в серии статей, объединенных общим названием «Половецкая степь» [10].

Их труды не потеряли своего значения и в наши дни. Однако авторы используют, как правило, один источник — русскую летопись, причем преимущественно конкретные и точные указания летописца о дорогах русских войск в степь (описания походов). Анализа всех сведений о половцах в них нет, поскольку написаны они были задолго до опубликования обобщающих работ по кочевниковедческой археологии, и поэтому авторы не смогли включить в свои исследования обработанные специалистами археологические материалы.

В предлагаемой статье мы вновь возвращаемся к теме, поднятой Д. А. Расовским и К. В. Кудряшовым. За двадцать с лишним лет (с 1948 г.) накопилось достаточное количество новых работ, касающихся с большей или меньшей полнотой половцев и их расселения по степи, которые значительно пополняют и уточняют карты, опубликованные этими учеными. Привлечение различных письменных источников и некоторых новых археологических данных также приводит к необходимости пересмотреть историческую географию Половецкой земли в XI—XII вв.

Границы Половецкой земли были крайне неустойчивы. Объясняется это прежде всего экономикой половцев: кочевые орды с огромными стадами занимали все удобные для кочевий слабо защищенные или малозаселенные земли и держались на них до тех пор, пока более сильный противник не вытеснял их с этих земель. Поэтому даже границы с земледельческими сильными феодальными государствами не могли быть постоянными: в любое время, когда это представлялось возможным, кочевники захватывали окраинные территории, разоряли население, сжигали поселки и пригоняли скот на возделанные поля.

Что же касается соседей-кочевников или соседей, не имеющих сил противостоять кочевым ордам пограничной полосы, то здесь границы вообще не существовало. Так называемый обычай «баранты» (угон скота) вполне мог распространиться в случае победы и на землю побежденных: победитель забирал не только скот, но и вежи и земли, расширяя территорию своей орды за счет слабейшего соседа. Такая территориальная неустойчивость особенно характерна для кочевников периода военной демократии, когда земли еще не были поделены между феодалами и общинниками, кочевья отдельных орд и родов еще только намечались и размеры их то расширялись, то сжимались в зависимости от военной силы и способностей возглавлявших их ханов и беков.

---

[10] *К. В. Кудряшов.* Половецкая степь. М., 1948.

Все эти общие рассуждения вполне применимы и к половцам. География Половецкой земли не была стабильной. В разные периоды истории их границы, как внешние, так и внутренние, были различны.

Прежде чем начать исследование Половецкой земли по выделенным нами хронологическим периодам, вспомним, какую и чью территорию заняли половцы, подошедшие в середине XI в. к границам Руси.

Степь с глубокой древности стала обиталищем кочевников. Складываясь в монгольских, среднеазиатских или алтайских степях, различные этнические и племенные кочевнические объединения волнами набегали на широкий степной берег Черного моря. Эпоха раннего средневековья началась с приходом в Европу гуннов — с середины IV в. Развитое средневековье ознаменовалось нашествием на Восточную Европу новой волны тюркоязычных кочевых народов — печенегов, торков и половцев. Так называли их русские. В западных, в частности византийских, источниках они именуются пацинаками, узами и куманами, а в восточных (арабских и персидских) — баджнаками, гузами и кипчаками [11].

Печенеги в конце IX — самом начале X в. ворвались в южнорусские степи. Под их ударами окончательно рухнул ослабевший к тому времени Хазарский каганат [12]. Экономика и культура полукочевых народов, входивших в состав Хазарского каганата и заселявших донские степи и лесостепи, были полностью уничтожены.

Почти полтора столетия вела Русь постоянную и жестокую борьбу с печенежскими полчищами, всемерно укрепляя границы и охраняя пограничье от кочевнических вторжений [13]. Характерно, что на этом этапе борьбы с кочевниками русские ограничивались только охраной границы и постепенным перенесением ее к югу (от Стугны при Владимире до Роси при Ярославе). В глубь степи походов не организовывалось. Даже окончательный разгром печенегов в 1036 г. Ярославом произошел под стенами Киева, во время наступления печенегов на Русь. Объясняется это, по-видимому, тем, что у печенегов не было постоянных кочевок. Для них характерен был первый, наиболее архаичный способ кочевания — таборный, как назвал его С. И. Руденко [14]. При этом способе кочевания народ кочует круглый год, передвигаясь по степи и летом и зимой. При таком образе жизни

---

[11] *П. В. Голубовский.* Об узах и торках.— ЖМНП, 1884, июль, ч. CCXXXIV; *Д. И. Понамарев.* Куман-половцы.— ВДИ, № 3—4, 1940.

[12] *М. И. Артамонов.* История хазар. Л., 1962, стр. 349—352; *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. М., 1967, стр. 189.

[13] *С. А. Плетнева.* Печенеги, торки и половцы..., стр. 216.

[14] *С. И. Руденко.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках.— «Географическое общество СССР. Доклады отделения этнографии», вып. 1. Л., 1961.

они были практически неуловимы, и поэтому походы в степь теряли смысл.

То обстоятельство, что в южнорусских степях неизвестно не только ни одного печенежского становища, но и ни одного могильника [15], подтверждает полное отсутствие хотя бы сезонной оседлости у печенегов. Четкое разделение территории степного Причерноморья между «коленами» или ордами печенегов, о котором так подробно писал в середине X в. Константин Багрянородный [16], очевидно, не мешало печенегам вести внутри каждой территории таборное кочевание. Впрочем, территория каждого из «колен» достигала в поперечнике примерно 200—300 км.

Оставшиеся после разгрома под Киевом в Приднепровье небольшие орды печенегов влились в занявший южнорусские степи союз торков (гузов). Эти последние пробыли в Причерноморье менее 20 лет. Они представляли собой северную ветвь мощного Сельджукского союза тюркоязычных племен, двинувшегося в первой половине XI в. на запад и юго-запад [17]. Юго-западные гузы — сельджуки, захватив Переднюю Азию, образовали государство Сельджукидов. Северные гузы пытались пробиться к северным границам Византии и поэтому не портили отношений с лежавшей в стороне от их пути Русью.

За 20 лет пребывания в южнорусских степях торки, ведшие, как и печенеги, таборное кочевание, особенно характерное для кочевых народов в период завоевания новых земель, не оставили никаких археологических памятников [18]. Они буквально прошли по нашим степям. Правда, женатый на «царице-гречанке» Всеволод Ярославич, видимо, не без подстрекательства Византии «ходил на торки». Первый раз — в 1055 г., когда какая-то орда торков, подошедшая к русской границе, была им разгромлена, второй раз — в 1060 г. Всеволод с братьями («триумвират») «совокупивше воя бещислены... поидоша на конях и в лодьях». Характерно, что на этот раз торки уклонились от встречи,— они просто ушли, «убоявьшася, пробегоша», пишет летописец и затем удовлетворенно заключает: «...бог избави крьстьяны от поганых» [19].

Торки, как и печенеги, ушли на запад — в Византию. История их бедствий в Византии блестяще описана В. Г. Васильевским и Д. А. Расовским [20], и мы не будем здесь останавли-

---

[15] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Кочевники Восточной Европы..., рис. 20, стр. 140.

[16] *Константин Багрянородный.* Об управлении государством.— «Известия ГАИМК», вып. 91. М.— Л., 1934; *Б. А. Рыбаков.* Уличи.— КСИИМК, вып. XXXV. М., 1950.

[17] *В. Г. Васильевский.* Византия и печенеги. Труды, т. 1. СПб., 1908; *В. С. Гордлевский.* Государство сельджуков Малой Азии. М., 1941.

[18] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Кочевники Восточной Европы..., стр. 141.

[19] ПСРЛ, т. I, стб. 163; т. II, стб. 151—152.

[20] *В. Г. Васильевский.* Указ. соч.; *Д. А. Расовский.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии.— S. K., t. VI. Praha, 1933.

ваться на ней. Оставшиеся в степях Приднепровья сравнительно небольшие соединения печенегов и торков не могли противостоять новой мощной волне кочевников — половцам.

У нас нет точных данных относительно распространения половцев в южнорусских степях в первой половине XI в., однако то обстоятельство, что торки и печенеги вынуждены были уйти оттуда, свидетельствует, очевидно, о потере ими почти всех старых кочевий. О том, что некоторые из них остались в степях и при половцах, говорят следующие факты, упомянутые летописцем. В 1103 г. Владимиру Мономаху удалось организовать первый поход на половцев, в степь, через пороги к р. Сутин (Молочной) [21]. К этому походу мы еще раз вернемся ниже, здесь же он интересен нам потому, что на обратном пути Владимир где-то в приднепровской степи встретил торков и печенегов, взял их вежи и привел с собой на Русь.

Под 1116 г. в Ипатьевской летописи сообщается: «...бишася половцы и с торки и с печенегы у Дона». В результате битвы и те и другие ушли с Дона «в Русь к Володимиру» [22].

На этих двух примерах уже видно, что русские князья охотно брали бродивших по степи торков и печенегов под свое покровительство и давали им земли на пограничье — в Поросье и под Переяславлем. Уже в конце XI в. на левом берегу Роси появился г. Торческ, заселенный торками. С начала XII в. на страницах летописи в качестве поросских вассалов Руси постоянно упоминаются берендеи (возможно, отколовшаяся орда половцев) [23]. Русские князья образовали из этих народов прочный, хотя и не всегда верный заслон от половцев. В середине XII в. все поселившиеся в Поросье кочевники образовали союз черных клобуков. Под этим именем они и фигурировали в дальнейшем в летописи. История образования и развития этого нового кочевнического объединения является темой специального исследования [24]. Нам в этой статье необходимо было вспомнить историю непосредственных предшественников половцев в южнорусских степях (торков и печенегов) для того, чтобы яснее представить себе обстановку, в которой развивалось половецкое общество, половецкие государственные образования в конце XI, XII и начале XIII в.

* * *

Внутренняя история половцев после захвата ими восточноевропейской степи разделена нами на четыре периода [25]. Первый период — середина XI — начало XII в.; второй период — 20—

[21] ПСРЛ, т. I, стб. 227—279; т. II, стб. 252—255.
[22] ПСРЛ, т. II, стб. 284.
[23] *С. А. Плетнева.* Печенеги, торки и половцы..., стр. 172.
[24] *С. А. Плетнева.* Древности Черных Клобуков.— САИ, Е1-19. М., 1973.
[25] *С. А. Плетнева.* Печенеги, торки и половцы..., стр. 194—196, 220—224.

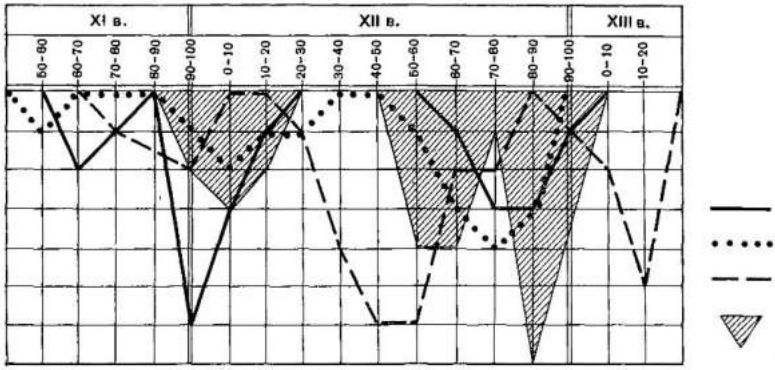


Рис. 1. Координационная таблица десятилетий XI—XIII вв. с количеством походов половцев на Русь и Руси на половцев

1 — удачные походы половцев,
2 — неудачные походы половцев,
3 — походы половцев на Русь с русскими князьями,
4 — походы Руси на половцев

60-е годы XII в.; третий — вторая половина XII в.; четвертый — конец XII — первые десятилетия XIII в. (до татаро-монгольского нашествия).

Периодизация половецкой истории обусловливается двумя факторами: процессами, протекавшими внутри их общества, и взаимоотношениями половцев с Русью.

На табл. (рис. 1) скоординированы десятилетия XI—XIII вв. с удачными и неудачными походами половцев на Русь, походами половцев в союзе с ссорящимися друг с другом русскими князьями и, наконец, походами Руси на половцев.

Благодаря такому координированию мы видим, что первый период характеризуется активной наступательной политикой половцев, постоянно совершавших грабительские, причем победоносные, набеги на русское пограничье. Конец этого периода знаменуется несколькими весьма удачными походами Руси на половцев.

Агрессивность половцев в этот период неоднократно подчеркивается летописцем: «рать велика бяше от половец отовсюду» [26] или еще более драматично — «створи бо ся плач велик у земле нашей, и опустели города наши, и быхом бегюще и перед враги нашими» [27]. Нанеся на карту все половецкие походы, упомянутые в летописи с указанием города или земли, подвергшихся нападению, мы видим, что в подавляющем большинстве случаев половцы разоряли пограничные земли Поросья и Переяславской земли (рис. 2). Только два раза удалось им прорваться к Киеву — разграбить и сжечь монастыри вокруг

[26] ПСРЛ, т. I, стб. 215; т. II, стб. 206.
[27] ПСРЛ, т. I, стб. 222; т. II, стб. 213.

него (1096 г., апрель и июль). Один раз половцы дошли до Чернигова, но были наголову разбиты там русской дружиной у г. Сновска (1068 г.). Поражением окончились и еще два «глубинных» похода половцев к Стародубу (в «Поучении» Владимир Мономах относит этот поход примерно к 1080 г.) и к г. Заречску (1106 г.). Разграбив окрестности Заречска, половцы с большим полоном начали отступать в степь, но были настигнуты русскими воеводами Яном и Путятой Вышатичами, Иванко Захарьичем и Козариным, которые «угониве половцы до Дуная, полон отъяша, а половцы иссекаша» [28].

Несмотря на отдельные неудачи, весь период в целом был для половцев несомненно победоносным. Помимо русских земель половцы грабили и Византийскую империю [29]. Приглашенные Алексем Комнином для помощи в борьбе против печенегов, разорявших империю, половцы вывозили оттуда огромные богатства, добытые грабежами и откупами. Об этом сообщает с большой досадой Анна Комнин в своей хронике, посвященной жизни отца — императора Алексея Комнина [30].

Уже в этот период половцы начали участвовать в войнах, которые вели русские князья с соседями (с «Ляхами» в 1092 г.) или друг с другом (1078, 1094, 1097 гг.). Эти походы, как и византийские, были выгодны половцам возможностью не только беспрепятственно грабить захваченные при помощи русских земли, но и брать богатые откупы от врагов и от союзников.

Агрессивность, стремление к обогащению за счет соседних земледельческих стран, захват чужих территорий хотя бы под временные кочевки (неопределенность территории кочевания) — все это характеризует половцев первого периода как кочевников, находившихся на первой, таборной стадии кочевания. Характерно, что в степях не найдено ни одного половецкого могильника XI в., что, как мы видели, было типично и для печенежских и особенно для торческих орд, находившихся на той же таборной стадии кочевания. Постоянные передвижения больших половецких орд по степи привели к тому, что русским ни разу не удалось организовать ни одного похода на них в глубь степи в течение всего XI в. Ни в одной из летописных записей XI в. нет упоминаний о половецких кочевьях. По летописи мы знаем, куда ходили половцы, но ни разу не указывалось, откуда они пришли. Только по направлению половецких ударов, нацеленных в XI в. в большинстве случаев на русские города днепровского правобережья или же на западные страны, можно допустить, что ходили половцы не с далеких донских берегов, а из прилегающих к Руси приднепровских степей.

---

[28] ПСРЛ, т. I, стб. 281; т. II, стб. 257.

[29] *В. Г. Васильевский.* Указ. соч.

[30] «Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина (1081—1118 гг.)».— «Труд Анны Комниной», ч. I. Пер. под ред. проф. В. И. Карпова. СПб., 1859 (серия «Византийские истории»).

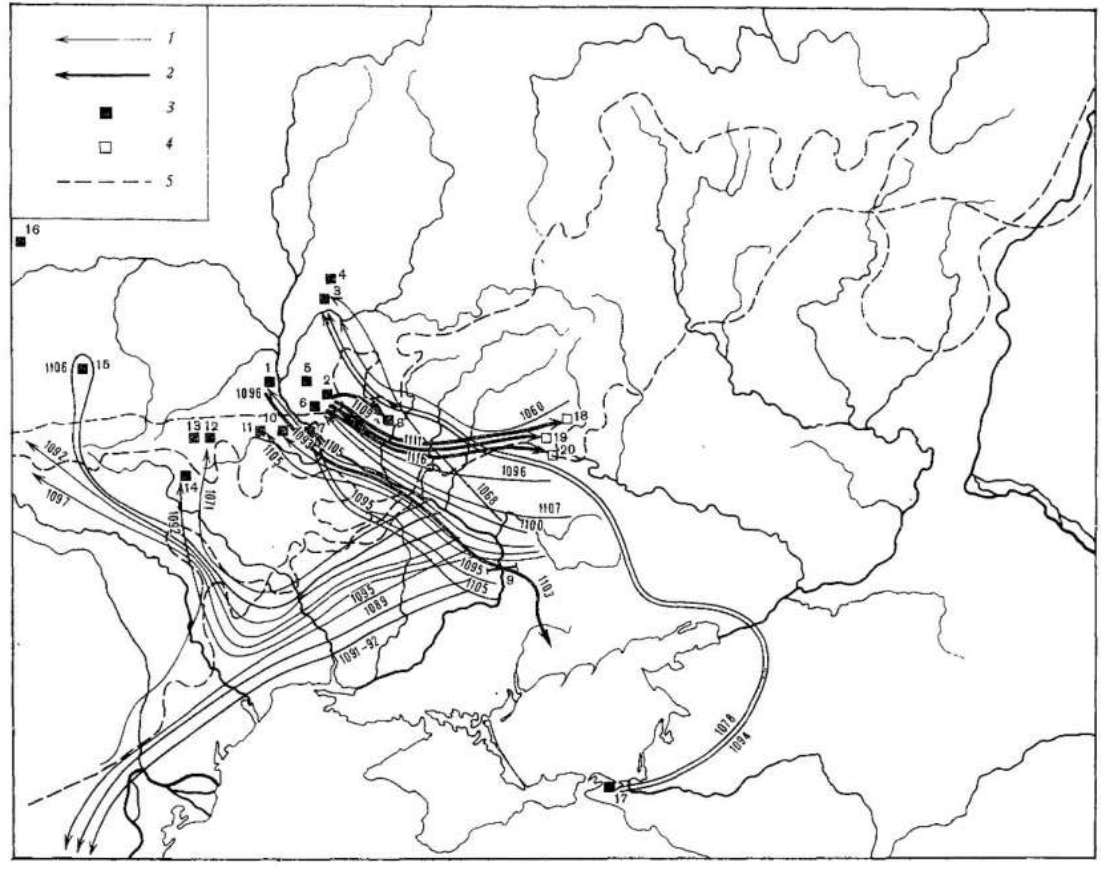


Рис. 2. Карта взаимоотношений Руси и половцев (половецких и русских походов) в первый период половецкой истории

1 — самостоятельные походы половцев и походы их в союзе с русскими князьями,

2 — русские походы на половцев,

3 — русские города и пункты, названные в летописи в связи с походами: 1 — Киев, 2 — Переяславль, 3 — Чернигов, 4 — Сновск, 5 — Льто, 6 — Устье, 7 — Заруб, 8 — Лубен, 9 — Хортичев, 10 — Торческ, 11 — Юрьев, 12 — Неятин, 13 — Растовец, 14 — Прилук, 15 — Заречьск, 16 — Владимирец, 17 — Тмутаракань,

4 — половецкие города: 18 — Шарукань, 19 — Сугров, 20 — Балин,

5 — границы лесостепи с лесом и степи с лесостепью

На карте современных растительных зон хорошо выделяется огромный (100 км в поперечнике) лесной массив, отделяющий на днепровском правобережье степи от узкой лесостепной полосы, по которой протекает р. Рось и где в XII в. жили черные клобуки. Этот лес несомненно был прекрасной естественной защитой от степняков, которые, вероятно, проходили на Поросье двумя путями — вдоль Днепра и по Забужью, где в лес вдавался широкий степной «язык» (см. рис. 2). Это предположение о путях половецких нашествий как будто подтверждается и летописью. Мы видим (см. рис. 2), что от набегов страдали города, находившиеся на путях половцев или вблизи от этих путей. Характерно, что даже в первый период своей истории в Восточной Европе, когда половцы стремились прежде всего к захвату пограничных земель для максимального расширения своих пастбищ, они все же ходили в сравнительно далекую Галицко-Волынскую землю. Путь туда был открыт для них благодаря забужскому степному коридору, который подводил их прямо к Галицкому княжеству.

Походы Владимира Мономаха на половцев в начале XII в. можно объяснить, по-видимому, не только необыкновенной энергией и военными и административными талантами этого князя, но и тем, что к этому времени обстановка в степи несколько стабилизировалась и половецкие вежи можно было застать на вполне определенной территории, с которой им даже в случае опасности трудно было куда-либо уйти, так как соседние земли были заняты вежами и стадами других орд.

В 1103 г. Владимир, Святополк, Давыд Святославич, Давыд Всеславич, Мстислав с дружинами, на конях и в ладьях впервые «дерзнули на половцев». Они вниз по Днепру дошли до Хортичева острова, встали в Протолчах и далее уже на конях и пешком четыре дня углублялись в степь, направляясь к речке Сутень. К. В. Кудряшов убедительно отождествляет эту речку с р. Молочной, впадающей в Азовское море [31]. Разбив здесь полки половецкие, русские «взяша бо тогда скоты и овце, и коне, и вельблуды, и веже с добытком и челядью». Очевидно, на Сутени были захвачены вежи половецкой аристократии. Недаром в битве было убито 20 ханов (в том числе великий хан Урособа, а Белдуз взят в плен и казнен за то, что «многажды бо ходивше.... воевати Русьскую землю») [32].

Следующий поход на половцев открыл серию сокрушительных походов русских на «Дон». В декабре 1109 г. Дмитр Иворович «взя вежи половецкие у Дона» [33]. Через два года, в марте 1111 г., туда же, на «Дон», направились Владимир, Святополк, Давыд и Ярослав с сыновьями. Поход этот подробно рас-

---

[31] *К. В. Кудряшов.* Половецкая степь, стр. 91—94.
[32] ПСРЛ, т. I, стб. 279; т. II, стб. 255.
[33] ПСРЛ, т. II, стб. 260.

смотрен и прокомментирован К. В. Кудряшовым [34]. Чтобы не повторяться, остановимся только на спорных моментах в реконструкции Кудряшовым пути русского войска.

Следует помнить, что «Дон» русских летописей — это современный Северский Донец [35]. Из этого же исходит при расчетах пути русского войска в половецкой степи и К. В. Кудряшов. Однако он, на наш взгляд, ошибается при локализации на «Дону» (Донце) взятых русскими городов Шаруканя и Сугрова. Он помещает их ниже Изюма, на городищах у сел Сидоровского и Богородичного, ссылаясь при этом на устное сообщение археолога Н. В. Сибилева, утверждавшего что на этих городищах есть материалы половецкого времени. Я внимательно обследовала оба городища. Данные разведки опровергают мнение Н. В. Сибилева, а следовательно, и К. В. Кудряшова. Городища датируются VIII—IX вв. и относятся к типу так называемых городищ с земляными валами салтово-маяцкой культуры. Рядом с ними известно еще одно такое же городище — у с. Маяки, раскапываемое в настоящее время харьковским археологом В. К. Михеевым. Весь материал с этого городища датируется VIII—IX вв. Других укрепленных древних поселений на этом участке Донца нет. Где же тогда стояли половецкие городки?

Археологически мы знаем на Донце только одно, разрушенное распашкой укрепленное поселение, датирующееся по керамике XII в. Это городище у с. Гайдары (в 6 км ниже г. Змиева [36]). Факт существования в районе Змиева городища XII в. чрезвычайно интересен, так как и сам г. Змиев был, судя по названию, половецким становищем. Название города от слова «змея» связывает его с половцами-кипчаками, которые еще на Алтае в VII в. жили в долине Чжелян — Джелян — змея [37]. Змея была, видимо, одним из тотемных зверей половцев-кипчаков.

Мы знаем также, что г. Шарукань, названный в честь хана Шарукана, в некоторых списках именуется Чешуевом (опять-таки очевидна связь со змеей). Может быть, древний Шарукань—Чешуев находился на месте современного Чугуева, а Сугров — Змиева? К сожалению, в обоих современных городах древний культурный слой совершенно уничтожен перекопами и постройками. Кстати, по летописи Шарукань был взят 21 марта, Сугров — 22 марта. Между Чугуевом и Змиевом примерно 25 км — один день пешего пути. Как бы там ни было, но пока совершенно очевиден тот факт, что ниже Изюма, в районе Богородичного — Маяков этих городов не было. Вероятнее то, что

---

[34] *К. В. Кудряшов.* Половецкая степь, стр. 112—122.

[35] *Б. А. Рыбаков.* Дон и Донец в «Слове о полку Игореве».— «Научные доклады высшей школы», серия «Исторические науки», I. М., 1958.

[36] Это городище мне любезно указал Б. А. Шрамко.

[37] *Л. Н. Гумилев.* Древние тюрки. М., 1967, стр. 268.

они стояли где-то на участке реки от Чугуева до Змиева. В VIII—IX вв. это была аланская земля, и поэтому нет ничего удивительного, что во время похода 1116 г. Ярополк Владимирович взял отсюда жену «красну вельми, ясьского князя дщерь...»[38]. Потомки алан VIII—IX вв. оставались здесь вплоть до XII в. Во время похода 1116 г. был взят еще один город — Балин. Находился он рядом с Сугровом, в том же районе. Это вполне могло быть и небольшое городище у с. Гайдары, о котором я упоминала выше.

Против отождествления Шаруканя, Сугрова, Балина с современными Чугуевом, Змиевом, Гайдарами могут быть необычайно длительные сроки движения русских по степи. Они перешли Ворсклу 7 марта и только 19 марта достигли «Дона» — Донца. Получается, что расстояние в 120 км было пройдено в 12 дней (10 км в день). Правда, летописец оговаривается, что войска перешли многие реки (весной в степи каждая речка — серьезное препятствие). Возможно, именно это обстоятельство и было причиной, из-за которой русские двигались по степи исключительно медленно, и именно поэтому о нем сочли необходимым специально сказать в летописи.

В рассказах о походах 1111 и 1116 гг. особенного внимания заслуживает даже не локализация половецких городов, а констатация того, что эти города были. Судя по сообщению летописца о жителях Шаруканя, дружественно настроенных к русским, город был заселен в основном не половцами, а аланами-ясами, у которых был к тому же свой князь. Однако половецкие князья, давшие свое имя этим городам, владели ими, а рядовые половцы ставили, вероятно, вежи у их валов.

Интереснейшие данные, свидетельствующие о начальных этапах локализации половецких кочевий, мы получили в результате картографирования ранних типов половецких каменных изваяний[39]. Статуи, воздвигавшиеся в память умерших предков и являвшиеся важнейшим атрибутом господствовавшего у половцев культа предков, могли ставить только в местах собственно половецких кочевий, там, где кочевая жизнь как-то стабилизировалась, где появлялись более или менее постоянные половецкие зимовища и прокладывались соединяющие отдельные вежи постоянные степные дороги. В XI в. такими устойчиво половецкими землями были в основном берега среднего и нижнего Северского Донца. Именно там были сосредоточены ранние половецкие статуи, датирующиеся второй половиной XI в.

На нижнем Днепре каменных изваяний в то время еще не ставили. Поход туда русских князей весной 1103 г. можно объяснить тем, что там, в «Лукоморье», были, по-видимому, какие-

---

[38] ПСРЛ, т. II, стб. 284.

[39] *С. А. Плетнева.* Половецкие каменные изваяния.— САИ, Е4-2. М., 1974, рис. 32, 36.

то вполне определенные районы, куда изголодавшиеся за долгую зиму половцы ежегодно возвращались на весенние рыбные промыслы.

Источники не дают нам прямых данных для того, чтобы предположить, что в XI в. у половцев наметились большие административные объединения, о существовании которых мы можем уверенно говорить благодаря записям XII в.,— лукоморские, днепровские, донские и пр. Однако косвенными свидетельствами о начавшемся процессе кристаллизации таких групп мы все же располагаем.

О каких половецких ханах XI в. особенно часто и с особым чувством антипатии говорится в русской летописи? О Боняке и Тугоркане. Недаром оба они прочно вошли в русский фольклор как заклятые враги русских. Боняк фигурирует в западноукраинских сказаниях и песнях под именем Буняки Шолудивого [40], а Тугоркан — в русских былинах в качестве Тугарина или Тугарина Змеевича [41].

Оба эти хана ходили вместе в византийские походы на помощь Алексею Комнину. Анна Комнин называет их в своих записках Маниак и Тогортак. В. Г. Васильевский считает, что отождествление названных Анной половецких князей с Боняком и Тугорканом русских летописей не вызывает сомнения [42].

Популярность и активность этих ханов являются, по-видимому, свидетельством того, что они возглавили какую-то крупную половецкую группировку.

Тугоркан впервые упоминается в летописи под 1094 г., когда Святополк Изяславич заключил мир с половцами и взял за себя дочь Тугоркана. Рассмотрим события, происшедшие до этого. В 1093 г. после смерти Всеволода половцы отправили послов к его преемнику Святополку с предложением мира. Видно, Святополку не понравились условия этого мира, и он «послы всаже в погреб». Началась настоящая война. Половцы вторглись в Поросье, осадили и взяли Торческ. Несмотря на попытки Святополка остановить их, половцы почти весь год не оставляли Поросье. Вот после этого и вынужден был Святополк заключить мир с Тугорканом и жениться на его дочери. Очевидно, в 1093 г. послы были от Тугоркана и война в Поросье также велась под руководством этого хана.

В 1095 г. Тогортак и Маниак (Боняк) последний раз ходили «на греки». На этот раз они шли на Византию с претендентом на императорский престол — «Девгеневичем» или Романом Диогеном. Половцы были разбиты, Девгеневич схвачен и ослеплен. Пока половцы дрались и интриговали у границ Византии, у них дома произошла трагедия. Отпустив в Визан-

[40] *Кузьмичевский.* Указ. соч.
[41] *Б. А. Рыбаков.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, стр. 89.
[42] *В. Г. Васильевский.* Византия и печенеги, стр. 76—77.

тию из кочевий наиболее способных воинов, оставшиеся в Приднепровье ханы Итларь и Китан пришли в Переяславль к Владимиру просить мира [43]. Оба хана были предательски убиты, а их вежи и скот, находившиеся, по словам Владимира Мономаха, «за Голтавом», т. е. на левобережье Днепра, были полонены. Святополк и Владимир требовали еще выдать им гостившего у Олега Святославича «Итларевича», но Олег отказался и «бысть межи ими ненависть».

Когда половцы вернулись из похода на Византию, оба хана начали войну с Русью, причем Боняк ринулся прямо на Киев (в апреле и июле 1096 г.), а Тугоркан (в мае того же года) подошел к Переяславлю. Отсюда как будто следует, что и кочевья, из которых они начали свои походы, находились у Боняка где-то на правом берегу Днепра, а у Тугоркана — на левом. Правда, Тугоркан воевал и на правом берегу — в Поросье, но тот факт, что в 1096 г. он подвел свои войска к Переяславлю с юго-востока — на левый берег Трубежа, может, видимо, быть одним из косвенных подтверждений расположения его вежи и кочевий на левобережье Днепра.

Определить местоположение кочевий Боняка очень трудно. Мы располагаем несколькими сообщениями, говорящими о том, что они размещались на обоих берегах Днепра и доходили до западных окраин степи [44]. Владимир Мономах в своем «Поучении» пишет: «И на Бог идохом с Святополком на Боняка за Рось» [45]. Д. С. Лихачев полагает, что под Богом Мономах подразумевал Буг [46], а значит, расположение кочевий Боняка указано довольно точно — в 1096 г. они были где-то у Буга. Оттуда Боняку легко было проходить по степному коридору в Галицкую Русь. Кстати, именно на землях бывшей Галицкой Руси сохранились страшные рассказы о Буняке — шелудивом разбойнике, подстерегающем свои жертвы у околицы.

Рассмотрим теперь сведения, по которым можно сделать вывод о существовании кочевий Боняка на левом берегу Днепра. Во-первых, Боняк, как сообщает нам Владимир Мономах, дважды нападал на юго-восточную границу Руси: в 1107 г.— на Лубен (вместе с Шаруканом), после 1111 г.— на Вырь [47]. Во-вторых, этот хан, проживший долгую жизнь, последний раз упоминается под 1167 г. В этом году Боняк был разбит ходившим в степь за добычей Олегом Святославичем. Олег был далеко не влиятельным и не сильным князьком, вассалом черниговского князя. Со своей небольшой дружиной он мог отважиться только на набег в ближайшие от Черниговского княжества кочевья,

---

[43] ПСРЛ, т. I, стб. 227—228, 249; т. II, стб. 217—218.
[44] *С. А. Плетнева.* Хан Боняк и его время. Сборник статей, посвященный памяти М. И. Артамонова. Л., 1975.
[45] ПСРЛ, т. I, стб. 249.
[46] «Повесть временных лет», т. II. М.— Л., 1950, стр. 448.
[47] ПСРЛ, т. I, стб. 250.

т. е. опять-таки на левый берег Днепра. Таким образом, в конце жизни Боняк кочевал, очевидно, где-то в междуречье Донца и Днепра [48].

Таким образом, Тугоркан и Боняк возглавляли, очевидно, какое-то рыхлое, неустойчивое и весьма неопределенное географически объединение половцев, кочевавших в Приднепровье. Чем активнее, сильнее и агрессивнее был возглавлявший орды хан, тем больше, крепче и сильнее было их объединение.

Помимо союза Тугоркана и Боняка в степи существовал, видимо, еще союз Урусобы, кочевья которого находились где-то в Приазовье. Этот союз был одним ударом уничтожен Мономахом в 1103 г. О его внутренней неустойчивости и слабости говорит хотя бы тот факт, что в 1097 г. в походе Боняка и Давыда на Галицкую землю участвовал хан Алтунопа, о котором в 1103 г. упоминается как об «уньшем» хане в группе Урусобы. Урусоба был старым и слабым ханом, и поэтому неизбежна была гибель его союза, «уньшие» ханы которого перестали повиноваться ему и поддерживать его. В 1103 г., когда Урусоба узнал о походе русских, он, собрав съезд аристократии, предложил на нем просить у Руси мира. Ответ «уньших» был грубым и дерзким: «аще ся ти боиши Руси, но мы ся не боим» [49]. Так можно сказать только человеку, потерявшему реальную власть. Наконец третьим, намечающимся объединением было донское.

После поражения и смерти Тугоркана и Урусобы Боняк для борьбы с Русью должен был искать себе новых союзников. И он нашел их в лице главы восточного донского объединения — хана Шарукана, бывшего, вероятно, наследником умершего в 1092 г. хана Осеня (о смерти Осеня специально сообщила в краткой записи летопись). В 1107 г. Боняк и Шарукан организовали совместный поход на Переяславское княжество. Шарукан был уже стариком, война была ему не под силу. Половцы дошли только до Лубна (на Суле) и были разгромлены там объединенными силами русских князей (Святополка, Владимира, Святослава, Олега и др.). В бою погиб брат Боняка Тааз, взят в плен Сугр с братьями, а Шарукан «одва утече». Вот этот-то союз Боняка с восточными половцами был, по-видимому, поводом для организации Владимиром Мономахом походов 1111 и 1116 гг. на «Дон». В результате этих походов угнанные «за Дон, за Волгу, за Яик» половцы долго не могли оправиться. Шарукан, видимо, быстро умер, а его сын Отрок ушел с ордой «в Обезы» — на Кавказ [50].

---

[48] Вполне возможно, что Боняк после смерти Тугоркана и эффектной мести за нее, выразившейся во взятии нескольких монастырей под Киевом и сожжении Берестова, где был похоронен Тугоркан, принял власть над ордами этого хана: оба его похода к юго-восточным границам Руси относятся ко времени после смерти Тугоркана.

[49] ПСРЛ, т. I, стб. 278; т. II, стб. 263.

[50] *Б. А. Рыбаков.* Древняя Русь, стр. 89—91.

* * *

Наступил новый период в жизни половцев на южнорусской равнине. Этот период знаменуется широчайшим участием кочевников в междоусобных войнах русских князей (см. рис. 1). Русские, только что разгромившие половцев на всех направлениях, вновь помогали им набраться физических и моральных сил.

В этот период по существу закончился процесс освоения половцами южнорусских степей. Расселение половцев по степям в настоящее время хорошо прослеживается благодаря каменным статуям. Выше уже говорилось, что находки наиболее ранних типов статуй сосредоточены в донецких степях. Статуи следующих — переходных типов помимо этого района встречаются в Приднепровье, в Приазовье и в Предкавказье [51]. Видимо, активное освоение половцами новых территорий началось именно с этих областей: в Приднепровье (преимущественно на Левобережье) ставили зимовища орды Бонякидов, а в Предкавказье — откочевавшие туда после разгрома 1111 и 1116 гг. донецкие половцы, подчиненные хану Отроку.

К середине XII в. определились границы собственно Половецкой земли. Под 1152 г. о них впервые говорится в летописи: «...вся Половецкая земля, что же их межи Волгою и Днепром» [52]. Надежным фундаментом этой летописной фразы является карта распространения половецких статуй развитых типов (рис. 3). Ареал их ограничен с севера междуречьем рек Сулы и Орели, на востоке — междуречьем Дона и Волги, на юге — северокавказскими, крымскими и приазовскими степями, на западе — р. Ингульцом [53].

Мы видели, что в первый период половецкие кочевья доходили вплоть до Буга, а Владимир Мономах в походе на нижнеднепровских половцев (1103 г.) встретил по дороге торков и привел их на Русь. В XII в. половцы, очевидно, отделились от остальных степняков, оставшихся в Причерноморье (торков и печенегов). Пограничной рекой между ними стал Ингулец. Западнее его хорошо известны погребения и даже могильники половецкого времени (черноклобуцких типов), но ни разу не найдено там ни одной каменной статуи, ни одного половецкого могильника [54]. Видимо, это были чужие для половцев степи, через которые они, правда, могли беспрепятственно проходить в своих походах на западные страны, но не могли ставить там

---

[51] *С. А. Плетнева.* Половецкие каменные изваяния, рис. 32, 36.

[52] ПСРЛ, т. II, стб. 455.

[53] *С. А. Плетнева.* Половецкие каменные изваяния, рис. 3, 5.

[54] Каменский могильник принадлежал, как говорилось, диким половцам. К тому же в нем почти треть погребений относится к смешанному типу (черноклобуцкому). Подробнее об этом см.: *С. А. Плетнева.* Древности Черных Клобуков, рис. 4, тип. 5а; *Г. А. Федоров-Давыдов.* Кочевники Восточной Европы..., рис. 20, 21.

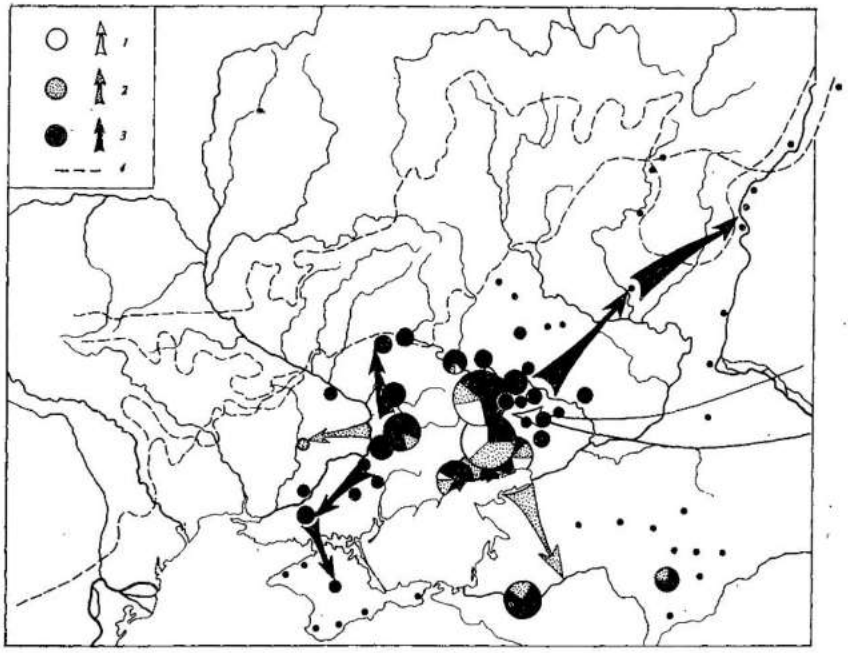


Рис. 3. Распространение каменных половецких статуй в степях (картографированы по современным районам)

1 — статуи XI в.,
2 — статуи начала XII в. (переходных типов),
3 — статуи XII — начала XIII в.,
4 — границы лесостепи с лесом и степи с лесостепью

свои вежи, а значит, и хоронить в этой чужой земле своих родичей и воздвигать в их честь статуи.

Днепр в записи 1152 г. указан, видимо, не как демаркационная линия, а просто как основная река, протекающая по пограничной территории.

Границы Половецкой земли остались неизменными до конца XII в. В «Слове о полку Игореве» есть отрывок, в котором перечислены почти все пограничные половецкие земли, устанавливаемые и по статуям: «Влъзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу и Корсуню, и тебе, Тмутороканский блъван»[55]. Не указан здесь только Ингулец — западная граница половцев. Зато в одной из летописных записей конца XII в. (1193 г.) упоминается половецкая речка Ивля, на которой были встречены во время одного из походов половецкие «сторожи». К. В. Кудряшов счи-

[55] «Слово о полку Игореве». На эту фразу обратил внимание еще Б. А. Рыбаков. Он считал, что перечисленные в «Слове» географические ориентиры определяют «землю незнаему» (*Б. А. Рыбаков.* Русские земли по карте Идриси..., стр. 44).

тает Ивлю пограничной рекой и отождествляет ее вполне убедительно с Ингульцом [56].

Итак, несколько лаконичных летописных записей, фраза из «Слова о полку Игореве» в сочетании с археологическими материалами позволяют нам с достаточной степенью уверенности говорить о расселении половцев по степи и об установлении четких границ их владений в XII в. (см. рис. 3).

Вплоть до 60—70-х годов XII в. в степях, по-видимому, не было ни одного крупного политического союза. Половцы были раздроблены на отдельные орды. Одни из них — большие и влиятельные — упоминаются в летописях, другие — мелкие или кочующие далеко от русских границ — остались нам неизвестными.

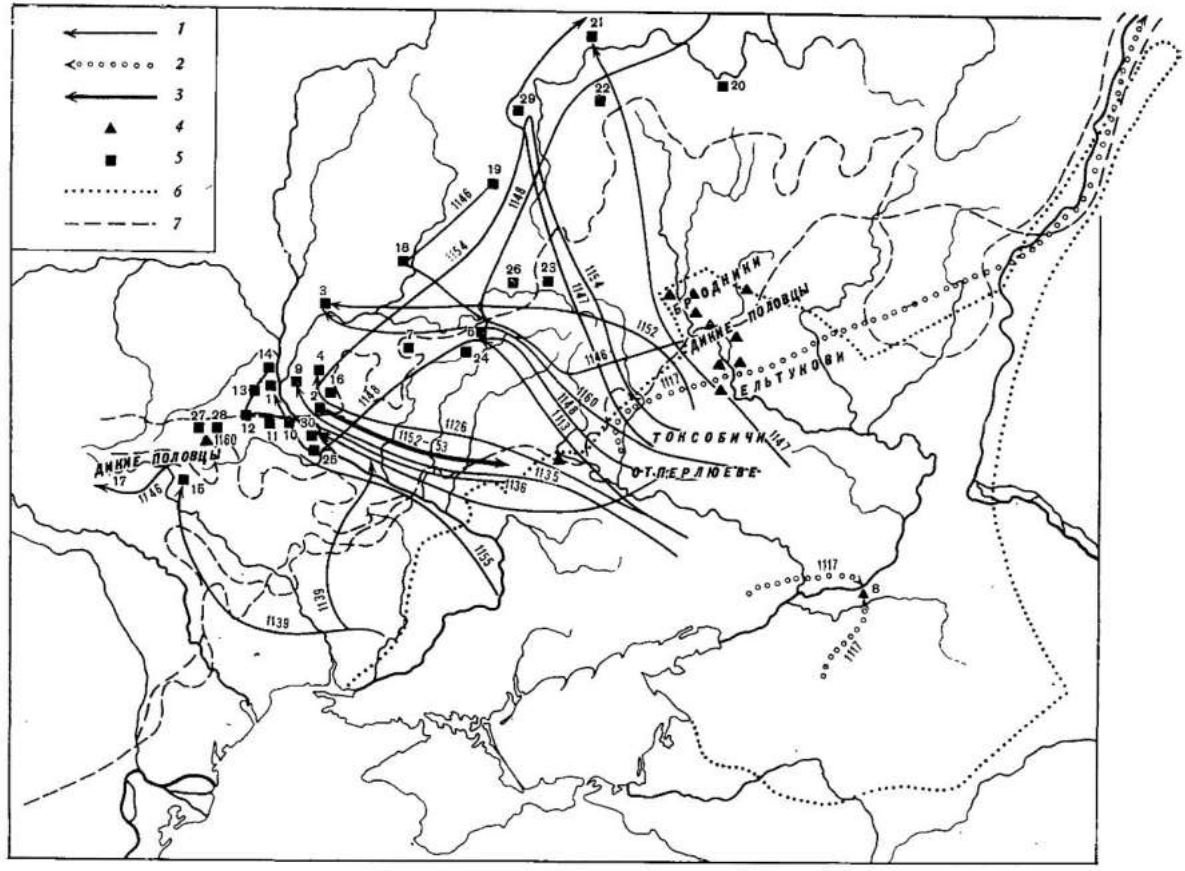
Характерно, что во второй период нет на земле Половецкой даже удалых и достаточно деятельных ханов. Изредка называет имена ханов русская летопись, причем, как правило, не врагов Руси, а союзников и родственников того или иного русского князя: сваты — два Лепы, Епиопа, Акаспид (1117 г.), дядья — Тюпрак и Камоса Осолуковичи (1146 г.), отчим — Башкорд (1159 г.). Из врагов упоминается все тот же Боняк (1140 г.), его сын Севенч (1151 г.) и Сантуз, убитый Олегом Святославичем в 1160 г.

Под 1152 г. летописец говорит о двух больших ордах, кочевавших в степях между Волгой и Днепром,— Токсобичах и Отперлюеве. Обе орды были союзницами Юрия Долгорукого, добивавшегося в те годы великого киевского стола и, видимо, поэтому считавшего необходимым наводить на южные русские княжества — Киевское, Переяславское, Черниговское их злейших врагов — половцев. Токсобичи упоминаются еще и под 1147 г.— тогда, по свидетельству летописца, они подходили к Дедославлю, а в 1152 г. они с Отперлюевой ордой ходили к Ольгову (под Курск). Закономерно предположить, что обе эти орды занимали земли, наиболее приближенные к названным городам юго-восточного русского пограничья. Учитывая, что северная граница распространения каменных статуй в южнорусских степях не заходит в этом районе дальше среднего течения Северского Донца и Оскола, мы, видимо, можем сделать вывод, что Отперлюеве и Токсобичи кочевали где-то на берегах этих рек (рис. 4).

В 1146 г. летопись говорит еще об одной орде — Ельтукови [57]. В нее бежал Ростислав Ярославич из Рязани от сыновей Юрия — Андрея и Ростислава. Логично предположить, что эта орда была ближайшей от Рязани, т. е., как и две предыдущие, была крайней северной половецкой группировкой. Возможно, Ельтукови кочевали между Доном и Хопром. Археологические материалы, как мы видели, подтверждают наличие там по-

---

[56] *К. В. Кудряшов.* Половецкая степь, стр. 131.
[57] ПСРЛ, т. II, стб. 339.


1
2
3
4
5
6
7
ДИКИЕ ПОЛОВЦЫ
ДИКИЕ ПОЛОВЦЫ
ТОКСОБИЧИ
ОТПЕРЛЮЕВЕ
ЕЛЬТУКОВИ
1146
1148
1154
1147
1152
1117
1160
1113
1126
1152-53
1135
1136
1155
1139

ловцев в XII в. В записях Никоновской летописи говорится, что земли на реках Вороне, Хопре и в Червленком яру принадлежали в XII в. Рязанскому княжеству. Однако А. Н. Насонов, подробно разбирая эти свидетельства, полагает, что в то время «маловероятно, чтобы места, лежавшие в глубоком тылу половецких кочевий, сохраняли связь с Рязанью»[58]. Только в XIV—XV вв. они стали, по-видимому, окраинными землями рязанской епархии.

В бассейне же Дона обитала одна из орд так называемых диких половцев (см. рис. 4). Б. А. Рыбаков считает диких половцев остатками половецких орд, разбитых на Донце в походах 1111—1116 гг.[59] Орды Отперлюеве, Токсобичей, Ельтукови представляли собой кровнородственные объединения или, во всяком случае, объединения, в которых нарождающиеся классовые отношения были прикрыты, как это обычно бывало у кочевников вплоть до XX в., вуалью патриархальных отношений. Орды диких половцев — принципиально новые образования. Они состояли из семей и родов, вышедших из различных орд и объединенных уже по принципу классовых — вассально-иерархических отношений. Аналогичным образованием является возникший одновременно с дикими половцами — в середине XII в.— союз черных клобуков на Роси. В отличие от черных клобуков дикие половцы не были вассальны Руси.

Анализируя карту Восточной Европы, составленную в XII в. Идриси, Б. А. Рыбаков отождествляет диких половцев с «Внешней Куманией» Идриси. Интересно, что последний помещает Внешнюю Куманию севернее остальных половцев, или, как он

Рис. 4. Карта Половецкой земли и половецко-русских отношений во второй период

1 — походы половцев на Русь в союзе с русскими князьями,
2 — самостоятельные походы половцев,
3 — русские походы на половцев,
4 — половецкие вежи и поселения — зимовища,
5 — русские города:
1 — Киев,
2 — Переяславль,
3 — Чернигов,
4 — Баруч,
5 — Выръ,
6 — Болгары,
7 — Белавежа,
8 — Белая Вежа (Саркел),
9 — Городец,
10 — Треполь,
11 — Красн,
12 — Василев,
13 — Белгород,
14 — Вышгород,
15 — Прилук,
16 — Малотин,
17 — Галич,
18 — Новгород Северский,
19 — Корачев,
20 — Рязань,
21 — Неринск,
22 — Дедославль,
23 — Курск,
24 — Попашь,
25 — Родня,
26 — Ольгов,
27 — Мунарев,
28 — Ярополчь,
29 — Козельск,
30 — Заруб,
6 — границы Половецкой земли,
7 — границы лесостепи с лесом и степи с лесостепью

[58] *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 213.
[59] *Б. А. Рыбаков.* Русские земли по карте Идриси..., стр. 44, рис. 15а.

их называет, «Внутренней Кумании». Даже если допустить, что Идриси сильно напутал с картой Восточной Европы, общие направления на ней он указывал в общем правильно. Поэтому можно ему поверить, что Внешняя Кумания находилась действительно севернее Внутренней, а значит, можно предположить, что дикие половцы селились вдоль русского пограничья.

Летописные сообщения о диких половцах свидетельствуют о том, что во всяком случае одна орда диких половцев несомненно кочевала в Подонье.

Вывод этот вытекает из того, что большая часть походов диких половцев на Русь была направлена на восточные и северо-восточные русские города и княжества, а сами они были связаны с чернигово-новгород-северскими Ольговичами и с владимиро-суздальским Юрием Долгоруким. Так, в 1146 г. на помощь Святославу Ольговичу к Новгороду-Северскому и далее — к Корачеву подошли его «уи» (дядья) — дикие половцы Тюпрак и Камоса Осолуковичи [60], в 1148 г. дикие половцы с Юрием ходили на «вятичей»; в 1151 г. они с Ольговичами и Юрием подошли к Киеву с левой стороны Днепра — в летописи было подчеркнуто, что половцы «идяху по лугу» и перешли Днепр у Зарубского брода.

Итак, на левом берегу Днепра, в Подонье, севернее основной массы половцев в непосредственной близости к русским княжествам, в частности к Рязанскому, обитала орда диких половцев. Вполне возможно, что с ними можно связывать обнаруженные мной на среднем Дону остатки поселений с древнерусской керамикой и почти без культурного слоя, что является свидетельством кратковременности или сезонности пребывания на этих поселениях населения [61].

На одном из этих поселений была обнаружена лепная типично кочевническая — половецкая керамика. Если эти поселения действительно принадлежали диким половцам, то это означает, очевидно, что их орда перешла уже на следующую ступень кочевания — с сезонными кочевками и ежегодным возвращением на постоянную зимовку [62].

Впрочем, возможно и иное предположение, а именно: обна-

---

[60] Интересно, что к Вырю — городу, стоявшему на юго-восточной границе Руси, подходила большая половецкая орда, возглавляемая ханом Селуком, возможно, отцом Тюпрака и Камосы.

[61] *С. А. Плетнева.* О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время.— КСИА, вып. 99. М., 1964, стр. 25, рис. 11.

[62] Аналогичные становища с небольшим количеством находок и без культурного слоя уже известны в степях Подонья, но относятся они к более раннему времени и к другому народу, а именно к болгарам, входившим в VIII—IX вв. в состав Хазарского каганата и, вследствие экономического и классового расслоения, активно переходившим не только ко второму способу кочевания, но и к третьему — полуоседлому способу, при котором одна (беднейшая) часть населения вообще не кочевала (*С. А. Плетнева* От кочевий к городам. М., 1967).

руженные нами поселения были оставлены бродниками, которые начали упоминаться в летописи с 1147 г. и, как правило, были в повествовании связаны с какой-нибудь донской ордой (в 1147 г. с Токсобичами, в 1172 г. с Кончаком и т. п.). Бродники, как и дикие половцы, были изгоями, только русскими изгоями, и селились они, естественно, тоже на русско-половецком пограничье[63], на землях, безусловно близких к диким половцам, кочевавшим на том же пограничье.

Помимо упоминаний о восточных и северо-восточных связях и походах диких половцев в летописи несколько раз говорится о диких половцах, участвовавших в западных походах в качестве союзников киевского князя. В том же 1146 г., когда дикие половцы были упомянуты в летописи первый раз, они не только подходили к Новгороду и Корачеву, о чем говорилось выше, но и ходили на Галич. Во главе этого похода на галичского князя Владимира стоял киевский князь Всеволод Ольгович с братьями и сыном Святославом. Ясно, что идти на Галич через все южнорусские степи донские дикие половцы не могли. Это было бы крайне нецелесообразно. Одного этого, конечно, было бы недостаточно для утверждения о существовании еще и правобережных диких половцев.

Рассмотрим следующие, более поздние сообщения. Когда умер в 1157 г. Юрий Долгорукий, преемником его стал черниговский князь Изяслав. Свою деятельность в качестве великого князя он решил начать с захвата земель в Подунавье (на Берлади). Отправившись в поход из Киева, он дошел до Мунарева (верховья Стугны и Роси) и «ту ждаше сыповца своего, послал бо и бяше противу половцем дикым, веля им поехати к собе вборзе»[64]. Далее сообщается, что племянник его Святослав вместе с половцами пришел к Белгороду и встал на киевском пути. При этом нет даже упоминания о переправе через Днепр, о каком-либо днепровском броде. Половцы явно были правобережные, и находились они поблизости от Мунарева, из которого Святослав и отправился в их вежи.

В 1162 г. на Изяслава ополчилось несколько князей: Мстислав из Владимира-Волынского с галичской помощью, Рюрик из Торческа с Владимиром Андреевичем, Васильком Юрьевичем и с берендеями, коуями, торками и печенегами. Встретились и соединились они у Котельницы, т. е. опять-таки в районе верховий Стугны и Роси, и оттуда двинулись к Белгороду на Мутижир. Об этом походе первыми узнали дикие половцы, они «устрегоша рати» и, поспешив к Изяславу, рассказали о наступающих на Киев полках. Как могли узнать половцы об этом походе? Возможно только одно решение: они кочевали на пути или поблизости от пути этого войска.

---

[63] *С. А. Плетнева.* О юго-восточной окраине русских земель, стр. 32.
[64] ПСРЛ, т. II, стб. 500—501; т. XXV, стб. 64—65.

Наконец, в 1195 и 1196 гг. опять упоминаются дикие половцы — союзники киевского князя Рюрика. В 1195 г. он «дикыи половци отпусти в вежи своя», а сам поехал во Вручий. Может быть, эти два события поставлены рядом потому, что оба они касаются западной окраины Киевского княжества?

Итак, летописные данные позволяют предполагать, что правобережные дикие половцы размещались на землях западнее Киевского княжества, а точнее — западнее верховий Роси, видимо, в верховьях Южного Буга (см. рис. 4). Вероятно, именно этими половцами оставлен был большой могильник в междуречье Буга и Днестра (у с. Каменка бывшего Ольгопольского уезда Каменец-Подольской губернии), раскопанный в 1899 г. Н. Е. Бранденбургом [65]. Эта группа половцев кочевала на довольно широкой территории, контролируя все западные связи Киева и при этом твердо придерживаясь прокиевской ориентации. Кроме того, их кочевья преграждали путь в Поросье по «бужскому степному коридору». Характерно, что после того, как половцы поселились там, летопись только дважды сообщает о набегах половцев, прошедших по забужскому пути в Поросье и на Киевщину (1173 и 1190 гг.). Таким образом, дикие половцы, не являясь вассалами киевского князя, исполняли в какой-то мере обязанности черных клобуков, будучи своеобразным заслоном Руси от остальных степняков.

Если установление границ Половецкой земли было первым существенным изменением географии южнорусских степей в первой половине XII в., то вторым не менее важным явлением было возникновение в степях сравнительно небольших, но устойчивых объединений двух типов. К первому относятся обычные для кочевников кровнородственные объединения — орды, ко второму — орды, состоящие из некровнородственных семей и родов (дикие половцы).

Рыхлые союзы орд (племена) характерны, как и таборное кочевание, для первого периода — периода военной демократии. Распадение этих союзов и переход ко второму способу кочевания (появление устойчивых границ и постоянных зимовищ) означают, очевидно, что половцы вступили на новую ступень общественного развития или находились в этот период на стадии перехода от патриархально-родового устройства к раннефеодальному.

* * *

Третий период половецкой истории характеризуется своеобразным сближением русских и половцев, выражающимся в активном общении их между собой. Общение принимало самые

---

[65] «Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1903 гг.». СПб., 1908, стр. 166—173; *С. А. Плетнева.* Древности черных клобуков, стр. 28, рис. 11; стр. 42—44, табл. 34—42.

различные формы — это были взаимные грабительские набеги, совместные союзнические походы, миры и браки (см. рис. 1).

Как и при рассмотрении походов первого периода, очень редко удается даже приблизительно наметить, откуда были направлены на Русь удары половцев. Обычно это устанавливалось по конечным пунктам, на которые обрушивались удары, а также по князьям, с которыми сталкивались кочевники. Так, если нападения были совершены на Черниговское княжество, естественно было предположить, что направлены они были со стороны донских половцев. Если же от половцев страдали Переяславль, Посулье, города Поросья или Киева, а защищали их киевские, переяславские или поросские князья с черными клобуками, то, очевидно, можно уверенно говорить о том, что действовали орды приднепровских половцев.

Только в редких случаях мы находим в летописи подтверждение этому предположению. Так, в записи 1170 г. летописец сообщает, что в первый год княжения в Киеве Глеба «приде множьство половец, разделившихся надвое, одни поидоша к Переяславлю и сташа у Песочна, а друзии поидоша по оной стороне Днепра Кыеву и сташа у Корсуня»[66]. Из этой фразы следует, во-первых, что половцы, с которыми общались русские, делились во всяком случае на две группы и, во-вторых, что по киевской («по оной») стороне половцы могли пройти только в Поросье (к Корсуню).

Половцы пришли в 1170 г. просить мира. Глеб поспешил им навстречу. Но сначала он направился к половцам, остановившимся под Переяславлем, так как переяславскому князю Владимиру Глебовичу было всего 12 лет и он нуждался в помощи во время переговоров. Одновременно он послал половцам, стоявшим у Корсуня, весть: «умиряся с тыми половци и приду к вам на мир». Интересно, что половцы названы в этом отрывке русскими, а немного ниже их называют корсунскими. Второе название понятно: половцев у Переяславля летописец именует переяславскими, а тех, кто подошел к Корсуню,— корсунскими. Причина появления в летописи другого наименования — «русские» лежит, видимо, в том, что правая сторона Днепра в XII в. называлась русской[67], так же, как называли в XVII в. правый (близлежащий к Киеву) берег Северского Донца[68].

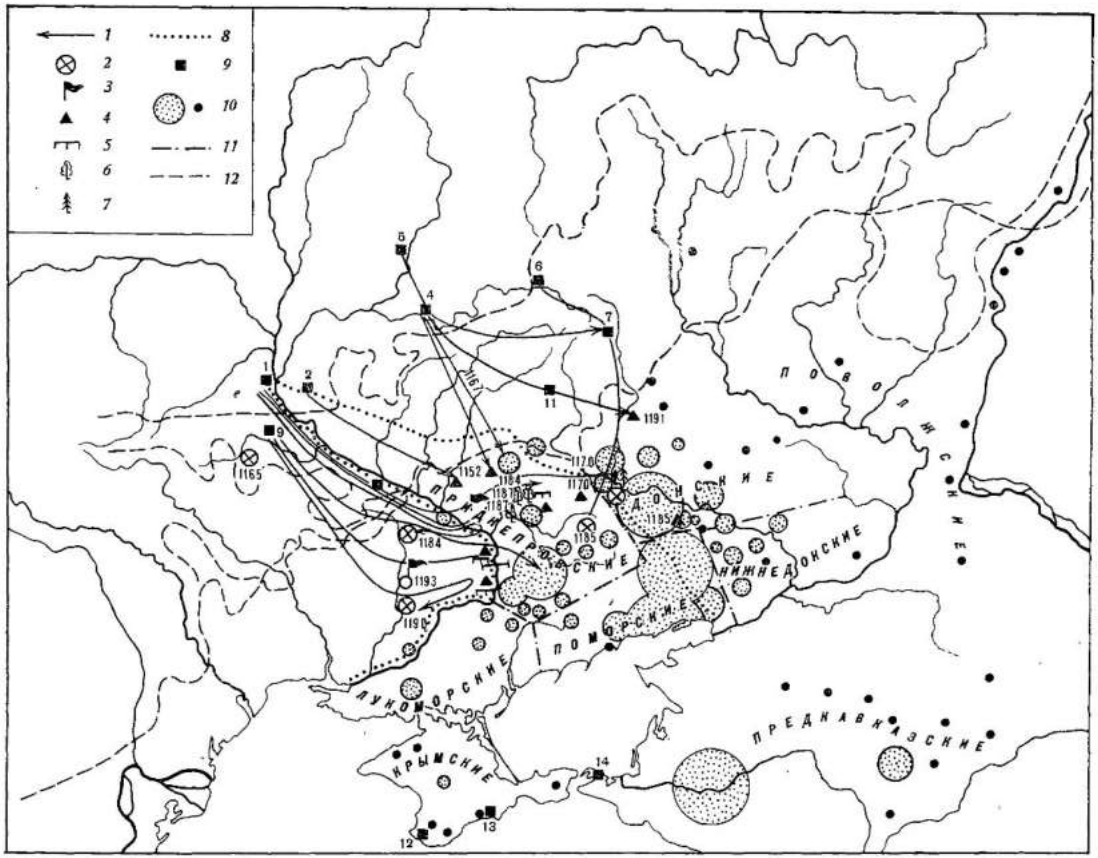
Корсунские половцы, узнав, что Глеб поехал в Переяславль, отказались от похвального намерения заключить мир и ринулись к Киеву за полоном. Полон они, конечно, взяли, однако увести его в степь не успели, так как были настигнуты братом Глеба — князем Михаилом с дружиной и берендеями и «бысть

---

[66] ПСРЛ, т. I, стб. 338; т. II, стб. 555.

[67] Под 1193 г. летописец прямо называет киевскую сторону Днепра русской: «...по сей стороне Днепра, по Русской» (ПСРЛ, т. II, стб. 677).

[68] «Книга большому Чертежу». М.— Л., 1950, стр. 74.


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
ПРИДНЕПРОВСКИЕ
ДОНСКИЕ
НИЖНЕДОНСКИЕ
ПОМОРСКИЕ
ЛУКОМОРСКИЕ
КРЫМСКИЕ
ПРЕДКАВКАЗСКИЕ
ПОВОЛЖСКИЕ
1165
1152
1184
1187
1187
1170
1170
1185
1185
1184
1193
1190
1191
1167

сеча зла». Далее следует фраза: «якоже преж в луце моря бьяхуся с ними крепко...»[69] Почему вспоминает летописец какую-то битву русских и половцев в Лукоморье? Очевидно потому, что и в 1170 г. под Киевом действовали те же лукоморские половцы. Половцы были побеждены, частично уничтожены, частично взяты в плен. Их хан Тоглий бежал с поля боя.

Хан Тоглий (Товлый, Итоглый, Тоглый, Итогды) неоднократно упоминается в летописи. В 1184 г. Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич — великие князья киевские пошли в поход на половцев. Поскольку дело было летом, половцы, не привязанные к своим кочевьям, уклонились от встречи с русскими, и последние ни с чем отправились обратно. По дороге они остановились «на месте нарицаемом Ерель» — в устье р. Орели[70]. Вот здесь-то и решили половцы напасть на полки русских, но потерпели поражение. Почти вся половецкая верхушка, возглавлявшая этот контрудар, попала в плен. Это были Кобяк Карепьевич с сыновьями, Изай Билюкович, Товлый с сыном и братом Бокмишем, Осолук и др. Судьба попавших в плен половецких ханов была различна. Из «Слова о полку Игореве» мы знаем, что Кобяк был казнен:

А поганого Кобяка из луку моря
От железных великых плъков половецких
Яко вихрь выторже:
И падеся Кобяк в граде Киеве,
В гридници Святославли[71].

Тоглий, Изай, Осолук, видимо, откупились, так как их имена встречаются в летописи и в более поздних записях.

В 1190 г. Тоглий приютил сбежавшего от Святослава тор-

Рис. 5. Карта Половецкой земли и русских походов в половецкую степь в третий период

1 — русские походы в степь,
2 — битвы русских с половцами,
3 — сторожи половецкие,
4 — вежи.
5 — стада,
6 — «Голубой лес»,
7 — «Черный лес»,
8 — Соляной и Залозный пути (по К. В. Кудряшову),
9 — русские города и пункты, названные в летописи в связи с походами русских в степь:
1 — Киев,
2 — Переяславль
3 — Чернигов,
4 — Путивль,
5 — Новгород Северский,
6 — Курск,
7 — Холок (городище),
8 — Татинец,
9 — Торческ,
10 — Протолочи,
11 — Донец,
12 — Херсон,
13 — Сурож,
14 — Тмутаракань,
10 — Скопления половецких статуй,
11 — границы Половецкой земли и половецких союзов,
12 — границы лесостепи с лесом и степи с лесостепью

[69] ПСРЛ, т. II, стб. 558.
[70] *К. В. Кудряшов.* Половецкая степь, стр. 96—99.
[71] «Слово о полку Игореве». М.— Л., 1950, стр. 18.

ческого хана Кунтувдея и вместе с ним начал «часто воевати по Рси». Зимой они пришли на Рось и стали грабить поселения поросских городков. Возглавляли половцев, пишет летописец, ханы Итогды, Акуш и Кунтувдей. Русские с трудом отбили этот натиск. В 1193 г. Святослав и Рюрик решили заключить мир с половцами. Рюрик послал к лукоморским половцам и пригласил к себе в Канев двух ханов — тех же Тоглия и Акуша. Итак, в этой записи Тоглий и Акуш совершенно ясно названы лукоморскими ханами. Определить точное местоположение Лукоморья довольно трудно. Представляется весьма вероятным, что оно располагалось вдоль излучин («лук») берегов Азовского и Черного морей и в устье Днепра. В «Слове о полку Игореве» это предположение находит подтверждение в следующих строках, обращенных Ярославной к Днепру: «Ты лелеял еси на себе Святославли насады до плъку Кобякова» (видимо, Ярославна вспоминает поход 1184 г.— *С. П.*) [72]. Поскольку выше в том же «Слове» указывалось, что Кобяк — лукоморский хан, то, очевидно, Лукоморье, где кочевал этот хан, находилось действительно у Днепра, скорее всего, в его низовьях.

Можно проследить лукоморских половцев и по каменным статуям, которые были обнаружены в районе нижнего Днепра. Как правило, относятся они к развитому периоду половецкой скульптуры, т. е. исключительно ко второй половине XII — началу XIII в. (рис. 3). Следовательно, мы можем сделать вывод, что лукоморские половцы как отдельные объединения сформировались примерно в 70-х годах XII в.

Каменные изваяния, обнаруженные в Приднепровье, позволяют считать, что процесс образования там нового союза орд с определенными границами и постоянными зимовищами начался несколько раньше: примерно 15% приднепровских статуй относится к так называемому переходному типу, который, очевидно, можно датировать первой половиной XII в. Приднепровскому объединению XII в. предшествовал на этой же территории существовавший союз Боняка и Тогоркана, распавшийся или во всяком случае потерявший былую силу во второй период половецкой истории. В новое объединение, как и в прежнее (конца XI в.), входило несколько больших орд, кочевавших в приднепровских степях. Расположение этих орд прослеживается, как нам представляется, по скоплениям каменных статуй в разных районах Приднепровья [73].

Наиболее крупное скопление статуй было зафиксировано нами в междуречье Днепра и Волчьей (см. рис. 3). Здесь обитала, вероятно, орда Бурчевичей. В летописи об этой орде как о крупной половецкой политической силе упоминается в записи 1193 г. В ней сохранился подробный рассказ о попытке

---

[72] «Слово о полку Игореве», стр. 27.
[73] *С. А. Плетнева.* Половецкие каменные изваяния, рис. 3.

1 — самостоятельные походы половцев на Русь,
2 — походы половцев на Русь с русскими князьями,
3 — русские города:
1 — Киев,
2 — Переяславль,
3 — Чернигов,
4 — Римов,
5 — Путивль,
6 — Торческ,
7 — Растовец,
8 — Юрьев,
9 — Рот,
10 — Лтава,
11 — Баруч,
12 — Серебряный,
13 — Лукомльское городище,
14 — Дмитров,
15 — Товары,
16 — Корсунь,
17 — Василев,
18 — Вышгород,
19 — Чарторы,
20 — Галич,
21 — Каменск,
22 — Чурнаев,
4 — границы Половецкой земли и половецких союзов,
5 — границы лесостепи с лесом и степи с лесостепью

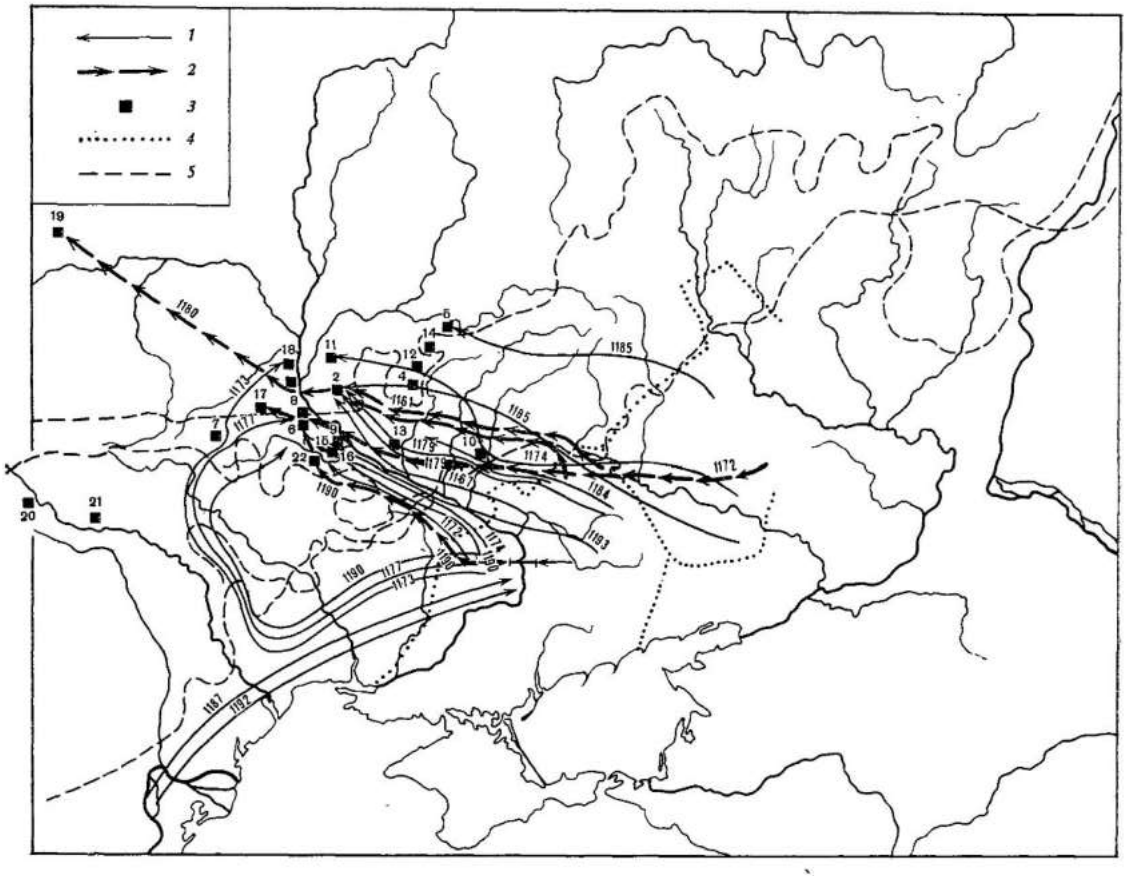


Рис. 6. Карта половецких походов на Русь в третий период

Святослава и Рюрика заключить мир с половцами. Рюрик послал послов к лукоморским половцам, а Святослав — к Бурчевичам — ханам Осолуку и Изаю[74]. О том, что Бурчевичи были приднепровцами, говорит тот факт, что оба упомянутых хана в 1184 г. были участниками боя на Угле (Орели), т. е. в Приднепровье. Ханы этой орды неоднократно попадали на страницы русской летописи. Еще в 1163 г. сестра Изая Беглюковича — «Белуковна» была выдана замуж за князя Рюрика Ростилавича, в 1169 г. Олег и Ярослав Ольговичи взяли вежи Беглюка, в 1185 г. в знаменитой битве Игоря Святославича с половцами участвовал Ельдечук из Вобурчевичей, взявший в плен Святослава Ольговича.

Очевидно, орда Бурчевичей была одной из самых влиятельных не только в Приднепровье, но и во всей Половецкой земле. Была она известна и восточным авторам. Ал-Мансури называет ее «Бурджоглы»[75]. По тюркски слово «Bori» означает «волк», а кочевья Бурчевичей, как мы предполагаем, находились на Волчьей. Вполне реальным представляется и другое предположение — орда Бурчевичей была связана с Боняком. Под 1097 г. летопись дает описание волхования Боняка: «...яко бысть полунощи... отъеха от рати и поча выти волчьски и отвыся ему волк и начаша мнози волци выти...»[76] Связь Боняка, соединяющего функции хана и жреца, с тотемом и покровителем — «волком» несомненна. Поэтому вполне вероятно, что «волки»— Бурчевичи были собственной ордой Боняка. У нас есть данные предполагать, что хан Боняк в конце своей жизни кочевал где-то на левобережье Днепра (в 1167 г.[77]).

Другое скопление статуй в Приднепровье находится у слияния Самары и Волчьей и в междуречье этих двух рек. О том, где стояли зимовища этой орды, можно судить по данным географии похода русских на половцев в 1187 г. Поход был организован зимой, когда в степях лежал «снег велик» и вежи и стада половецкие находились на Снепороде (Самаре) «и то изъимаша сторожи половецкие и поведаша вежи и стада половецкия у Голубого леса». К. В. Кудряшов доказал, что этот лес располагался как раз у слияния Самары с Волчьей[78].

Небольшая группа статуй зафиксирована нами в верховьях Орели. Там была, очевидно, самая крайняя (северная) орда приднепровских половцев. В 1183 г. Игорь Святославич, вос-

---

[74] ПСРЛ, т. II, стб. 675.

[75] *В. Г. Тизенгаузен.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 540—541.

[76] ПСРЛ, т. II, стб. 245.

[77] ПСРЛ, т. II, стб. 527. По самым скромным подсчетам, престарелому хану было в то время лет 90. В последнем бою Боняк был разбит, но не убит. Эта живучесть хана, может быть, послужила основанием для легенды о голове Буняки, которая даже отрубленная укатывалась с поля боя и продолжала уничтожать добрых христиан (*Кузмичевский.* Указ. соч.).

[78] *К. В. Кудряшов.* Указ. соч., стр. 100—102.

пользовавшись тем, что великий князь Святослав пошел в степь на половцев и последние стянули силы для обороны своих центральных кочевий, напал на периферийную орельскую орду, взял стоявшие за Мерлом (левый приток Ворсклы) вежи и ограбил их[79]. Это краткое сообщение — единственное свидетельство летописи, подтверждающее, что в «Заорелье», в непосредственной близости от русских границ кочевала половецкая орда.

Распространение каменных статуй не ограничивается этими тремя районами. Они в большем или меньшем количестве попадаются на всей территории Среднего Приднепровья: на левом берегу — от Орели до Конки, на правом — до Ингульца.

Вежи, стоявшие на «русской» (правой) стороне Днепра, неоднократно подвергались разграблению. Возможно, именно поэтому там, судя по малому количеству найденных каменных статуй, постоянных зимовищ было немного.

Перейдя пограничную р. Ингулец (Ивлю), русские дружинники попадали в половецкую степь и через два-три перехода (примерно 100 км) вплотную подходили к вежам. Как правило, русские брали вежи и стада в луке днепровской и поспешно возвращались с полоном на Русь. Так было зимой в 1190 и 1193 гг. В 1185 г., когда половецкие воины ушли в далекий поход на Византию, русские и берендеевы удальцы, возглавляемые Романом Нездиловичем, пограбили и заднепровские вежи, а в 1192 г., в аналогичной ситуации, русские князья Ростислав и Святослав с черными клобуками также намеревались направить свой удар на половецкий берег Днепра, но черные клобуки, подойдя к Днепру, узнали через лазутчиков, что за Днепром стоят вежи их «сватов» и отказались переправляться через реку. Князья с малой дружиной не решились продолжать поход и вернулись домой (рис. 5).

Большие походы в центральные районы приднепровских половцев обыкновенно тщательно готовились, возглавлялись великими князьями и преследовали определенные политические цели.

Приднепровские половцы были не только ближайшими и непосредственными соседями Руси, в их руках находился также южный степной кусок важного торгового пути «из варяг в греки». У порогов, близ Хортичева острова, купцы были особенно беспомощны, там-то и грабили их приднепровские половцы. Почти вдоль Днепра тянулся, по мнению К. В. Кудряшова, и Солоный путь, а по Днепро-Донецкому водоразделу (по границе между приднепровскими и донскими половцами) проходил Залозный путь[80]. Русские дружины должны были встречать «гречников»— купцов, торгующих с Югом и Византией, у порогов и проводить их из степи на Русь (например, в 1167 г.).

---

[79] ПСРЛ, т. II, стб. 633.

[80] *К. В. Кудряшов.* Половецкая степь, стр. 103—111.

Поход 1168 г. был организован русскими князьями потому, что половцы «греческий путь изотимають и Солоный и Залозный»[81]. Русские полки прошли через главные кочевья приднепровцев. Девять дней они шли по степи и на десятый захватили первые вежи, оставленные сбежавшими половцами. Из текста неясно, на каком берегу Днепра были эти вежи. Русские, оставив при награбленном добре Ярослава Всеволодовича, двинулись дальше — на Орель и на Орели («на Угле реце») снова взяли вежи, прошли в глубь степи, и следующие вежи были захвачены уже на Снепороде (Самаре), и, наконец, русские у Черного леса настигли половецкое войско и «притиснувше к лесу, избиша». Многие были взяты в плен, и только небольшая часть бежала за Оскол.

Упоминание Оскола помогает хотя бы примерно наметить местоположение Черного леса. Большой лесной массив, состоящий из смешанных пород леса и производящий действительно и в наши дни впечатление черного, находится на правом берегу Донца, напротив устья Оскола. Если вежи на Снепороде находились где-то в верхнем течении этой речки, то до Черного леса от них было всего 50—60 км. Разбитые у леса полки половецкие могли по лесным тропинкам пройти до Донца, переправиться через него и затем перейти на правый берег Оскола. По-видимому, вежи в верховьях Снепорода были последними «приднепровскими» вежами. Черный лес на берегу Донца был уже во владениях донских половцев. Русские князья не захотели продолжать свой поход, вероятно, потому, что тогда нужно было бы, находясь в центре враждебной степи, начать новый поход и столкнуться со свежими силами половцев восточной группировки.

Столь же разрушительным был русский поход 1183 г., когда девять князей с дружинами перешли «на ратную сторону» Днепра у Инжиря брода, встали на Орели (на Угле) и 30 июля встретились в бою с половцами[82]. Интересно, что с половецкой стороны тоже участвовало более десяти ханов, причем не только приднепровских, но и лукоморских (в частности, Кобяк с сыновьями). Половцы были разбиты, ханы взяты в плен, а Кобяк казнен.

Это была, несомненно, одна из самых крупных побед русского оружия в степи. Недаром ее с гордостью вспоминает автор «Слова о полку Игореве»[83]. Однако уже через три года, в 1187 г., великие князья «дуумвирата» — Святослав и Рюрик вновь сочли необходимым, воспользовавшись суровой снежной зимой и падежом скота у половцев, направить свой удар в сердце Приднепровья — на самарские вежи (у «Голубого леса»).

---

[81] ПСРЛ, т. II, стб. 538.
[82] ПСРЛ, т. II, стб. 631—633.
[83] «Слово о полку Игореве», стр. 18.

Несмотря на постоянные и успешные походы и набеги русских, приднепровские половцы не теряли политической активности. Об этом свидетельствуют, в частности, их походы в Византию в самом конце XII в. Правда, в этот период приднепровцы самостоятельно почти не нападали на русские княжества [84]. Нам представляется, что причина этому заключается в отсутствии у них сильного и дееспособного хана — организатора таких походов. Ни один из ханов орды Бурчевичей, ни Кобан, ни Бегбарс, ни Ирусобичи и Кочаевичи, упомянутые в летописи в 1190 г., не были достаточно крупными политическими фигурами, способными возглавить борьбу с Русью. Как правило, они принимали участие в походах и битвах, которыми руководили ханы других объединений — лукоморские Тоглий и Кобяк или знаменитый хан восточных (донских) половцев Кончак.

Донские половцы занимали бассейн среднего течения Северского Донца.

В то время как приднепровские половцы служили постоянной мишенью для ударов русских и черноклобуцких дружин, донские половцы жили в относительном спокойствии и безопасности. Летописец говорит всего о двух походах на донских половцев, причем оба они кончились неудачно для русских и оба возглавлялись Игорем Святославичем (1185 и 1191 гг.). Первый — поход 1185 г., завершившийся небывалым разгромом русского войска у речки Каялы.

Не будем разбирать подробно путь Игоря в степь. В настоящее время существует не менее десяти различающихся деталями вариантов этого пути. Обычно споры сосредоточиваются на локализации речек Сальницы и Каялы. Б. А. Рыбаков в 1971 г. предложил новую версию маршрута Игоря Святославича [85–86]. Он доказывает, что после Сальницы (район устья Оскола) Игорь двинулся не на восток — к Тору, как полагает Кудряшов, а в верховья Самары, точнее — в междуречье Самары и ее притока — речки Бык. Моя разведка в 1970 г. показала, что это один из самых сухих и безводных участков степи, а водные источники здесь нередко соленые.

В конце XII в. участок этот был, очевидно, необитаем, поскольку мы не зафиксировали в этом районе ни одной каменной статуи, тогда как в каких-нибудь 20—30 км от него находились крупнейшие скопления их как в Приднепровье, так и на Донце (см. рис. 3). Вот сюда-то, в пустой район и заманили половцы Игоря. Вежи, которые Игорь взял после легкого боя у Сюурлия, были, вероятно, подставными. Опьянен-

---

[84] С ними можно связать только небольшой набег на Переяславль в 1167 г., когда был взят в плен Шварн и дружина его побита (ПСРЛ, т. II, стб. 527).

[85–86] *Б. А. Рыбаков.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, стр. 218—256.

ные победой русские полки двинулись дальше в этот своеобразный котел, со всех сторон окруженный болотами или сильными половецкими группировками: с запада — приднепровскими, с востока — Кончака и Гзака. Перед боем, 27 апреля, сам Игорь говорил, что «собрахом на ся землю всю»[87]. Гибель русского войска была неизбежна.

Второй поход Игоря в степь, организованный в 1191 г., был направлен на Оскол. Он тоже окончился неудачей. Несмотря на зимнюю пору, половцы сумели отвести свои вежи в глубь степи. Русские, увидев перед собой не вежи и стада, а войско, отошли, не приняв боя.

Рассказ о походе 1185 г. представляет для нас особый интерес потому, что в нем названы многие орды и роды, объединенные Кончаком для этой битвы. По-видимому, большинство их кочевало на берегах Донца и его притоков и входило в «Донской союз». Помимо Гзака с сыном Романом соратниками Кончака были Токсобич, Колобич, Етебич, Тарьтробыч, Торголове, Улашевичи и Бурчевичи. Некоторые из них уже встречались нам ранее на страницах летописи. Таковы Токсобичи, которые были известны еще во второй период половецкой истории, и Бурчевичи, бывшие одной из самых сильных орд приднепровского объединения.

После победы и дележа добычи и пленных половцы разошлись «когождо во своя вежа»[88]. Локализация этих веж вряд ли возможна, хотя на Донце, как и на Днепре, прослеживаются компактные порайонные скопления каменных статуй (см. рис. 3).

Только благодаря подробному летописному повествованию о плепении и бегстве Игоря мы знаем, что вежи Кончака находились на Торе. Игорь, плененный Чилбуком из рода Торголове, был взят на поруки Кончаком и раненый отвезен к нему в вежи. Далее, договариваясь со своим сообщником Лавором о бегстве, Игорь просил его переехать с поводным конем «на ону сторону Тора»[89]. Ясно, что вежи стояли на правом берегу этой речки. В бассейне Тора обнаружено огромное количество половецких изваяний XI — начала XIII в. Подавляющее большинство их относится к интересующему нас периоду, т. е. к концу XII в.

Некоторые из них необычайны по тщательности отделки и художественному мастерству[90]. Можно сказать, что именно здесь был один из основных центров половецкого каменного искусства.

---

[87] ПСРЛ, т. II, стб. 642.
[88] Там же, стб. 644.
[89] Там же, стб. 651. Игорь приказал Лавору ждать его на той, обращенной к Руси стороне Тора, т. е. на его левом берегу.
[90] *С. А. Плетнева.* Половецкие каменные изваяния, табл. 27, 29.

Кончак, хозяин этого большого района, во второй половине XII в. стал самым «популярным» на Руси половецким ханом. В записи 1201 г. летописец сообщает краткую биографию его семьи. После побед Владимира Мономаха многие половцы оставили места привычных донских кочевий. В их числе был и хан Отрок, ушедший с ордой в Грузию. После смерти Владимира брат Отрока — Сырчан послал к нему послов, которые и уговорили хана вернуться на родину. Из Грузии Отрок привез жену — царевну Гурандухт и сына от нее, Кончака.

Летописец говорит о Кончаке как о могучем богатыре, «иже снесе Сулу, пешь ходя, котел нося на плечеву»[91]. В других местах летопись, упоминая о Кончаке, перечисляет массу бранных эпитетов: треклятый, окаянный, безбожный, кощей и пр. Эти-то эпитеты, употреблявшиеся кроме Кончака только в отношении Боняка, и свидетельствуют о его силе и стремлении постоянно грабить и разорять русские княжества.

Мы перечислили уже роды и орды, которые были объединены Кончаком для битвы с Игорем в 1185 г. В других записях он упоминается «с родом своим» (1172 г.), с братом Елтуком и двумя сыновьями (1180 г.), в союзе с лукоморцем Кобяком (1174, 1180 гг.) и с другими менее заметными ханами половецкими: Тотуром, Бякобой, Чугаем, Купачуком богатым (1180 г.), с Глебом Тирпеевичем (1183 г.). От его набегов страдали больше всего Переяславское княжество и Посулье, а с конца 80-х годов он перенес удары на Рось, грозя уже самому Киеву (см. рис. 6).

Это обстоятельство, как мне представляется, было свидетельством вновь возродившейся мощи восточных половцев, объединенных энергичным и сильным ханом Кончаком. Поход 1185 г. убедительно доказал всем, что победоносные глубинные походы на земли этих половцев, совершавшиеся когда-то Владимиром Мономахом, уже никогда не повторятся. Сила этого союза стала очевидна, а образование его в Подонье является, пожалуй, самым существенным изменением в политической географии степей XII в.

Русская летопись не дает нам материалов о половецких группировках, жизнь которых не была непосредственно связана с Русью. Поэтому об их существовании мы можем судить только по археологическим источникам, важнейшим из которых являются каменные изваяния.

Картографирование их показало, что наибольшее число статуй сосредоточено в степях вдоль северного берега Таганрогского залива. Совершенно очевидно, что здесь локализовалось сильное и богатое половецкое объединение. В «Слове о полку Игореве» одним из южных рубежей Половецкой земли названо «Поморие». Возможно, автор «Слова» имел в виду этот круп-

---

[91] ПСРЛ, т. II, стб. 716.

нейший союз, который мы можем, вероятно, условно именовать «поморским».

В нижнем течении Донца и частично по Дону обитала еще одна группа половцев. Она хорошо очерчивается по материалам каменных статуй (см. рис. 3 и 6). Мы знаем, что на месте Саркела — Белой Вежи вплоть до середины XII в. находилось зимовище половцев — поселок с глинобитными домиками [92]. Вблизи Белой Вежи и на нижнем Дону известны погребения половцев [93]. В летописи об этих половцах говорится дважды. Первый раз под 1116 г.: половцы бились с торками и печенегами у Белой Вежи, победили их и, видимо, частично изгнали на Русь, ставши после этого единоличными хозяевами Подонья, поскольку и русские обитатели Белой Вежи вынуждены были в 1117 г. уйти с Дона [94]. Город из форпоста русских в степи превратился в половецкое зимовище.

Следующая группа половцев, выделяемая по статуям,— предкавказская. Она довольно четко локализуется в Центральном Предкавказье не только по каменным статуям, но и по курганным материалам, датирующимся XII—XIII вв. [95] Русские не сталкивались с северокавказскими половцами, и потому из русских летописей мы ничего не можем получить для восстановления политической истории этого объединения.

Некоторые сведения по этому вопросу сохранились в грузинских летописях. Пользуясь этим источником, З. В. Анчабадзе [96] написал работу о половцах на Северном Кавказе, в которой приходит к заключению, что они появились там не позже конца XI в. После походов Владимира Мономаха в донецкие степи и отступления половцев количество их в Предкавказье увеличилось. Ясно, что 40 000 половцев во главе с ханом Отроком хотя и служили Давиду, но кочевали не в Грузии, где не было широких степных просторов, а в северокавказских степях. В Грузии же находилось всего 5000 половецких воинов — отборная гвардия царя.

Половецких статуй совсем не было в Западном Предкавказье, Среднем и Нижнем Прикубанье, на Таманском полуострове. В Тмутаракани, когда ее в начале XII в. покинули русские [97], очевидно, оставался какой-то небольшой половецкий

---

[92] *М. И. Артамонов.* Саркел — Белая Вежа.— МИА, № 62. М.— Л., 1958, стр. 84.

[93] *С. А. Плетнева.* Кочевнический могильник у Саркела — Белой Вежи.— МИА, № 109. М.— Л., 1963, стр. 258.

[94] ПСРЛ, т. II, стб. 284.

[95] *Т. М. Минаева.* К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным.— «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. 11. Ставрополь, 1964, стр. 167—196.

[96] *З. В. Анчабадзе.* Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI—XIV вв.— «Материалы сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов». Нальчик, 1960.

[97] *С. А. Плетнева.* Средневековая керамика Таманского городища.— В сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 70—71.

отряд. Тем не менее она для русских стала к концу XII в. «землей незнаемой».

Не было половецких статуй, а значит, и их веж на Керченском полуострове. Однако на основной территории Крыма их известно сравнительно много. Особенно заселенным половцами районом были степи восточного Крыма. О крымчаках упоминает автор «Слова»: вместе с тмутараканским болваном он перечисляет в числе южных рубежей «земли незнаемой» Корсунь (Херсон) и Сурож (Судак). Для крымских половцев это крайние южный и восточный пункты их расселения.

Из-за явной недостаточности письменных свидетельств о факте пребывания и постоянного кочевания половцев в Крыму в литературе почти не вспоминают. Между тем даже в середине XIII в., после утверждения в степях власти татар, Сурож — Судак — Солхат назывался «городом кипчаков» [98], а Вильгельм Рубрук в те же годы писал, что на огромной (в пять дневных переходов) крымской равнине, раскинувшейся севернее Керсоны и Солдайи, до прихода татар «жили команы и заставляли вышеупомянутые города... платить дань» [99].

Еще одна половецкая группировка находилась в междуречье Дона и Волги. Волга была восточным рубежом Половецкой земли. Каменные статуи (а значит, и основные места кочевок этой группы) встречаются в бассейне Дона, на Хопре и Медведице, однако были они и на Волге, и даже в Заволжье. Судя по тому, что статуй здесь сравнительно с более западными районами немного, населенность этой территории была незначительной (в XI—XII вв.). Об этом же свидетельствует и курганный материал: по данным Федорова-Давыдова, здесь было обнаружено всего семь половецких погребений XII в., в следующий же период зафиксировано в приволжских степях около сотни [100].

Тем не менее половцы на Волге, вернее, в междуречье Волги и Дона все же кочевали. Федоров-Давыдов считает возможным называть это объединение «Саксин», основываясь, в частности, на фразе Лаврентьевской летописи о том, что в 1229 г. саксины и половцы «возбегоша из низу к Болгаром перед Татарами» [101]. Нам кажется, что летописец очень четко отделяет половцев от саксинов. Последние были жителями города, возникшего, вероятно, на развалинах Итиля [102], жители его на-

---

[98] *В. Г. Тизенгаузен.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 25—26. То, что половцы жили в приморских торговых городах, подтверждается и созданием в одном из них в XIII в. знаменитого половецко-латинского словаря «Codex Cumanicus» «(Codex Cumanicus bibliothecas if Templum Divi Maric Venettarem». Budapestini, 1880).

[99] «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., 1957, стр. 88.

[100] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Кочевники Восточной Европы, стр. 146, 149, 154.

[101] ПСРЛ, т. I, стб. 192.

[102] *М. И. Артамонов.* История хазар. Л., 1962, стр. 445.

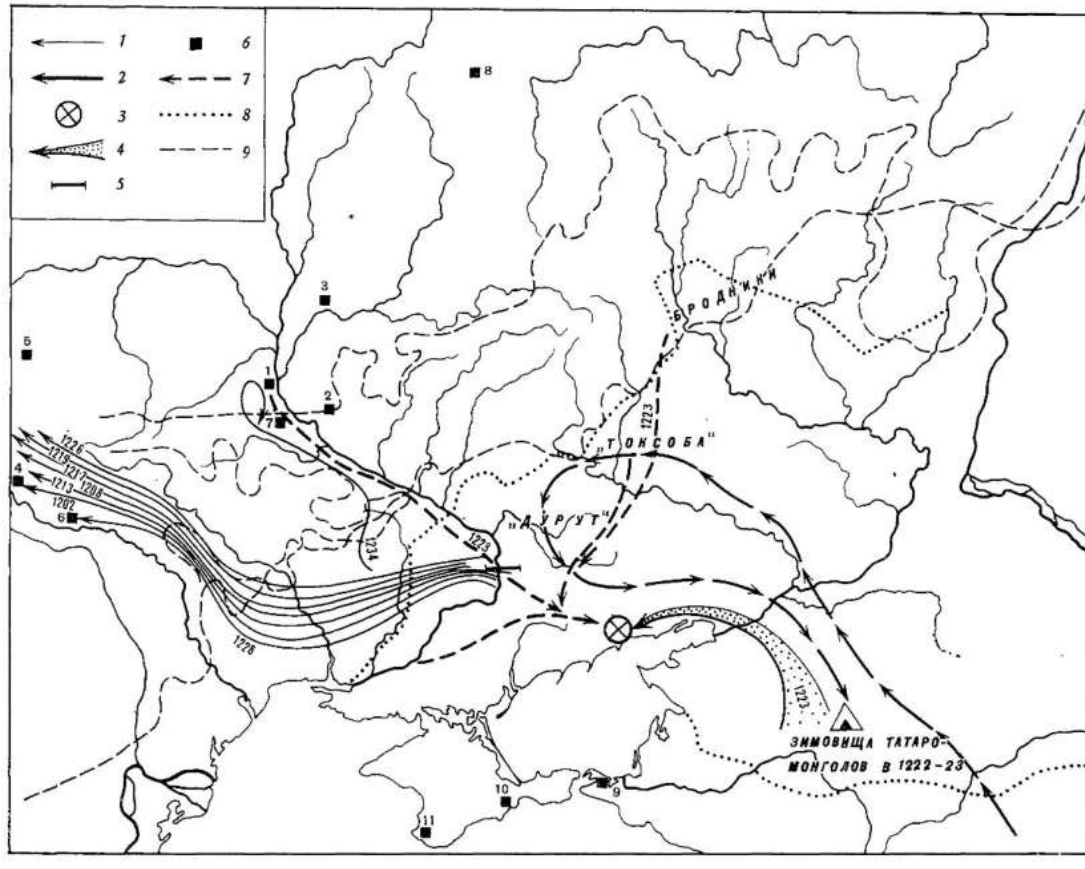


Рис. 7. Карта Половецкой земли в четвертый период

1 — походы половцев в союзе с русскими князьями,
2 — татаро-монголы в 1222 г.,
3 — битва на Калке,
4 — татаро-монголы весной 1223 г.,
5 — Протолочи,
6 — русские и крымские города:
1 — Киев,
2 — Переяславль,
3 — Чернигов,
4 — Галич,
5 — Владимир,
6 — Каменец,
7 — Звенигород,
8 — Козельск,
9 — Тмутаракань,
10 — Сурож,
11 — Херсон,
7 — совместный поход русских и половцев на татаро-монголов в 1223 г.,
8 — границы Половецкой земли,
9 — границы лесостепи с лесом и степи с лесостепью

зывались «саксины». Как в любом другом средневековом городе, окруженном кочевой степью, состав его жителей был пестрым: там были и половцы, и гузы, и хазары, и выходцы из множества других народов. Впрочем, вопрос о Саксине, как и вопрос об Итиле, еще ждет своего исследователя. Нам в приведенной летописной фразе интересно только то, что в низовьях Волги, поблизости от Саксина действительно жили половцы. И возможно, на этих половцев ходили в поход в 1205 г. князья рязанские и «взяша вежи их» [103].

Итак, изменения в географии Половецкой земли во второй половине XII в. заключаются в окончательном оформлении крупных половецких союзов — лукоморского, приднепровского, донского. В это же время образовались, вероятно, и другие союзы, о которых не говорится в летописи, а именно поморский, крымский, предкавказский, поволжский. Кроме того, к этому же времени относится и овладение половцами торговыми городами Крыма и Тамани, которые до этого были русскими и византийскими. Возможно, донские городки Шарукань, Балин, Сугров опустели не только из-за разорительных походов Владимира Мономаха, но и благодаря тому, что у половцев появились большие ремесленно-торговые города, в которых и оседали выделявшиеся из половецкой среды ремесленники. Мелкие городки, бывшие к тому же в опасном соседстве с русской границей, не могли, конечно, конкурировать с ними.

* * *

В конце 90-х годов XII в. начался четвертый период половецкой истории в южнорусских степях. Его отличительной особенностью является совершенное отсутствие военных стычек между русскими и половцами. Преобладающий вид общения, зафиксированный летописью,— участие половцев в междоусобицах.

Ареной братоубийственных войн накануне татаро-монгольского нашествия было Галицко-Волынское княжество (рис. 7). Русские князья, объединенные с половцами, ходили туда в 1202, 1208, 1219, 1226, 1235 гг. Что касается остальных русских земель, то последний раз половцы подошли к стенам Киева вместе с князем Изяславом в 1234 г. Окрестности Киева и Поросье были разорены. Все эти сообщения интересны для нас потому, что благодаря им становится очевидной, во-первых, нейтральность донских половцев в тот период относительно русских княжеств и, во-вторых, возросшая активность западных — приднепровских половцев.

В последний период половецкой истории, длившийся до 40-х годов XIII в., в степях произошло трагическое событие — пер-

---

[103] ПСРЛ, т. I, стб. 425.

вое нашествие татар «на землю половецкую». Татары в 1222 г. столкнулись с донскими и, возможно, приднепровскими половцами, возглавляемыми Юрием Кончаковичем, названным летописью «больший всих половец». Половцы не смогли противостоять татаро-монголам, бежали и «мнози избиени быша до реки Днепра». Ибн ал-Асир и Рашид-ад-Дин подробно рассказывают о первой встрече татар с предкавказскими половцами и соседними с ними аланами [104]. История эта многократно прокомментирована современными историками [105], поэтому я не буду подробно останавливаться на ней. Напомню только, что первое столкновение закончилось позорным предательством и отступничеством половцев и последующим жестоким разгромом их в своих вежах. Оставшиеся в живых половцы «убежали в страну русских, а монголы зимовали в этой области, сплошь покрытой лугами» [106].

Можно, конечно, этот рассказ совмещать с русским рассказом о приходе татаро-монголов на русскую землю, однако мне представляется, что восточные историки говорят о событиях, предшествующих событиям, описанным русским летописцем. Они рассказывают о предкавказских половцах (кстати, непосредственно соседящих с аланами), о которых летопись до этого не упоминает ни разу, поскольку русские не сталкивались с ними.

Описывая эти события под 1224 г., русский летописец пишет, что после того, как татары пограбили половецкие кочевья, они ушли в свои вежи. Где были зимой 1223 г. их вежи? Оба восточных автора пишут, что на землях половцев. Эти земли не могли быть на Дону и Днепре, так как именно они подверглись нападению татаро-монголов, которые оттуда и ушли в свои вежи. Нам кажется вполне реальным предположение, что вежи эти располагались в предкавказских степях, рядом с покоренными уже аланами.

Разбитые татарами половцы пришли на Русь с просьбой помочь им в борьбе против новых кочевников, захватывающих их земли. При этом они добавляли: «...мы ныне иссечены быхом, а вы наутре иссечени будете». В результате русские князья решили выступить против татар и в апреле подошли к Днепру, к броду у Протолочи, которым неоднократно пользовались в своих прежних походах в степь, так как решили встретиться с татарами на половецкой земле: «луче ны бы есть прияти я на чужой земле, нежели на свой» (см. рис. 7). Туда же, к Протолоче подошли и половцы — «вся земля Половецкая». Видимо, в битве участвовали и западные и восточные половецкие объединения. Недаром, судя по данным Воскресенской

---

[104] *В. Г. Тизенгаузен.* Указ. соч., т. II. М.— Л., 1941, стр. 32—33; *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей, т. I, ч. 2. М.— Л., 1952, стр. 229.

[105] См., в частности: «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. II. М., 1966, стр. 39—40.

[106] *В. Г. Тизенгаузен.* Указ. соч., стр. 33.

летописи, к ним примкнули даже крайние северо-восточные обитатели половецкой степи — бродники [107].

Перейдя Днепр, русские и половцы встретили сторожевые разъезды татар и разбили их, а затем, через восемь дней пути, на речке Калке столкнулись с основными силами татар. Исследователи помещают Калку в Приазовье, полагая, что это один из притоков Калмиуса — Кальчик [108]. Предположение это вполне согласуется с тем, что татары зимовали в Предкавказье, а к весне начали движение на северо-запад, захватывая при этом весенние кочевья половцев с выгоднейшими рыбными азовскими угодьями.

После калкинского поражения донские и приднепровские половцы, возглавляемые Юрием Кончаковичем, по существу были уничтожены. Оставшиеся там разрозненные небольшие орды и роды не играли уже никакой роли в истории русских княжеств. Между собой они нередко жестоко враждовали, о чем есть сообщения в восточных источниках, в частности у Ан-Нувайри [109], в рассказе которого говорится о военном столкновении и о кровной вражде между ордами (группами) Токсоба и Дурут. О Токсобичах мы знаем, что они кочевали где-то на берегах среднего Донца, что же касается «племени» Дурут, то из того же рассказа следует, что ханом его был Котян. Хан Котян трижды (под 1202, 1226 и 1228 гг.) упоминается в русской летописи [110]. Все три раза Котян ходил со своими полками в западные походы, сражаясь с галичанами и ляхами. Последнее обстоятельство, может, по-видимому, служить косвенным доказательством, что хан Котян кочевал в сравнительной близости от Киева, скорее всего, в приднепровских степях.

Рассказ Ан-Нувайри о Токсобичах и Дурут — единственное свидетельство того, что половцы жили еще в бассейнах Дона и Днепра после калкинского разгрома.

В середине 30-х годов XIII в. кончилась власть половцев над южнорусскими степями. Летопись уже не говорит о них, но из восточных источников мы знаем об упорной борьбе половцев с татаро-монголами [111]. Какие-либо подробности географии Половецкой земли в то время по письменным источникам нам неизвестны. Ясно только, что покоренные половцы остались на прежних местах — в своих кочевьях, войдя в состав Золотой Орды. О перемещениях, совершавшихся в половецкой степи в

---

[107] ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 132.

[108] *К. В. Кудряшов.* Половецкая степь, стр. 69—71.

[109] *В. Г. Тизенгаузен.* Указ. соч., т. I, стр. 541.

[110] Под 1202 г. вместе с Котяном упоминается еще его брат — Сосогоур, и оба они названы с отчеством — Сутоевичи (ПСРЛ, т. II, стб. 717).

[111] *Б. Д. Греков, Л. Ю. Якубовский.* Золотая Орда и ее падение. М.— Л., 1950, стр. 57—59; *Г. А. Федоров-Давыдов.* Кочевники Восточной Европы..., стр. 228—235.

конце XIII и в XIV в., стало известно благодаря исследованиям Г. А. Федорова-Давыдова, проследившего на археологическом материале откочевку значительного количества половцев в Поволжье [112].

Итак, рассмотрев сведения летописи о половцах в XIII в., мы можем, по-видимому, утверждать, что донское объединение половцев, находившееся уже под наследственной, переходившей от отца к сыну (а не по обычаю левирата — от дяди к племяннику) властью Юрия Кончаковича, начало уже к 1224 г. складываться в раннефеодальное кочевническое государство, аналогичное Хазарскому каганату VIII в. Возможно, что к этому объединению присоединились и приднепровские половцы.

На протяжении почти 200 лет половцы, кочующие в южнорусских степях, прошли путь от первой стадии кочевания ко второй, а кое-где они перешли даже на полуоседлый — третий способ кочевания (например, дикие половцы). Одновременно с изменениями в экономике менялись и общественные отношения: родовой строй отмирал, в его недрах прикрытый древними обычаями зарождался феодализм. Все эти процессы протекали в непосредственной близости и под непосредственным воздействием сильного и цивилизованного земледельческого соседа — Руси. Как мы видели, даже периоды половецкой истории вполне правомерно было связывать с историей взаимоотношений половцев с Русью.

---

[112] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Кочевники Восточной Европы..., стр. 150—163, рис. 22, 23.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею.
АИ	— Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией.
АП	— Археологічни пам'ятки УРСР
ВГ	— Вопросы географии.
ГВНП	— Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Подг. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова и др. Под ред. С. Н. Валка. М.— Л., 1949.
ГВ	— Губернские ведомости.
ДАИ	— Дополнения к актам историческим.
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.
ЖМВД	— Журнал министерства внутренних дел.
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения.
ЗОРСА	— Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИАК	— Известия Государственной российской археологической комиссии.
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук.
КСИА	— Краткие сообщения института археологии АН СССР.
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР.
ЛЗАК	— Летопись занятий Археографической комиссии.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
НПЛ	— Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии.
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности.
ПИ	— Проблемы источниковедения.
ПВЛ	— Повесть временных лет, ч. 1—2. М., 1950.
ПРП	— Памятники русского права.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей, изданное Археографической комиссией.

Працы, т. I — Працы катэдры ахеолёгіі Беларускай АН 1928.

Працы, т. II — Працы археолёгічнай камісіі Беларускай АН, 1930.

Працы, т. III — Працы сэкцыі археолёгіі Беларускай АН, 1932.
РИС — Русский исторический сборник.
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества.
СА — Советская археология.
САИ — Археология СССР. Свод археологических источников.
СЭ — Советская этнография.
Труды АС — Труды Археологических съездов.
Труды ГИМ — Труды Государственного Исторического музея.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР.
УІЖ — Український історичний журнал.
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
S. K. — Seminarium Kondakovianum.

СОДЕРЖАНИЕ

	ПРЕДИСЛОВИЕ	3
П. П. Толочко.	КИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ	5
А. К. Зайцев.	ЧЕРНИГОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО	57
М. П. Кучера.	ПЕРЕЯСЛАВСКОЕ КНЯЖЕСТВО	118
А. В. Куза.	НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ	144
Л. В. Алексеев.	ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ	202
В. В. Седов.	СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ	240
С. А. Плетнева.	ПОЛОВЕЦКАЯ ЗЕМЛЯ	260
	СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	301

Древнерусские княжества
X—XIII вв.

Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР

Редакторы издательства
В. Е. Древлянский, Г. Д. Капустина
Художник *В. К. Бисенгалиев*
Художественный редактор *В. А. Чернецов*
Технический редактор *Л. В. Каскова*
Корректоры *Е. Н. Белоусова,*
М. В. Борткова

Сдано в набор 11/XI 1974 г.
Подписано к печати 20/VI 1975 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 2
Усл. печ. л. 19. Уч.-изд. л. 21,8
Тираж 7500. Т-10533. Тип. зак. 1375.
Цена 1 р. 52 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

СПИСОК ОПЕЧАТОК И ИСПРАВЛЕНИЙ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
10	13 св.	город	год
26	21 св.	1164 г.	1167 г.
34	22 сн.	1777 г.,	1177 г.,
77	25 сн.	в 80-х годах	в конце 70-х годов
78	1—2 св.	Владимиром Киевским и Святополком	Владимиром и киевским Святополком
86	18 сн.	и князьями,	и киевлянами,
88	5 св.	в 1159 г.	в 1153 г.
151	23 св.	вон	води
233	13 сн.	1115 г.	1151 г.
236	15 сн.	городом	годом
291	9 св.	Ирусобичи	Урусобичи

«Древнерусские княжества X — XIII вв.»